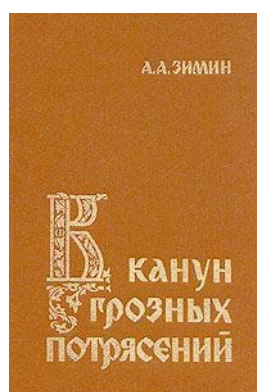

А. А. Зимин

**В канун грозных потрясений:
предпосылки первой крестьянской войны в России
(авторское название - Путь к власти)**

Книга советского историка А. А. Зимина (1920-1980) посвящена последней четверти XVI в. - времени экономического и политического кризиса, в который ввергла Россию опричина. Глубокое знание эпохи и источников, ее отразивших, позволило автору ярко осветить путь Бориса Годунова к власти, проанализировать закономерности формирования феодальной формации в России и проследить развитие предпосылок первого массового антифеодального движения начала XVII в.
Для историков, специалистов смежных наук, а также широкого круга читателей.

От автора - 5
Опричное наследие - 7
Конец ливонской войны - 44
Последние годы Грозного - 81
Московские восстания 1584 и 1586 гг. - 104
Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов - 153
Упрочение власти - 183
Восшествие на престол (Земский собор 1598 г.) - 212
Заключение - 234
Послесловие - 241
Примечания, источники и литература - 246
Список принятых сокращений - 293
Указатель имен - 301

М., Мысль
1986

От автора

Настоящая книга завершает цикл работ автора, посвященных общественно-политической истории России XV—XVI вв. Это было время, когда Россия, освободившись от многовекового ордынского ига, вступила на порог нового времени. Единое Русское государство стало тогда полноправной державой в сообществе европейских и ближневосточных стран.

К концу XV в. завершился процесс восстановления страны после ужасного по своим последствиям Батыева нашествия, а иго золотоордынских ханов было окончательно свергнуто. Русские земли объединились в это время в единое государство, сохранив значительные черты феодальной обособленности. В основном закончился процесс внутренней колонизации страны. Началось освоение земель за ее пределами, а внутри государства развитие направилось вглубь. Обеспечение основных условий жизни растущего населения требовало теперь совершенствования техники сельского хозяйства и ремесла.

Бурный экономический подъем и рост городов в первой половине XVI в. во второй его половине сменился невиданным до того экономическим кризисом и аграризацией многих старинных городских центров. Запустение Центра и Северо-Запада в это время соседствовало с экономическим оживлением окраин, особенно на юге и юго-востоке страны. Провозглашенное Судебником 1497 г. право крестьян на выход в Юрьев день было подтверждено Судебником 1550 г., но затем ограничено указом 1597 г. о пятилетнем сыске беглых, а составленные в 80-90-х годах писцовые и переписные книги становились основанием крестьянской крепости. Как показал Н. Е. Носов, развитие экономики в направлении складывания предпосылок капиталистического развития наталкивалось на крепостнические тенденции. Рост денежной ренты сопровождался увеличением барщинных повинностей.

Шестнадцатое столетие в истории России было переломным. Никогда еще до того борьба нового и старого не была столь яростной и всесторонней. Два пути намечались [5] в политическом развитии страны. Утверждение начал сословно-представительной монархии и постепенная ликвидация политической обособленности земель скомканы были опричным деспотизмом Ивана IV и расчленением страны на государев «удел» и земщину. На смену небывалым взлетам русской культуры и свободомыслия конца XV — середины XVI в. пришли клерикальная реакция и средневековая схоластика.

Все эти противоречия, раздиравшие русское общество, вырвались наружу в начале XVII столетия, и грандиозная гражданская война потрясла все сословия России, как бы подводя итоги блестящему, но трагедийному веку.

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена истории России послеопричной поры. В последнюю четверть XVI в. обострился глубокий социально-политический кризис, который наметился в предшествующий период. Энергичные меры, предпринятые правительством Бориса Годунова, позволили только на время смягчить кризис, но не могли обеспечить его преодоления, ибо они проводились за счет усиления феодально-крепостнического гнета. Россия шла к Крестьянской войне, охватившей всю страну в начале XVII в., когда народ — главный герой книги — сказал свое решающее слово.

Заканчивая цикл книг, объединенных темой «Россия на пороге нового времени», автор просит читателя учитывать, что отдельные его звенья писались на протяжении 20 лет. За истекшие 60-70-е годы взгляды автора по ряду важных вопросов претерпели существенные изменения. Особенно выделяется из общей концепции книга «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960), написанная еще тогда, когда автором не был сформулирован основной его тезис о существовании политического развития России XVI столетия как времени борьбы с пережитками феодальной раздробленности. Прагматический подход к истории России XV—XVI вв. наиболее отчетливо выражен в книгах «Россия на пороге нового времени» (М., 1972), «Россия на рубеже XV — XVI столетий» (М., 1982. — *Ред.*) и в этой заключительной книге цикла. [6]

Опричное наследие

В 1572 г. в России произошло долгожданное событие: царь Иван Грозный ликвидировал деление страны на опричнину и земщину. Запрещено было даже упоминать слово «опричнина».¹⁾ Но что это означало? Произошла ли полная ликвидация опричных порядков, или речь шла о простом камуфляже и опричнина под названием «Двор» продолжала существовать до самой смерти царя Ивана?²⁾ Реформа 1572 г. ликвидировала многие стороны опричной системы. Возвращались на старые пепелища многие лица, выселенные в опричные годы. Опричный корпус, руководители которого (кн. М. Черкасский, А. и Ф. Басмановы, кн. А. Вяземский) погибли в начале 1570 г., слился с земским. Однако прежнее окружение царя теперь концентрировалось в «государевом Дворе», опираясь на систему дворцовых учреждений и дворовое войско, сохранявших явные черты опричной поры.

Боярская дума к началу 1573 г. состояла из 15 бояр и 6 окольничих. Шестеро бояр (кн. Ф. М. Трубецкой, кн. С. Д. и П. Д. Пронские, кн. Н. Р. Одоевский, кн. В. А. Сицкий, И. А. Бутурлин) входили ранее в опричнину, девять — были земскими (кн. И. Ф. Мстиславский, кн. М. И. Воротынский, Н. Р. Юрьев, кн. И. П. Шуйский, П. В. и М. Я. Морозовы, И. В. Шереметев Меньшой, кн. П. А. Булгаков, кн. А. И. Ногтев). Все шестеро окольничих [7] (Н. В. Борисов, Д. А. Бутурлин, В. И. Умной-Колычев, В. Ф. Ошанин, кн. Д. И. Хворостинин и кн. О. М. Щербатый) ранее входили в опричнину.³⁾ Дума была расколота.

Как показали последующие события, Грозный не склонен был отказываться от опричных методов управления, и прежде всего от террора. Да и возвращение земель земским людям не было осуществлено последовательно. Словом, значительные следы опричного наследия сохранились. Вопрос и заключался в том, какое направление политики в трудных условиях хозяйственной разрухи и Ливонской войны изберет царь: пойдет ли он по пути полного искоренения пережитков опричной разобщенности и утверждения порядков сословно-представительной монархии, намечавшихся в середине XVI в., или предпочтет воскресить систему опричного деспотизма?

В 1572 г. в Новгороде царь писал завещание, ощущая полное свое одиночество, в состоянии растерянности и смятения духа.⁴⁾ Оно отразилось и на всей его политике первых лет после отмены опричнины. Грозный находился как бы на распутьи. Он чувствовал себя окруженным одними врагами, всерьез подумывал о бегстве за море (в Англию) и принялся за строительство флота в Вологде, ради чего приехал туда весной 1573 г.⁵⁾ Царь начал прислушиваться к нашептываниям всяких иноземных авантюристов типа доктора-шарлатана Елисея Бомелия, заявляя во всеуслышание о недоверии к подданным. В начале сентября 1572 г. он распорядился постричь в монахи четвертую жену — Анну Колтовскую.⁶⁾

Внешнеполитическая обстановка в первые послеопричные годы складывалась для России благоприятно. Блистательная победа кн. М. И. Воротынского над Девлет-Гиреем при Молодях в 1572 г. привела к временному спокойствию на южных границах. В 1573 г. казаки разгромили столицу Большой Орды Сарайчик. И только в земле «луговой и горной черемисы» (мари и чувашей) волнения продолжались. Зимой 1572/73 г. туда были посланы войска во главе с кн. Н. Р. Одоевским.⁷⁾ В целом же безопасность южных и восточных рубежей на время была обеспечена, и можно было вплотную заняться затянувшейся Ливонской войной.

Благоприятствовало этому и положение дел в Речи Посполитой. В июне 1572 г. умер Сигизмунд II Август. Наступило бескорольевье, обострившее распри между польской

шляхтой и литовской знатью (разнонациональными [8] группами населения, принадлежавшими к тому же к разным вероисповеданиям). Среди польской и литовской шляхты популярностью пользовалась кандидатура Ивана IV. Опасаясь избрания Грозного на престол, «государев изменник» кн. А. М. Курбский пишет в Литве свою «Историю о великом князе Московском», в основном законченную к лету 1573 г. Она должна была предостеречь польско-литовских шляхтичей и знать от избрания в короли такого изверга, каким князь Андрей рисовал царя Ивана.⁸⁾

Речь Посполитая была крайне заинтересована в продолжении трехлетнего перемирия с Россией, срок которого истек в июле 1573 г. В сентябре 1572 г. в Москву прибыл литовский гонец Ф. Воропай. Он привез от панов-рады не только сообщение о смерти польского короля, но и просьбу продлить перемирие. В ответ Иван IV впервые заявил о своем желании вступить на польский престол.⁹⁾ Возможно, ему были известны настроения шляхты. Литовские магнаты всеми средствами стремились к тому, чтобы выиграть время, необходимое для решения вопроса о преемнике Сигизмунда-Августа. Лицемерно говоря о желательности для них русской кандидатуры, на самом деле они являлись решительными ее противниками.

Воспользовавшись сложившейся обстановкой, Иван IV 21 сентября 1572 г. отправляется в Новгород, предполагая нанести удар по шведским владениям в Прибалтике. 3 декабря он уже в г. Яме, а 27 декабря подошел к Пайде. Эта крепость была взята 1 января 1573 г. При штурме Пайды гибнет Малюта Скуратов, с именем которого народная память связала самые темные страницы опричнины. В ливонском походе принимали участие касимовский царевич Саин-Булат Бекбулатович и датский принц Магнус (в 1570 г. был провозглашен в Москве королем Ливонии под верховной властью русского царя), что придавало всей военной акции широкий размах. Из Пайды 6 января Грозный написал шведскому королю Юхану III «бранное» послание в ответ на его грамоту, в которой тот сетовал на действия царя. Иван IV отказался отвечать на упреки короля, так как тот якобы писал свое письмо «лаем», а «кровь большая проливаетца, — добавлял он, — за нашу вотчину Лифлянскую землю да за твою гордость».¹⁰⁾

Дальнейших успехов в Ливонии Ивану IV достичь не удалось. Только разве что Магнус взял небольшой город Каркус. Саин-Булата с войсками послали к городам [9] Лиговери, Коловери и Колывани (Таллину). Во время осады Коловери был убит боярин кн. И. А. Шуйский, а воеводы кн. И. Ф. Мстиславский и боярин М. Я. Морозов ранены. Войско также понесло значительный урон.¹¹⁾ После возвращения Саин-Булата в Новгород (14 марта) царь принял решение возобновить мирные переговоры со Швецией. К Юхану III отправлен был гонец В. Чихачев. Однако шведы задержали его, объясняя это тем, что Иван IV все еще не отпускал на родину шведское посольство епископа Павла.¹²⁾

24, 25, 28 февраля и в начале марта 1573 г. в Новгороде Иван IV принимал польско-литовское посольство во главе с М. Гарабурдой. Послы должны были выяснить, согласен ли Иван IV отпустить сына Федора на великое княжение в Литву и будет ли тот соблюдать литовские вольности.¹³⁾ К предложению послов царь отнесся настороженно: не ясны были ни степень его реальности, ни условия предполагавшегося избрания, а отдавать (в виде компенсации) Полоцк, как предлагали послы, царь не собирался. Вместе с тем идею продолжить перемирие между Речью Посполитой и Россией он разделял. Решительно возражал он против избрания Генриха Анжуйского, предпочитая, если уж на то пошло, видеть польским королем сына союзного с ним императора Максимилиана II. Впрочем, именно Генриха как раз и избрали королем весной 1573 г. В Москву же было направлено новое посольство во главе с Андреем Тарановским.

Стремясь упрочить свое влияние на «ливонского короля» Магнуса, Иван IV 12 апреля 1573 г. выдает за него замуж дочь Владимира Старицкого Марию.¹⁴⁾ Одновременно ее брату Василию возвращается последний удел их отца — город Дмитров. Но в следующем году Василий умирает.¹⁵⁾ Власть Магнуса в его буферном королевстве была номинальной. Распространялась она всего на два небольших города — Каркус и Оберпелен. Грозный не собирался передавать ему свои приобретения в Ливонии. Это, конечно, вызывало неудовольствие его нового родича.

В мае 1573 г. опала постигла назначенных в полки «на берегу» (Оки) трех видных деятелей бояр кн. М. И. Воротынского, кн. Н. Р. Одоевского и М. Я. Морозова.¹⁶⁾ М. И. Воротынский, по Курбскому, обвинялся в том, что хотел «очаровать» (околдовать) царя и для этой цели держал при себе колдуний. Князя подвергли страшным пыткам на медленном огне, но он так ни в чем и не [10] признался. Его отправили в заточение на Белоозеро, но по дороге 12 июня он умер. Н. Р. Одоевский был замучен: «срачицу (рубашку. — А. З.) его прозникнувши, в перси его» стали «тамо и овамо торгати». М. Я. Морозова схватили в Москве до приезда на службу в Серпухов и казнили с женой и двумя сыновьями.¹⁷⁾

Истинные причины казни трех военачальников остаются невыясненными. Не исключено, что их заподозрили в измене и сговоре с крымским ханом. Ведь известно было, что Девлет-Гирею путь на Москву в 1571 г. указали русские изменники. И несколько лет спустя Иван IV продолжал расследование дела о возможной измене бояр в пользу Крыма. В том же 1573 г. опала постигла оставленного в Пайде среди других воевод окольного В. Ф. Ошанина и, очевидно, новгородского архиепископа Леонида.¹⁸⁾

С казнью Воротынского, Морозова и Одоевского, вероятно, связано проникнутое ненавистью к боярам и княжатам послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь от 23 сентября 1573 г. В нем он желчно издевался над тем, что старцы поставили церковь «над Воротынским», а над «чюдотворцем (Кириллом. — А. З.) нет». Особенно негодует царь по поводу И. В. Шереметева (Большого), постригшегося в монахи: «Шереметев сидит в келии, что царь», а ведь «все благочестие погибло от Шереметевых». Мало того, Шереметевы, посылая своих людей в Крым, наводят на Русь «бусурман». ¹⁹⁾ Поводом для этого упрека, возможно, послужило то, что брат Ивана Большого Иван Меньшой Шереметев вместе с казненными боярами летом 1573 г. возглавлял рать «на берегу» (Морозов и Воротынский были воеводами большого полка, а Одоевский и И. В. Шереметев Меньшой — передового).²⁰⁾

Летом 1573 г. границу пересекло польско-литовское посольство А. Тарановского и Ф. Воропая. 12 июля в Новгороде послы были приняты Грозным и сообщили царю об избрании Генриха Анжуйского. Отказ от обсуждения русской кандидатуры они пытались объяснить тем, что представители Ивана IV не прибыли на избирательный сейм. Тарановский прозрачно намекал, что если Генрих не прибывает в Польшу в назначенный срок, то вопрос об избрании короля может быть пересмотрен. Все эти объяснения Грозный милостиво принял. Возобновлять войну с Речью Посполитой сейчас ему не представлялось возможным. Военные действия даже с одной Швецией были неэффективны, а на востоке не прекращались волнения [11] черемисов. Поэтому старания шведского посла епископа Павла не допустить замирения России с Речью Посполитой успехом не увенчались. Грозный пошел на заключение годичного перемирия, которое давало Речи Посполитой кратковременную передышку, а самому Ивану IV возможность урегулировать шведские и черемисские дела и уяснить дальнейший ход событий в Польше. В ситуации в Речи Посполитой должно было разобраться посольство М. В.

Колычева, отправленное туда 15 июля. Ему же поручалось изложить условия избрания царя на польский престол.²¹⁾

Одновременно (31 июля) в Вену к императору Максимилиану II Грозный посылает гонца Скобельцына с сообщением, что царь поддерживает идею передачи польской короны Габсбургам и предлагает срочно прислать к нему послов для заключения между ними союза.²²⁾ 6 сентября в Швецию с мирными предложениями отправлен был новый гонец — В. Пивов, но и он был задержан по тем же причинам, что и его предшественник В. Чихачев.²³⁾

Вскоре решена была черемисская проблема. В сентябре «на рязанские места» приходили «крымские люди», стремясь, очевидно, поддержать черемисов. 6 сентября принят был «приговор» о походе в Среднее Поволжье, а 6 октября в Муром были отправлены крупные вооруженные соединения во главе с кн. И. Ф. Мстиславским «для черемисы луговые и нагорные». Узнав о готовящемся походе, черемисы принесли в Муроме присягу на верность. Поход был отменен.²⁴⁾ Чтобы упрочить позиции в беспокойном Поволжье, решено было построить там новые города и остроги, которые должны были стать опорными пунктами военной администрации и одновременно центрами экономической жизни края. В грамоте от 9 февраля 1574 г. черемисам Чебоксарского уезда Иван IV писал, что они «били нам челом всюю Казанскою землею за свои вины». Царь их простил, но распорядился приписать черемисские волости к будущим городам и острогам, на строительство которых они должны были возить лес.²⁵⁾ В апреле 1574 г. посланы были В. Власьев и А. Есипов «ставить» Кокшайский город (в устье Кокшаги, впадающей в Волгу).²⁶⁾ То была первая ласточка большого градостроительства в Поволжье, развернувшегося в 80-е годы.

Тем временем из Речи Посполитой поступили сведения о прибытии туда короля Генриха. Но не успел царский гонец Ф. Е. Ельчанинов добраться до границы, как стало [12] известно, что в ночь с 18 на 19 июня 1574 г. король сбежал из Кракова во Францию, где умер его брат король Карл IX. Генрих пустился в путь, чтобы занять французский престол, а в Речи Посполитой наступило очередное бескорольевье.

Весной 1574 г. ходили слухи о возможном вторжении крымских татар, поэтому «на берегу» приходилось держать значительные силы. Осенью под Печерниковыми Дубравами действительно появлялись отряды крымцев и ногайцев. Полки кн. Б. Серебряного без труда справились с опасностью. Подходили татарские отряды и под Нижний Новгород.²⁷⁾ Но Крым был занят набегами на Польшу, предпринятыми по указанию султана, и вторжение небольших отрядов крымцев в русские земли не представляло существенной опасности.

20 августа Грозный написал грамоту английской королеве Елизавете, которую передал ее гонцу Даниилу Сильвестру. В ней выражалось неудовольствие деятельностью на Руси английских купцов. Но главная причина раздражения царя состояла, по словам гонца, в том, что королева не возобновила переговоров о взаимном предоставлении убежища в случае необходимости.²⁸⁾

В августе Иван IV принимал в Старице и послов Речи Посполитой В. Завадского и М. Протасовича, сообщивших ему о бегстве Генриха. Послам удалось добиться продления перемирия до Успеньева дня 1576 г.²⁹⁾ Иван IV внимательно следил за ходом дел в Польше. Ф. Е. Ельчанинов, прибывший в Варшаву 7 сентября, должен был регулярно сообщать о перспективах русской кандидатуры на польский престол. Побывавший у Ивана IV шляхтич К. Граевский (ездивший в Москву по торговым делам) по возвращении

в Речь Посполитую изложил условия, на которых соглашался царь на избрание польским королем. Он якобы настаивал на соединении России с Польшей под властью одного монарха, с тем чтобы трон потом перешел к его потомкам из рода Рюриковичей.³⁰⁾

Летом 1574 г. на Русь прибыл молдавский господарь Богдан Александрович, изгнанный из своей страны османами.³¹⁾ Он был пожалован г. Лух, ранее принадлежавшим кн. И. Д. Бельскому. Владел Богдан и Тарусой. Впрочем, реальная власть там осуществлялась Грозным.³²⁾ В 1577 г. Богдан умер.

В декабре 1574 г. в Москву прибыли послы императора Максимилиана II Магнус Паули и Грегор Десфалус [13] с очередным предложением заключить антиосманский союз. 25 декабря в Александровскую слободу вернулся отпущенный шведами гонец В. Пивов (Чихачев к тому времени умер).³³⁾ Для заключения мира со Швецией было решено послать В. А. Сицкого, но его посольство с отъездом задержалось.

В 1573—1574 гг. в составе придворной знати происходили перемены, оказавшие значительное влияние на ход событий. Из Думы выбыли бояре кн. М. И. Воротынский, М. Я. Морозов и кн. Н. Р. Одоевский, казненные в 1573 г.; тогда же попал в опалу окольниковый В. Ф. Ошанин. К весне 1573 г. боярином стал кн. В. Ю. Голицын, а весной 1575 г. — его брат князь Иван. В 1573 г. с боярским званием упоминается Б. Ю. Сабуров, отец первой жены наследника престола Ивана Ивановича,³⁴⁾ а к осени того же года — В. И. Умной-Колычев, носивший до того звание окольникового. В 1572/73 г. окольниковым сделался кн. П. И. Татев, к весне 1574 г. — кн. Б. Д. Тулупов, к августу — Д. И. Годунов (возможно, в связи с предстоящим браком Ирины Годуновой и царевича Федора), а к январю 1575 г. — В. Г. Колычев.³⁵⁾

В январе 1575 г. царь женился в пятый раз. Его супругой стала Анна Васильчикова из семьи мелких детей боярских, служивших по Кашире и вошедших в опричную среду. В 1573/74 г. Назарий и Григорий Васильчиковы получили поместья в Шелонской пятине. Хотя свадебный разряд относится к 7083 г., т. е. к сентябрю 1574 — августу 1575 г., эту датировку можно сузить. На свадьбе присутствовал М. В. Колычев, отправленный 30 января 1575 г. на шведский рубеж, где он и умер незадолго до 25 мая. Поэтому церемония бракосочетания не могла состояться позднее 30 января 1575 г. Р. Г. Скрынников датирует ее сентябрем — октябрем 1574 г. (в рождественский пост, т. е. после 14 ноября, совершать свадьбы не полагалось). Более убедительно мнение Л. М. Сухотина, считавшего, что брак царя с Анной состоялся в январе 1575 г. (не ранее 7 числа). По О. А. Яковлевой, это произошло (согласно традиции заключения церковных браков) между 9 января и 3 февраля того же года.³⁶⁾ Сразу же после свадьбы Грозный женит и царевичей Ивана и Федора. Первая жена Ивана была пострижена в монахини, и наследнику в супруги выбрали дочь рядового рязанского сына боярского М. Т. Петрова-Солового.³⁷⁾ [14]

Свадьба царя была особенной. На ней отсутствовал цвет титулованной московской знати из старой земщины, зато широко было представлено ближайшее окружение царя, преимущественно из состава бывших опричников. Это прежде всего многочисленные Колычевы во главе с боярином Василием Ивановичем Умным и окольниковым Василием Григорьевичем.³⁸⁾ Умной находился в зените славы. Весной 1573 г. он присутствовал на свадьбе Магнуса, а в июле вел весьма деликатные и ответственные переговоры о кандидатуре Ивана IV на польский престол; в январе 1574 г. расследовал дело о «крымской измене» и вел переговоры с крымским послом. Влиятельным лицом был и Г. Г. Колычев, возглавлявший в начале 1573 г. Стрелецкий приказ и, как дворовый человек, получавший большой оклад (200 руб.).³⁹⁾

На свадьбе царя присутствовал и окольный кн. Б. Д. Тулупов — по словам англичанина Джерома Горсея, «большой фаворит в те времена». На торжествах были и его племянники, дети вяземского дворового сына боярского В. И. Тулупова: Андрей, Иван и Никита Владимировичи. Они часто упоминаются в разрядах начала 70-х годов, а Андрей и Никита принадлежали ко Двору Грозного, получая небольшие оклады (25 и 17 руб.).⁴⁰⁾ Иное дело — сам Борис Давыдович. В фавор он вошел после отмены опричнины. Его сестра вышла замуж за царского шурина Г. А. Колтовского летом 1572 г. В 1571 г. князь только голова в походе, в 1571/72 г. — голова, едущий «с самопалы» за государем, в 1572/73 г. в походе на Пайду — голова в государевом полку (назван первым среди голов). Но уже в марте 1573 г., как дворовый человек, Борис Давыдович получал второй по величине оклад (500 руб.). Весной 1574 г. он стал окольным, а в январе 1575 г. вместе с А. Ф. Нагим вел переговоры с цесарским гонцом.⁴¹⁾

В свадебном разряде 1575 г. упоминаются Алексей Михайлович и Федор Васильевич Старого (Милюковы). Иван Яковлевич Старого и Борис Годунов были тогда друзьями царя. Милюковы-Старого — опричная семья.⁴²⁾

К 1573—1574 гг. относится возвышение Годуновых. Вопрос об их происхождении требует дополнительных разысканий. Легенда, занесенная в Летописную, Румянцевскую, Патриаршую и Разрядную редакции (начало XVII в.) родословных книг, гласит: «В лето 6838 прииде (в Румянцевской — «приехал») из Орды ко князю Ивану [15] Даниловичю князь именем Чет, а во крещение имя ему Захарья. А у Захарья сын Олександр». Второй вариант легенды (дошел в списках третьего извода Разрядной редакции начала XVII в.) вводит в текст митрополита Петра и сообщает, что Чет пришел «из Большой Орды».⁴³⁾ Оба варианта легенды отсутствуют в Государеве родословце 1555 г. и в близких к нему родословцах (в 43 главы и в 81 главу). Здесь Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы производят себя от Дмитрия Зерна (сына Александра Захарьича). В Типографской летописи родословие начинается с Константина Дмитриевича Зернова.⁴⁴⁾ Голландский купец Исаак Масса в начале XVII в. писал, что Годуновы — «род татарского происхождения». С. Б. Веселовский считал, что Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы происходили от костромского вотчинника Дмитрия Зерна.⁴⁵⁾ Но, исходя из того что в Синодике их родоначальником назван все же Захарий, он датировал легенду концом XV в. и связал ее с Костромским Ипатьевским монастырем.

Аргументация С. Б. Веселовского может считаться убедительной не во всех звеньях. Он рассматривал различные варианты родословия без тесной связи с историей их составления, отдавая предпочтение Государеву родословцу, который, согласно исследованиям М. Е. Бычковой, представляет собой не начальный этап составления родословных книг, а одно из звеньев в длительной истории их сложения. Отсутствие в нем легенды о выезде Чета находится в тесной связи с другими подобными же пропусками (в частности, нет в нем и легенды о происхождении Воронцовых-Вельяминовых) и отражает не первоначальную структуру родословий, а их редакторскую обработку в середине 50-х годов XVI в. С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что мурза Чет, выехавший якобы на Русь в 1329/30 г., не мог этого сделать при митрополите Петре, так как тот в декабре 1325 г. умер. Но сообщение о выезде Чета при Петре является позднейшим развитием легенды, отсутствующим в ее первоначальном варианте. Исходя из того что Константин Дмитриевич Зернов подписывал в 1406 г. духовную грамоту Василия I, С. Б. Веселовский полагал, что Захарий (Чет) должен был бы жить во второй половине XIII в. и не мог, следовательно, выехать на Русь при Иване Калите. К тому же в 1304 г. на Костроме был убит Дмитрий Зерно.⁴⁶⁾

Мы бы не стали столь придирчиво относиться к легенде. Конечно, дата выезда Чета и соотнесение ее с [16] княжением Калиты относительны. Родословная память сохранила только предание о выезде предка Годуновых из Орды когда-то на заре образования Московского княжества и привязала его к широко известному Ивану Калите... Ведь в конце XV в. он считался основателем Московского княжества, а составитель Краткой редакции «Задонщины» вложил в уста Дмитрия Донского слова о русских князьях как о «гнезде Калиты». К признанию существования исторических корней в легенде о Чете склоняет и то, что родоначальники отдельных ветвей его потомков носили татарские прозвища (Годун, Сабур).⁴⁷⁾

У внука Дмитрия Зерна Ивана Годуна было два сына: Григорий и Дмитрий. Ветвь, шедшая от последнего, видного положения при дворе не занимала. Григорий был отцом шестерых сыновей: Василия Большого, Петра, Ивана, Григория, Данилы, Василия Меньшого. Оба Василия и Григорий умерли бездетными, а потомство тверича Данилы ничем себя не проявило. На рубеже XV—XVI вв. Петра испостили в Новгороде. Карьера его не блистала яркими событиями. У старшего сына Петра — Афанасия был сын Яков, ставший опричником.⁴⁸⁾ Дети второго сына Петра — Василия (Степан, Григорий и Иван) достигли многого, ставши боярами.⁴⁹⁾ У Ивана Григорьевича Годунова было четверо сыновей: Иван Чермный, Федор Кривой, Дмитрий и бездетный Василий. Трое первых в середине XVI в. служили дворовыми детьми боярскими по Вязьме,⁵⁰⁾ возможно, там владел землями и их отец. Иван Чермный рано (в 1559 г.) умер и ничем не прославился.⁵¹⁾ Его старший сын Федор стал опричником, но в 70-е годы сошел со сцены.⁵²⁾ Почти ничего не известно о братьях Ивана — Федоре и Василии.⁵³⁾ Федор Иванович Кривой, судя по прозвищу, вряд ли мог успешно продвигаться на военной службе. Очевидно, он рано умер.

Третий из сыновей Ивана Григорьевича Годунова — Дмитрий сделал блестящую карьеру. В 1567, 1571/72 и 1572/73 гг. он ходил «за постелью», а к весне 1574 г. получил чин окольничего. В августе 1574 г. Д. И. Годунов местничал с боярином В. И. Умным-Колычевым. Конец дела отсутствует, но, судя по всему, Годунов должен был выиграть у полуопального боярина. В 1571 г. Д. И. Годунов присутствовал на свадьбе Ивана IV с Марфой Собакиной.⁵⁴⁾

У Федора Кривого было трое детей: Василий, Борис и дочь Ирина. Юность у Бориса Федоровича была, наверно, [17] трудной. Родился он около 1549 или 1552 г.⁵⁵⁾ Отец не мог способствовать его продвижению по лестнице чинов. Старший брат поступил было в опричнину (Вязьма была опричной территорией), но вскоре после лета 1571 г. умер от морового поветрия. Приходилось пробивать путь самому. С ранних лет Борис понял, что дворовые интриги дают куда больше, чем ратные подвиги. Понял и то, что до поры до времени нужно держаться в тени, используя сильных покровителей. В литовском походе 1567 г., когда его дядя Дмитрий Иванович был постельничим, Борис еще стряпчий, но уже опричник, а это значило многое. В конце 1570 г. он с двоюродным братом Федором били челом на кн. Ф. В. Сицкого. Решение было, что «тот поход Борису и Федору немест[н]о для князя Федора Ситцкого». ⁵⁶⁾ Эта крупная местническая победа стала возможной потому, что Сицкий был братом жены опального Ф. А. Басманова. В походе Борис был рындой «у рогатины», а его двоюродный брат шел «с другим саадаком». Победа в местническом споре, очевидно, обуславливалась и тем, что Борис женился на одной из дочерей царского любимца Малюты Скуратова.⁵⁷⁾ Женщины играли большую роль в судьбе Бориса Годунова. На заре своей деятельности он вошел в опричное окружение молодых вязьмичей, соседей-землевладельцев, которые начинали играть заметную роль в последние опричные годы. Это Б. Я. Бельский, князья И. М. Глинский, Шуйские и далеко не молодой Малюта Скуратов.

Отец Бориса к началу 70-х годов, наверно, умер. В марте 1572 г. Борис дает сельцо Прискоково в Плесском уезде в Ипатьев монастырь не с ним, а с дядей Дмитрием Ивановичем. Вдова Ф. И. Годунова с Борисом в 1575/76 г. дали в монастырь еще одну деревеньку.⁵⁸⁾ В майском походе 1571 г. Борис сам идет «с другим саадаком», но у царевича Ивана. В 1571 г. Борис с братом Василием и дядей Дмитрием участвовали в церемонии бракосочетания Грозного с Марфой Собакиной. В новгородском походе 1571/72 г. Борис снова при царевиче «с копьем», как и в походе на Пайду в конце 1572 — начале 1573 г.⁵⁹⁾

На свадьбе царя в январе 1575 г. присутствовали наряду с Д. И. Годуновым Борис с женой Марией, кузеном Федором Ивановичем и дальним родичем Никитой Васильевичем. Борис пользовался явной благосклонностью царя. Он назван «дружкой» его и мылся в «мыльне» с государем и другими царскими любимцами — Б. Я. [18] Бельским, Никитой Васильчиковым (братом царицы), а также с Ф. В. Старого. Пройдет всего несколько месяцев, и двое из четырех любимцев царя попадут в опалу. После женитьбы царевича Федора на сестре Бориса Годунова Ирине⁶⁰⁾ положение последнего при дворе упрочилось.⁶¹⁾

Кроме Годуновых, Тулуповых и Колычевых расположением царя пользовался и А. Ф. Нагой, вернувшийся 29 ноября 1573 г. из десятилетнего пребывания с посольской миссией в Крыму. Афанасий Федорович происходил из семьи, связанной со старинными традициями дворцовой службы (отец его в 1533 г. был ловчим, но к 1547 г. дослужился до чина окольного). Двоюродная сестра Афанасия Евдокия в 1549 г. была выдана замуж за Владимира Старицкого, но вскоре (в 1557 г.) умерла.⁶²⁾ Дети от брака князя Владимира с Нагой не были казнены Грозным вместе с их отцом,⁶³⁾ а одна из его дочерей (Мария) в 1573 г. стала женой принца Магнуса. Еще в Крыму (в 1571 г.) Афанасий Федорович стал опричником. По приезде на Русь А. Ф. Нагому пожаловали титул дворянина Ближней думы. Он участвовал в важнейших дипломатических переговорах: в январе 1575 г. — с имперскими гонцами, в марте в Старице — с литовскими гонцами, в июле — с датскими послами, в январе 1576 г. — с цесарскими, в октябре — с крымскими и в ноябре — с польскими.⁶⁴⁾

Дипломатической службой деятельность А. Ф. Нагого не ограничивалась. В разрядах 1576—1579 гг. он обычно встречается не в составе думных дворян, а как дворовый воевода. Это было рангом выше. Ведь вместе с ним дворовыми воеводами числились в 1576—1577 гг. и боярин кн. Ф. М. Трубецкой, а в 1579 г. Трубецкой и Н. Р. Юрьев.⁶⁵⁾ В январе 1574 г. А. Ф. Нагой в связи с розыском по делу о «крымской измене» сообщал боярской комиссии сведения о людях кн. И. Ф. Мстиславского. В январе 1575 г. он присутствовал на свадьбе Ивана IV. Горсей его знал как «умного и благородного дворянина».⁶⁶⁾ Старший брат Афанасия Федор Федорович Нагой появился в разрядах в начале 60-х годов, но до ликвидации опричнины ничем не выделялся. Затем в 1575/76, 1577, 1579 гг. он упоминается как окольный (был «в окольных»). Возможно, в 1576 г. Ф. Ф. Нагой выиграл местнический процесс у В. Г. Зюзина, которому также «сказано» было окольность.⁶⁷⁾ Но до младшего брата ему было далеко. [19]

На свадьбе Ивана Грозного в 1575 г. присутствовали Б. Я. Бельский и его родичи. Бельские⁶⁸⁾ принадлежали к числу неродовитых детей боярских, владения которых, как и некоторых Годуновых, располагались в Вязьме. Племянник Малюты Скуратова-Бельского Богдан Яковлевич к 1570 г. появился в опричнине. По словам папского нунция Антонио Поссевино, Богдан в течение 13 лет жил у Грозного в спальне, что позволяет отнести приближение молодого Бельского к концу 60-х годов. Вероятно, уже на заре своей деятельности Богдан Яковлевич поддерживал дружеские связи с зятем Малюты Скуратова

Борисом. В 1571 г. на свадьбе царя и Собакиной он вместе с Борисом Годуновым упомянут «в государеве мыльне» (как и в 1575 г.).⁶⁹⁾

В походе 1571/72 г. и в походе на Пайду 1572/73 г. Богдан Бельский служил рындой «с рогатиной», но, как дворовый человек, в марте 1573 г. получал большой оклад (250 руб.). В 1574 г. в серпуховском походе он с братом Певежею ходил уже «с шеломом» Грозного, как и в походах весной 1576, 1577, 1579 гг. Одновременно (в 1576 г.) Богдан Яковлевич стал думным дворянином, а к январю 1578 г. — оружничим.⁷⁰⁾

Наконец, на свадьбе царя в 1575 г. присутствовали и князья Шуйские — боярин Иван Петрович, а также В. Ф. Скопин-Шуйский и братья Василий, Дмитрий и Андрей Ивановичи. По словам английского посла Джильса Флетчера (1589 г.), В. И. Шуйский «почитается умнее своих прочих однофамильцев», а князь Андрей — «за человека чрезвычайно умного». Этого нельзя было сказать о В. Ф. Скопине-Шуйском, который более знатен, чем способен «для советов». И. П. Шуйский — «человек с большими достоинствами и заслугами».⁷¹⁾

Шуйские были, пожалуй, единственными представителями княжеской аристократии на торжественном бракосочетании царя 1575 г. (если не считать временщика кн. Б. Д. Тулупова). Объясняется этот, казалось бы, странный факт близостью их к опричной среде. Отец Василия, Дмитрия и Андрея Шуйских Иван Андреевич, очевидно, входил в состав опричников. В 1572 г. он погиб. Князь Дмитрий был женат на одной из дочерей Малюты Скуратова. Все это были молодые люди. Старшему из братьев Шуйских — Василию в 1574 г., когда он появился в разрядах, исполнился всего 21 год. Женат он был на дочери кн. М. П. Репнина. В Дворовой тетради из всех названных [20] Шуйских упоминался только Иван Петрович, ставший боярином в год смерти Ивана Андреевича. Летом 1576 г. он судил местническое дело Ф. Ф. Нагого с В. Г. Зюзиным.⁷²⁾ Пока же остальные Шуйские ничем особенно не выделялись из аристократического круга Двора государя.⁷³⁾ Но в июле 1575 г. Василий и Андрей Шуйские получили поместье в Шелонской пятине Новгорода, очевидно, из фонда земель, конфискованных у лиц, попавших в опалу.⁷⁴⁾

Ближайшее будущее должно было показать, какой из групп фаворитов удастся победить и завоевать первенствующее положение при дворе.

Не успели окончиться брачные торжества, как в январе 1575 г. из Новгорода к Кольвани, Пернову, Гапсалу (Апсалу), Лиговери и Коловери были двинуты войска во главе с Н. Р. Юрьевым и кн. Аф. Шейдяковым. Грозный рассчитывал, возможно, на то, что успешная «военная акция сделает шведского короля более уступчивым и подтолкнет его к заключению мира. Однако поход затягивался. Только после подхода войск Симеона (Саин-Булата) Бекбулатовича и Михаила Кайбулича 9 июля удалось взять Пернов.⁷⁵⁾ В начале 1575 г. Магнус взял г. Салис. Этим дело и ограничилось.

В начале 1575 г. начались споры Ивана IV с датским королем Фредериком II из-за ливонских крепостей Гапсала, Лодена и Леалья. Они вызваны были тем, что Фредерик II взял названные крепости под свое покровительство. Весной датский король послал ко двору Грозного своего секретаря Эйзенберга. 7 июля состоялись переговоры Эйзенберга в Старице, которые вели А. Нагой и дьяк В. Щелкалов. Царь твердо стоял на своем, но вместе с тем изъяслял дружеские чувства к датскому королю.⁷⁶⁾

29 ноября 1575 г. и 29 января 1576 г. Грозный принимал английского гонца Даниила Сильвестра. Королева Елизавета была прежде всего заинтересована в развитии русско-английской торговли.⁷⁷⁾ В Россию из Англии поступали тогда сукна, боеприпасы,

хлопчатобумажные ткани, а вывозились сало, лен, пенька, воск, меха, корабельный лес. Но на этот раз переговоры не были доведены до конца. На обратном пути из Москвы в Холмогорах Сильвестр был убит ударом молнии.

После того как Генрих Валуа не вернулся в Польшу к назначенному сроку (12 мая), конвокационный сейм приступил к обсуждению новой кандидатуры на польский престол. Снова дебатировался русский вариант. В августе [21] 1575 г. на смену Ельчанинову в Речь Посполитую послан был Л. З. Новосильцев. Ему поручено было передать грамоту царя, в которой изъявлялось желание сохранить и впредь мирные отношения с Речью Посполитой. Он вез с собой и «речи» по поводу возможности избрания на польский престол царя. Все это повторил и русский гонец, прибывший на сейм, открывшийся в Варшаве 7 ноября 1575 г. Царь выражал готовность соблюдать мир, но сохранял за собой право вести особые переговоры о Ливонии. Он предлагал прислать для переговоров посла, но не «большого», а «меньшого».⁷⁸⁾ Неуступчивый тон посланий Грозного разрушил иллюзии шляхты, которая не склонна была поступиться Ливонией, и охладил ее и без того не очень пламенные симпатии к Ивану IV. Польская аристократия провозгласила королем императора Максимилиана II, а шляхта — семиградского воеводу Стефана Батория, за спиной которого отчетливо вырисовывалась фигура султана.

Словом, положение в Польше оставалось неопределенным. Установилось затишье и на южных границах России. Отношения Османской империи и Крыма с Речью Посполитой обострились, и крымскому хану было не до военных действий против русских. Летом 1575 г. атаман А. Веревкин с товарищами взял городок Ислам-Кермень. Иван IV находился в августе в Калуге, ожидая возможного набега крымцев. Но крымский хан, стоявший на Молочных Водах, узнав о том, что царь пришел с войсками в Калугу, повернул обратно в Крым.⁷⁹⁾

Тем временем в России происходили события, напоминавшие самые черные годы опричнины. Судя по записи Синодика Ивана Грозного и другим источникам, казнены были фаворит царя Б. Д. Тулупов с родичами (Андреем и Никитой Владимировичами и Владимиром), В. И. Умной, А. М. и Ф. В. Старого, М. Т. Плещеев, Ф. М. и С. М. Сумбуловы, Я. Д. Мансуров, Г. А. и А. К. Колтовские. По словам Горсея, кн. Б. Д. Тулупов, «будучи уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью, был посажен на кол».⁸⁰⁾ Английский дипломат передает официальную версию причин казней.

Дата казней устанавливается приблизительно. В январе 1575 г. Б. Д. Тулупов принимал участие в дипломатических переговорах. На свадьбе Ивана Грозного присутствовали и он, и Ф. В. и А. М. Старого, и В. И. Умной-Кольчев. В 7083 г., т. е. в сентябре 1574 — августе 1575 г. [22] были конфискованы старицкая вотчина Б. Д. Тулупова село Неверово и шелонские поместья В. И. Умного. При этом село Неверово передано было Борису Годунову. Возможно, в предвидении печального конца В. И. Умной сделал в мае 1575 г. вклад на помин души в Троице-Сергиев монастырь. В январе туда же сделал вклад А. М. Старого. В ноябре 1572 г. М. Т. Плещеев получил поместье в Шелонской пятине. Дворяне Ф. М. и С. М. Сумбуловы упоминаются в апрельских разрядах 1574 г. Я. Д. Мансуров был помощником постельничего Д. И. Годунова в походе 1573 г. Итак, казни произошли после мая 1575 г., скорее всего 2 августа, когда «поминались» Б. Д. Тулупов и братья Ф. И. и В. И. Умные.⁸¹⁾

Казненные принадлежали к государеву Двору, сформированному из бывших опричников. Гибель Колтовских — родственников постриженной в монахини очередной жены Грозного⁸²⁾ — не может удивлять. Р. Г. Скрынников связывает «с судьбой Умного» и судьбу родичей пятой жены Грозного Анны Васильчиковой на том основании, что Г. Б. и

Н. Б. Васильчиковы в апреле 1575 г. (примерно в одно время с Умным) сделали поминальный вклад в тот же Троице-Сергиев монастырь. На наш взгляд, основание недостаточное. Во всяком случае еще в марте 1575 г. Анна оставалась царицей. По наблюдениям О. А. Яковлевой, она скончалась в конце декабря 1576 — начале января 1577 г.⁸³⁾

Об истинных причинах казней достоверных сведений нет. Общую картину тех лет рисует Горсей: «...царь жил в постоянном страхе и боязни заговоров и покушений на его жизнь, которые он раскрывал каждый день, поэтому он проводил большую часть времени в допросах, пытках и казнях, приговаривая к смерти знатных военачальников и чиновников, которые были замешаны в заговорах».⁸⁴⁾ В январе 1574 г. у боярских холопов хотели под пыткой дознаться: «...кто ж бояр наших нам изменяют: Василей Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславской, князь Федор Трубецкой, князь Иван Шюйской, Пронские, Хованские, Шереметевы, Хворостинины, Микита Романов, князь Борис Серебряной».⁸⁵⁾ Допрос вел В. И. Умной, в скором времени сам казненный. Пострадал и кн. Б. Д. Тулупов. Обвинение «в измене» было трафаретным. Скорее всего Грозный испугался роста влияния некоторых временщиков и поспешил одним ударом расправиться с ними. Тулупов был обречен еще и потому, что приходился [23] свойственником родни одной из неудачных жен царя (Колтовских). Р. Г. Скрынников писал: «Совершенно очевидно, что столкновение придворных клик и партий завершилось победой той группировки, которая настояла на возврате к политике крутых мер».⁸⁶⁾ Но ничего неизвестно о позициях тех «группировок», которые уцелели после казней 1575 г.

Сразу после этой расправы Иван IV возводит на престол великого князя всея Руси Симеона Бекбулатовича («сажал на царство Московское царя Семиона Бекбулатовича и царским венцом венчал в Пречистой»). Летописи вторят и разряды: «...в осень посадил государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси на великое княжение на Москве великого князя Симеона Бекбулатовича». Джером Горсей, как и имперский посол Даниил Принц, писал, что Грозный «передал ему (Симеону. — А. З.) свой титул и корону и, отделяясь от своих полномочий, короновал его, но без торжественности и без согласия своих вельмож». Себя же Грозный стал именовать «Иванцом Московским» и перешел на своеобразное положение правителя, имевшего черты полуудельного владыки. 30 октября 1575 г. царь написал униженную челобитную Симеону.⁸⁷⁾ Грозный демонстративно подчеркивал величие новоявленного монарха и свое приниженное положение: сам он «ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех. А бояр себе взял немного, а то все у Семиона. А как приедет к великому князю Семиону, и сядет далеко, как и бояря, а Семион князь велики сядет в царьском месте». Поселился Симеон «на Взрубке за Встретением», а Иван «на Неглинною... на Орбате против Каменного мосту старово».⁸⁸⁾

Выбор Симеона Бекбулатовича имел длительную предысторию. Еще Василий III породнился с татарским царевичем Куйдакулом Ибреимовичем, прямым потомком основателя Казанского ханства Улу-Мухаммеда. Куйдакул был крещен в декабре 1505 г., получив при этом имя Петра. В январе 1506 г. его женили на сестре Василия III. Для прочности связей с Москвой 28 декабря 1505 г. он дал запись в верности великому князю всея Руси. Царевич Петр (или, как его стали называть, «зять» Василия III) сразу же обособился от других татарских царевичей, но не вошел в среду братьев государя и отдельного удела не получил. Он пользовался особым покровительством великого князя Василия. Петр был братом двух казанских «царей»: [24] Мухаммед-Эмина и Абдул-Летифа. Их мать Нур-Салтан после смерти своего супруга Ибреима вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея.⁸⁹⁾ Таким образом, царевич Петр находился в самых тесных

родственных связях с правящими кругами Казани и Крыма и занимал важное место в далеко идущих восточных планах Василия III. Но не только в них.

До 1530 г. у Василия III не было сына, и перед великим князем неминуемо должен был встать вопрос о том, кому передать престол, а вместе с тем и дело сплочения воедино всех русских земель. В конце 1509 г., «едучи в Новгород и Псков», Василий III написал первый вариант духовной, которую он «велел сжести» во время предсмертной болезни 1533 г.⁹⁰⁾ Кто был назван наследником в этом завещании? Старший из братьев Василия III — Юрий? Но именно в 1509 г. отношения с ним великого князя были резко неприязненными. Возможно, они обострились после перехода Иосифо-Волоколамского монастыря под великокняжеский патронат (ведь значительная часть земель монастыря находилась в Рузском уделе кн. Юрия). Передача великокняжеского престола младшим братьям в обход Юрия означала бы невиданное нарушение старинных традиций, да и не меняла ничего по существу. Думается, наследником престола Василий III хотел сделать царевича Петра.

Петр Ибреимович входил в состав ближайшего окружения Василия III. Во время псковского похода 1510 г. он и малолетний Андрей Старицкий сопровождали великого князя (вместе с близким к Василию III коломенским владыкой Митрофаном и симоновским архимандритом Варлаамом, будущим митрополитом всея Руси). Братья великого князя Юрий, Дмитрий и Семен оставлены были в уделах. Незадолго до этого (в декабре 1509 г.) выпущен был «из нятства» (заточения на Белоозере) и пожалован Юрьевцем Абдул-Летиф. В декабре 1512 г. в первом смоленском походе царевич Петр непосредственно сопровождает великого князя и вместе с ним возглавляет большой полк, Юрий — полк правой руки, Дмитрий — левой, В. Стародубский и В. Шемячич — передовой и Федор Волоцкий — сторожевой полки. Это достаточно четкая картина иерархии удельных княжат и «слуг» при великокняжеском дворе. Во время второго и третьего (1513 и 1514 гг.) походов на Смоленск именно Петр оставлен вместо великого князя в Москве. И это не было [25] случайностью. Во время нашествия Мухаммед-Гирея (1521 г.), когда Василий III бежал в Микулино, в Москве также был оставлен царевич Петр. Это показывает полное доверие государя к своему зятю. На следующий год после грозного набега Мухаммед-Гирея Василий III отправился в Коломну, где решено было организовать оборону от нового вторжения крымских войск. В 1522 г. в Москве снова оставался царевич Петр.⁹¹⁾

В марте 1523 г. царевич умер. Вероятно, в связи с его смертью в июне 1523 г. Василий III возвращается к своему завещанию и, в частности, составляет «приписной список», в котором назначает душеприказчиком митрополита Даниила (поставлен на митрополию 27 февраля 1522 г.).⁹²⁾ Но и этого мало. Пришлось снова задуматься о наследнике престола. Именно в связи со смертью царевича Петра, очевидно, и встал вопрос о втором браке государя. Словом, гипотеза о том, что наследником Василия III был вплоть до смерти царевича Петр, позволяет объяснить тот парадоксальный на первый взгляд факт, что и сын Василия III Иван Грозный назначил крещеного татарина Симеона Бекбулатовича «царем» всея Руси.⁹³⁾

У царевича Петра были две дочери: одна (Анастасия) в 1529 г. отдана была в жены князю Ф. М. Мстиславскому, другая (тоже Анастасия) в 1538 г. стала супругой князя В. В. Шуйского.⁹⁴⁾ Так виднейшие княжеские фамилии породнились с династией Калиты. Возможно, в 1529 г., судя по крестоцеловальной записи Ф. М. Мстиславского, Василий III предполагал сделать его, как и Петра, своим наследником. Если такой план существовал, то рождение в 1530 г. у великого князя сына должно было снять с повестки дня его реализацию.

Сделав в 1575 г. Симеона Бекбулатовича великим князем всея Руси, Грозный, так же как и Василий III, выдвинул в качестве своего возможного преемника крещеного татарского царевича. При этом он выдал за него замуж дочь кн. И. Ф. Мстиславского Анастасию.⁹⁵⁾ Она была внучкой Анастасии, дочери царевича Петра, вступившей в брак с Ф. М. Мстиславским. Тем самым Симеон Бекбулатович породнился с потомками царевича Петра и через него с великокняжеским домом.⁹⁶⁾ Когда в 1576 г. Иван IV провел все лето с полками в Калуге, опасаясь набега крымцев, в Москве в качестве своего «заместителя» он оставил Симеона Бекбулатовича.⁹⁷⁾ Так же поступал его отец с царевичем Петром. Возможно, Иван Грозный в лице [26] Симеона видел наследника престола на тот случай, если он решит окончательно покинуть царский трон.

После присоединения Казани при дворе находился крещеный «царь... казанской» Симеон Касаевич (Едигер). Его жена (дочь Андрея Михайловича Кутузова) Мария считалась «царицей». Но 26 августа 1565 г. Симеон Касаевич умер. На следующий год скончались еще два «царя»: Шигалей, сидевший в Касимове (22 апреля), и Александр Сафагиреевич (4 июня). Служил еще царевич Михаил Кайбулич (его жена — дочь И. В. Шереметева). В 1571—1572 гг. он был главой Боярской думы.⁹⁸⁾

Около 1562 г. на русскую службу перешел царевич Бекбулат, троюродный брат Шигалея, внук хана Золотой Орды Ахмата. Он погиб в одном из сражений до 1566 г. Его сын Саин-Булат впервые упоминается с титулом «царя» в наказе И. П. Новосильцеву, посланному в султанат в 1570 г. В это время ему принадлежал Касимов «и к нему многие города». Свой титул Саин-Булат получил, очевидно, сразу же после того, как был пожалован этими владениями. В 201-м ящике царского архива находились «ропись, шертная грамота и списки, как государь царь и великий князь пожаловал Сеинбулата царевича — учинил на Касимове городке царем».⁹⁹⁾ Пожалование Саин-Булату Касимова и «царского» титула можно объяснить родственными связями с «царем» Шигалеем, его предшественником в Касимовском княжестве. Оно свидетельствовало и о стремлении Ивана IV добиться расположения определенной части татарской знати. К середине 70-х годов XVI в. Саин-Булат был единственным «царем» на Руси (кроме самого Грозного). К этому времени он доказал свою преданность государю. Во время зимнего похода 1571—1572 гг. «на Свейские немцы» он возглавлял вместе с кн. В. Ю. Голицыным и Н. Р. Юрьевым рать, отправленную к Орешку. Ходил он и к Выборгу. Осенью 1572 г. Саин-Булат вместе с Иваном IV направился в поход под Пайду. Затем он осаждал Колывань. Незадолго до 15 июля 1573 г. Саин-Булат крестился, приняв имя Симеона. В 1575 г., очевидно, умер Михаил Кайбулич, и Симеон Бекбулатович стал самым видным татарским царевичем на русской службе.¹⁰⁰⁾

Таким образом, когда в 1575 г. Иван IV задумывал новое разделение страны на две части, кандидатура Симеона Бекбулатовича приобрела для него особую привлекательность. Симеон был человеком, безусловно преданным [27] Грозному, не имевшим давних связей с московской аристократией. По второй жене (Марии Темрюковне) он был племянником Ивана IV. Все это и предопределило поставление Симеона на великое княжение «всея Руси».

Коронация Симеона Бекбулатовича вызвала недовольство в придворной среде. Один из летописцев писал: «Елицы же супротив сташа, глаголюще: «Не подобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменника на государство поставляти». И на тех възьярся».¹⁰¹⁾ В подобных толках Грозный усмотрел для себя опасность — ведь недовольные явно ориентировались на царевича Ивана как на наследника престола. Ситуация начала напоминать ту, которая сложилась в годы опричнины. И тогда служилые люди выступали против опричных мероприятий. И тогда знаменем оппозиции был возможный претендент

на трон из царствующего дома (Владимир Старицкий). Ответ в 1575 г. был сходен с тем, что произошло десять лет назад, — казни. На этот раз они состоялись «на площади под колоколами» в октябре — ноябре 1575 г. Прибывший в Москву 1 декабря Д. Принц писал, что незадолго до его приезда царь «лишил жизни сорок дворян, которые во второй раз составили было заговор на его жизнь». 20 октября гибнет новгородский архиепископ Леонид. Очевидно, тогда же его участь разделили чудовский архимандрит Евфимий и симоновский — Иосиф. Связь Леонида с Евфимием несомненна: до поставления в Новгород Леонид был также чудовским архимандритом. Недовольство симоновскими и чудовскими монахами звучало уже в послании Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г.¹⁰²⁾

В описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается «сыскное дело про московского митрополита Антония да про крутицкого владыку Тарасия (? — А. З.) 83-го и 84-го года». Там же назван «отпуск» дьяка А. Щелкалова о крутицком «митрополите» (епископе) и симоновском архимандрите. Первый из них якобы «пьет, а в город не выезжает, а симоновский архимандрит, не хотя быть в архимандритех и умысля, причастился бес патрахели, а сказал, что буттося беспаметством».¹⁰³⁾ Недовольство высших церковных иерархов было связано со всей основной линией политики Грозного (в частности, и по отношению к монастырям). Неканонические браки царя также вызывали у них чувство раздражения. [28]

Митрополит и крутицкий епископ на этот раз отделались «легким испугом» и не пострадали. А вот Леонид погиб. Его, по словам Горсея, обвинили в том, что он совместно с Елисеем Бомелием вел предательские сношения с королями Польши и Швеции, а также в незаконной чеканке денег, которые он им посылал. Архимандрит якобы во всем признался.¹⁰⁴⁾ Связь дела Леонида с Бомелием и гибель этого придворного медика в 1575 г. (так считает и Р. Г. Скрынников), очевидно, являются ошибкой: Бомелий погиб в 1579 г. Через четыре дня после гибели Леонида казнен был стольник Протасий Васильевич Юрьев (24 октября). Сын одного из инициаторов опричнины, В. М. Юрьева, Протасий и сам принадлежал к корпусу опричников. С конца 60-х годов он служил при дворе наследника Ивана Ивановича.¹⁰⁵⁾ Сестра Протасия (жена другого инициатора опричнины — кн. М. Т. Черкасского) погибла в 1571 г. вместе с мужем. Протасий приходился троюродным братом наследнику престола, и его гибель, возможно, связана была с опасениями, которые вызывал у царя его сын. По мнению Р. Г. Скрынникова, казни Леонида и Протасия «находились в прямой связи с «новгородским изменным делом»» (1570 г.).¹⁰⁶⁾ Данных в пользу этого утверждения автор, однако, не приводит.

19 ноября 1575 г. гибнет боярин Иван Андреевич Бутурлин (с сыном и дочерью).¹⁰⁷⁾ В Синодике царя Ивана IV и во вкладных книгах Псково-Печерского монастыря он единственный записан как «инок Иона», так как, очевидно, перед смертью постригся. Его брат окольный Дмитрий (видный опричник) погиб 27 ноября.¹⁰⁸⁾ Запоздалым отзвуком опричных репрессий была казнь опального боярина кн. П. А. Куракина.¹⁰⁹⁾ Большинство казненных принадлежали к числу опричников. Это Бутурлины, окольный Н. В. Борисов-Бороздин, возможно, Василий Михайлович (или Никитич?) Бороздин.¹¹⁰⁾ Погибли также князь дворянин Григорий Федорович Мещерский¹¹¹⁾ и Данила Андреевич Друцкий, бывший опричник. Последний в 1574 и до сентября 1575 г. ведал поземельными делами.¹¹²⁾ Крупными дельцами приказного аппарата были казненные дьяки: глава Ямского приказа Семен Федорович Мишурин,¹¹³⁾ глава Разбойного приказа Дружина Владимиров¹¹⁴⁾ и дворцовый дьяк Осип Ильин.¹¹⁵⁾ Все они были администраторами, вышедшими из опричной среды. В марте 1572 г. С. Ф. Мишурин находился в опричной [29] Обонежской пятине Новгорода при опричном боярине кн. П. Д. Пронском и казненном в 1575 г. А. М. Старого.¹¹⁶⁾

Вместе с П. В. Юрьевым и другими названными лицами и «иных многих казниша», среди них трех подьячих и четверых крестьян. Головы казненных «меташа» во дворы кн. И. Ф. Мстиславского, митрополита, дьяка А. Щелкалова и других, подозревавшихся в измене. При этом родича П. В. Юрьева Никиту Романовича Юрьева Иван Грозный «грабил».¹¹⁷⁾

В казнях 1575 г. есть одна примечательная сторона, резко отличающая их от репрессий начальных лет опричнины. Они направлены были по преимуществу не против земской знати, а против ближайшего окружения царя, когда-то входившего в состав опричнины. Это была как бы антиопричина, продолжавшая разгром опричного руководства, начатый в 1570—1571 гг. казнями кн. М. Т. Черкасского, кн. А. И. Вяземского и Басмановых.

В. И. Корецкий высказал мысль о том, что акт поставления Симеона Бекбулатовича на великое княжение произошел во время собранного Иваном IV Земского собора. «Земский собор, — писал он, — был созван осенью 1575 г. Соборные заседания продолжались с некоторыми перерывами с октября по декабрь включительно». На соборе произошло выступление против Грозного «со стороны дворянства и высшего духовенства, еще более внушительное, чем в 1566 г., когда часть земского дворянства выступила против опричнины».¹¹⁸⁾ Но в конце октября — ноябре участники выступления были казнены, а к 30 октября поставление Симеона Бекбулатовича на великое княжение является бесспорным фактом. Естественно, прежде всего возникает вопрос: был ли предполагаемый Земский собор извещен о назначении Симеона? А может быть, собор и санкционировал этот важный государственный шаг? Об этом В. И. Корецкий не писал. В каком соотношении находятся Земский собор 1575 г. и поставление Симеона, остается неясным.

В пользу своей гипотезы В. И. Корецкий привел четыре довода. Первый из них — уникальная запись разрядных книг о том, что Иван IV «лета 7084-го году, сентября в 30 день, велел... боярам и воеводам, князю Ивану Юрьевичу Булгакову-Голицыну и иным воеводам и большим дворяном з берегу и з крайних городов быти к Москве по списку для собору». Слово «собор» имеет, как известно, несколько значений, в том числе и обыкновенное — сбор [30] (в одном из списков разрядов так и написано: «для сбору»). Н. И. Павленко полагает, что «можно толковать слова «для собору» как сбор военачальников на совещание в Москву накануне наступления глубокой осени и зимы». В общем он прав, хотя «сбор» («собор») мог быть и не «совещанием», а сбором военачальников в столице для получения новых назначений. Л. В. Черепнин считал, что в данном случае «речь идет о вызове служилых людей... для каких-то государевых дел, требующих информации и совета. Скорее всего это один из войсковых «сборов» («соборов»)... в целях организации обороны».¹¹⁹⁾ Наконец, именно в сентябре — октябре состоялся церковный собор, осудивший новгородского архиепископа Леонида. На нем могла присутствовать (как это бывало и ранее, во времена церковно-земских совещаний) и военно-служилая знать.

Второй довод В. И. Корецкого не более убедителен. Он обратил внимание на то, что в переводе Н. А. Белозерской «Записок» Джерома Горсея упоминается «великое со всех провинций собрание в консистории св. Духа» и говорится о том, что «из опасения заговоров приказано произнести присягу на верность в Москве». Из этого сведения В. И. Корецкий заключил, что в 1575 г. в Москве созван был Земский собор, а так как осенью состоялись казни придворной знати, то отсюда родилась у него новая гипотеза — о выступлении на соборе против Ивана IV «дворянства и высшего духовенства». В более ранней работе В. И. Корецкий полагал даже, что на соборе «стал предметом обсуждения» вопрос о секуляризации земель. Дело дошло до ликвидации тарханных (податных) привилегий монастырей. Однако С. М. Каштанов выяснил, что при Симеоне Бекбулатовиче никакой официальной отмены тарханов не произошло. Позднее

соображение о «секуляризации» В. И. Корецкий снял. Гипотеза Корецкого была основана на неверном переводе сочинения Горсея. По мнению английского исследователя Хэлберта, приведенный выше текст должен звучать так: «Было созвано собрание высшего и провинциального духовенства». Лучше перевод А. А. Севастьяновой: «Высокий областной собор был созван в великой консистории св. Духа». Она считает, что «терминология записок Горсея не может использоваться в исследованиях для отыскания характерных признаков Земских соборов».¹²⁰⁾

Итак, ни о каком «Земском соборе» Горсей не говорил. Если принимать 1575 год как дату созыва собора, то речь [31] могла идти только о церковном соборе, который мог вторично осудить новгородского архиепископа Леонида.¹²¹⁾

Но ларчик, вероятно, открывается проще, если взять сведения Горсея в контексте. Непосредственно перед приведенным выше рассказом Горсей сообщает, что Иван IV «потребовал к себе главное духовенство, аббатов, архимандритов и игуменов всех наиболее влиятельных, богатых и известных монастырей» и сообщил им, что ввиду истощения государственной казны он просит их пополнить ее своими средствами. Вот после этого-то и сообщается о новом «собрании» духовенства. Грозный обратился с упреками к высшим церковным сановникам: они «захватили все богатства», в частности «третью часть всех городов, аренд, деревень», ведут праздную жизнь и т. п. Но если так, то тогда скорее всего речь идет о церковном соборе 1580 г., запретившем земельные вклады в монастыри. В его приговоре встречаем те же мотивы: села из-за «пьянственного жития» монахов «в пустошь изнуряхуся паче потребности, а воинственному чину от сего оскудение приходит велие».¹²²⁾ В. И. Корецкий датировал рассказ о «Земском соборе» на том основании, что после него Горсей сообщает сразу о казнях 1575 г. Но в «Записках» Горсея вообще нет строгой хронологической последовательности.

Третий довод В. И. Корецкого — известие о казни новгородского архиепископа Леонида в 1575 г. По его мнению, она «последовала 20 октября в связи с его приездом на Земский собор».¹²³⁾ Вопрос об обстоятельствах и времени гибели Леонида остается не вполне ясным. По одной из новгородских летописей, Леонид прислан был в Новгород в 7079 (1571) г., после заточения Пимена, «и бысть на владычестве два года и приеха к Москве на собор и повелением благочестиваго царя... удавлен бысть кзенью у Пречистой на площади». Получается, что Леонид был казнен в 1573 г. Так и понял этот текст С. Б. Веселовский, который писал, что Леонид «пробыл в Новгороде два года, в 1573 г. приехал на собор и по приказу царя удавлен». При этом он погребен в Новоспасском монастыре в октябре 1575 г. Противоречие явное. Мало того, достоверно известно, что Леонид был жив еще в мае 1574 — августе 1575 г.¹²⁴⁾

В Кратком новгородском летописце говорится, что Леонид «был на владычестве четыре года без полутора месяца и взят бысть к Москве в государьской опале да тамо [32] и преставился октября в 20 день». Итак, умер Леонид «в опале» 20 октября 1575 г. Что это была за «опала», разъясняется в псковской летописи. В ней под 7083 (1574/75) г. сообщается, что «опалися царь Иван Васильевич на архиепископа новгородцаго Леонида и, взя к Москве, и сан на нем оборвал, и, в медведно ошив, собаками затравил».¹²⁵⁾ Гибель Леонида находилась в несомненной связи с другими осенними казнями 1575 г. В частности, Протасий Юрьев был казнен 24 октября 1575 г., т. е. через четыре дня после гибели Леонида. Пискаревский летописец, связывая оба этих события, датирует их 1573 г.: «Того же году (7081 г. — А. З.) ... повелеша казнити на площади у Пречистыя... Протасия Юрьева, владыку наугородцкаго... и иных многих».¹²⁶⁾

Есть третий источник, независимый от первых двух, по которому смерть Леонида как будто может быть отнесена к 1573 г. Это «История о великом князе Московском» князя Андрея Курбского. Сообщив о гибели Пимена, Курбский добавляет: «Потом поставлена другого архиепископа в того место, мужа, яко слышахом, нарочита и кротка; но, аки по дву летех, и того повелел убити со двема она ты, сиречь игумены». Совпадение с сообщением первого из приведенных новгородских летописцев несомненно («по дву летех»). Правда, если быть придирчивым, то надо признать, что Курбский прямо о смерти Леонида не говорит, а сообщает лишь о том, что Грозный «повелел» его казнить. Р. Г. Скрынников считает сообщение новгородской летописи и Курбского недостоверным, ибо оно якобы основано на слухах. О дате Пискаревского летописца, совпадающей с датой Курбского и новгородской летописи, он в этой связи ничего не говорит. Но совпадение известий трех независимых друг от друга источников случайностью объяснить трудно. Р. Г. Скрынников ссылается на «Записки» Д. Горсея. Иван Грозный, по словам Горсея, «был сильно озабочен разбирательством измены Элизюса Бомелиуса, епископа новгородского и некоторых других... Епископ признал все под пыткой». В конце концов епископ новгородский был приговорен к смерти за измену. Но казнь его не состоялась, а «все его многочисленное добро, лошади, деньги, сокровища были взяты в царскую казну. Его заключили пожизненно в тюрьму, он жил в темнице».¹²⁷⁾

Как видим, никакого противоречия у Горсея с Курбским нет: автор «Записок», как и князь Андрей, говорит, [33] что Иван Грозный только приговорил Леонида к смерти. Следовательно, к 1573 г. можно отнести только опалу Леонида, а не саму казнь, которая состоялась позднее, в октябре 1575 г.¹²⁸⁾ Все это согласуется и с датой написания «Истории» Курбского — 1573 г.¹²⁹⁾ Если наши наблюдения верны, то тогда и сообщение Новгородского летописца о «соборе» над Леонидом будет иметь в виду не земский, а церковный собор типа, скажем, собора, осудившего митрополита Филиппа или Сильвестра.¹³⁰⁾ Возможно, именно на нем вторично (т. е. в 1575 г.) решалась судьба архиепископа Леонида.

Ссылаясь на Краткий новгородский летописец, Р. Г. Скрынников вообще сомневается, что Леонид был казнен.¹³¹⁾ Между тем совпадение новгородской и псковской летописей с Пискаревским летописцем делает вывод о трагической гибели Леонида трудно оспоримым фактом, а сближение дат смертей Леонида и Протасия Юрьева говорит за то, что казнь Леонида произошла в связи с волной репрессий, относящихся к концу 1575 г. Рассказ же Горсея имеет в виду события 1573, а не 1575 г.: в нем не говорится о связи дела Леонида с боярской изменой, а о казни кн. Б. Д. Тулупова — одного из главных лиц, пострадавших в 1575 г., — Горсей упоминает в другом месте своих «Записок». Сообщив о том, что архиепископ новгородский был присужден к вечному заключению, Горсей не упоминает о его смерти. Но вот у того же Горсея после сообщения о церковном соборе 1575 г. есть сведение о том, что епископы и аббаты «старались придумать вместе с опальными, как бы повернуть дело и начать мятеж». Царь объявил высших иерархов («всех возглавлявших обители») изменниками, а 20 главнейших из них просто преступниками, что было признано «всеми сословиями». В этой связи Горсей и рассказывает, как семь монахов были загрызены медведями.¹³²⁾ Не имел ли он в виду в данном случае трагическую гибель Леонида, которого, «в медведно ошив», затравили собаками?

В синодиках Ивана IV о казни Леонида не упоминается. Но там же нет ни слова и о митрополите Филиппе, которого задушил Малюта Скуратов. Окончательно вопрос решается находкой Московского летописца XVII в., в котором прямо говорится о казни Леонида в связи с его сопротивлением поставлению Симеона Бекбулатовича на великое княжение.¹³³⁾ [34]

Четвертый довод В. И. Корецкого в пользу созыва Земского собора в 1575 г. — запись 30 декабря 1575 г. в расходной памяти волоколамского старца Гурия Ступишина, который «жил на Москве с ыгуменом в соборе». Слабость этого довода подметил Н. И. Павленко, писавший, что, «может быть, речь идет о содержании представительства монастырей в Москве». Но скорее всего речь шла о церковном соборе, занимавшемся делом Леонида.¹³⁴⁾

Таковы основные доводы В. И. Корецкого в пользу гипотезы о созыве в 1575 г. Земского собора, связанном, по его мнению, с поставлением Симеона. Однако никаких надежных показаний источников, которые подтвердили бы эту гипотезу, нет.

Эпизод с «вокняжением» Симеона Бекбулатовича привлекал внимание многих исследователей. Для В. О. Ключевского это отчасти «политический маскарад» Ивана IV. С. Ф. Платонов, не умея объяснить смысл этой «игры или причуды» Грозного, разводил руками. С. М. Каштанов высказывал мысль о сходстве положения Симеона Бекбулатовича с положением других соправителей при великих князьях, в частности Ивана Ивановича Молодого при Иване III. В. И. Корецкий не видел сходства с этими случаями, так как при системе соправительства великие князья не садились на «удел». Корецкий искал образец опричной политики и «поставления» Симеона Бекбулатовича в литературном источнике — двух эпизодах «Жития Варлаама и Иоасафа».¹³⁵⁾

В этой обработке восточной легенды из жизни Будды говорится о том, как царевич Иоасаф по смерти отца объявляет царскому совету о желании покинуть престол и оставить своим преемником вельможу Варахию. Несмотря на протесты подданных, Иоасаф тайно покидает столицу, приводя задуманный план в исполнение. Но Иоасаф, тяготясь властью, вообще покидает престол, а Грозный сохранял за собой «удел». Случаев, когда правители оставляли престол, можно было бы найти в средневековье немало. Знала их и русская литература (например, «Житие Петра и Февронии» XVI в.). Вряд ли Грозный был настолько отвлеченным от реальной жизни человеком, чтобы черпать истоки своих политических преобразований в житийной литературе. Второй эпизод «Жития Варлаама и Иоасафа» говорит о разделении царства на две части: во главе одной из них поставлен был сын царя.¹³⁶⁾ И здесь сходство с событиями 1575 г. [35] кажущееся. Скорее можно было бы сопоставить этот эпизод с соправительством Василия Ивановича при Иване III, но и это не имело бы реальной исторической подосновы.

Есть в литературе точка зрения, что «своим острием политика «удела» была направлена не только и не столько против привилегий и землевладения церкви, сколько против уцелевших руководителей бывшей опричной думы и приказного аппарата».¹³⁷⁾ Попробуем разобраться в сущности этой политики и причин ее введения. Современники терялись в догадках, размышляя о причинах поставления на великокняжеский престол Симеона Бекбулатовича. Один московский летописец писал, что Грозный, «мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства и восхоте поставити ему препону, нарек на великое княжение царя Семиона Бекбулатова». По Пискаревскому летописцу, «говорили нецыи, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва будет в людех про то». Иностранцы объясняли эпизод с Симеоном по-разному. Англичанин Горсей склонен был считать его причиной финансовые соображения: царь решил сделать Симеона ответственным за уплату старых долгов и за выполнение различных обязательств. Опираясь на рассказ Горсея, Д. Флетчер писал, что Грозный уступил царство, «как бы намереваясь удалиться от всех общественных дел и вести покойную частную жизнь». Но к концу года он собрал все жалованные грамоты монастырям и уничтожил их.¹³⁸⁾

Таким образом, эпизод с Симеоном, по Флетчеру, был осуществлен для более удобного проведения секуляризации монастырских земель и отмены тарханов. Мнение Флетчера долгое время разделялось некоторыми исследователями. С. М. Соловьев, С. М. Середонин, Я. С. Лурье, Л. М. Сухотин и В. И. Корецкий считали события 1575—1576 гг. рецидивом опричнины. П. А. Садиков, а вслед за ним Г. В. Вернадский полагали, что Иван Грозный временно отказался от московского престола, чтобы обеспечить успех своей кандидатуры на польский.¹³⁹⁾ Сейм же избрал королем Стефана Батория, который 1 мая 1576 г. короновался польской короной. После этого-то и был сведен с престола Симеон Бекбулатович.

Из предложенных объяснений событий 1575—1576 гг. ни одно не выдерживает критики. Никакой [36] секуляризационной политики в эти годы не проводилось. Кандидатура Грозного на польский престол выдвигалась и в 1572 г., но тогда он престола не покидал, да и в 1575—1576 гг. Иван Московский фактически сохранял в своих руках все управление Русским государством. В годы опричнины Иван IV никого не сажал на русский престол и острие своей политики направил против последнего удела (князя Владимира Андреевича), новгородского сепаратизма и обособления церкви. Теперь же Иван IV, наоборот, выделяет себе «удел», делая Старицу его столицей.

Лучше всего объяснил происшедшие события сам царь Иван Васильевич. Д. Принц с его слов сообщал, что Грозный передал власть Симеону «по причине подлости подданных».¹⁴⁰⁾ Во время доверительного разговора с английским гонимым Сильвестром 29 ноября 1575 г. Иван IV обратил его внимание на опасность переворотов, которые подстерегают государей, прибавив: что «в настоящее время и оправдалось, ибо мы передали сан нашего правительства... в руки чужеродца... Поводом к тому были преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устроят измену против особы нашей». Ведь еще летом 1574 г. Грозный сообщил Сильвестру, что хотел бы заключить с Елизаветой договор о предоставлении ему убежища в случае необходимости.¹⁴¹⁾ Итак, события 1575 г. Грозный объяснил поведением подданных, точнее, близкого окружения из состава бывших опричников.

Симеон Бекбулатович получил титул «великого князя всея Руси», а Иван Грозный чаще всего именовался «князем московским».¹⁴²⁾ Вместе с тем Грозный не отказывался и от царского титула. Важнейшие общегосударственные дела (в том числе сношения с иностранными державами) он сохранил за собой. В соответствии с этим территория России как бы делилась на три части: великое княжение (Симеона), царство (Ивана IV) и «удел» (его же). Так, Казань находилась в ведении Грозного как царя. К концу 1575 г. титул Ивана IV был «князь московский, и псковский, и ростовский». Распоряжался Грозный тогда и Двиной. В ноябре 1575 г. к своим владениям «Иванец Московский» применял термин «удел» («к себе в удел»). Наименование «удел» говорило о стремлении Грозного организовать управление по старым образцам («как преже сего велось у удельных князей»). Основная часть земель [37] этого «удела» в опричнину не входила. В 1576 г. к «уделу» относились Старица, Псков, соседний с ним Порховский уезд, Дмитров, Ржева, Зубцов и Шелонская пятина. Западные и северо-западные земли взяты были царем в «удел» по военно-стратегическим соображениям (в связи с продолжавшейся Ливонской войной), Двина — по финансовым. В указной грамоте от 19 ноября 1575 г. сообщалось, что «весь Двинской уезд — станы и волости и всякие денежные свои доходы поместили есмя к себе в удел».¹⁴³⁾

Когда в «удел» перешла Старица, точно не известно. В ней Грозный находился, очевидно, в апреле 1575 г., как и 1-31 июля 1575 г. и 22 февраля 1576 г. В январе 1576 г. он побывал

в Можайске; в сентябре 1575 г., феврале и начале июня 1576 г. — в Иосифо-Волоколамском монастыре; в сентябре же снова в районе Можайска (Братошине). Весьма возможно, что в состав «удела» вошла Вязьма. Во всяком случае там владели землями многие видные деятели «удельной поры» и дворцового ведомства.¹⁴⁴⁾ С. М. Каштанов полагает, что в марте 1576 г. намечался пересмотр состава территории великого княжества и «удела».¹⁴⁵⁾ Вопрос этот нуждается еще в доисследовании.

Как и в годы опричнины, в период «удела» происходил «перебор людишек», но размеры его были менее значительными. 30 октября 1575 г. Грозный подал челобитную Симеону с просьбой, чтобы тот «милость показал, освободил людишек перебрать, бояр и дворян, и детей боярских, и дворовых людишек». В какой мере эта просьба была удовлетворена, а «перебор» осуществлен, сказать трудно. Во всяком случае, по описи дел Посольского приказа 1626 г., в архиве хранился «список 79-го году опришнинской, которые всякие люди били челом государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси от великого князя Симеона в опришнину».¹⁴⁶⁾ Запись носит позднейшие черты (дата 7079 г. — ошибочна; вряд ли в документе упоминался термин «опришнинской», а Иван IV назывался царем и великим князем всеа Руси). Но суть дела передана верно.

О характере «перебора» можно судить по описанию Порховского уезда Псковской земли, осуществленному зимой 1575/76 г.¹⁴⁷⁾ Из «удельных» земель князя Ивана Московского негодные Грозному люди выводились в другие районы. Так, в Порхов переселены были дети боярские Обонежской пятины, а на их земли помещены дети [38] боярские, выведенные из Ржевы и Зубцова. В ввозной грамоте Ивана Московского от 29 марта 1576 г., адресованной в Обонежскую пятину, упоминалось его распоряжение испоместить высланных из Зубцова и Ржевы детей боярских на землях, которые он взял «к себе в удил».¹⁴⁸⁾ Какие-то «переборы» происходили и в великом княжестве Симеона. Во всяком случае в его послушной грамоте от 9 февраля 1576 г. упоминался указ, которым «велено» детей боярских «спомещивать в одних городех, хто откуда служит».¹⁴⁹⁾

Пометы на земском списке служилых людей 1577 г. типа: «высланы из Старицы», «из Пскова высланы», «высланы з Зубцова» — говорят о переселенцах из земель государева «удела».¹⁵⁰⁾ Дворовые люди могли сохранять владения и в земских уездах. Так, Хлоповым и А. В. Шерефединову в 1577—1578 гг. принадлежали поместья в земском Коломенском уезде.¹⁵¹⁾ Поместья широко раздавались лицам из дворцового окружения царя (Б. Бельскому, В. Зюзину и др.) в Шелонской пятине.¹⁵²⁾ Новые помещики получали щедрые льготы, что способствовало притоку крестьян на их земли. «Сильные люди» из Двора (как ранее из опричнины) не брезговали и вывозом крестьян от других помещиков. Их хищное хозяйничанье имело результатом дальнейшее разорение и запустение земель.¹⁵³⁾

Попытку реконструировать состав «удельного» Двора Ивана Московского на основе росписи государева полка, стоявшего «на берегу» в апреле 1576 г., предприняли С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский.¹⁵⁴⁾ Они установили имена 108 лиц, принадлежавших к Двору, т. е., по их предположению, немногим более 20% состава Двора.

В апреле 1576 г. дворовыми воеводами были бояре кн. Ф. М. Трубецкой и кн. И. П. Шуйский. В «удел» входили окольный Ф. Ф. Нагой, дворяне Ближней думы М. А. Безнин, Б. Я. Бельский, А. Ф. Нагой, Д. И. Черемисинов, Б. В. Воейков, И. П. Татищев, В. Г. Зюзин. В дворовой свите были кн. В. И. Шуйский с братьями, а также Годуновы. Словом, «знакомые все лица». Бывшие опричные бояре кн. С. Д. и П. Д. Пронские, кн. В. А. Сицкий, а также кн. П. Т. Шейдяков оставались служить в земщине.¹⁵⁵⁾ Но вообще-то вопрос о составе Двора Грозного сложен, ибо Иван IV сохранял за собой прерогативы

главы государства [39] в целом, и, возможно, ему подчинялась вся Дума, а также дворцовые учреждения.

Включение в состав «удельного» Двора, очевидно, сопровождалось принесением присяги и составлением крестоцеловальной записи на верность «князю московскому».

В Государственном архиве хранилась наказная память А. Ф. Нагому, когда он был послан из Александровской слободы в Москву с «проклятой целовальной записью», по которой он должен был привести к целованию князей Ф. М., Н. Р. и А. В. Трубецких, входивших в «удельный» Двор.¹⁵⁶⁾

В целом же «удельный» Двор Ивана Московского был худороднее земского.¹⁵⁷⁾ Во время осенних казней 1575 г. в опалу на время попал дворецкий Н. Р. Юрьев. В 1576 г. он был заменен бывшим опричником кн. Ф. И. Хворостининым.¹⁵⁸⁾ Существовал ли особый дворцовый («удельный») дворецкий после кн. Ю. И. Токмакова,¹⁵⁹⁾ сказать трудно. Скорее всего нет. Зато дворцовый разряд был. Им и дворцовой Двинской четвертью ведал дьяк Андрей Шерефединов (декабрь 1574 — 1576 гг.). Тезис Р. Г. Скрынникова о том, что «подлинное... руководство осуществляли... в удельной думе думные дворяне», источники не подкрепляют.¹⁶⁰⁾ Под подозрением осенью 1575 г. оказался и кн. И. Ф. Мстиславский. Его сын Федор Иванович через некоторое время был лишен звания кравчего (осенью 1576 г. он еще носил этот чин), хотя вскоре стал боярином (с осени 1577 г.). На его место назначен был Борис Годунов.¹⁶¹⁾

Шурин царевича Федора удостоился пока не боярского, а дворцового чина, но уже такого, который носили представители знатнейших фамилий. Медленно, но уверенно двигался вперед по «лестнице славы» молодой честолюбец. Первый шаг он сделал в конце 60-х годов, поступив в опричнину; второй — в начале 70-х, став зятем Малюты; третий — в 1575 г., выдав сестру за царевича Федора, и вот в 1576 г. взошел уже на четвертую ступеньку.

Земская дума пополнялась медленно. К сентябрю — октябрю 1576 г. окольными стали Ф. В. Шереметев и В. Ф. Воронцов.¹⁶²⁾

Обеспечивался «удел» не только за счет земель, ему непосредственно подведомственных, но и путем поборов из казны Симеона. В мае 1576 г., отправляясь в поход «на берег» (в Калугу), Иван Московский написал «великому [40] князю всея Руси» очередную челобитную. В ней говорилось, что князю Ивану предписана «твоя государева служба на берегу». В связи с его просьбой дать «на подъем» ему была пожалована огромная сумма денег (40 тыс. руб.).¹⁶³⁾

По словам Горсея, Грозный «заставил своих подданных обращаться со своими делами, прошениями и тяжбами к Симеону, под его именем выходили все указы, пожалования, заявления». Царь сам приходил «бить ему челом и приказывал митрополитам, знати и чиновникам делать то же, что и он, а всем послам обращаться к Симеону с теми же почестями». Это позволило царю «отвергнуть все долги, сделанные за его царствование, — патентные письма, пожалования городам, монастырям — все аннулировать». Симеону «собирались подати, налоги и другие доходы на содержание его двора, стражи и слуг, он был ответственен также за все долги и дела, касавшиеся казны». В описи дел Посольского приказа 1626 г. упоминается «столпик 7084-го году, а в нем наказы приказным людем по городом при великом князе Семионе Бекбулатовиче всеа Русии». Права Симеона были сильно ограничены. С. М. Каштанов показал, что он был лишен даже права выдачи жалованных грамот монастырям (несмотря на то что, по Горсею, получается вроде не

так). В январе 1576 г. Грозный говорил английскому гонцу Сильвестру: «Мы не настолько отказались от царства, чтобы нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан». Ведь Симеон «еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, а по нашему соизволению».¹⁶⁴⁾

После того как сказаны были эти слова, прошло всего несколько месяцев, и Симеон в августе 1576 г. был сведен с великокняжеского престола, получив в удел Тверь и Торжок.¹⁶⁵⁾ Государем «всея Руси» пробыл он всего около года.¹⁶⁶⁾ При ликвидации «удела» Ивана Московского личный состав его вошел в государев Двор, который сохранял связи с землями, составлявшими материальную базу «удела».

Согласно Д. Горсею, деление страны на «великое княжество» Симеона и владения Грозного было уничтожено по просьбе «чинов» страны; «духовенство, знать и простое сословие (common) должны были теперь идти к Ивану Васильевичу с прошением смилостивиться и вновь принять венец и управление; он согласился на многочисленных условиях и с утверждением указом парламента (by [41] act of parliament), с торжественным посвящением его на царство. Чтобы его умилостивить, все подданные любого положения изыскивали средства на дары и подношения ему, это принесло ему огромное богатство. Он был освобожден от всех старых долгов и всех прошлых обязательств». Мало того, «вновь составленные грамоты, судебные законы, пожалования монастырям, городам, отдельным лицам и купцам давали ему еще большие суммы и доходы». Этот рассказ в своей основе считается достоверным.¹⁶⁷⁾ Но никаких подтверждений ему в других источниках нет. Изучение тарханной политики в 1576—1577 гг., проведенное С. М. Каштановым, как будто свидетельствует о недостоверности сведений Горсея, во всяком случае в части о монастырских привилегиях. С. О. Шмидт полагал, ссылаясь на Горсея, что осенью 1576 г. имел место Земский собор (в связи с концом «маскарада»), но, на наш взгляд, прав Л. В. Черепнин, считавший его доводы шаткими.¹⁶⁸⁾

Эксперимент с Симеоном оказался кратковременным и нежизнеспособным. Борясь с опричным наследием, Грозный как бы провозглашал возврат к удельным порядкам, но использовал уже скомпрометировавшие себя опричные приемы властвования (выделение особой территории и «удельного» Двора, система устрашающих казней, «перебор людишек»). Слепая ненависть Грозного к опальным временщикам ничего не меняла в существе управления страной. Казня Б. Д. Тулупова и передав его вотчину Борису Годунову, Грозный не подозревал, что своими руками готовит нового фаворита. Путь к власти тернист и долог. В 1575—1576 гг. при дворе Грозного никто не занял место единственного фаворита, напоминавшее скорее плаху, чем призрак трона. Участь А. Адашева, Ф. Басманова, Б. Тулупова сдерживала честолюбивые страсти молодых искателей монарших милостей.

Но тем не менее постепенно росло влияние Б. Я. Бельского, А. Ф. Нагого, молодых Шуйских. Сплоченной когортой двигались Годуновы. Лидерами земщины оставались престарелые кн. И. Ф. Мстиславский и Н. Р. Юрьев. Между ними и предстояла борьба за власть у трона стареющего монарха. Но тогда никому и в голову не приходило, что пройдет менее десяти лет и власть в стране захватят Годуновы. Брак Федора и Ирины скорее говорил против подобной возможности. Ведь, казалось бы, царевичу уготована была скромная судьба — быть удельным князем [42] при государе всея Руси, которым должен был сделаться его старший брат Иван. В таком случае Годуновы, как члены окружения Федора Ивановича, переходили на положение удельных бояр и исключались из игры в борьбу за власть в Москве. Поэтому возвышение Годуновых на первых порах не должно было вызывать тревогу у их соперников. На самом же деле вышло так, что 1575—1576 годы, когда Ирина Годунова стала женой будущего царя Федора, а Борис —

Назад К оглавлению Дальше

- 1) Подробнее об этом см.: *Зимин*. Опричнина, с. 477.
- 2) См.: *Сухотин*, вып. I, с. 2-6, 21; *Веселовский*. Опричнина, с. 190-199; *Скрынников*. Россия, с. 8; *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923, с. 122; *Садиков*. Очерки, с. 44.
- 3) Во всяком случае в 1571 — августе 1572 г. во главе земской думы стоял царевич Михаил Кайбулич. Сб. РИО, т. 129. СПб., 1910, с. 210, 224, 226, 228.
- 4) См.: *Зимин*. Опричнина, с. 471.
- 5) Щ, л. 477.
- 6) По сообщению грамоты Лжедмитрия II 1608 г., брак длился «семнадцать недель» (*Бутурлин Д.* История Смутного времени в России в начале XVII в., ч. 2. СПб., 1841, Прил., с. 56). В июле 1572 г. «шурина» царя Г. А. Колтовской торжественно справлял свадьбу в Новгороде (НЛ, с. 118). В марте 1573 г. царь заявлял, что у него «не стало супруги» (*Соловьев*, кн. 3, с. 627). О пострижении Анны и казни ее брата «со всем семейством» писал Д. Принц (*Принц*, кн. 3, с. 28).
- 7) Сб. РИО, т. 129, с. 190, 247; ЦГАДА, ф. 123, кн. 14, л. 256; РК 1475—1598 гг., с. 247.
- 8) РИБ, т. 31. СПб., 1914, стлб. 161-354. О дате написания см.: *Зимин*. Курбский, с. 305-308.
- 9) *Новодворский*. Прил., с. 5-8; *Дербов*, с. 195-197; *Флоря*. Отношения, с. 52-53.
- 10) РК 1559—1605 гг., с. 88; Щ, л. 471; ПИГ, с. 148-161. Ср.: Сб. РИО, т. 129, с. 229-240.
- 11) РК 1559—1605 гг., с. 94-95; Щ, л. 471 об.; ПСРЛ, т. 34, с. 192.
- 12) Сб. РИО, т. 129, с. 241-250.
- 13) АЗР, т. 3, № 56, с. 162; HRM, t. I, № CLXX, р. 237-242; *Новодворский*, с. 13-15; *Флоря*. Отношения, с. 50-67.
- 14) *Сахаров*, с. 65-66; *Севастьянова*, с. 98; АКА, № 216 (в письме от 1 августа 1572 г. Грозный сообщал королю Фредерику II о принятом решении выдать Марию за Магнуса). Ср.: *Цветаев Д.* Мария Владимировна и Магнус Датский. — ЖМНП, 1878, № 3, с. 57-85.
- 15) *Тихомиров*. Памятники XVI в., с. 92.
- 16) РК 1559—1605 гг., с. 95-96; Щ, л. 479-479 об. Воеводы Воротынский и Одоевский отправились «на берег» 15 апреля 1573 г., а Морозов был задержан в Москве.
- 17) РИБ, т. 31, стлб. 286-289, 309. См. также: *Веселовский*. Опричнина, с. 369-370, 414-417, 422.

- ¹⁸⁾ *Вельяминов-Зернов*, ч. 2, с. 21.
- ¹⁹⁾ ПИГ, с. 162-192. Речь идет о В. И. Воротынском, умершем 27 сентября 1553 г. Позднее (в январе 1574 г.) у беглых холопов допытывались о «крымской измене Шереметевых» (Допрос, с. 29-31).
- ²⁰⁾ РК 1559—1605 гг., с. 95-97. [246]
- ²¹⁾ *Новодворский*, с. 17-20; Прил., с. 3-11; HRM, t. I, № CLXXIII, p. 247.
- ²²⁾ *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 344-345. Скобельцын прибыл в Вену в марте 1574 г.
- ²³⁾ Сб. РИО, т. 129, с. 251-256. В сентябре 1573 г. царь посетил Иосифо-Волоколамский монастырь (*Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, 1950, т. V, с. 4 (здесь)).
- ²⁴⁾ РК 1559—1605 гг., с. 101-103; Щ, л. 484 об.-487 об.
- ²⁵⁾ *Димитриев В. Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI — начала XVII в. — УЗ НИИ Чув. АССР, 1963, т. 22, с. 135.
- ²⁶⁾ РК 1559—1605 гг., с. 106; Щ, л. 494.
- ²⁷⁾ АЗР, т. 3, № 58, с. 166-177; ДРВ, ч. XIII, с. 450; Щ, л. 496; Нижегородский летописец, с. 35; *Новосельский*, с. 431.
- ²⁸⁾ *Толстой*, № 35, с. 148-153; № 37, с. 159-160; *Любименко*, с. 83.
- ²⁹⁾ АЗР, т. 3, № 58, с. 173; *Новодворский*, с. 35-36. В январе и 30 мая 1574 г. Грозный находился в Александровской слободе (Хронологический перечень, ч. III, № 960, 1-445), 29 января 1574 г. — в Братошине (*Бантыш*. Обзор, ч. 1, с. 7), а 19 сентября он, очевидно, приехал в Иосифо-Волоколамский монастырь на поставление игумена Евфимия Туркова (ГВЛ, Волок, собр., № 412, л. 79 об.- 80; ДДГ, с. 483).
- ³⁰⁾ Инструкции на случай выдвижения кандидатуры царя находились у русских послов, ожидавших разворота событий в Дорогобуже (АЗР, т. 3, с. 177).
- Флоря Б. Н.* «Артикулы, сказанные через Криштофа Граевского» — важный источник по истории внешней политики 70-х годов XVI в. — АЕ за 1975 г. М., 1976, с. 334-338; *Флоря*. Отношения, с. 100-102; *Рябинин И.* Показание польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву 1574—1575 гг. — ЧОИДР. 1905, кн. 1, с. 6-16; *Уманец*, с. 263-265; *Новодворский*, с. 23-24. Показания Граевского датированы 8 августа 1575 г.
- ³¹⁾ По молдавским летописям, Богдан оставил престол «волею самохотною» в начале 1572 г. (Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976, с. 135). В начале августа 1574 г. Иван IV из Старицы благодарит датского короля Фредерика II за помощь Богдану в поездке на Русь (АКА, № 232). Материалы о приезде Богдана см.: ЦГАДА, ф. 68, 1574, б/н; *Тихомиров*. Заметки, с. 135.
- ³²⁾ *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — ИЗ, 1947, т. 22, с. 121-122; *Скрынников*. Террор, с. 198.

Сохранилась грамота Богдана, написанная 28 марта 1575 г. в Тарусе (*Рождественский В. А. Историческое описание Серпуховского владычного общежительного девичьего монастыря*. М., 1866, с. 125-126). О его грамоте 1575/76 г. Тихоновой пустыне есть только упоминание (*Ильинский Г. Духовская Тихонова пустынь Костромской губернии*. Кострома, 1898, Прил., с. I-IV). О смерти Богдана см.: ПДС, т. I (посольство Ж. Квашнина, отправленного в Империю в сентябре 1577 г.), стлб. 752; *Каиштанов*. О политике, с. 427-462.

³³⁾ Отправленный обратно Десфалос и русский гонец Ушаков были перехвачены шведами (*Греков И. Б. Очерки...*, с. 346); Сб. РИО, т. 129, с. 268. 16 декабря 1574 г. царь был в Троице-Сергиевом монастыре (Щ, л. 495). [247]

³⁴⁾ *Сахаров*, с. 65; Щ, л. 473 об., 477, 491; РК 1475—1598 гг., с. 256, 261.

На свадьбе Ивана IV в январе 1575 г. И. Ю. Голицын думного чина не имел (ИРГО, вып. 1. СПб., 1900, с. 12).

³⁵⁾ Щ, л. 491; ЦГАДА, ф. 123, кн. 14, л. 192-194 (январь 1574 г.).

В феврале 1573 г. В. И. Колычев, будучи еще окольниковым, получил большое поместье в Шелонской пятине (*Самоковасов*, т. 1, с. 59, 65-69, 79). О П. И. Татеве см.: Щ, л. 466; РК 1559—1605 гг., с. 102 (сентябрь 1573 г.). О Б. Д. Тулупове см.: Щ, л. 491; ср. в январе 1575 г. (ИРГО, вып. 1. СПб., 1900, с. 9). В Пространной редакции разрядов в 1572/73 г. окольниковыми названы В. Ф. Воронцов и С. В. Годунов (Щ, л. 477). Это ошибка. В Государеве разряде об их окольничестве не говорится, а впервые они упоминаются как окольниковые в 1576/77 г. (РК 1475—1598 гг., с. 251, 277; РК 1559—1605 гг., с. 143). Ранее своего дяди Д. И. Годунова Степан окольничества получить не мог. О Д. И. Годунове см.: ЦГАДА, ф. 210 (Разрядного приказа), д. 335, л. 57. О В. Г. Колычеве см.: ИРГО, вып. 1, с. 9; ЦГАДА, ф. 53, кн. 2, л. 184-184 об.

³⁶⁾ *Кобрин*, с. 29; ИРГО, вып. 1, отд. III, с. 1-13; Сб. РИО, т. 129, с. 282, 323; *Скрынников*. Россия, с. 10; *Самоковасов*, т. I, с. 78 (пожалования Васильчиковым); *Сухотин*, вып. II-IV, с. 57; *Яковлева*. Возвышение, с. 276.

В марте 1573 г. Н. Б. и Г. Б. Васильчиковы служили по государеву Двору и получали оклад 50 руб. (*Альшиц*, с. 21). На свадьбе Анны оба они присутствовали.

³⁷⁾ *Яковлева*. Возвышение, с. 276.

На свадьбе отца Иван и Федор еще присутствовали без жен. Об их свадьбе «в тот самый год, когда мы были там», писал Д. Принц в 1575 г. (*Принц*, кн. 3, с. 28). 29 июля 1574 г. (возможно, в связи со свадьбой дочери) Петров-Соловой получил крупные поместья в Шелонской пятине, в 1575 г. — поместья опального В. И. Умного (*Самоковасов*, т. I, с. 59, 65, 66, 68, 79).

³⁸⁾ В их числе были Матвей и Ждан Третьяковы (Лошаковы), Иван Афанасьев, Алексей и Василий Ждановы, Тимофей Данилов, Григорий, Иван, Петр и Михаил Федоровы, Венедикт Борисов, Игнатий, Богдан, Федор и Михаил Васильевичи, Степан и Алексей Никитины. О Колычевых см.: *Зимин А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв.* — АЕ за 1963 г. М., 1964, с. 56-71.

³⁹⁾ *Новодворский*. Прил., с. 8; Допрос, с. 33; *Садиков П. А.* Царь и опричник. — Века, сб. I. Пг., 1924, с. 70; *Сахаров*, с. 65; РК 1475—1598 гг., с. 248; *Альшиц*, с. 20.

⁴⁰⁾ *Севастьянова*, с. 99; *Альшиц*, с. 22.

⁴¹⁾ НЛ, с. 118; РК 1475—1598 гг., с. 236-244; РК 1559—1605 гг., с. 92; *Альшиц*, с. 20; ЦГАДА, ф. 53, кн. 2, л. 184-184 об.; *Савва*. с. 396.

⁴²⁾ *Кобрин*, с. 47-48.

Кроме названных упоминаются также Милюковы (Мелюковы): Долмат Иванов, Климентий и Назарий Даниловичи, Воин и Иван Григорьевичи, Иван Дмитриевич, Иван Гусь, Григорий, Михаил и Яков Васильевичи, Григорий и Никита Федоровичи, Дмитрий Васильевич Старого.

⁴³⁾ ВМОИДР, т. 10. М., 1851, с. 93, 256 (список А); Редкие источники по истории России, вып. 2. М., 1977, с. 49-50, 118 (список Б).

Во всех списках Летописной редакции легенда о выезде Чета помещена в конце родословия Квашниных, разрывая ее текст. Родословие Сабуровых и Годуновых начинается с заголовка «Род Сабуровых» и сведений [248] о Дмитрие Зерне (Редкие источники..., вып. 2, с. 49-50). Таким образом, легенда скорее всего была вставлена в протограф редакции. Соображения на этот счет высказала автору М. Е. Бычкова.

⁴⁴⁾ Родословная книга, ч. I, с. 240. «А се род Костянтина Дмитриевича. Костянтин Дмитриев сын Зернова брат Ивану Дмитриевичу Зернову меньшей» (ПСРЛ, т. 24, с. 231). Составитель родословных приложений знал духовные Василия I, в одной из которых упоминается Константин, чем, возможно, и объясняется начало родословия Годуновых именно с него.

⁴⁵⁾ *Масса*, с. 33; *Веселовский С. Б.* Из истории феодального землевладения. — ИЗ, 1946, № 18, с. 60.

⁴⁶⁾ ДДГ, № 20, с. 57; *Веселовский С. Б.* Из истории феодального землевладения, с. 57; ПСРЛ, т. 28, с. 64; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 66, 150.

⁴⁷⁾ *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974, с. 81, 276.

⁴⁸⁾ *Кобрин*, с. 34-35. В 1515 г. Василий Большой служил в передовом полку на Вязьме; Петр Григорьевич в сентябре 1508 г. служил на Луках (РК 1475—1605 гг., с. 148, 42). В одном местническом деле сохранилась грамота Василия III, адресованная Петру (ЦГАДА, ф. 210, д. 335, л. 34-35).

⁴⁹⁾ В августе 1573 г. Степан был вторым воеводой в Вильяне (РК 1475—1598 гг., с. 251).

⁵⁰⁾ ТКДТ, с. 188.

⁵¹⁾ В 1551 г. он один из воевод в Смоленске (РК 1475—1598 гг., с. 130).

⁵²⁾ *Кобрин*, с. 34. Упоминается в разряде 1570 г., на свадьбе царя 1575 г. и в походе 1577 г. (РК 1475—1598 гг., с. 277, 293; ИРГО, вып. 1, с. 13).

⁵³⁾ Упомянут на свадьбе Грозного и Марфы Собакиной 1571 г. (*Сахаров*, с. 64).

⁵⁴⁾ *Кобрин*, с. 34; РК 1475—1598 гг., с. 243; Щ, л. 467 (1567 г.), л. 491 (1571—1573 гг.); ЦГАДА, ф. 210, д. 335, стлб. 2, л. 1-73 (1574 г.); *Скрынников*. Россия, с. 12; *Сахаров*, с. 63-64.

По Беляевскому списку дворцовых чинов, Д. И. Годунов был постельничим только три года, т. е. с 1571/72 по 1573/74 г. (*Зимин*. О составе, с. 204).

⁵⁵⁾ В литературе — начиная с Н. М. Карамзина — приводится дата 1552 г., но она не подкреплена источниками (см.: *Краевский А.* Царь Борис Феодорович Годунов. СПб., 1836, с. 1).

⁵⁶⁾ *Кобрин*, с. 34; *Веселовский*. Опричнина, с. 210; РК 1559—1605 гг., с. 67.

⁵⁷⁾ В октябре 1571 г. она уже присутствовала на свадьбе Ивана IV (*Сахаров*, с. 63).

⁵⁸⁾ *Шумаков*. Обзор, вып. IV, № 20, с. 47-48; № 22, с. 48. Грамоты 1572 и 1575/76 гг. см.: ЧОИДР, 1897, кн. 1, с. 6-7.

⁵⁹⁾ РК 1559—1605 гг., с. 73, 80, 91; *Сахаров*, с. 64.

⁶⁰⁾ Свадьба Федора состоялась не позднее весны 1575 г. В надписи 5 марта 1575 г. на покрове Ирина упоминается рядом с именем Федора (*Леонид*, с. 93). Горсей сообщает о женитьбе Федора сразу после рассказа о расправе царя с Леонидом (*Севастьянова*, с. 106-107).

⁶¹⁾ С царем он был в Старице в апреле 1575 г. (ЛОИИ, собр. рукоп. кн., № 1028, л. 49-49 об.).

⁶²⁾ ЦГАДА, ф. 123, кн. 14, л. 171об.-172; *Садиков П. А.* Царь [249] и опричник, с. 70 (1573 г.); ПСРЛ, т. 13, с. 410 (1533 г.); РК 1475—1598 гг., с. 111, 152 (1547 г.), с. 14 (1557 г.).

⁶³⁾ *Мятлев Н.* Родословные заметки. — ЛИРО, вып. 1-2. М., 1911, с. 13-14.

⁶⁴⁾ *Кобрин*, с. 49; ЦГАДА, ф. 53, кн. 2, л. 184-184 об.; ф. 79, кн. 10, л. 114 об., 217-217об.; ф. 123, кн. 14, л. 323-324об.; *Савва*, с. 396-397; ЧОИДР, 1916, кн. 1, № 354, с. 151, 169; ПДС, т. I, стлб. 533-544.

⁶⁵⁾ РК 1475—1598 гг., с. 259, 276, 292, 295. В Пространной редакции разрядов в 1579 г. Нагой помещен среди как дворовых воевод, так и думных дворян (Щ, л. 547, 548).

⁶⁶⁾ Допрос, с. 32; ИРГО, вып. 1, с. 13. Об А. Ф. Нагом см. также: *Мордовина*, *Станиславский*. Состав двора, с. 179-181; *Севастьянова*, с. 96.

⁶⁷⁾ В 1571/72 г. Ф. Ф. Нагой служил наместником в Чернигове (РК 1475—1598 гг., с. 246). О нем см.: *Мятлев Н. В.* Догадка о жене Федора Нагова. — ИРГО, вып. 2. СПб., 1903, с. 13-17; *Кобеко Д. Ф.* Федор Федорович Нагой. — Там же, с. 18-24.

⁶⁸⁾ В их числе были Верига Третьяков, Невежа Яковлев, Иван и Постник Богдановы, Григорий и Давыд Неждановы, Богдан Сидоров.

⁶⁹⁾ РИС, т. 5. М., 1842, с. 1-36; *Скрынников*. Россия, с. 67; *Поссевино*, с. 49; *Сахаров*, с. 63.

В 1576 г. Б. Я. Вельский сделал вклад «по брате своем по Максиме по Григорьевиче Вельском, по Малютине сыне по Горайне» (*Кобрин*, с. 25). Следовательно, сын Малюты был двоюродным братом Б. Я. Вельского, а сам Малюта — дядей Богдана. В 1570 г. Б. Я. Вельский был «поддатнем» к большому саадаку (РК 1475—1598 гг., с. 236).

⁷⁰⁾ РК 1475—1598 гг., с. 244, 260, 276, 293; *Альшиц*, с. 20 (1573 г.); Щ, л. 469 (1571—1573 гг.), л. 491 (1574 г.), л. 516 (1576—1579 гг.); ДРВ, ч. XIV, с. 350; ВЖ, 1852, № 1, с. 137 (1578 г.). Ср.: *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 163-165.

⁷¹⁾ ИРГО, вып. 1, с. 9, 11, 13; *Флетчер*, с. 33, 42.

⁷²⁾ *Масса*, с. 44; ПЛ, вып. 1, с. 125 (Дмитрий); ДРВ, ч. XIII, с. 112; БД, л. 612 об. (Василий); РИС, т. 5, с. 1 (Иван Петрович; 1576 г.).

⁷³⁾ В. И. Шуйский в походах 1574, 1576, 1577 и 1579 гг. был рындой с большим саадаком; Андрей Иванович в 1574, 1576 и 1577 гг. — рындой у царевича Ивана, а в 1579 г. — рындой с копьём у царя; Дмитрий Иванович в 1577 и 1579 гг. — рындой «с другим саадаком» у государя. В. Ф. Скопин, женатый на дочери кн. П. И. Татеева, появляется в разрядах в 1573 г. (Щ, л. 508, 516, 544; РК 1475—1598 гг., с. 260, 276, 293, 295). О Шуйских см. также: *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 190-191.

⁷⁴⁾ *Самоковасов*, т. I, с. 66 (в издании описки: «Шумским»).

⁷⁵⁾ РК 1559—1605 гг., с. 109-110, 117; *Принц*, кн. 3, с. 26-27; АКА, № 259; Щ, л. 497, 500 об., 501 об.; *Новодворский*, с. 26.

Феллинский наместник В. Ф. Воронцов в грамоте от 17 марта 1575 г. считал поход возмездием за осаду шведами Везенберга и опустошение окрестностей Оберпалена, Феллина и Каркуса (АКА, № 237).

⁷⁶⁾ АКА, № 235, 237, 238 (письмо Ивана IV Фредерику II от 7 апреля 1575 г.), 240, 241, 250, 260 (письмо царя от 26 июля 1575 г.), 262; *Ульфельд*, с. 3.

⁷⁷⁾ *Willan T. S. The Early History of the Russia Company. 1553—1603. Manchester, 1956, p. 126-128. [250]*

⁷⁸⁾ АЗР, т. 3, № 60, с. 182-184; *Щербатов*, т. V, ч. 2, с. 367; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. IV. Вильна, 1867, № 14; *Новодворский*, с. 27, 28.

⁷⁹⁾ *Новосельский*, с. 30; РК 1475—1598 гг., с. 266-268.

⁸⁰⁾ *Скрынников*. Террор, с. 288; *Веселовский*. Опричнина, с. 397, 399-400, 410, 430, 447-448, 450, 458; *Севастьянова*, с. 99.

⁸¹⁾ ЦГАДА, ф. 53, кн. 2, л. 184 (январь 1575 г.); ф. 181, д. 141, л. 91; АФЗХ, ч. II, № 374, с. 418-419; № 379, с. 424 (ср.: *Скрынников*. Россия, с. 13); *Самоковасов*, т. 1, с. 55-57 (ср.: НРМ, т. I, р. 242), 66, 68 (1574-1575 гг.); Архив АН СССР, ф. Веселовского (620), оп. 1, д. 20, л. 429 об.

В походе на Пайду 1572/73 г. Плещеев вместе с Тулуповым был головой (РК 1559—1605 гг., с. 92). О Сумбуловых см.: Щ, л. 491. О Я. Д. Мансурове см.: Щ, л. 467. В писцовой книге 1577/78 г. Коломенского у. упоминается его бывшее поместье (ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 417-451).

⁸²⁾ *Принц*, кн. 3, с. 28.

⁸³⁾ *Скрынников*. Россия, с. 12; *Леонид*, с. 93. 6 января 1577 г. Иван IV сделал вклад на помин ее души в Симонов монастырь (ГПБ, F IV, № 348, л. 32об.-33; *Яковлева*. Возвышение, с. 276).

⁸⁴⁾ *Севастьянова*, с. 99.

⁸⁵⁾ *Допрос*, с. 29.

⁸⁶⁾ *Скрынников*. Россия, с. 13.

⁸⁷⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 192, 226; Щ, л. 527 об.; *Принц*, кн. 3, с. 29; *Севастьянова*, с. 96-97; ПИГ, с. 195-196. 20 сентября 1575 г. в Шацк была направлена грамота Ивана IV — «царя и великого князя всея Руси» (*Корецкий*. Материалы, с. 302).

⁸⁸⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 192. В новом дворце царь принимал английского гонца Сильвестра.

⁸⁹⁾ ПСРЛ, т. 8, с. 245-246 (1506 г.); СГРД, ч. I, № 145, с. 401-403 (1505 г.); Родословная книга, ч. I, с. 27; *Герберштейн*, с. 145-146.

⁹⁰⁾ ПСРЛ, т. 6, с. 268. См. о духовной: ДДГ, № 100, с. 415.

⁹¹⁾ РК 1475—1598 гг., с. 44, 48, 49, 53, 54, 69; ПСРЛ, т. 28, с. 345; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1956, с. 191; Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895, с. 42, 43; СГГД, ч. I, № 55 (1509 г.); *Герберштейн*, с. 148.

⁹²⁾ ПСРЛ, т. 24, с. 221; т. 8, с. 269; ДДГ, № 100, с. 415.

⁹³⁾ Ранее, в 1532 г., по просьбе царевича Ислам-Гирея Василий III пожаловал его «и сыном его назвал». Правда, Ислам вскоре изменил великому князю (ПСРЛ, т. 8, с. 278-279).

⁹⁴⁾ СГГД, ч. I, № 157; ПСРЛ, т. 13, с. 123-124; Родословная книга, ч. I, с. 27.

⁹⁵⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 192, 226.

⁹⁶⁾ С. М. Каштанов считает, что, когда в 1572 г. Грозный свел Симеона из Касимова и крестил его в православную веру, он «вскоре» женил его на дочери Мстиславского (главы земщины) и тем самым «уже тогда хотел сделать Симеона главой земщины» (*Каштанов*. О политике, с. 458). Свадьба, очевидно, состоялась значительно позже, поэтому гипотезу С. М. Каштанова принять трудно.

⁹⁷⁾ *Тихомиров*. Памятники, с. 226; РК 1475—1598 гг., с. 259; *Новосельский*, с. 431.

⁹⁸⁾ РК 1475—1598 гг., с. 140, 156 и др. (Симеон); АФЗХ, ч. II, № 355, с. 395 (Мария); ПСРЛ, т. 13, с. 398 (1565 г.), 101, 402 (1566 г.); Сб. РИО, т. 129, с. 219, 221, 224, 226; ЗОРСАРАО, т. I. СПб., 1851, с. 81. [251]

«Царями» Симеон Касаевич и Александр Сафагиреевич названы в разрядах полоцкого похода 1562—1563 гг. (Витебская старина, т. IV, ч. 1. Витебск, 1885, с. 27; РК 1475—1598 гг., с. 197).

⁹⁹⁾ ВМОИДР, т. 10, с. 129; *Вельяминов-Зернов*, ч. 2, с. 9-11; *Лилеев Н. В.* Симеон Бекбулатович, хан касимовский, великий князь всея Руси. Тверь, 1891, с. 3; ПДРВ, т. XI. СПб., 1801, с. 170; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954, с. 77 (1570 г.); ГАР, с. 81, 451.

В 1561/62 г. Бекбулат находился в Смоленске, а затем упомянут в сентябрьском разряде 1562 г. полоцкого похода (Витебская старина, т. IV, ч. I, с. 27; РК 1475—1598 гг., с. 197, 198, 200).

¹⁰⁰⁾ РК 1475—1598 гг., с. 242-243, 248, 249; *Вельяминов-Зернов*, ч. 2, с. 12-15; *Карамзин*, т. IX. СПб., 1831, прим. 460. Ссылаясь на наименование Симеона «царем... Тверским» в записях Пространной редакции разрядов за май — июль 1573 г., Р. Г. Скрынников считает, что уже тогда Симеон мог получить земли в Твери (*Скрынников*. Россия, с. 38), но скорее всего это наименование — результат поздней редакции разрядного текста. В записи разрядов о посылке под Пернов летом 1575 г. Симеон упоминается первым и называется «царем», а Михаил Кайбулич — вторым и именуется «царевичем» (РК 1559—1605 гг., с. 116; РК 1475—1598 гг., с. 258). Это последнее упоминание о Михаиле Кайбуличе.

¹⁰¹⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 226.

¹⁰²⁾ Там же, с. 192, 226; *Принц*, кн. 3, с. 29; НЛ, с. 148 (Леонид); *Тихомиров*. Памятники, с. 226 (в летописце ошибочно «Евстафий»); *Скрынников*. Террор, с. 258; ПИГ, с. 172.

¹⁰³⁾ ОАПП, ч. I, с. 258, 315-316.

¹⁰⁴⁾ *Севастьянова*, с. 106. Сожжено было также 11 епископских слуг и «ведьмы». О казни 15 колдуний в Новгороде говорится в синодике Ивана IV в связи с перечнем жертв 1575 г. (*Скрынников*. Террор, с. 288).

¹⁰⁵⁾ *Дмитриев И. Д.* Московский Новоспасский монастырь в его прошлом и настоящем. М., 1903, Прил., с. 10; *Кобрин*, с. 89; *Веселовский*. Опричнина, с. 294, 476; РК 1475—1598 гг., с. 228 (1567 г.), ср. 1570 г. (РК 1475—1598 гг., с. 236).

¹⁰⁶⁾ *Скрынников*. Россия, с. 20.

¹⁰⁷⁾ *Апухтин В. Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г. М., 1914, с. 12; *Скрынников*. Террор, с. 287, 289; ПСРЛ, т. 34, с. 226.

¹⁰⁸⁾ *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 2. М., 1890, с. 101; *Скрынников*. Террор, с. 287, 289; *Кобрин*, с. 28; *Веселовский*. Опричнина, с. 208-209.

Дмитрий упоминается в походе на Пайду 1572/73 г. и осенью 1573 г. на службе в Муроме (РК 1475—1598 гг., с. 248, 252); Иван — как боярин в грамоте конца 1569 г. (*Зимин*. Опричнина, с. 482).

¹⁰⁹⁾ *Скрынников*. Террор, с. 287, 289; ПСРЛ, т. 34, с. 192, 226. О том, что П. А. Куракин еще до 1573 г. был в опале, можно судить по замечанию Курбского о его «погублении» (РИБ,

т. 31, стлб. 283). В 1570/71 г. он был в Казани, а в августе 1574 и январе 1575 г. там наместничал (РК 1475—1598 гг., с. 241, 349; АИ, № 191).

¹¹⁰⁾ *Скрынников*. Террор, с. 287, 289; ПСРЛ, т. 34, с. 192, 226; *Кобрин*, с. 27; *Веселовский*. Опричнина, с. 361.

¹¹¹⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 226. В 1571/72 и 1572/73 гг. упоминается на службе в Чебоксарах (РК 1559—1605 гг., с. 86, 88).

¹¹²⁾ *Скрынников*. Террор, с. 287; Акты Дьяконова, № 21, 24, 25 (февраль 1574 — 1 сентября 1575 г.); *Корецкий*. Материалы, с. 300; *Корецкий*. Собор и возрождение, с. 33; *Кобрин*, с. 38; *Веселовский*. Опричнина, с. 212, 378. [252]

¹¹³⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 226; *Тихомиров*. Памятники, с. 226; *Кобрин*, с. 31; *Веселовский*. Опричнина, с. 220-221; *Веселовский*. Дьяки, с. 344.

¹¹⁴⁾ *Скрынников*. Террор, с. 287; ПСРЛ, т. 34, с. 226; *Кобрин*, с. 30; *Веселовский*. Опричнина, с. 388; *Веселовский*. Дьяки, с. 96-97.

¹¹⁵⁾ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. Пер. и вступит. ст. И. И. Полосина. Л., 1925, с. 97, 132, 142; *Веселовский*. Дьяки, с. 217.

О. Ильин последний раз упоминается в источниках 18 января 1575 г. (АИ, т. 1, № 192, с. 355).

¹¹⁶⁾ *Самоквасов*, т. II, с. 223-279, 295-302; *Корецкий*. Материалы, с. 301-302.

¹¹⁷⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 192, 226. Подробно о том, как был «ограблен» Н. Р. Юрьев, писал Горсей. Ограбление Щелкалова производил Семен Нагой, брат А. Ф. и Ф. Ф. Нагих (*Севастьянова*, с. 107-108).

¹¹⁸⁾ *Корецкий*. Собор и возрождение, с. 86.

¹¹⁹⁾ *Корецкий*. Собор и поставление, с. 153 (ср.: РК 1475—1598 гг., с. 267; Щ, л. 502); ДРВ, ч. XIV, с. 306; *Павленко*, с. 99; *Черепнин*, с. 118.

¹²⁰⁾ *Горсей*, с. 36; *Корецкий*. Собор и возрождение, с. 36; *Корецкий*. Собор и поставление, с. 149; *Кашитанов С. М.* К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г. — ИЗ, 1965, т. 73, с. 209-235; *его же*. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины. — ЗОР, вып. 28. М., 1966, с. 96-142; *его же*. Очерки русской дипломатики. М., 1972, с. 217; *Hulbert E.* The «Zemskie sobor of 1575»: a mistake of translation. — *Slavic Review*, 1966, v. 25, N 2, p. 320-322; *Севастьянова*, с. 101; *Севастьянова А. А.* Сочинения Джерома Горсея как источник по истории России XVI — начала XVII в. АКД. М., 1974.

¹²¹⁾ Возможность существования такого собора допускает Н. И. Павленко (*Павленко*, с. 99).

¹²²⁾ *Севастьянова*, с. 100-102; СГГД, ч. I, № 200, с. 585. Эту точку зрения высказывали С. М. Середонин (*Середонин*, с. 28-31), С. Б. Веселовский (*Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М.; Л., 1947, с. 99-103) и Р. Г. Скрынников (*Скрынников*. Россия, с. 75).

- ¹²³⁾ *Корецкий*. Собор и возрождение, с. 36.
- ¹²⁴⁾ НЛ, с. 345; *Веселовский*. Опричнина, с. 407; АИ, т. 1, № 190, с. 353; *Греков В. Д.* Описание актовых книг, хранящихся в архиве Археографической комиссии. — ЛЗАК, вып. 28. Пг., 1916, с. 105.
- ¹²⁵⁾ НЛ, с. 148; ПЛ, вып. 2, с. 262.
- ¹²⁶⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 192.
- ¹²⁷⁾ РИБ, т. 31, стлб. 320: *Скрынников*. Россия, с. 15; *Севастьянова*, с. 105-106.
- ¹²⁸⁾ См.: *Кобрин В. В.* «История о великом князе Московском» Курбского в двух зарубежных изданиях, — ВИ, 1965, № 10, с. 176.
- ¹²⁹⁾ *Зимин*. Курбский, с. 306. Р. Г. Скрынников считает, что опала в 1573 г. не могла произойти, так как Леонид в августе 1575 г. управлял епархией (*Скрынников*. Россия, с. 15). Но Леонид после опалы 1573 г. мог на некоторое время снова получить свою епархию.
- ¹³⁰⁾ Н. И. Павленко считает возможным, что «собор занимался разбором дела новгородского архиепископа Леонида дважды — в 1573 и 1575 гг.» (*Павленко*, с. 99). По контексту у него речь идет о церковном соборе.
- ¹³¹⁾ *Скрынников*. Россия, с. 18.
- ¹³²⁾ *Севастьянова*, с. 103-104.
- ¹³³⁾ *Скрынников*. Россия, с. 18; ПСРЛ, т. 34, с. 226.
- ¹³⁴⁾ *Корецкий*. Материалы, с. 303; *Павленко*, с. 99. [253]
- ¹³⁵⁾ *Ключевский В. О.* Соч., т. 2. М., 1957, с. 178; *Платонов*. Очерки, с. 118-119; *Каиштанов*. О политике, с. 460; *Корецкий*. Собор и возрождение, с. 38-39.
- ¹³⁶⁾ Житие Варлаама и Иоасафа. СПб., 1887, с. 473, 475, 480-481.
- ¹³⁷⁾ *Скрынников*. Россия, с. 38.
- ¹³⁸⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 192, 226; *Севастьянова*, с. 97; *Флетчер*, с. 50.
- ¹³⁹⁾ *Середонин*, с. 71-81; *Сухотин*, вып. V-VI, с. 58-59; ПИГ, с. 481-484 (Я. С. Лурье); *Садиков*. Очерки, с. 43-44.
- ¹⁴⁰⁾ *Принц*, кн. 3, с. 29. Грозный якобы говорил, что за время правления узнал «величайшее вероломство и предательские намерения» своих подданных, которые будто бы уже не раз решались «согнать» его с царства и «положили передать» его владения «татарину» (с. 22).
- ¹⁴¹⁾ *Толстой*, с. 159, 181-182.
- ¹⁴²⁾ ПИГ, с. 195; Акты Юшкова, № 205; ПСРЛ, т. 34, с. 192, 226.

- ¹⁴³⁾ См. грамоту Ивана IV от 1 декабря 1575 г. (АИ, т. 1, № 194) и его же указную грамоту на Двину от 19 ноября 1575 г. (*Шмидт С. О.* Неизвестные документы XVI в. — ИА, 1961, № 4, с. 155-156); ПИГ, с. 195. В конце 80-х годов около половины земель Ржевского уезда, находившихся у дворян, составляли бывшие дворцовые и черные земли, розданные им не ранее 1575 г. (*Шватченко*, с. 59).
- ¹⁴⁴⁾ ЛОИИ, собр. рукоп. кн., № 1028, л. 8об.-9, 20-29об., 44, 49-49об.; в Старице Грозный был 15 февраля 1575 г. (СПб. ДА, № АИ/48, л. 50об.-51. Сообщено С. М. Каштановым); ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 1, 107 об.; *Бантыш*. Обзор, ч. 1, с. 8; Акты Юшкова, № 205; АКА, № 251, 253, 260; РК 1559—1605 гг., с. 120; *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 155. Впрочем, в 1575/76 г. дворцовые крестьяне Рязанского у. судились Симеоном (ПРП РК, № 83, с. 116).
- ¹⁴⁵⁾ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1972, с. 452-454.
- ¹⁴⁶⁾ ПИГ, с. 195; ОАПП, ч. I, с. 258.
- ¹⁴⁷⁾ НПК, т. V. СПб., 1905, стлб. 655, 681.
- ¹⁴⁸⁾ *Корецкий*. Собор и возрождение, с. 43-44; *Корецкий*. Собор и поставление, с. 154-155.
- ¹⁴⁹⁾ *Полевой Н.* Русская вивлиофика, т. I. М., 1833, с. 201-203.
- ¹⁵⁰⁾ АМГ, т. I, с. 46-47; *Скрынников*. Россия, с. 68. На пометы обратил внимание А. Л. Станиславский.
- ¹⁵¹⁾ ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 432-433, 437-439. Ср.: *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 156-157.
- ¹⁵²⁾ НПК, т. V, стлб. 582, 587, 657, 684, 686 и др.
- ¹⁵³⁾ *Корецкий*. Закрепощение, с. 82-85.
- ¹⁵⁴⁾ *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 153-193; РК 1475—1598 гг., с. 263-264.
- ¹⁵⁵⁾ С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский помещают среди окольных М. Т. Петрова-Солового и С. В. Годунова, а также называют кравчим Б. Ф. Годунова (*Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 157). Они, очевидно, входили в «удел», но свои чины получили: Борис — только осенью 1576 г., М. Т. Петров-Соловой и С. В. Годунов — в 1577 г. (РК 1475—1598 гг., с. 259). П. Д. Пронский последний раз упоминается в источниках в марте 1575 г., а В. А. Сицкий — в июле 1578 г. (РК 1475—1598 гг., с. 248, 286. 287; Акты Дьяконова, № 23, с. 21).
- ¹⁵⁶⁾ ОАПП, ч. I, с. 256.
- ¹⁵⁷⁾ *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 159.
- ¹⁵⁸⁾ Ф. И. Хворостинин был дворецким восемь лет (*Зимин*. О составе, с. 199, 203); см. о нем: АГР, т. I, № 81. 82, с. 222 (октябрь — ноябрь 1576 г.); Архив ЛОИИ, акты до 1600 г. (1576/77 г.); АФЗХ, ч. II, № [254] 369, с. 411 (июль 1579 г.); ПРИ РК, № 83, с. 116 (июль 1577 г.); РК 1475—1598 гг., с. 278, 292, 295; *Садиков*. Очерки, с. 82. В январе 1576 г. на

приеме имперских послов Н. Р. Юрьев еще именуется «московским дворецким» (ПДС, т. I, стлб. 533-544).

¹⁵⁹⁾ Ю. И. Токмаков последний раз упомянут в разрядах в конце 1575 г. (РК 1475—1598 гг., с. 259). Вклад по нем сделан в мае 1576 г. (ЛОИИ, собр. рукоп. кн., № 1028, л. 47).

¹⁶⁰⁾ *Лихачев*. Дьяки, с. 466-467; *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 189-190; *Веселовский*. Дьяки, с. 578; *Скрынников*. Россия, с. 29.

¹⁶¹⁾ Поскольку есть сведения, что Борис стал боярином осенью 1580 г., а кравчим был четыре года (*Сахаров*, с. 66; *Зимин*. О составе, с. 204), то он должен был стать кравчим в 1576 г., хотя впервые упомянут в этом чине лишь в декабре 1578 г. (*Зимин*. О составе, с. 200). О службах Ф. И. Мстиславского см.: РК 1475—1598 гг., с. 273-274, 278, 285 и сл. Ср. РК 1559—1605 гг., с. 137, 140, где он, видимо, ошибочно назван вместо своего отца — И. Ф. Мстиславского (Боярские списки, ч. 1, с. 85).

¹⁶²⁾ РК 1475—1598 гг., с. 273; РК 1559—1605 гг., с. 137 (Шереметев); *Савва*, с. 116; Боярские списки, ч. 1, с. 84.

¹⁶³⁾ РК 1559—1605 гг., с. 121; ПСРЛ, т. 34, с. 226.

¹⁶⁴⁾ *Севастьянова*, с. 97; ОАПП, ч. I, с. 258; *Толстой*, № 40, с. 188.

¹⁶⁵⁾ Дата ликвидации «великого княжения» Симеона не вполне ясна. Как великий князь всея Руси Симеон упоминается еще 27 июня 1576 г. (*Самоковасов*, т. II, с. 444), но уже 2 сентября в подведомственную ему ранее Обонежскую пятину грамоты посылал Иван IV (РИБ, т. 32. Пг., 1925, стлб. 539-540). Однако в грамоте Грозного в Обонежскую пятину от 30 марта 1577 г. упоминается, что туда 13 сентября 1576 г. писал еще Симеон (*Корецкий*. Собор и возрождение, с. 43). По В. И. Корецкому, до середины сентября 1576 г. Симеон продолжал находиться на «великом княжении». Но его объяснение факта посылки Грозным грамоты Вяжицкому монастырю 2 сентября (привезена в Новгород 10 октября 1576 г.) весьма неопределенно: речь якобы должна идти или об особенностях «политики Грозного по отношению к монастырям», или о подготовке к ликвидации «великого княжения» Симеона (*Корецкий*. Собор и возрождение, с. 43).

¹⁶⁶⁾ В разрядах говорится, что на «великом княжении» Симеон «сидел год один» (Щ, л. 507 об.; ср. РК 1559—1605 гг., с. 142). По Пискаревскому летописцу, «жития его было 3 год и больше» (ПСРЛ, т. 34, с. 192). И только в начале XVII в. Маржерет ошибочно писал, что Симеон «правил целых два года» (*Маржерет*, с. 149).

¹⁶⁷⁾ *Севастьянова*, с. 97; *Скрынников*. Россия, с. 36, 38.

¹⁶⁸⁾ *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики, с. 150- 217; *Шмидт*, с. 255; *Черепнин*, с. 118-119.

Конец Ливонской войны

Внешняя политика России периода «удела» 1575—1576 гг. продолжала традиции предшествующего времени. Грозный всячески старался упрочить отношения с Англией, одержимый мыслью об окружавших его изменах, которые могут вынудить его бежать из России и искать покровительства английской королевы. 29 ноября 1575 г. на приеме английского гонца Сильвестра он доверительно объяснял ему причины передачи власти

Симеону Бекбулатовичу. На второй встрече, 29 января 1576 г., Иван IV угрожал, что в случае несогласия англичан на его просьбу о «предоставлении убежища» отнимет у них торговые привилегии и передаст их голландцам и венецианцам.¹⁾

Не рассчитывая на успех своей кандидатуры на польский престол, Грозный стремился использовать бескоролье для установления союзнических отношений с Империей. 27 января 1576 г. в Можайске царь принимал имперских послов И. Кобенцеля и Д. Принца (из Бухау).²⁾ Они привезли Грозному предложение императора Максимилиана II заключить союз против османов. В далекой перспективе император обещал Ивану IV «все цесарство Греческое на восход солнца», которое, правда, нужно было еще завоевать. От Грозного Максимилиан ожидал поддержки кандидатуры своего сына Эрнста на польский престол. Царь склонен был «отдать» императору Польшу [44] и выступить сторонником кандидатуры Эрнста, говорил и о готовности включиться в антиосманский союз, но при этом делал одну существенную оговорку — Великое княжество Литовское (к тому же с Киевом) и Ливония должны были войти в состав Русского государства. Посольство З. Сугорского и А. Арцыбашева, направленное с этими предложениями к Максимилиану II, в августе 1576 г. прибыло в Регенсбург, где тогда заседал имперский рейхстаг. Переговоры не дали никаких результатов. Камнем преткновения оставалась Ливония, которую Империя не хотела передавать под власть Ивана IV.³⁾ 28 января 1576 г. царь отправил в Речь Посполитую с Л. З. Новосильцевым две грамоты в духе русско-имперских переговоров: в одной — польской знати — он рекомендовал кандидатуру Эрнста на польский трон, в другой — литовским панам-раде — предлагал в качестве литовского великого князя себя или старшего сына.⁴⁾

Во время бескоролья в Речи Посполитой Грозный предпринимает наступление в Ливонии. Оно явилось ответом на нападение ливонских и литовских войск на г. Салис (1 декабря 1575 г.). В январе 1576 г. были взяты ливонско-шведские крепости Коловер, Гапсаль и Падца.⁵⁾ Но решающих побед достичь не удалось. Продолжавшиеся одновременно мирные переговоры со Швецией практически не сдвинулись с места. Тем временем события в Польше развивались не так, как того хотел бы царь. Слухи о переговорах Грозного с Максимилианом II распространились быстро и оказали сильное влияние на то, чтобы чаша весов во время элекции короля склонилась в пользу семиградского воеводы. 1 мая 1576 г. Стефан Баторий был коронован в Варшаве, а 3 июня избран на престол в Литве. Известие о вступлении на престол Баторий отправил Ивану IV с послами Ю. Городенским и Л. Буховицким (прибыли в Москву 27 октября 1576 г.). 4 ноября они были приняты царем.⁶⁾ Баторий был крайне заинтересован в продлении перемирия с Россией. Ему надо было выиграть время, чтобы подчинить мятежный Гданьск. Переговоры в Москве происходили в обстановке взаимных жалоб на всевозможные «обиды» и оказались безрезультатными. Впрочем, от продолжения диалога с Баторием Иван IV не отказался и дал согласие на приезд в Москву «великих послов» короля.

Надежды Ивана IV на русско-имперский союз не оправдались. 11 октября 1576 г. скончался император [45] Максимилиан II, и на престол вступил Рудольф II, четко еще не определивший свою внешнеполитическую линию.

«Великое посольство» Речи Посполитой отправилось в Москву в январе 1577 г. Его возглавлял мазовецкий воевода С. Крыйский. Баторий не рассчитывал, что ему удастся достигнуть прочного «замирения» с «москвитом». Войну с Россией он считал одной из главных внешнеполитических задач. Поэтому цель посольства С. Крыйского была весьма скромной — выиграть время, необходимое польскому королю для подготовки вооруженного противоборства с Иваном IV. Баторий дал послам инструкцию не спешить

с ведением переговоров и включить в состав вопросов, подлежащих обсуждению, уход русских войск из Прибалтики. Польский король отлично представлял себе, что на это Грозный не пойдет. Посольство двигалось медленно, к тому же Крыйский заболел. Только в августе 1577 г. послы должны были пересечь границу России, но начавшиеся военные действия в Ливонии задержали их приезд.⁷⁾

Иной план решения ливонской проблемы избрал Иван IV. Покончив с «маскарадом», т. е. лишив Симеона Бекбулатовича великого княжения, он решил нанести удар по шведским владениям в Прибалтике, а затем и по польским. В начале 1576 г. его «голдвник» (вассал) Магнус взял замок Лемзель. 23 октября к Колывани (Таллину) отправлено было большое войско с «нарядом» (артиллерией), необходимым для штурма этой крупной крепости. 23 января 1577 г. город был осажден. В боях под Колыванью погиб один из видных военачальников — боярин И. В. Шереметев Меньшой. Не добившись результата, 13 марта войско отступило.⁸⁾

На южных рубежах страны в 1576 г. продолжало сохраняться стабильное положение. В мае и августе по сложившемуся порядку «на берег» посланы были войска.⁹⁾ В июле в Европе распространились слухи о победе русских над крымцами, которых погибло якобы 20 тыс. или даже 30 тыс. человек.¹⁰⁾ Возможно, это было отзвуком взятия казаками Ислам-Керменя на Днепре, о чем сообщил в Москву предводитель казаков А. Веревкин 15 августа. В сентябре крымцы приходили к Новгород-Северскому и на «темниковские места». Все это были действия местного значения. После смерти султана Селима II (1574 г.) Мурад III ввиду предстоявшей войны с Ираном пытался наладить отношения с Россией. Тем временем в Иране [46] после смерти шаха Тахмаспа I (1576 г.) разгорелась междоусобная борьба, в ходе которой престол занял Мухаммед Ходабенде. Русско-турецкие отношения осложнились тем, что султан был союзником Стефана Батория. Когда из Москвы выехал турецкий посол Андрей Свир (прибывший на Русь в 1575 г. с грамотой Мурада), то в грамоте Ивана IV от 5 марта 1577 г., которую он вез с собой, содержались только общие заверения в желательности развития между странами торговых отношений.¹¹⁾ На масленице 1577 г. хан Большой Ногайской Орды Тинехмет (Тин-Ахмат) по просьбе крымского хана посылал своих людей на алатырские и темниковские места.¹²⁾ 29 июня 1577 г. крымский хан Девлет-Гирей умер. На престол вступил его сын Магмет-Гирей, положение которого не было достаточно прочным. К тому же крымские войска по-прежнему были отвлечены набегами на земли Речи Посполитой. Словом, обстановка на юге России благоприятствовала проведению Иваном IV активных действий в Ливонии.

В связи с предполагавшимся новым ливонским походом Грозный с целью укрепления престижа высшего командования войском производит ряд воевод в бояре и окольнічие. К апрелю 1577 г. боярином стал кн. В. Ф. Скопин-Шуйский, а к июню — из окольнічих Д. И. Годунов. В феврале 1578 г. среди бояр называется кн. В. И. Мстиславский. Число окольнічих пополнилось С. В. Годуновым (к апрелю), кн. Т. И. Долгоруким (к концу 1576 г.), М. Т. Петровым-Соловым, отцом жены наследника престола (к июню), и Б. В. Шеиным (в 1577/78 г.).¹³⁾

Решения о начале нового ливонского похода были приняты 10 февраля и в апреле 1577 г.¹⁴⁾ Однако выступление войск задержалось. Только обеспечив тыл, «устроя берег» (в мае), 8 июня Иван IV выехал с войском из Новгорода и 15 июня прибыл в Псков. Здесь царь пробыл больше месяца. До него дошли слухи о «шатости» его вассала принца Магнуса, который в конце 1576 г. вступил в сношения с польским администратором в Ливонии гетманом Г. Ходкевичем. Неудовольствие Магнусом усиливалось из-за ухудшения русско-датских отношений. «Ливонского короля» вызвали срочно в Псков для объяснения. Магнусу удалось оправдаться. Но по заключенному между ним и царем

соглашению «король» мог рассчитывать в Ливонии только на небольшую территорию к северу от р. Аа и г. Кесь (Венден), к югу от этой реки.¹⁵⁾ Остальная же часть Ливонии должна была перейти под непосредственное [47] управление царя. 9 июля из Новгорода в направлении Трикатена и Вольмара выступил четырехтысячный отряд кн. Т. Р. Трубецкого, которому удалось у г. Круциборха (Крейцбурга) достигнуть Западной Двины. С Трубецким царь направил коменданту г. Вольмара кн. Александру Полубенскому высокомерное послание, требуя, чтобы гетман не ссорил его со Стефаном Баторием и «из Лифляндские земли выехал».¹⁶⁾

Положение немногочисленных польских гарнизонов в Ливонии было тяжелым. Войско главного управителя Ливонии гетмана Ходкевича насчитывало всего 4 тыс. человек, и рисковать им он не мог. Не хотел Ходкевич использовать и ливонских немцев (а тем более эстонцев и латышей), боясь их измены. Баторий же как раз с августа 1577 г. приступил к осаде Гданьска и не имел возможности прислать в Ливонию необходимую помощь. Тревожно было также на южных окраинах Речи Посполитой. Еще весной 1577 г. крымцы опустошили Вольту и Подолию.¹⁷⁾

Узнав о малочисленности польских отрядов в Ливонии, 13 июля 1577 г. Иван IV со старшим сыном Иваном выступил в поход из Пскова. Младший его сын Федор, Д. И. Годунов и Борис Федорович были оставлены в Новгороде. Войско Грозного в ливонском походе насчитывало около 30 тыс. человек. В походе принимала участие и татарская конница Симеона Бекбулатовича.¹⁸⁾ 18 июля полки подошли к г. Влеху (Мариенгаузену). Его гарнизон, насчитывавший всего 25 человек, предпочел капитулировать без сопротивления. 24 июля отворил ворота город-крепость Лужа (Люцин), комендант которого изъявил желание перейти на русскую службу. Через три дня (27 июля) сдались Режица (Резекне). Милостиво приняты были на службу и гарнизон Режицы, и гарнизон капитулировавшего 9 августа г. Невгина (Динабурга).¹⁹⁾ 12 августа русские войска оказались на берегу Западной Двины. Иван IV подошел к Круциборху (Крейцбургу), затем к лежавшему севернее Двины Левдуну. Гарнизон его был отпущен. 20 августа был взят Чиствин (Зессвеген), на следующий день — Гольбин (Шванебург), а еще через день (22 августа) — и Борзун (Беран).²⁰⁾

В результате стремительного движения русских войск Ливония оказалась под угрозой полного расчленения на две части по р. Двине. Успех замысла Ивана IV связан был с военно-политическим положением в Ливонии. Создание [48] «Ливонского королевства» порождало у части прибалтийских немцев, недовольных польским владычеством, иллюзию возможности приобрести государственную самостоятельность под эгидой Магнуса. В начале кампании «король» написал воззвание, в котором призывал жителей не оказывать сопротивления русским. Магнус заявлял, что действует не только в полном согласии с царем, но и с одобрения императора.²¹⁾ Когда царь подходил к Куконосу (Кокенгаузену), осуществляя план расчленения Ливонии на две части, он узнал, что 14 августа 1577 г. г. Кесь (Венден) перешла на сторону Магнуса и что жители Куконоса также приняли его «покровительство». В грамоте, адресованной царю, Магнус писал, что это именно ему сдались Кесь, Голбин, Чиствин, Левдун, Борзун, Ленавард, Куконос — всего 18 городов. Получив послание «ливонского короля», Иван IV пришел в бешенство. Дело было не только в том, что ряд названных Магнусом городов находился за пределами территории, входившей в «Ливонское королевство». Предъявляя претензии на большинство завоеванных Иваном IV городов, Магнус присваивал лавры победителя в войне, которую Грозный считал своим триумфом. Царь сразу же написал вассалу резкое письмо, в котором объявил, что если Магнус не желает соблюдать псковское соглашение, то пусть отправляется к себе на Эзель или в Данию.²²⁾

Одновременно Грозный направил большой отряд во главе с окольным П. И. Татевым к Куконосу. За сопротивление воле царя и переход на сторону Магнуса почти весь гарнизон города был истреблен. Под Куконосом Грозный получил известие о прибытии к русской границе польского посольства Крыйского. 28 августа Грозный сообщил послам, что им «не пригоже» идти в Ливонию, а сам двинулся к северу, по направлению к Ерле. По пути он узнал, что Магнус занял Вольмар. Туда было срочно направлено войско во главе с приближенными к царю Б. Я. Бельским и Д. И. Черемисиновым. 1 сентября город был взят, а большинство гарнизона истреблено. В плен попал комендант крепости А. Полубенский.²³⁾ Пять дней продолжалась осада Кеси. После сильнейшего обстрела город был взят (5 сентября). Затем сдались Трикатен (10 сентября)²⁴⁾ и еще несколько крепостей. Наступала осень, и кампания в Ливонии заканчивалась.

Из Вольмара Грозный написал торжествующее и полное сарказма послание Курбскому. Как известно, именно [49] из Вольмара в 1564 г. князь Андрей направил царю первое послание после побега. Теперь же Грозный отвечал из того же города крамольному боярину. Он писал: «Где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Вольмере, и тут на твой покой бог нас принес». 12 сентября Грозный пишет грамоты Стефану Баторию, литовскому маршалу Яну Ходкевичу и сбежавшему в Литву «изменнику» Тимохе Тетерину. Литовского вельможу графа Я. Ходкевича царь именует уважительно «мужь храбрый и велемудрый и дородный». Он рассчитывает на то, что Ян Ходкевич передаст Баторию, чтобы тот «нашие вотчины Лифляндские земли не воевал». В нашей Лифляндской земле, продолжал царь, «во многих местах нет того места, где бы не токмо коня нашего ноги, и наши ноги не были, и воды, в котором месте из рек и изо озер не пили есмь». Во время бескоролья Я. Ходкевич вел себя уклончиво: интригуя в Литве против русской кандидатуры, он тайно сносился с «московитами», что породило у Грозного иллюзию благожелательного отношения к нему литовского гетмана. Стефану Баторию Иван IV предлагал мир на условиях перехода всей Ливонии под власть России. Послания за рубеж отправлены были с Полубенским, которого царь милостиво отпустил восвояси.²⁵⁾

Итак, цели, поставленные Грозным во время похода 1577 г., были осуществлены. Основная часть Ливонии к северу от Западной Двины (за исключением Кольвани) перешла под власть Ивана IV и его союзника Магнуса. Это было крупным успехом, причем достигнутым без каких-либо серьезных баталий. О значении похода свидетельствовали и отклики на него в европейской публицистике 1577—1578 гг. Так, в 1577 г. в связи с ливонским походом напечатан был «летучий» листок, а в 1578 г. вышли «Описание Европейской Сарматии» польского хрониста Александра Гваньини и Ливонская хроника Бальтазара Руссова. В них читателя запугивали успехами русских войск, расписывали ужасы, творившиеся Грозным, и т. п.²⁶⁾

Из того, что Иван IV «не решился осаждать Ригу», Р. Г. Скрынников сделал вывод: поход «с самого начала приобрел характер наступательной операции с ограниченными целями», ввиду того что «русское правительство считало основным противником Швецию и рассчитывало добиться полного изгнания шведов из Ливонии».²⁷⁾ Приведенные суждения исключают друг друга. Поход [50] с «ограниченными целями» не мог ставить задачу изгнания шведов из Ливонии. Но главное — поход 1577 г. имел целью решение Ливонской войны в целом.

Правительство Ивана IV отлично понимало, что для присоединения Риги и Курляндии условия еще не созрели. Судя по всему, его задачей было упрочить свою власть на основной части территории Ливонии, лежащей к северу от Двины. Вопрос о Кольвани должен был решаться позднее. Ту же цель преследовала начавшая интенсивно проводиться с 1577 г. политика испомещения служилых людей на присоединенных с 1572

г. ливонских землях. Наделение земель производилось за счет орденских и епископских владений, перешедших в ходе войны в ведение государева дворца.²⁸⁾ Одновременно правительство приступило к созданию прочного наместнического аппарата в Ливонии и подчинило в 1577 г. этот край, изобиловавший замками и крепостями, ведению Городового приказа.²⁹⁾ Большую роль в управлении краем играли дьяки: в Нарве — И. Андреев (1576—1578), П. Пестов (1580), в Пернове — Вас. Алексеев (1576—1581) и др.

Закончив военную кампанию,³⁰⁾ Грозный решил закрепить успехи дипломатическими акциями. В сентябре 1577 г., направляя послание Баторию, он посылает миссию Ждана Квашнина в Империю с целью укрепить союзнические отношения с Рудольфом II. Квашнин вернулся в Москву в июне 1578 г. без каких-либо существенных результатов. Император настаивал на уходе русских войск из Ливонии и склонял царя на этих условиях примириться с Баторием.³¹⁾

Внешнеполитическая обстановка для России с конца 1577 г. постепенно ухудшалась. В декабре прекратил сопротивление Баторию Гданьск, и у польского короля были теперь развязаны руки для противоборства с Иваном IV. В преддверии войны с Ираном Турция заключила 5 ноября мир с Польшей, что также существенно улучшило положение Речи Посполитой. Империя не была уже столь сильно заинтересована в создании антиосманской лиги, а следовательно, и в союзе с Россией, ибо в том же 1577 г. заключила с Портой перемирие. После длительной остановки в Орше 10 января 1578 г. в Москву прибыло посольство Крыйского. Переговоры с ним Грозный пытался вести «с позиции силы». Он не останавливался даже перед прямым оскорблением королевского достоинства Батория. Но в конце концов здравый смысл в нем восторжествовал, [51] и царь согласился на заключение трехлетнего перемирия (с Благовещенья 1578 г.). Фактически же перемирие заключено не было, ибо Иван IV подписал один вариант докончания, в котором Ливония (в том числе Лифляндия и Курляндия) объявлялась русским владением, а польские послы — другой, не содержащий этого пункта.³²⁾

Тем временем Варшавский сейм (январь — март 1578 г.) принял решение возобновить войну с Россией и для этой цели произвести сбор денежных средств с населения, необходимых для финансирования новой кампании, и в первую очередь для платы наемным войскам. Реализация постановления оказалась делом хлопотным и долговременным. Налоги собраны были только к началу 1579 г.

Не были еще урегулированы отношения Речи Посполитой с Крымом. В феврале 1578 г. хан совершил очередной опустошительный набег на Волынь и Подолию.³³⁾ Только к сентябрю Польше при посредничестве Османской империи удалось добиться заключения мира с Магмет-Гиреем. В угоду султану Баторий распорядился казнить во Львове захваченного запорожского атамана Ивана Подкову, который незадолго до этого на некоторое время подчинил Валахию. Весной 1578 г. стотысячная османская армия вторглась в Закавказье. Началась затяжная турецко-иранская война, в которой на стороне султана в 1579 г. принял участие и крымский хан. Весной 1578 г. Москву посетил представительное посольство из Кабарды. Во главе его стоял Камбулат Идарович (брат Темрюка), старший кабардинский князь. Оно било челом в службу Ивану IV «ото все черкасские Кабарды» и просило построить город на Тереке как опорный пункт. Город был построен, но вскоре (в 1579 г.) снесен по просьбе Магмет-Гирея, с которым правительство Грозного старалось поддерживать добрососедские отношения. Сын Камбулата остался в Москве, принял православие и вошел в круг придворной знати.³⁴⁾ Позднее Борис Камбулатович Черкасский женился на одной из дочерей Н. Р. Юрьева.

В 1578 г. намечался союз Речи Посполитой со Швецией на почве совместной борьбы в Ливонии против Ивана IV. Осенью 1578 г. Москву посетил посольство датского короля Фредерика II во главе с Яковом Ульфельдом. 1 сентября был даже заключен договор о пятнадцатилетнем перемирии, подтверждавший условия предшествующего соглашения (1562 г.). Согласно договору, датский король [52] признавал Ливонию владением Ивана IV и получал взамен признание нерушимости старинной русско-норвежской границы (Норвегия была провинцией Дании). Но в 1579 г. Фредерик II отказался ратифицировать достигнутое соглашение, усмотрев в нем ущерб интересам Дании.³⁵⁾ Постепенно Россия оказывалась в состоянии внешнеполитической изоляции. Военные действия в конце 1577 и в 1578 г. велись вяло. Противники постепенно теснили русских. В ноябре 1577 г. литовцы хитростью завладели Невгином (Динабургом), а вскоре Кесью (Венденом). Было потеряно и еще несколько крепостей. В конце 1577 г. в прямые переговоры с Баторием вступил Магнус. В начале следующего года он открыто изменил царю.³⁶⁾

Весть о падении Невгина пришла к царю 6 ноября 1577 г., когда он находился в Хутыньском монастыре (под Новгородом). Грозный отдал распоряжение о походе к Кеси. Но поход не состоялся, ибо дети боярские не собрались. Только 1 февраля 1578 г. войска наконец выступили, стояли под Кесью четыре недели, но, видя безрезультатность осады, отступили. 27 июня под Кесью снова были посланы войска, но «воеводы опять замешкались, а к Кеси не пошли». 28 октября полки двинулись под Полчев, находившийся под шведской эгидой. На этот раз им сопутствовал успех. Город был взят. В плену оказалось 200 человек. Снова началась осада Кеси и продолжалась пять дней. В крепостной стене удалось сделать пролом, но тут на помощь осажденным подоспело польско-литовское войско, у русских же воевод «людей было мало». В итоге они потерпели сокрушительное поражение. Боярин кн. В. А. Сицкий, окольный В. Ф. Воронцов были убиты. Окольный кн. П. И. Татев, кн. П. И. Хворостинин, дьяк А. Клобуков попали в плен. Боярин кн. И. Ю. Голицын, сопровождаемый другими воеводами и дьяком А. Щелкаловым, позорно бежал с поля боя. Таков был печальный результат битвы у Кеси 21 октября 1578 г. Как бы «в отместку» разгневанный Грозный учинил расправу над пленными ливонцами в Москве. Тогда же была разгромлена и протестантская община в столице.³⁷⁾

Начало Ливонской войны сопровождалось выселением части немецкого купечества лютеранского вероисповедания из Прибалтики в русские города. С 1570 г. в связи с созданием «Ливонского королевства» Магнуса Иван IV стал выказывать этим ливонским переселенцам свое расположение. Часть из них, поселенная в Москве в Немецкой [53] слободе, получила возможность построить кирху. Горсей писал о «приведенных из Нарвы и Дерпта немецких или ливонских купцах и дворянах высокого происхождения, которых он (царь. — А. З.) расселил с их семьями под Москвой и дал свободу вероисповедания, позволив открыть свою церковь». Впрочем, с протестантизмом, как таковым, Грозный всегда вел непримиримую борьбу. Одним из ее проявлений был диспут царя с протестантским священником Яном Рокитой в 1570 г. Дело кончилось разгромом Немецкой слободы. Об этом сообщает И. Бох, побывавший в Москве в ноябре 1578 г.³⁸⁾ По свидетельству современников, инициаторами разгрома были митрополит и духовенство. В начале XVII в. француз Жак Маржерет, служивший у Бориса Годунова, рассказывал, что Иван IV разрешил пленным ливонцам открыть «два храма» в Москве, но впоследствии они «были разрушены и все их дома были разорены». Причиной царского гнева Маржерет считал высокомерие ливонцев и огромные доходы, которые они получали от продажи хмельных напитков.³⁹⁾ Думаю, что к числу причин разгрома слободы относятся и неудачи в Ливонии, и измена Магнуса в 1578 г.

Понимая угрозу, нависшую над русскими приобретениями в Прибалтике, Грозный попытался решить дело путем переговоров, не отказываясь и от продолжения военных действий. 7 января 1579 г. из Александровской слободы он посылает к Баторию гонца Андрея Михалкова с предложением возобновить переговоры и прислать в Москву «великих послов». Впрочем, еще ранее (в начале декабря 1578 г.) принимается решение «итти на свое государево дело и на земское, на Немецкую и на Литовскую землю». Речь, очевидно, шла о Курляндии, находившейся под литовской администрацией. Для похода было собрано большое войско. По преувеличенным данным папского нунция в Варшаве Калигари (июль 1579 г.), оно достигало 200 тыс. человек. По соображениям общего порядка Р. Г. Скрынников весьма правдоподобно считает, что его численность «превышала 30 тыс. человек». Формирование войска происходило в трудных условиях хозяйственной разрухи в стране. Число «нетчиков» (уклонявшихся от мобилизации), судя по данным, относящимся к Вотской пятине (декабрь 1578 г.),⁴⁰⁾ было очень велико. По слухам, циркулировавшим в Речи Посполитой в апреле 1579 г., Иван IV тяжело заболел. Он вызвал к себе в Слободу высших иерархов и объявил сына Ивана наследником [54] престола.⁴¹⁾ Хотя (если эти слухи верны) уже вскоре Грозный выздоровел и начал подготовку к походу. 1 июня 1579 г. снова принимается решение идти на «Немецкую и на Литовскую землю». Немного спустя Иван IV направился из Новгорода в Псков.⁴²⁾

Готовился к решительной схватке и Стефан Баторий. Начиная кампанию 1579 г., он посылает гонца В. Лопатинского к царю с грамотой, в которой перечисляет все «обиды» и объявляет ему войну.⁴³⁾ 30 июня Баторий двинулся в поход. Его войско насчитывало примерно 60 тыс. человек, но реально он мог располагать 40 тыс. воинов. Перед выступлением Баторий торжественно объявил, что хочет довести «кривды» над царем Иваном, т. е. отомстить Грозному, а не «позыскивает» вред, причиненный Речи Посполитой Россией.⁴⁴⁾ В августе он составляет воззвание к русскому народу, которому якобы хочет вернуть «свободы и права». Король явно рассчитывал на то, что ему удастся использовать в своекорыстных целях недовольство царем Иваном на Руси. Надежды Батория на какие-то выступления в «Московии» против царя в ходе его кампании основывались на неверной информации о внутривосточном положении страны и в дальнейшем не сбылись.

В ответ на «манифест» Батория в канцелярии Ивана IV изготовлена была грамота «к литовскому королю Степану Обатуру с Москвы от духовного чину», бояр, «детей боярских и ото всяких чинов людей... против его... грамоты со многою укоризною и з бесчестьем».⁴⁵⁾ Грамота не сохранилась, и сведения о ней содержится только в описи архива Посольского приказа 1626 г. Датирована она 7087 г., т. е. временем не позднее августа 1579 г. А так как она была ответом на «манифест» Батория, то ее и следует датировать этим месяцем.⁴⁶⁾ Б. Н. Флоря полагает, что, несмотря на ссылку на «всяких чинов людей», грамота не была принята или утверждена Земским собором.⁴⁷⁾ Скорее всего опись называет черновик грамоты, не получивший официальной санкции. Это объясняется тем, что ближайшие по времени события привели Грозного к мысли о необходимости скорейших поисков мирного урегулирования, а не конфронтации с Баторием.

При выборе направления основного удара по «московитам» среди военачальников Батория раздавались голоса в пользу того, чтобы идти через Ливонию на Псков.⁴⁸⁾ Однако этот вариант похода король отверг. Опустошенная [55] военными действиями 1572—1578 гг. Ливония изобиловала к тому же многочисленными городками-крепостями с русскими гарнизонами. Местное латышское и эстонское население враждебно относилось к «освободителям» из Речи Посполитой. Поэтому Ливония представлялась Баторию крайне неудобной ареной для военных баталий с русскими. Главной целью похода он выбрал

Полоцк, который находился на путях в основные русские земли и к тому же был слабо укреплен (его крепостные стены были деревянными). Взятие Полоцка, завоеванного Иваном IV в 1563 г., могло иметь не только моральный и военно-стратегический, но и международный резонанс и оказать большое влияние на исход войны. Таков, возможно, был ход размышлений Батория, когда он решил целью кампании 1579 г. сделать Полоцк.

Иван IV готовился в это время к вторжению в Курляндию. 7 июля он посылал туда воевод кн. Д. И. Хилкова и М. А. Безнина на «разведку».⁴⁹⁾ В составе их полков насчитывалось до 20 тыс. ногайцев и татар. Они перешли Двину у Куконоса, но были отозваны, как только царь получил известие о походе Батория к Полоцку.

Продвигаясь к Полоцку, Баторий взял небольшие крепости Козьян, Красный и Ситну (28 и 31 июля и 4 августа).⁵⁰⁾ О планах Батория идти на Полоцк или Смоленск в конце июня сообщил Грозному его гонец А. Михалков, вернувшийся из Польши. 1 августа навстречу королю из Пскова к Соколу двинулись войска Ф. В. Шереметева. Посланные к Полоцку воеводы (кн. Ф. И. Мстиславский, кн. П. Т. Шейдяков, Ф. В. Шереметев) так и не достигли города, заняв оборонительные позиции на линии Невель — Остров — Сокол. Сам царь к Полоцку «притти не поспешил, потому что люди были в розни», и к тому же он отпустил из Новгорода в Курляндию «воевод своих». Под Полоцком армия Батория насчитывала 16 тыс. человек, тогда как гарнизон мог располагать только 6 тыс. воинов во главе с воеводами кн. В. И. Телятевским, П. И. Волынским, кн. Д. М. Щербатым, И. Г. Зюзиным. После длительной и стойкой обороны крепость 1 сентября 1579 г. капитулировала.⁵¹⁾

Официальная версия падения Полоцка сводилась к тому, что Баторий город «взял изменою, потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы: как голов и сотников побили, и воеводы королю и город сдали, а сами били челом королю в службу». После падения Полоцка Баторий [56] считал кампанию законченной. Взятия крепостей Туровли, Сокола (4 и 25 сентября) и Суши (6 октября) были ее заключительными аккордами. 16 сентября Баторий направил послание Ивану IV, в котором громко извещал о своих победах и требовал отпустить гонца В. Лопатинского, задержанного Грозным.⁵²⁾ На четвертый день после падения Сокола Андрей Курбский в Полоцке составляет ответ на вольмарское послание царя. Теперь настал черед торжествовать кн. Андрею. Он издевательски пишет: «...яко един хороняка и бегун трепещет и исчезает, никому же гонящу тя». Снова и снова Курбский бичует «издавна кровопивственный» род Грозного, обличает царя, который «затворил... царство Руское, сиречь свободное естество человеческое, аки во аде твердыни, и кто бы из земли твоей поехал... ты называешь того изменником».⁵³⁾

Войну в 1579 г. Ивану IV приходилось вести на два фронта: против Батория и против шведского короля. Впрочем, действия шведов были малоэффективными. 18 июля шведские корабли сожгли предместья Ивангорода и Нарвы. 27 сентября шведы под командованием Г. Горна подошли к Нарве. Но и на этот раз после двухнедельной осады они вынуждены были отойти, потеряв под стенами города, по слухам, 4 тыс. человек. На помощь Нарве высланы были полки кн. Т. Р. Трубецкого и татары кн. Д. И. Хилкова.⁵⁴⁾

После падения Сокола Иван IV принял было решение о походе в шведскую Ливонию, но потом его отменил.

Падение Полоцка произвело на Ивана IV удручающее впечатление. Вместо активных действий он отсиживался в Пскове, что не чем иным, как шоком, объяснить нельзя. В период кампании 1579 г. кн. И. Ф. Мстиславский предлагал царю направить его и

царевичей с войсками в Полоцк «для противодействия польскому королю». Но Грозный усмотрел в этом «коварный план» измены и отверг его. После падения Полоцка и Сокола он обрушился с бранными словами на воевод, и в первую очередь на Мстиславского, говоря: «Ты, старый пес, до сих пор насыщен полностью литовским духом». Ты предлагал мне «подвергнуть крайней опасности моих сыновей». В гневе царь отколотил старого боярина палкой.⁵⁵⁾

Составитель одного летописца объясняет бездеятельность царя вмешательством его лекаря — наушника Елисея Бомелия. Когда царь находился в Пскове, «и не велел ему против короля итти немчин доктор Елисей — норовил [57] литовскому королю. И царь за то его казнил смертью». Елисей Бомелий — один из самых ненавидимых русскими современниками любимцев Грозного. Вестфальский немец, прибывший в Россию из Англии, стал придворным медиком Грозного и со временем приобрел влияние на царя. По словам Горсея, Бомелий «жил в большой милости у царя и в пышности. Искусный математик, он был порочным человеком, виновником многих несчастий. Большинство бояр было радо его падению». Псковский летописец называл его «лютым волхвом», Горсей — «лживым колдуном». Он, по словам Псковского летописца, «множества роду боярского взусти убити цареви, последи самого приведе наконец же бежати в Английскую землю и тамо жениться, а свои было бояре оставшие побити».⁵⁶⁾ Бомелий был подвергнут мучительным пыткам, в результате которых и погиб.

Надежды на быстрое окончание Ливонской войны Грозный теперь возлагал исключительно на дипломатию. 28 сентября 1579 г. от имени бояр И. Ф. и В. И. Мстиславских и Н. Р. Юрьева решено было отправить грамоту виленскому воеводе Н. Радзивиллу с просьбой содействовать заключению мира между монархами. Почти одновременно (1 октября) Грозный в Пскове пишет раздраженное письмо Баторию. В нем он отвечает на «укоризны» короля и вспоминает измену Курбского. Стефан якобы «но Курбского думе» хочет погубить царя. «Уповая на божью всещедрую милость», царь ожидает победы над всеми своими врагами. Впрочем, это послание вряд ли было отправлено. Ни в польских делах, ни в Литовской метрике его нет. Дошло оно всего в одном сборнике 20-30-х годов XVII в., правда имеющем официальное происхождение.⁵⁷⁾ Взрыв гнева, очевидно, сменился у царя надеждой на мирное соглашение с королем, чему подобное послание могло бы только помешать.

Вскоре Иван IV покинул Псков и направился в Новгород.⁵⁸⁾ Здесь он 17 ноября принял и отпустил с грамотой к Баторию польского гонца Богдана Проселко. Грозный выражал в ней желание начать мирные переговоры с «великими послами» польского короля. Вернувшись 29 декабря в Москву, Иван IV отпустил и задержанного ранее гонца В. Лопатинского, чтобы снять и это препятствие для возобновления переговоров. В январе 1580 г. гонец в Польшу Е. И. Благово вез Баторию новые предложения о возобновлении переговоров с Россией. 12 марта был [58] отправлен в Вену гонец Афанасий Резанов с поручением ценой согласия на антиосманский союз склонить императора к поддержке России и воздействию на Батория, чтобы тот умерил свой воинственный пыл и заключил мир с Иваном IV.⁵⁹⁾

Настойчиво стремясь к миру, Грозный считался и с возможностью продолжения военных действий. Необходимость изыскать для этой цели денежные средства и обеспечить служилых людей поместьями заставила его обратить внимание на монастырские земли. В начале 1580 г. созывается церковный собор, который принимает приговор о монастырских землях. Сохранились два его текста. Один датирован 15 января 1580 г., а другой — 15 января 1581 г. (последний включен в так называемые дополнительные статьи к Судебнику 1550 г., использованные при составлении Сводного Судебника начала XVII в.)⁶⁰⁾ Разница

между текстами невелика. Она сводится к тому, что в приговоре, датированном 1581 г., отсутствует конечная часть, посвященная вопросу о закладных землях, о безденежном (без компенсации) характере конфискации новоприобретенных земель и о «княжеских» (княжеских) вотчинах. В литературе существуют две точки зрения о взаимоотношении текстов приговоров 1580 и 1581 гг. Согласно одной из них, речь должна идти о двух различных уложениях, принятых в 1580 и 1581 гг. (С. Б. Веселовский, С. О. Шмидт, В. И. Корецкий);⁶¹⁾ согласно второй, текст 1581 г. представляет собой сокращенную выписку из приговора 1580 г. (А. И. Андреев, Б. Н. Флоря, Р. Г. Скрынников).⁶²⁾ Теперь мне эта точка зрения представляется более обоснованной.

В преамбуле приговора 1580 г. говорилось, что церковный собор, на котором присутствовали также царь «со всеми бояры», созывался в связи с чрезвычайными обстоятельствами, прежде всего из-за того, что крымцы, ногайцы, литовский король, немцы и шведы «хотят истребить православие». В то же время монастырские земли «многие же в запустение приидоша... ради пьянственного и непотребного слабого жития» монахов. Из-за этого «воинственному чину... оскудения приходят велия». Поэтому, чтобы церкви были бы «без мятежа», а «воинский чин на брань... ополчатца крепцы», было решено следующее. Земли, приобретенные монастырями до 15 января 1580 г., остаются за ними и не подлежат выкупу. Но отныне запрещалось давать земли в монастыри «по душам» (на помин [59] души), разрешались лишь денежные вклады. Монастыри не должны впредь ни покупать земель, ни держать их в закладе. Вопрос о владении монастырями землями княжат должен рассматриваться государем, причем купленные монастырями княжеские земли подлежали конфискации.

Приговор 1580 г. носил двойственный характер: санкционировал неприкосновенность монастырских земель, но запретил пополнение их фонда. Цели сознательно препятствовать «возрождению крупного привилегированного боярского землевладения» (как полагает Р. Г. Скрынников) приговор не ставил. Он озабочен был сохранением наличных богатств церкви и запрещал выкуп любых вотчин, а не только боярских (основная масса вкладов сделана была в монастыри мелкими и средними землевладельцами). По Р. Г. Скрынникову, приговор 1580 г. «лишь подтвердил и детализировал такие основные нормы царского уложения 1572 г., как запрещение духовенству приобретать новые земли и запрещение вотчичам выкупать ранее отданные в церкви земли». И с этим утверждением согласиться нельзя. Приговор 1572 г. запретил продавать и давать на помин души княжеские и боярские вотчины только в крупные монастыри, «где вотчины много», а не во все монастыри. Действенного значения приговор 1572 г. не имел. Иное дело приговор 1580 г., легший в основу практической деятельности правительства, связанной с монастырским землевладением. В перспективе приговор отвечал интересам дворянского землевладения и государственной казны.⁶³⁾ Но результаты осуществления на практике приговора 1580 г. должны были сказаться не скоро, а между тем война с Речью Посполитой была в самом разгаре.

Мирные акции Грозного Батюрий расценил как явный признак слабости царя и решительно их отверг, начав подготовку к новой кампании.⁶⁴⁾ А тем временем в Речи Посполитой распространялись фантастические слухи. Так, оршанский староста Филон Кмита 4 января 1580 г. сообщал, что «даже сыновья (царя. — А. З.) с отцом в несогласии... сын же его Федор, за которым стоит немало московских дворян, не в силах переносить далее свирепства отцовской тирании и беспорядок во всех делах»; он, «говорят, решил явиться к Батюрию, и его ожидают в Смоленске».⁶⁵⁾

В том же духе писал папский нунций Андреа Калигари: 31 января 1580 г. — что Федор отделился от отца, [60] а 28 марта — что «царь находится в противоречии с сыновьями и

всем народом» и именно поэтому «хочет мира». Эта картина больше соответствовала «желаемому» польскими дипломатами, чем реальности. Подобные слухи питались какими-то разговорами, от которых до действительного положения вещей было очень далеко. Подобный же характер носит и дневниковая запись Яна Зборовского от 21 августа 1580 г. Русские пленные якобы говорили, что царь, не доверяя своим людям, «приказал собраться владыкам, митрополитам со всей земли, просил у них прощения, признаваясь в грехах своих и смиряясь перед богом, в особенности за те убийства, которые чинил над ними, подданными своими, обещал теперь быть добрым... Бедняги москвичи с большим плачем все ему отпустили и присягали верными быть». Присягу, по Б. Н. Флоре, приносили, очевидно, «члены боярской думы и, возможно, представители каких-то других категорий находившихся в Москве служилых людей». Присягала якобы целые районы. Так, какой-то князь послан был в ливонские замки, «чтобы все московские люди перед ним присягали защищаться до смерти от короля». ⁶⁶⁾ Что скрывается реально за этими слухами, пока выяснить не удастся, а умозрительные догадки вряд ли помогут делу.

М. Н. Тихомиров к 1580 г. относит созыв Земского собора, на котором обсуждались перспективы Ливонской войны. 8 января 1581 г. Филон Кмита писал Стефану Баторию, что схваченные у Холма дети боярские «дали показание, что великий князь в то время имел у себя сейм, желая знать волю всех людей, своих подданных, вести ли войну или заключить мир с вашим королевским величеством. Они показали, что вся земля просила великого князя, чтобы заключил мир, заявляя, что больше того с их сел не возьмешь, против сильного господаря трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин не имеешь, на чем и с чем. И говорят, что решили мириться с вашим королевским величеством, отдать все замки инфлянтские, чтобы только добиться перемирия. И не только с вашим королевским величеством, но и с другими, и с царем перекопским». ⁶⁷⁾

Экспедиция к Холму, когда в плен попали дети боярские, на которых ссылается Ф. Кмита, состоялась в декабре 1580 г. Поэтому, согласно Б. Н. Флоре, собор мог созываться около ноября — декабря 1580 г. Вопрос о переходе всей Ливонии к Баторию (о чем упоминает Кмита) [61] встал только в августе, а переговоры возобновились и того позже (12 октября). Отзвук этого «собора» якобы звучал в инструкции 1582 г., данной послу Ф. А. Писемскому. В ней говорилось: «... в которых людех и была шатость, и те люди, вины свои узнав, государю били челом и просили у государя милости, и государь им милость показал». ⁶⁸⁾ Я. С. Лурье справедливо считает, что в инструкции речь шла о церковном соборе 1580 г. Думается, то же самое можно сказать и о путаном известии Ф. Кмиты. ⁶⁹⁾

Начиная кампанию 1580 г., Баторий 15 июня отправился из Вильны. Его армия насчитывала свыше 48 тыс. человек. На военном совете, созванном в начале июля, обсуждался план проведения операций. Рассматривались три варианта направления похода: на Псков, Смоленск и Великие Луки. Предпочтение было отдано третьему. Великие Луки представляли собой важнейший стратегический пункт, где обычно собирались русские войска, готовясь к военным действиям с Великим княжеством Литовским. ⁷⁰⁾ Взятие этого города как бы вбивало клин между Ливонией и основными русскими землями. Поэтому захват Великих Лук был важной стратегической целью. Взятие же Смоленска и Пскова, как это и показали последующие события, вряд ли могло быть осуществлено, учитывая даже численность армии Батория.

Узнав о начале похода Батория и его прибытии в Витебск, Иван IV 27 июля 1580 г., «по литовским вестям», выставил полки на западных рубежах. ⁷¹⁾ Пытаясь всеми силами склонить Батория к миру, царь 9 июля отправил гонца Ф. Шишмарева с сообщением о скором выезде «великих послов». Король сообщил гонцу, что готов принять послов, но откладывать начало военных действий не будет. Видя нерешительность царя и его

готовность идти на уступки, Баторий с августа формулирует основное требование, выполнение которого только и могло бы привести к началу мирных переговоров, — передача всей Ливонии королю. И снова царь просит Стефана задержать продвижение своей армии в глубь России.⁷²⁾

25 августа 1580 г. принимается решение послать к императору нового гонца (Истому Шевригина), который должен был повторить прежние предложения царя о союзе. Баторий представлялся Грозным в качестве ставленника султана, врага христианства. Царю рисовалась возможность привлечь к антибаториеву союзу и германских князей и даже римского папу.⁷³⁾ [62]

Пока Иван IV тешился иллюзиями, военные действия складывались для России неудачно. 6 августа 1580 г. после ожесточенной бомбардировки капитулировала крепость Велиж. 16 августа взята была крепость Усвят, а 26 августа войска Батория подошли к Великим Лукам. Сюда через день (28 августа) прибыло «великое посольство» Ивана IV — кн. И. И. Сицкий, думный дворянин Р. М. Пивов и дьяк Д. Петелин. Оно привезло мирные предложения Грозного с согласием на уступку Баторию Полоцка, Усвята, Озерища. Отказывался царь и от Курляндии (находившейся под польской эгидой), городов в Ливонии, на которые распространялась власть Магнуса. Но претензии Батория возрастали с каждым часом. Теперь он требовал передать ему Псков, Новгород, Смоленск, не говоря уж о Ливонии. Поэтому дальнейшие переговоры теряли всякий смысл.

Луки были взяты польскими войсками в ночь с 5 на 6 сентября. В городе устроена была резня, во время которой погибло до 7 тыс. человек, в том числе женщины и дети. Затем полякам удалось нанести поражение небольшому отряду русских войск под Торопцом и взять крепости Невель, Озерище и Заволочье. Попытка оршанского старосты Ф. Кмиты с небольшими силами в 9 тыс. человек совершить набег на Смоленск окончилась полным разгромом литовских войск. Неудачливый воевода «пришел в Оршу пеш на шестой день, а с ним четыре человека». Взято было 380 пленных и «наряд» (артиллерия).⁷⁴⁾

27 января 1581 г. Иван IV из Александровской слободы посылает Баторию новые мирные предложения с согласием на дополнительную уступку нескольких городов в Ливонии (Кокенгаузена, Крейцбурга), а также Усвята и Озерища. Взамен царь требовал вернуть Великие Луки и Велиж. В случае успешного начала переговоров царь уполномочивал послов отказаться от нескольких ливонских замков.⁷⁵⁾ На это Баторий не пошел, но окончательный ответ послам отложил до решения сейма, стремясь затянуть переговоры до начала следующей кампании. Покинув театр военных действий, Стефан Баторий 3 ноября 1580 г. прибыл в Вильно.⁷⁶⁾

Запоздалым отзвуком кампании было сожжение г. Холма в декабре 1580 г., взятие крепости Вороноч на Псковщине и сожжение Руссы (март 1581 г.).⁷⁷⁾

Воспользовавшись тяжелым положением России, ведшей изнурительную войну с Баторием, шведский полководец [63] Понтус Делагарди захватил центр русских владений в Карелии — г. Корелу (4 ноября), в результате чего из 4041 двора там осталось всего 440.⁷⁸⁾

Подготовку к походу на Россию Баторий начал на рубеже 1581 г. На заседаниях сейма, открывшегося в январе 1581 г., ему удалось добиться утверждения новых военных налогов. Безуспешно русский гонец Р. Климентьев вел предварительные переговоры, соглашаясь от имени царя на уступки еще нескольких городов в Ливонии (Режицы, Люцена и Мариенгаузена). 16 февраля он был отпущен с письмом Батория, в котором

король отказывался от заключения мира с Иваном IV из-за того, что в Ливонии продолжали находиться царские войска. Очередное посольство Е. М. Пушкина и Ф. А. Писемского прибыло в Вильно 24 мая.⁷⁹⁾ Царь на этот раз готов был поступиться всей Ливонией, за исключением Нарвы и еще двух-трех крепостей, с тем чтобы избежать новой войны с Баторием. Он отдавал также Полоцк, Озерище и Усвят, выговаривая себе Великие Луки, Холм, Велиж и Заволочье. Но и на этот раз польский король остался непреклонным.

Наряду с переговорами Иван IV, как и Баторий, предпринял меры к поиску средств, необходимых для дальнейшего ведения войны, и провел мобилизацию людских резервов. Социально-экономические условия, в которых находилась Россия к началу 80-х годов XVI в., крайне затрудняли дальнейшее ведение Ливонской войны и настоятельно требовали скорейшего замирения. Страна переживала страшнейший хозяйственный кризис, достигший в начале 80-х годов (по В. И. Корецкому) своего апогея.⁸⁰⁾

Наиболее тяжелым было положение Новгородской земли, испытавшей опричный погром и тяготы войны со Швецией. Писцовые книги по Новгородской земле (к сожалению, таких материалов нет по другим районам Русского государства) позволяют отчетливо представить картину состояния экономики края в начале 80-х годов. К 1582/83 г. в Деревской пятине запустело 98 % обож земли, а населения осталось всего 7,1% от того, которое жило тут в конце XV в. В Шелонской пятине «в пусте» лежало 91,2 % всех дворов, в Вотской — 93, 9, в Тверской половине Бежецкой пятины — 84, в Обонежской пятине — около 50%. В самом Новгороде к 1581/82 г. жило всего 20% населения доопричного времени.⁸¹⁾ Запустение вызывалось ростом государевых податей, опричными репрессиями, обрушившимися на Новгород с особой силой, войнами [64] (особенно в пограничных районах), эпидемиями и голодом. В 70-е годы XVI в. подати возросли на 14%, а цены на хлеб подскочили на 400% от цен первой половины века. Подъем цен к 80-м годам был не только новгородским, но и общерусским явлением. В целом же в Новгородской земле осталось 20,9% населения, жившего там в середине XVI в., половина которого находилась в далеком Заонежье.⁸²⁾

Сходной, очевидно, была картина и в центре России. Крестьяне и горожане бежали отсюда на север через «Камень» (Урал), на юг и в Поволжье. Центр экономической жизни страны перемещался на ее окраины. Выразительные данные о крестьянских побегах содержатся в писцовой книге дворцовых владений Симеона Бекбулатовича в Твери (май — октябрь 1580 г.). К 1580 г. эти владения запустели примерно на 70% (на 272,5 выти в живущем тягле и на льготе приходилось 635 вытей, лежащих «в пусте»). При этом на 2217 человек, живших на дворцовых землях, приходилось 333 перехода (т. е. около 15%), из них 188 вывозов, 118 побегов и уходов и 27 приходов. Подавляющее большинство побегов или уходов (151 случай) падает на 1579/80 г.⁸³⁾ Уходы «без отказа и безпошлинно» были частым явлением. Вывозы (насильственные переселения) крестьян были в это время основной формой переходов крестьян.

Для продолжения войны нужны были деньги и люди. И тех и других катастрофически не хватало. Реальная сумма поборов в первой половине 80-х годов в связи с резким ростом цен снизилась. Приходилось прибегать к чрезвычайным поборам. Так, по словам посла в Англию в 1582 г. Ф. А. Писемского, «з своих государь наш со всяких торговых людей, и с тарханов, и з гостей, и з торговых людей, и со всей земли для войны деньги по розводу взяти велел». Взыскивались деньги и с иностранного купечества «для тое войны и для своего (государева. — А. З.) подъему». С английских купцов, в частности, за 1580/81 г. собрана была 1 тыс. руб., за 1581/82 г. — 500 руб.⁸⁴⁾ Собирались деньги и с монастырей, обладавших податными привилегиями. В феврале 1582 г. Кирилло-Белозерский монастырь должен был заплатить «в государев подъем» 100 руб., а также дань (около 30

руб.) и «наместничью» дань (7 руб.) в счет 1581 г. Иосифо-Волоколамский монастырь платил в 1582 г. по 25 руб. с сохи. В ноябре 1581 г. он послал «по государеву наказу платить в [65] подмогу» 100 руб.⁸⁵⁾ Велики были поборы и с Двинской земли. По «разрубному списку» 7 февраля 1582 г., на Двине только дополнительно «доправить» должны были 2 тыс. руб. Всего в середине 70-х годов XVI в. с Двины поступало 4800 руб. в год. Осенью 1581 г. с Вычегодской земли должны были собрать «подъемных денег» 1800 руб. Крестьянские повинности с 50-х по начало 80-х годов XVI в. в Переславль-Залесском уезде выросли в три раза. Увеличился оброк и в нижегородских дворцовых селах.⁸⁶⁾

Но для того чтобы взыскивать все новые и новые суммы денег в обстановке растущего опустошения страны, необходимо было привести в известность наличный состав тяглого населения и предпринять меры, ставящие предел дальнейшему обезлюдению центра и северо-запада России. С 1581 г. правительство начало повсеместное описание земель, растянувшееся на 80-90-е годы. В тесной связи с организацией новой переписи находится вопрос о так называемых заповедных летах.

После архивных находок конца XIX — начала XX в. М. А. Дьяконов и Б. Д. Греков показали, что в 80-90-е годы XVI в. существовали так называемые заповедные лета, когда запрещался выход крестьян из-за своих господ. С. Б. Веселовский считал, что первоначально заповедные лета были введены лишь в отдельных районах и стали повсеместным явлением лишь позднее. Б. Д. Греков пришел к иному выводу: в 1580 г. был издан указ о заповедных летах, который стал действующим во всем государстве с 1581 г. Много интересных фактов о ходе закрепощения крестьян собрал в архивах В. И. Корецкий. Его точка зрения на этот процесс претерпела существенные изменения. Сначала он разделял тезис о том, что на первых порах заповедные лета носили локальный характер (были в Иосифо-Волоколамском монастыре и Деревской пятине). Позднее, обнаружив сведение Бельского летописца 30-х годов XVII в. о «заклятии» Ивана IV, он вернулся к представлениям Б. Д. Грекова о существовании особого указа Грозного о заповедных летах. Подвергая суждения своих предшественников критическому разбору, Р. Г. Скрынников пришел к выводу, что заповедные годы существовали только во второй половине 80-х годов и «нормы заповедных лет не стали формулой закона».⁸⁷⁾

Обратимся к источникам. Намек на общегосударственное уложение, запрещающее крестьянский выход, Б. Д. Греков видит в одном деле 1584 г. В нем рязанский [66] помещик Т. Шяловский, обращаясь к царю, ссылается на то, что дьяк А. Шерефединов «крестьян насилством твоих государевых дворцовых сел и из-за детей боярских возить мимо отца твоего, а нашего государя, уложенья — в то село Шилово возить».⁸⁸⁾ Это свидетельство может быть интерпретировано по-разному. Ссылка на «уложение» могла иметь в виду просто Судебник 1550 г. Шиловский к тому же мог жаловаться на вывоз крестьян не в срок (Юрьев день).

В преамбуле Уложения 1607 г., дошедшего в изложении В. Н. Татищева, говорится, что «при царе Иоанне Васильевиче... крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович... выход крестьяном заказал». Итак, из Уложения 1607 г. как будто следует, что при Иване Грозном крестьяне еще сохраняли право выхода. Между тем в обнаруженном В. И. Корецким Бельском летописце в записи под странным названием «О апришнине» говорится, что в 1601/2 г. царь Борис «нарушил заклатье» Ивана IV и «дал христианом волю, выход между служилых людей».⁸⁹⁾ Получается — как будто в противоречии с преамбулой Уложения 1607 г., — что уже при Иване IV крестьянский выход был «заказан», т. е. запрещен. Действительно, запись Бельского летописца носит черты позднейшего происхождения. Но важно установить, какими источниками

пользовался ее составитель и какие явления действительности трансформировались в его представлении, когда он писал о «заклятии» царя Ивана. Летописец мог обобщить известную ему практику существования заповедных лет и составления писцовых книг начала 80-х годов в мысль о том, что именно при Иване IV крестьяне потеряли право выхода. Во всяком случае запись трудно истолковать однозначно без проверки ее конкретным материалом.

Третий источник, относящийся к проблеме крестьянского выхода при Иване IV, — приговор об отмене тарханов 20 июня 1584 г. В нем записано, что «крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханами во льготе». Этот приговор, а также Уложение 1607 г., по словам Р. Г. Скрынникова, «одинаково свидетельствуют... что в последние годы царствования Грозного крестьяне «выход имели вольный» и массами выходили на те земли, где им предоставлялась льгота».⁹⁰⁾ В самом деле, и преамбула Уложения 1607 г., и приговор 1584 г. как будто говорят о том, что общегосударственного распоряжения о запрете крестьянского выхода при Грозном не существовало. Но [67] они отнюдь не противоречат тому, что в начале 80-х годов могли посылаться на места отдельные распоряжения, содержавшие «заповедь» (запрещение) крестьянского выхода. Словом, и эти источники могут быть истолкованы по-разному. Решающим аргументом должны быть делопроизводственные материалы, отражающие практику по вопросам крестьянства и землевладения в 80-е годы XVI в.

Первый комплекс таких документов относится к Деревской пятине Новгорода, а точнее, как подметил Р. Г. Скрынников, к ее Едровскому стану. В наиболее раннем из них (отдельной грамоте помещику Б. Сомову от 12 июля 1585 г.) упоминаются пустые дворы деревни «на Мотни», крестьяне которой «разошлись в заповедные лета: в 90-м году, и в 91-м году, и в 92-м году, и в 93-м году». Во время двух обысков, касавшихся крестьян кн. Б. И. Кропоткина (30 марта и 16 апреля 1588 г.), обыскные люди заявили, что те крестьяне вышли «в заповедные годы», которыми называются 1583/84—1586/87 гг. («в 92-м году, да в 93-м году, да в 94-м году, да и в 95-м году»). Два обыска (11 и 13 апреля 1588 г.) связаны с беглыми крестьянами помещика И. Непейцына, который в своей жалобе писал, что Васька и Трешка Гавриловы «в заповедный год, 90-м году, збежали». В Деревской пятине писцовые книги составлялись Д. А. Замыцким в 1581/82 г., К. Карцевым в 1582/83 г. и снова Д. А. Замыцким в 1586/87 г.⁹¹⁾

Связь между введением заповедных лет и составлением писцовых книг напрашивается сама собой. Ведь для того чтобы привести в известность наличный состав налогоплательщиков (крестьянских дворов), необходимо было — хотя бы на время переписи — прекратить текучесть населения, т. е. крестьянские выходы. Р. Г. Скрынникову представляется существенным, что о заповедных летах нет упоминаний в деревских писцовых книгах. Это, по его мнению, означает, что в 1581/82 г. в Деревской пятине этих лет не было.⁹²⁾ Но писцовые книги составлялись по определенному формуляру, выработанному многими предшествующими описаниями. Поэтому в них нововведение могло быть просто не внесено, тем более что по первоначальному замыслу оно носило временный характер, а книги рассчитаны были на длительное использование. Собственно говоря, ушли ли крестьяне в заповедные или в обычные годы, для составителей писцовых книг не представляло интереса. Их волновало прежде всего [68] наличное население, «живущие» сохи. Сохи, лежавшие «в пусте», интересовали их только как земельный фонд, а не как населенные когда-то кем-то дворы. Заповедные лета не упоминались не только в писцовых книгах. Они не всегда отмечались и в делопроизводственных материалах даже при сыске беглых крестьян. Так, о них нет ни слова в деле по челобитью помещика Едровского стана Деревской пятины Д. И. Языкова,

в котором упоминаются его крестьяне, бежавшие в 1587/88 г. Впрочем, неизвестно, был ли этот год заповедным.⁹³⁾

Появление формулы о заповедных летах связывают с существованием их уже во второй половине 80-х годов, и в частности с вопросником (наказом) дьяка С. Емельянова, в котором спрашивалось: «В прошлом 91-м году князь Михайло Кропоткин... крестьян насильством... в свое помистье... в заповидные годы вывез ли?» По Р. Г. Скрынникову, «именно наказ дьяка Емельянова... был тем источником, из которого термин «заповедные годы» попал в едровские грамоты 1588—1589 гг.». ⁹⁴⁾ «Ретроспективная» теория происхождения упоминаний о заповедных летах начала 80-х годов XVI в. Р. Г. Скрынникова, от которой он иногда отказывается, ⁹⁵⁾ представляется неубедительной. Точность сведений в дьяческом делопроизводстве, когда речь касалась владельческих прав, и в частности сыска беглых крестьян, не подлежит сомнению.

Итак, во всяком случае в Едровском стане Деревской пятины заповедными были 1581/82—1584/85 гг., как писали губные старосты в отдельной грамоте 12 июня 1585 г., еще до наказа С. Емельянова. Заповедными были и 1585/86—1586/87 гг. Источником сыска крестьян, вышедших в заповедные годы, были писцовые книги. Так, по обыску 1587/88 г. сыскивался крестьянин деревни Марьин Рядок Деревской пятины, записанный в книги 1582/83 г. ⁹⁶⁾

Обратившись к приходо-расходным книгам Иосифо-Волоколамского монастыря, Р. Г. Скрынников заметил, что подавляющая часть записей о крестьянских выходах относится к периоду до весны 1580 г. (включая 16 марта). Единственная более поздняя запись о выходе крестьян датируется 7 сентября 1581 г. (причем не в Юрьев день). Это, по его мнению, противоречит гипотезе Б. Д. Грекова об издании в 1580 г. указа о заповедных летах, который начал действовать с 1581 г. «Совершенно непонятно, — пишет Р. Г. Скрынников, — почему крестьянские переходы [69] (по волоколамским материалам) прекратились за полтора года до издания соответствующего закона». Впрочем, сразу же уточним: Греков писал, что в этих книгах 1580 год был последним для крестьянских переходов, а первым заповедным стал 1581 год. ⁹⁷⁾ Но главное — неоснователен подсчет срока прекращения записей о выходах в волоколамских книгах.

Дело в том, что расходная книга № 3 содержит записи с 7 апреля 1579 по март 1580 г., а следующая сохранившаяся книга № 4 охватывает записи с 1 мая 1581 г. Следовательно, просто нет книг, охватывающих период с апреля 1580 по апрель 1581 г., и рассуждать, что за этот период в них никаких записей о выходе крестьян не было, просто невозможно. Таким образом, книги Иосифо-Волоколамского монастыря не противоречат тому, что 1581/82 год в Волоколамском уезде был заповедным. ⁹⁸⁾ Это, конечно, само по себе не означает, что заповедные лета введены были там по общегосударственному указу. Они могли быть следствием распоряжения, касающегося только этого уезда.

Волоколамские книги, по Р. Г. Скрынникову, свидетельствуют только о том, что «монастырь прекратил с весны 1580 г. все соответствовавшие нормам Судебника 1550 г. денежные операции по взысканию и ссуде пожилого в своих вотчинах». ⁹⁹⁾ Конечно, по книгам можно определить (и то очень условно) примерное время, когда монастыри перестали давать деньги крестьянам для уплаты пожилого, и нельзя, строго говоря, установить причину этого факта. Но эти книги нельзя рассматривать изолированно от других материалов. Сопоставление их с документами Деревской пятины дает основание для более широких выводов. Во всяком случае они являются существенным аргументом в пользу предположения о том, что в 1581/82 г. в отдельных районах России был временно запрещен крестьянский выход. Подобные запрещения, судя по материалам Деревской

пятины, были сроком в год, и для того, чтобы их продолжить, очевидно, требовался новый указ. Во всяком случае в Новгороде эта чрезвычайная мера была связана с началом поземельного описания (первые писцовые книги этого описания там датируются 1581/82 г.). Возможно, подобное же распоряжение посылалось и в западные районы страны, если принять догадку В. И. Корецкого о том, что составитель Бельской летописи (житель Белой) что-то знал о заповедных летах.¹⁰⁰⁾ [70]

Но в ряде районов закон о выходе в Юрьев день продолжал действовать. Так, очевидно, было на Двине, где в Судебник 1589 г. внесена была как действующая статья Судебника 1550 г. о крестьянском выходе. Так было, наверно, и на юге страны, куда устремился поток беженцев из центра. Введение режима заповедных лет и организация поземельной переписи были мероприятиями, осуществление которых затянулось на долгие годы.¹⁰¹⁾ Они отвечали интересам как землевладельцев центральных и северо-западных районов страны, так и государевой казны. Непосредственное их влияние на ход событий 1581—1582 гг. (в частности, и на завершение Ливонской войны) сказывалось еще недостаточно.

Трудности экономического характера в начале 80-х годов сочетались с растущим недовольством в придворном окружении Ивана IV, раздиравшемся сварамы бывших опричников с земскими боярами. На вопрос о том, есть ли в России «в людех какие шатости», посол Ивана IV в Англии Ф. А. Писемский (1582 г.) должен был отвечать так: «...люди у государя нашего в его государеве твердой руке; а в которых людех и была шатость, и те люди, вины свои узнав, государю были челом и просили у государя милости, и государь им милость свою показал». Этот туманный ответ допускает различные интерпретации. Я. С. Лурье и Б. Н. Флоря связывают его непосредственно с событиями 1580 г. Р. Г. Скрынников видит в нем отклик на опалу кн. И. Ф. Мстиславского, в результате которой он должен был дать в 1580/81 г. «проклятую грамоту» вместе со своими сыновьями Федором и Василием, публично покаяться в «винах» и обязаться не отъезжать к Баторию и не сдавать врагам городов. Опала И. Ф. Мстиславского, очевидно, произошла весной 1581 г. Весной 1580 г. он возглавляет войска «на берегу», но затем отстраняется от военного руководства. Летом 1581 и в 1581/82 гг. он во главе боярской коллегии судит местнические дела да присутствует изредка на дипломатических приемах (сентябрь 1581 г.).¹⁰²⁾

Слухи за рубежом о разногласиях в правящих сферах России ходили самые разнообразные и малоправдоподобные. Папский нунций в Варшаве А. Калигари 28 февраля 1581 г., ссылаясь на сообщение одного беглого знатного москвитина, писал, что «государь находится в большом душевном смятении и несогласии (сИзсогНа) со своим народом, который в большей своей части просит, чтобы был [71] заключен мир с этим королем».¹⁰³⁾ Бежавший в Польшу Давыд Бельский (родич Богдана) говорил, что «в Москве множество дворянских детей... только ждут удобного случая покинуть своего государя». В конце июля 1581 г. два беглеца говорили, что в Новгороде и Пскове «раскол — одни за короля, другие за (великого) князя».

Ободренный слухами о «междоусобных распрях» в России (по большей части мнимыми), Баторий был уверен в слабости Ивана IV. Не учел он главного — силу сопротивления иноплеменным захватчикам, которую в тяжелые годы всегда проявлял русский народ. 20 июня 1581 г. Баторий из Вильно выступил в третий поход на Русь. Поход проходил в тревожной для России обстановке. Весной на южные окраины страны начались набеги ногайцев. Их войска насчитывали до 25 тыс. человек. Опустошены были белевские и алатырские места.¹⁰⁴⁾ Начиная кампанию против Батория, Иван IV отправил через Днепр из Можайска на Оршу полки кн. Д. И. Хворостинина, кн. М. П. Катырева-Ростовского и И. М. Бутурлина. Совершив рейд по окрестностям Орши, Могилева, Шилова и других

городов, воеводы вернулись обратно.¹⁰⁵⁾ В Псков направилась часть войск, дислоцированных в Ливонии. Задержавшись на две недели в военном лагере на р. Дриссе, 15 июля Баторий двинулся к Полоцку. Здесь король от польского гонца Х. Держка получил «многошумящее» послание Ивана Грозного, содержавшее перечень всевозможных обид. Позиции обеих сторон по вопросу об условиях заключения мира оставались непримиримыми. В грамоте литовским панам-раде от имени бояр царь отказывался даже от тех уступок в Ливонии, которые он склонен был сделать ранее. Иван IV отдавал Баторию только те четыре замка, которые тот завоевал.¹⁰⁶⁾

Было еще одно обстоятельство, которое впоследствии оказало существенное влияние на ход польско-русских переговоров. 10 января 1581 г. в Праге Рудольф II принял посольство Истомы Шевригина, но проекты Ивана IV не произвели никакого впечатления на императора. Зато идея «крестового похода» против османов показалась весьма заманчивой папе Григорию XIII, принявшему Шевригина 26 февраля. Для создания внушительной коалиции держав против Османской империи нужно было добиться заключения мира между Россией и Речью Посполитой. Именно для этой цели папа и решил направить посредника, который должен был примирить интересы враждующих [72] сторон. В качестве такового избран был дальновидный и образованный нунций Антонио Поссевино, уже выполнявший серьезные дипломатические поручения Курии.¹⁰⁷⁾

Поссевино отправился в путь вместе с Истомой Шевригиным. По дороге нунций встретился с польским королем и в его ставке с русскими послами. Обе стороны твердо стояли на своем: Баторий требовал перехода под его эгиду Ливонии, Иван IV добивался возвращения утерянных за последние годы русских городов. Затем Поссевино отправился в Старицу, где пробыл с 18 августа до 14 сентября, встречаясь неоднократно с царем.¹⁰⁸⁾ Грозный отнесся одобрительно к его миссии. Теперь нунцию предстояло добиться согласия Батория, настроенного все еще воинственно. В ответ на послание Грозного король из Заволочья 2 августа направил ему письмо, снова наполненное бранью по адресу царя.¹⁰⁹⁾ Тем временем события развивались не так, как этого хотел король.

21 июля 1581 г. Баторий из Полоцка двинулся в Заволочье, где окончательно и было принято решение, что целью предстоящего похода будет взятие Пскова. 3 августа войска Батория направились к крепости Вороноч. Начался псковский поход. Из лагеря у Вороноча король, придавая большое значение психологическому воздействию на местное население, рассылает грамоты в Новгород и Псков, в которых изображает себя «освободителем» русского народа от тирании Грозного. В свою очередь Грозный рассылает по монастырям грамоты, призывая монахов молиться, чтобы бог «православие и христианство от разорения свободил».¹¹⁰⁾

Армия Батория насчитывала 47 тыс. воинов, из которых 27 тыс. составляли немецкие и венгерские наемники. Русские силы во Пскове были менее значительны. Согласно разряду 1580 г., там должно было находиться 12-15 тыс. человек. По данным, полученным в Польше, Псков обороняли 6 тыс. стрельцов и 3 тыс. конницы; по сведениям Р. Гейденштейна — 50 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы. Передовые отряды Батория появились под Псковом 18 августа 1581 г., а основные силы — неделю спустя. Королевский секретарь С. Пиотровский записал в своем дневнике: «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж!»¹¹¹⁾

Псков действительно принадлежал к числу крупнейших не только русских, но и европейских городов. Он был окружен тремя рядами мощных каменных крепостных [73] стен с башнями. А так как Псков находился недалеко от ливонской границы, то эти стены не раз служили ему надежной защитой. Центр города — Кром построен был при слиянии

рек Псковы и Великой. Второй ряд стен пролегал на границах Среднего города, а третий пояс защищал посад (между реками Псковой и Великой) и Запсковье (Окольный город). В стенах, общая длина которых составляла 9 км, насчитывалось 40 башен. Крупнейшей из них была Покровская высотой 40 м, в окружности 90 м. Толщина ее стен достигала внизу 6 м. Рвы вокруг Окольного города и болота составляли также преграду для осаждавших.¹¹²⁾ Псков принадлежал к числу крупнейших экономических центров страны и вместе с тем имел огромное военно-стратегическое значение. Он связывал основную территорию страны с Ливонией, отсюда открывался путь на Новгород.

Несмотря на то что конечная цель похода Батория тщательно скрывалась, кампания 1580 г. показала, что на будущий год король скорее всего двинется на Псков. Поэтому подготовка к обороне города велась тщательно. Ремонтировались крепостные сооружения, в город стягивались стрелецкие войска и «наряд». Формально оборону Пскова возглавлял боярин кн. В. Ф. Скопин-Шуйский, человек недалекий.¹¹³⁾ Истинным героем Псковской обороны стал его племянник кн. И. П. Шуйский. Воеводы, гарнизон и жители Пскова принесли присягу «битися с Литвою до смерти безо всякие хитрости». На борьбу с иноземцами поднялся весь народ Псковщины. Первоначально противник рассчитывал на быструю победу. Были установлены батареи и «туры» (осадные башни) и предприняты другие меры к скорейшему взятию города. 7 сентября начался ожесточенный артиллерийский обстрел крепости, продолжавшийся и на следующий день. Войска Батория решили взять город штурмом. Усилия их направлены были на участок крепостных стен между Покровской и Свинусской башнями. Осаждавшим с огромным трудом удалось пробить в стене большой пролом (до 50 м). Но так как параллельно каменной стене находилась спешно сооруженная деревянная, то в город они ворваться не смогли. Захваченные венграми, немцами и поляками Покровскую и Свинусскую башни псковичи подвергли обстрелу (в нем принимала участие и знаменитая пушка «Барс»). Верхушки у башен были сметены огнем, а противник отброшен на исходные позиции. Потери [74] штурмовавших достигали внушительной цифры (по русским данным, погибло 5 тыс. человек, причем одних поляков 500). Потери русских — 863 убитых и 1623 раненых.¹¹⁴⁾

Потерпев неудачу в штурме, Баторий отдал приказ начать сооружать подкоп под стены крепости, надеясь взрывом облегчить ее взятие. План короля псковичи разгадали, и 24 и 27 сентября им удалось взорвать почти все подкопы (остальные завалились сами). Не удалось Баторию организовать и строгую блокаду города. Русским удавалось проникать за стены Пскова и снабжать осажденных необходимым. Постепенно в польском лагере воцарились уныние и ропот. Не хватало пороха. Плохо было с продовольствием. Наемникам не платили денег. Почти треть солдат переболела лихорадкой.¹¹⁵⁾

Сильный урон осаждавшим наносили и псковские воины, совершавшие многочисленные вылазки из крепости. Вокруг лагеря действовали партизаны. В довершение ко всему 4 октября ударил мороз и выпал снег. Литовская знать и наемники начали постепенно разъезжаться. По сведениям, полученным в Москве в конце ноября, войска Батория понесли тяжелые потери: 7 тыс. человек погибли или попали в плен, а 3 тыс. немецких наемников ушли из лагеря. В это же самое время «государевы воеводы сидят во Пскове здорово и безстрашно, и людям государевым убою нет и порухи над городом нет никоторые». Новую попытку прорваться в город Баторий предпринял 28 октября, когда его артиллерия начала пятидневный обстрел крепости. Затем снова последовал штурм. Героизм псковичей и на этот раз сорвал планы Стефана. Понеся тяжелые потери, осаждавшие вернулись в лагерь. В ноябре — декабре русские ратники активизировали оборону. Ведя точный и интенсивный огонь из пушек, они все чаще стали совершать

вылазки из крепости. 4 января псковичи «многих добре славных, именитых, яко более восьмидесяти панов убиша, тако же и языков нарочитых в город ухватиша».¹¹⁶⁾

Кампания, столь широковещательно объявленная Баторием, оборачивалась его полной неудачей. Отборные королевские войска не смогли взять не только самого Пскова, но и осажденного в конце октября Псково-Печерского монастыря. Спокойствие, стойкость и отвага русских воинов, включая посадских людей и их жен, вызывали удивление и восхищение у поляков. Королевский секретарь С. Пиотровский писал о Пскове, что «не так крепки [75] стены, как твердость и способность к сопротивлению» русских воинов. О самоотверженности и упорстве их говорил и сам Баторий. «Москвитяне», по его словам, доказали, что в защите крепостей они превосходят все народы.¹¹⁷⁾

Героическая оборона Пскова — славная страница русской военной истории. В ходе обороны проявились лучшие качества русских воинов и всего населения, и прежде всего решимость сражаться за отчизну до последнего вздоха. Традиции Псковской обороны пережили не одно столетие. Их продолжателями были солдаты и моряки Севастополя в 1855 г. и городов-героев в Великую Отечественную войну.

1 декабря 1581 г. Баторий покинул лагерь под Псковом. Армия под командованием гетмана Яна Замойского некоторое время продолжала осаду города, но вела ее вяло. Все понимали, что кампания проиграна. Для Батория неудача под Псковом, истощившая денежные и людские средства Речи Посполитой, могла иметь самые тяжелые последствия. Поэтому он стал постепенно склоняться к миру с Россией.

Воспользовавшись походом польского короля к Пскову, вызвавшим уменьшение численности русских войск в Прибалтике, шведы активизировали действия в Ливонии. 4 сентября 1581 г. Делагарди штурмом овладел Нарвой. Вслед за ней пали Ивангород (18 сентября), Ям (28 сентября) и Копорье (14 октября).¹¹⁸⁾ Успехи шведов обеспокоили Батория, который претендовал сам на Нарву и другие русские владения в Прибалтике. Назревал польско-шведский конфликт. Это также настоятельно требовало замирения с Россией.

5 октября 1581 г. в лагерь под Псковом прибыл А. Поссевино для участия в качестве посредника в польско-русских переговорах о мире. В письме 9 октября он рекомендовал Ивану IV пойти на мир ценой уступки всей Ливонии, обещая в компенсацию за это добиться содействия папы в получении Россией права свободной торговли со странами Запада через Польшу и Ливонию. Как показало дальнейшее, это обещание было чистым надувательством — никакого такого «права» Россия не получила. Но Грозный считал миссию Поссевино чуть ли не якорем спасения. Как и в предшествующие кампании, в 1581 г. Грозный показал свою полную безынициативность, не решаясь на открытое противоборство с Баторием. Он находился [76] в это время в Старице, где его «гвардия» (Двор) насчитывала, по слухам, всего 700 человек.¹¹⁹⁾ Русские войска не только не предпринимали активных военных операций, но даже серьезно не поддержали псковичей.

Получив совет Поссевино и стремясь во что бы то ни стало закончить войну с Речью Посполитой, Иван IV 29 октября 1581 г. принял решение об уступке Баторию всей Ливонии в обмен на захваченные польским королем русские города. Со Швецией решено было войну продолжать.¹²⁰⁾ Вопрос шел о владении Нарвой, т. е. практически об «окне в Европу». На рубеже 1581—1582 гг. начата была подготовка к походу на шведов.¹²¹⁾ Как только воеводы собрались в Торжке и Вышнем Волочке, царь отменил решение о походе и велел полкам стоять в Новгороде. Военные действия, проводившиеся отдельными отрядами, носили локальный характер. Тем временем посольство во главе с кн. Д. П.

Елецким и печатником Р. В. Алферьевым 17 декабря возобновило мирные переговоры с польскими представителями. 15 января 1582 г. в Яме Запольском было заключено десятилетнее перемирие, согласно которому Россия лишалась Ливонии, а Речь Посполитая уступала ей завоеванные русские города (кроме Полоцка). Вопрос о Нарве в договоре обойден был молчанием.¹²²⁾

Заключение Ям-Запольского перемирия царь Иван отметил очередными казнями. Немецкий пастор П. Одерборн писал, что «Иоанн осудил на смерть 2300 воинов, которые в Полоцке и в других крепостях сдались неприятелю. По заключении мира... велел их всех казнить или ввергнуть в ужасную темницу; велел умертвить и некоторых мирных граждан».¹²³⁾

После завершения посреднической миссии Поссевино возвратился в Москву 14 февраля 1582 г. и провел с Иваном IV публичные диспуты о вере, состоявшиеся 21, 23 февраля и 4 марта. На беседе царя с папским нунцием 21 февраля присутствовало до ста человек знати. Царь решительно отказался спорить о вере, тогда как Поссевино поставил целью склонить его к унии с католической церковью. В результате настойчивости Поссевино произошла перебранка, которая, правда, закончилась мирно. Во время второй беседы царь даже счел необходимым принести извинения Поссевино за то, что назвал папу волком и хищником. Поссевино предложили изложить в письменной форме расхождение между православной и католической церквями. Он это сделал. 14 марта Поссевино вместе [77] с русским послом в Империю Молвяниновым покинул Москву. Неожиданно для церковных иерархов на соборе, состоявшемся в начале 1582 г., архиепископ ростовский Давид заявил, что одобряет все положения о христианской вере, изложенные Поссевино. Тогда было созвано новое заседание собора, на котором Давида немедленно обвинили в ереси (в «хуле» на Христа и богородицу) и отправили в заточение в один из монастырей. Собор подтвердил незыблемость основных догм православия. В полемическом сочинении «Собор на предложение папского посла Антония Поссевина» сохранилась публицистическая версия происшедших событий. В нем рассказывается, что через некоторое время состоялся третий собор, на который приведен был Поссевино, говоривший те же речи, что и Давид. На нем «папежины посланники» были якобы посрамлены.¹²⁴⁾

В литературе нет единой оценки деятельности Поссевино в «Московии».¹²⁵⁾ Как Иван Грозный, так и Стефан Баторий подозрительно относились к папскому эмиссару. Если брать объективные итоги посредничества хитроумного иезуита, то, несомненно, оно в основном привело к удовлетворению польских претензий — Ливония перешла под власть Речи Посполитой. В подобном итоге переговоров, весьма тяжелом для России, повинен не только Поссевино, но и сам Иван IV, который стремился любой ценой и как можно скорее заключить мир с Баторием, тешась надеждой поправить дела за счет шведских владений в Прибалтике. Но здесь его интересы вступали в противоречие с интересами не только Швеции, но и Речи Посполитой.

Во время переговоров Баторий заявил (6 января 1582 г.), что его власть должна распространяться на всю Северную Эстонию. Претензии польского короля отверг Юхан III. Дело шло к открытому конфликту между Польшей и Швецией. Тем временем Юхан III дал распоряжение о начале похода на Россию. В феврале 1582 г. авангард русских под командованием кн. Д. И. Хворостинина на пути к Яму и Нарве заставил шведов отступить.¹²⁶⁾ Этот успех не получил развития — войска вернулись в Новгород. 18 марта польский гонец П. Визгерд настаивал на том, чтобы Грозный не совершал похода под Нарву. Царь стерпел даже такое откровенное вмешательство в русскую политику и прекратил начатые было военные действия в Эстонии. Войска оттуда были переброшены

на [78] юг страны. Однако Грозный уклонился от попыток Батория втянуть его в союз против Швеции.

Влиятельные круги Швеции рассчитывали на продолжение войны с Россией. Их пыл поддерживался и успехами Батория, и итогами кампании 1581 г., и слухами о неурядицах в России. Весной 1582 г., например, распространилась весть о том, что в Москве вспыхнуло восстание, а царь то ли умер, то ли взят под стражу.¹²⁷⁾ Осенью 1582 г. шведы начали наступление, целью которого было отрезать Россию от Балтики. Стремясь захватить все течение Невы, они осадили 1 сентября г. Орешек, но ни штурм его 8 октября, ни осада не дали никаких результатов. 7 ноября Делагарди вынужден был отойти от крепости. Но и в распоряжении царя не оказалось достаточно сил, чтобы вести успешную войну в Прибалтике. Восстание черемисов в Казанском крае зимой 1582 г. потребовало посылки туда значительного числа полков.¹²⁸⁾ В такой обстановке правительство начало мирные переговоры со Швецией, в результате которых в августе 1583 г. на р. Плюссе заключено было трехлетнее перемирие. За Швецией оставались все захваченные земли (в том числе Корела, Ивангород, Ям, Копорье, а в Ливонии Нарва). Небольшая часть побережья Финского залива (от устья Сестры до устья Стрельны) с устьем Невы оставалась за Россией.¹²⁹⁾ Борьба со Швецией еще предстояла.

Длившаяся четверть века Ливонская война закончилась для Русского государства тяжелым поражением. Фактически Россия оказалась отрезанной от Балтийского моря и вынуждена была искать новые возможности для налаживания торговых сношений с Западом. Постройка Архангельска в 1584—1585 гг. должна была возместить потерю Нарвы. Причины поражения крылись прежде всего в условиях социально-экономической и политической жизни России времен Ивана Грозного. Для затяжной войны людские и финансовые средства страны оказались недостаточными. России приходилось воевать не только на западных рубежах, но и на севере и юге, где ее границы подвергались постоянным набегам крымцев и ногайцев. На ходе войны сказались и очевидные просчеты дипломатии Ивана IV. В результате России пришлось иметь дело не только с раздробленной Ливонией, но и с сильнейшими европейскими державами — Речью Посполитой и Швецией. [79]

И все же Ливонская война стала этапом в борьбе России за выход к Балтийскому морю. В ходе ее был разгромлен Ливонский орден, а поработанные им эстонцы и латыши часто обращали взоры к русским, в которых они видели освободителей от ига немецких феодалов. То, что не смог сделать Иван IV ввиду неблагоприятно сложившихся исторических условий, совершил в начале XVIII в. Петр I, когда Прибалтика вошла в состав Российской империи. [80]

Назад К оглавлению Дальше

¹⁾ См. донесения Сильвестра от 29 декабря 1575 и 29 января 1576 г. (*Толстой*, № 39, с. 181-182; № 40, с. 186-188).

²⁾ В Оршу посольство прибыло 1 декабря 1575 г. Подробнее см.: *Кобенцель*, с. 1-68; ПДС, т. I, стлб. 481-567; РК 1559—1605 гг., с. 120-121; *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия, т. III, вып. 2. Пг., 1915, с. 304-305, 311-312; *Пернштейн*, кн. 2, с. 10-19; *Принц*, кн. 3, с. 1-46; кн. 4, с. 47-73.

- ³⁾ См. наказные речи посольства: АКА, № 279; *Лурье Я. С.* Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. — *ИЗ*, 1948, т. 27, с. 291-300; *Дербов*, с. 212-217. [255]
- ⁴⁾ ЛЗАК, вып. 5. СПб., 1871, с. 120-121; *Уманец*, с. 269. В Москву Новосильцев вернулся 20 апреля 1576 г. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, 165 об. и сл.).
- ⁵⁾ РК 1559—1605 гг., с. 119-120. 20 марта 1576 г. в Москву приехал гонец Иоанн Скалм. Царь принял его в Братошине только 27 июня (Сб. РИО, т. 129, с. 346, 347).
- ⁶⁾ *Флоря*. Отношения, с. 112; *Щербатов*, т. V, ч. 2, с. 393-394; *Новодворский*, с. 35.
- ⁷⁾ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 273-274 об.; Литовская метрика, т. II. № 1, 2, 9, с. 1-4, 15-17.
- ⁸⁾ РК 1559—1605 гг., с. 137-139; Прибалтийский сборник, т. III, с. 262; *Новодворские*, с. 47.
- ⁹⁾ РК 1559—1605 гг., с. 121, 128, 140. Посылалась войска «на берег» и в мае 1577 г.
- ¹⁰⁾ *Лурье Я. С.* Новые данные..., с. 297.
- ¹¹⁾ Щ, л. 515-519 об.; ДРВ, ч. XIV, с. 293, 305-307, 314-315, 319; *Новосельский*, с. 30, 431; *Смирнов*, с. 125-126.
- ¹²⁾ ЦГАДА, ф. 127, кн. 8, л. 2-3, 8, 20; *Новосельский*, с. 431-432.
- ¹³⁾ О В. Ф. Скопине см.: *Вельяминов-Зернов*, ч. 2, с. 35, 41; последнее упоминание в сентябре 1591 г. (РК 1475—1598 гг., с. 461). О В. И. Мстиславском см.: РК 1559—1605 гг., с. 148 (ср. под 1577/78 г. РК 1475—1598 гг., с. 285); последнее упоминание летом 1582 г. (РК 1559—1605 гг., с. 191). О С. В. Годунове см.: РК 1475—1598 гг., с. 277; РК 1559—1605 гг., с. 143. О Т. И. Долгоруком см.: АМГ, т. I, № 26; в мае 1576 г. думного чина еще не имел (РК 1559—1605 гг., с. 127); последнее упоминание в 1578/79 г. (РК 1475—1598 гг., с. 301). О М. Т. Петрове-Соловове см.: *Вельяминов-Зернов*, ч. 2, с. 41; в мае 1579 г. он ведал Дворовым разрядом (ААЭ, т. 1, № 302, с. 368); ср. в ноябре 1579 г. (*Лихачев*. Поссевино, с. 146). О Б. В. Шеине см.: РК 1475—1598 гг., с. 284; последнее упоминание в июне 1579 г. (там же, с. 294).
- ¹⁴⁾ Ливонский поход. — ВЖ, 1852, № I, с. 131; РК 1475—1598 гг., с. 275. См. также грамоту царя в Соловецкий монастырь по случаю предстоящего похода (ААЭ, т. 1, № 297). О походе см.: РК 1559—1605 гг., с. 141-145; РК 1475—1598 гг., с. 275-282; ВЖ, 1852, № I-V; 1853, № V-VI; Прибалтийский сборник, т. III, с. 260-267; т. IV, с. 49; *Новодворский*, с. 47-64; *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954; *Donnert E.* Der Livländische Ordensritterstaat und Rußland. Berlin, 1963; *Kotariski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny Inflanskiej 1576—1582. Warszawa, 1970—1972, *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyis. Marburg, 1972.
- ¹⁵⁾ РК 1559—1605 гг., с. 142-143; *Новодворский*. Прил., с. 25-27; *Лурье Я. С.* Новые данные..., с. 296; Ливонский поход. — ВЖ, 1852, № II, с. 89, 94; № V, с. 127-128; 1853, № V, с. 91-96; *Новодворский*, с. 47-48.
- ¹⁶⁾ Ливонский поход. — ВЖ, 1852, № III, с. 113-114, 119; *Новодворский*, с. 49; ПИГ, с. 198-199. О послании см.: *Панченко А. М.* «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому. — Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 151-154.

- ¹⁷⁾ *Новодворский*, с. 74.
- ¹⁸⁾ Щ, л. 585, 591 об., 594; Ливонский поход. — ВЖ, 1852, № II, с. 94-103; Прибалтийский сборник, т. IV, с. 49.
- ¹⁹⁾ Ливонский поход. — ВЖ, 1852, № IV, с. 136-143, 147-151; № V, с. 97-108; *Щербатов*, т. V, ч. 4, № 26, с. 169-170. По РК 1475—1598 гг. (с. 278), гарнизон Влеха сдался 10 июля. [256]
- ²⁰⁾ Ливонский поход. — ВЖ, 1852, № V, с. 109-140, 114, 117-121; *Форстен*. Балтийский вопрос, с. 668; РК 1475—1598 гг., с. 280. По разрядам, Лужа сдана 29 июля (с. 279).
- ²¹⁾ *Новодворский*, с. 54-55.
- ²²⁾ Ливонский поход. — ВЖ, 1852, № IV, с. 127 — 128; № V, с. 94-96; *Гейденштейн*, с. 3.
- ²³⁾ Ливонский поход. — ВЖ, 1853, № V, с. 96, 99, 109-110; № VI, с. 85-86; ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 278; Прибалтийский сборник, т. III, с. 271. 29 августа на сторону Ивана IV перешел гарнизон Ленаварда; ранее крепость была занята отрядом Магнуса. По РК 1475—1598 гг. (с. 281), Вольмар был взят 31 августа.
- ²⁴⁾ *Новодворский*, с. 60-61. По РК 1475—1598 гг. (с. 282), Кесь сдалась 20 сентября, а Трикатен — 14 сентября.
- ²⁵⁾ ПИГ, с. 211, 206; Литовская метрика, т. II, № 16, с. 27-29; Донесение князя Александра Полубеиского. — Труды X Археологического съезда в Риге 1896 г., т. III. М., 1900, с. 136, 138.
- ²⁶⁾ *Форстен*. Балтийский вопрос, с. 669; *Kappeler A. Ivan Groznyi im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit*. Frankfurt a/M., 1972, S. 48-55.
- ²⁷⁾ *Скрынников*. Россия, с. 42, 93.
- ²⁸⁾ *Новицкий Г. А.* Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны. — ВИ, 1956, № 4, с. 134-138; *Angermann N.* Op. cit., S. 47-53.
- ²⁹⁾ *Буганов*. Переписка, с. 290-315; *Каиштанов С. М.* Еще раз о Городовом приказе XVI в. — ВИ, 1963, № 11, с. 211-213; *Буганов*. Документы, с. 264-272; *Angermann N.* Op. cit., S. 46-47. Ср.: «столп лифлянской» 1577/78 г., содержащий отписки воевод, и аналогичный «столп помесной» лифлянских городов за 1578/79 г. (ОАПП, ч. I, с. 297). Список воевод в Юрьеве, Нарве и Пернове см.: *Angermann N.* Op. cit., S. 107-111; ср.: S. 43-44.
- ³⁰⁾ 26 октября Грозный был в Новгороде (Хронологический перечень, ч. II, № 1031).
- ³¹⁾ *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 364-365.
- ³²⁾ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 319 об.; Литовская метрика, т. II, № 17, 18, с. 29-38; *Щербатов*, т. V, ч. 4, № 28.
- ³³⁾ *Новодворский*, с. 75.

³⁴⁾ *Новосельский*, с. 31; *Кушева*. Народы Кавказа, с. 258-259.

³⁵⁾ РИБ, т. 16. СПб., 1897, № 39; *Щербачев Ю.* Два посольства при Иване IV. РВ, 1887, № 7; *Шаскольский И. П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. — Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970, с. 9-63.

³⁶⁾ *Гейденштейн*, с. 7; Прибалтийский сборник, т. III, с. 293-294; т. IV, с. 48, 129; *Форстен*. Балтийский вопрос, с. 672-673; *Новодворский*, с. 84-85. Магнус бежал из Лебзина, взяв с собой и жену Марию, которая находилась в «Ёлмане» (*Тихомиров*. Памятники, с. 227).

³⁷⁾ РК 1559—1605 гг., с. 146-148, 157-160; Прибалтийский сборник, т. III, с. 293-294, 300-303; *Гейденштейн*, с. 17, 35-37; *Новодворский*, с. 84-87; АЗР, т. 3, № 105, с. 237-238; *Форстен*. Балтийский вопрос, с. 673-674; *Полосин*, с. 209.

³⁸⁾ *Зимин*. Опричнина, с. 433-436, 446; *Цветаев*, с. 36-42; *Севастьянова*, с. 108; Хроника Буссова, с. 84, 86; *Tumins V. A.* Tsar Ivan IV replay to Jan Bokyta. Paris — Hague, 1971; *Шмид Г. К.* Иван Бох в Москве в 1578 г. СПб., 1901, с. 2-5; *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1912, с. 289; Поражение москвитян и осада Вендена 1579 г. — ЧОИДР, 1847, кн. 3, с. 1-6. [257]

³⁹⁾ *Маржерет*, с. 150.

⁴⁰⁾ *Буганов*. Документы, с. 266; Литовская метрика, т. II, № 20, с. 39-41; *Бантыш*. Обзор, ч. 3, с. 103; ДРВ, ч. XIV, с. 349; *Карамзин*, т. IX, прим. 516; HRM, t. I, N CXCV, p. 283, 284; *Новодворский*, с. 89 (он принимает цифру 200 тыс.); *Скрынников*. Россия, с. 46.

⁴¹⁾ HRM, t. I, N CXCV, p. 282; *Скрынников*. Россия, с. 90.

В мае 1579 г. царь был в Иосифо-Волоколамском монастыре (ЛОИИ, ф. 284, кн. 3, л. 10), а 27 июня 1579 г. — в Новгороде (Хронологический перечень, ч. II, № 1064).

⁴²⁾ Э, л. 544. Впрочем, 26 мая 1579 г. в грамоте, отправленной в Соловецкий монастырь, царь писал: «Здесь есми пошли на свое дело в Ливонскую землю» (ААЭ, т. 1, № 302, с. 368). Ср. ПСРЛ, т. 34, с. 193. В Государеве разряде ошибочно написано: «...на Немецкую, на Ливонскую землю» (РК 1475—1598 гг., с. 292).

⁴³⁾ *Щербатов*, т. V, ч. 4, с. 190-199; Литовская метрика, т. II, № 22, с. 42; *Гейденштейн*, с. 39-40.

⁴⁴⁾ HRM, t. I, N CXCV, p. 283-284; *Новодворский*, с. 90; *Natanson-Leski J.* Epoka Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1930, s. 42-45.

⁴⁵⁾ Литовская метрика, т. II, № 22, с. 46.

⁴⁶⁾ ОАПП, ч. I, с. 290; *Флоря*. Война, с. 181.

⁴⁷⁾ С. О. Шмидт полагает, что вопрос об отношениях России с Речью Посполитой обсуждался в 1579 г. «соборне». На мой взгляд, более правы Б. Н. Флоря и Л. В. Черепнин, отрицавшие это (*Шмидт*, с. 253; *Черепнин*, с. 119-120).

⁴⁸⁾ *Гейденштейн*, с. 42-45.

- ⁴⁹⁾ РК 1475—1598 гг., с. 294; *Гейденштейн*, с. 48.
- ⁵⁰⁾ *Новодворский*, с. 94.
- ⁵¹⁾ РК 1475—1598 гг., с. 294; HRM, t. I, N CCI, p. 289; *Бантыш*. Обзор, ч. 3, с. 103; Щ, л. 559-559 об., 561 об.; *Гейденштейн*, с. 62-70; РК 1559—1605 гг., с. 167; ПСРЛ, т. 34, с. 193; *Новодворский*, с. 96-104. По Щ (л. 563), капитуляция произошла 31 августа.
- ⁵²⁾ Щ, л. 560, 563 об.; Литовская метрика, т. II, № 24, с. 47-48; *Гейденштейн*, с. 80. При взятии Сокола погиб окольный Б. В. Шеин и в плен попал окольный Ф. В. Шереметев (РК 1559—1605 гг., с. 167).
- ⁵³⁾ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 106-118.
- ⁵⁴⁾ Прибалтийский сборник, т. III, с. 306, 309-311; РК 1559—1605 гг., с. 167; Щ, л. 564, 568; *Форстен*. Балтийский вопрос, с. 674; *Скрынников*. Россия, с. 48.
- ⁵⁵⁾ Щ, л. 568; *Сланевский*. Кмита, с. 154-155 (письмо от 11 декабря 1579 г.). Родная тетка кн. И. Ф. Мстиславского Анастасия Михайловна Ижеславская (Мстиславская) была замужем за воеводой Троцким кн. С. А. Збаражским, умерла в 1580 г. Выражаю благодарность М. Е. Бычковой за эту справку.
- ⁵⁶⁾ *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, с. 140; *Севастьянова*, с. 106; ПЛ, вып. 2, с. 262. Частично эти слухи подтверждает и Горсей (*Севастьянова*, с. 96, 100, 106). О Бомелии см.: *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного, с. 123-124; Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — РИЖ, 1922, т. 8, с. 54; *Гомель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. — Записки имп. Академии наук, т. VIII. СПб., 1865, Прил., с. 98-99; *Скрынников*. Россия, с. 18-19.
- ⁵⁷⁾ *Гейденштейн*, с. 99-100; *Новодворский*, с. 117-119; *Во Д. К.* Неизвестный памятник древнерусской литературы. — АЕ за 1971 г. М., [258] 1972, с. 357-361. См.: *Зимин А. А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному (Текстологические проблемы). ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 182; *Лурье Я. С.* Первое послание Ивана Грозного Курбскому (Вопросы истории текста). — Там же, с. 210 и др.
- ⁵⁸⁾ 6 ноября 1579 г. царь был в Хутынском монастыре (Щ, л. 577). 13 и 23 ноября — в Новгороде (Хронологический перечень, ч. II, № 1069-1070; *Лихачев*. Поссевино, с. 146). В декабре 1579 г. царь посетил Иосифо-Волоколамский монастырь (ЛОИИ, ф. 284, кн. 3, л. 41 об.). 24 декабря он был в волоколамском селе Ангелове Московского у. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 2, л. 215).
- ⁵⁹⁾ Литовская метрика, т. II, № 25, 26, 28, 29, 31, 32, 52-57; HRM, t. I, N CCI, p. 289; *Бантыш*. Обзор, ч. 3, с. 103-104; ПДС, т. I, стлб. 765 и сл.
- ⁶⁰⁾ СГГД, ч. I, № 200, с. 583; ПРИ, вып. IV, с. 526-529.
- ⁶¹⁾ *Веселовский С. В.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, с. 99-100; *Шмидт*, с. 183; *Корецкий*. Закрепощение, с. 93. Ранее эту точку зрения разделял и я (ПРП, вып. IV, с. 560).

⁶²⁾ *Андреев А. И.* Сводный Судебник. — Известия АН СССР, 1925, т. 19, сер. VI, № 12-15, с. 635, 636, 639; *Флоря.* Война, с. 185; *Скрынников.* Россия, с. 69-71.

⁶³⁾ ПРП, вып. IV, с. 531-532; *Скрынников.* Россия, с. 72, 71. Вряд ли прав Б. Н. Флоря, считающий, что дворянство не получило особых выгод по приговору 1580 г. (*Флоря.* Война, с. 187). Он не учитывает перспективу действия приговора 1580 г., сдержавшего рост монастырских вотчин, что отвечало интересам дворянства.

⁶⁴⁾ Гонцы Л. Стремоухов и Е. Благово, вернувшиеся 3 февраля и 15 марта 1580 г., сообщили, что король не собирается направлять к царю какое-либо посольство. Посылка Г. А. Нащокина (23 апреля) и другие попытки наладить мирные отношения также не дали никаких результатов (*Литовская метрика*, т. II, № 31-39, с. 55-69; № 40-43; *Гейденштейн*, с. 102; *Бантыш.* Обзор, ч. 3, с. 104; HRM, t. I, N CCI, p. 289).

⁶⁵⁾ *Флоря.* Война, с. 183. Несколько иной перевод у И. А. Сланевского: Федор «с отцом мало согласны... сын... к которому примыкают многие московские нобили, не может уже больше перенести лютости отцовской тирании» (*Сланевский.* Кмита, с. 156).

⁶⁶⁾ *Шмурло Е. Ф.* Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, т. I, вып. 1. Л., 1925, №135, 150, 268; *Флоря.* Война, с. 188.

⁶⁷⁾ *Коялович*, с. 182-183; *Тихомиров.* Государство, с. 60-61.

⁶⁸⁾ *Флоря.* Война, с. 195; Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 117, 393.

По Б. Н. Флоре, даже введение заповедных лет было следствием выступления дворян на «соборе 1580 г.» (там же, с. 200-201). Колеблущуюся позицию в вопросе о соборе 1580 г. занял Н. И. Павленко. Он считает, что «не исключено», что сообщение Кмиты имеет в виду церковный собор, но, возможно, собирався и земский (*Павленко*, с. 100-101).

⁶⁹⁾ Разбор фактических ошибок Кмиты см.: *Скрынников.* Россия, с. 52-53.

⁷⁰⁾ *Kotarski Я.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny Inflanskiej 1576—1582. Sprawy organizacyjne, cz. 3. Studia i materiały do historii wojskowości, t. XVII, cz. II. Warszawa, 1971, s. 110. По Новодворскому, под Луками у короля было не более 35 тыс. человек (*Новодворский*, с. 164). Ср.: Дневники второго похода Стефана Батория на Россию. — ЧОИДР, 1897, кн. 1, с. 1-68; *Помяловский М. И.* Диариуш (дневник) Я. Зборовского, каштеляна гнезненского, о походе Батория в 1580 г. — Труды [259] псковского Археологического общества 1910—1911 гг., вып. 7. Псков, 1911, с. 3-32; *Natanson-Leski J.* Op. cit., s. 56-72; *Гейденштейн*, с. 106-107; *Новодворский*, с. 137-138; *Скрынников.* Россия, с. 50; Великие Луки. Исторические очерки. Л., 1976, с. 27-28.

⁷¹⁾ РК 1475—1598 гг., с. 305-306; Щ, л. 586 об., 600 об. 26 июля 1580 г. посланы были во Ржеву полки кн. С. Д. Пронского (РК 1559—1605 гг., с. 169-170). 2 мая 1580 г. в Соловецкий монастырь послана была грамота в связи с тем, что «литовский король со многими силами... на нашу землю идет ратью» (ААЭ, т. 1, № 306, с. 371).

⁷²⁾ Литовская метрика, т. II, № 43, 44, с. 72-75. См. также грамоты Ивана IV королю от 19 июля и 2 августа 1580 г. с просьбой приостановить наступление для переговоров, ответ Батория от 12 августа, грамоту Ивана IV от 12 августа и ответ Батория от 21 августа (там же, № 45-51, с. 75-85).

- ⁷³⁾ ПДС, т. I, стлб. 785 и сл.; т. X, стлб. 1.
- ⁷⁴⁾ *Новодворский*, с. 156-158, 180, 197-198; *Гейденштейн*, с. 124-141; РК 1559—1605 гг., с. 183; Щ, л. 616 об.
- ⁷⁵⁾ Литовская метрика, т. II, № 57, с. 112-121; № 59, с. 121-122; *Гейденштейн*, с. 148-149; *Новодворский*, с. 199-200.
- ⁷⁶⁾ *Новодворский*. Прил., № XX, с. 48.
- ⁷⁷⁾ РК 1559—1605 гг., с. 177-178; Щ, л. 616 об.; *Новодворский*, с. 207-209. По разрядам, Холм был взят 10 февраля 1581 г.
- ⁷⁸⁾ *Форстен*. Балтийский вопрос, с. 597; *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, с. 47.
- ⁷⁹⁾ Литовская метрика, т. II, № 60-62, 66, 68; с. 124-130, 136-139, 140-157; *Гейденштейн*, с. 166-167; *Коялович*, с. 183, 250, 283-285; *Новодворский*, с. 206; *Natanson-Leski J.* Op. cit., s. 74-80; HRM, t. I, N CCV, p. 294.
- ⁸⁰⁾ *Корецкий*. Закрепощение, с. 89.
- ⁸¹⁾ АИСЗР, т. II, с. 67, 69, 126, 171, 191, 247. По данным Н. Ф. Яницкого (которые приводит также Б. Д. Греков), Шелонская пятина запустела на 83,6 %, Бежецкая — на 79, Вотская — на 64,7, Деревская — на 54,7, Обонежская — на 26,3 % (*Яницкий Н. Ф.* Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915, с. 52; *Греков Б. Д.*, кн. 2, с. 243, 246).
- ⁸²⁾ АИСЗР, т. II, с. 23, 28, 293; *Маньков*, с. 34.
- ⁸³⁾ ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 291-403. О дате см.: *Лаппо И. И.* Тверской уезд в XVI в. — ЧОИДР, 1894, кн. 4, с. 14, 205, 47; *Скрынников*. Россия, с. 182. Нужно, конечно, делать скидку на память лиц, сообщавших сведения о беглецах.
- ⁸⁴⁾ *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в. — ИСССР, 1972, № 3, с. 75-81; Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 114; ср. *Толстой*, с. 218.
- ⁸⁵⁾ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625), т. I, вып. 2. СПб., 1910, Прил., с. CXVIII; *Корецкий*. Закрепощение, с. 94; *Флоря*. Война, с. 199; *Тимофеев Н.* Крестьянские выходы конца XVI в. — ИА, 1939, т. II, с. 67. По В. И. Корецкому, в 1580 г. правительство Ивана IV приняло решение «о введении чрезвычайного военного налога» (*Корецкий*. Закрепощение, с. 94).
- ⁸⁶⁾ *Копанев А. И.* Куростровские столбцы XVI в. — САС, вып. 1, с. 411; *Корецкий*. Закрепощение, с. 95, 34; *Зимин А. А.*, *Копанев А. И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. — [260] ГАС, вып. 1, с. 440; *Корецкий В. И.* Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю. — ЗОР, вып. 21. М., 1959, с. 210.
- ⁸⁷⁾ *Дьяконов М. А.* Заповедные и выходные лета. Пг., 1915; *Греков Б. Д.*, кн. 2, с. 256-310; *Веселовский С. Б.* Из истории закрепощения крестьян. — УЗ Ин-та истории РАН ИИОН,

1928, кн. 5, с. 207; *Корецкий В. И.* Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. — ИСССР, 1957, № 1, с. 169; *Корецкий.* Закрепощение, с. 109. Критические замечания об отдельных представлениях В. И. Корецкого см.: *Панях В. М.* Закрепощение крестьян в XVI в.; Новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого). — ИСССР, 1972, № 1, с. 157-165; *Скрынников.* Россия, с. 192.

⁸⁸⁾ Акты Юшкова, № 220, с. 206; *Греков Б. Д.*, кн. 2, с. 304. Критические соображения В. И. Корецкого в адрес построения Б. Д. Грекова см.: *Корецкий.* Закрепощение, с. 101-103.

⁸⁹⁾ *Татищев В. Н.* История Российская, т. VII. Л., 1968, с. 373; *Корецкий.* Формирование, с. 71.

⁹⁰⁾ СГГД, ч. I, № 202, с. 594; *Скрынников.* Россия, с. 174. В противоречии с этим в другом месте (с. 171) Р. Г. Скрынников пишет, что приговор 1584 г. упоминает о выходе «в общих выражениях, поэтому сам по себе этот источник не может использоваться как доказательство соблюдения или несоблюдения правил Юрьева дня в тот период».

⁹¹⁾ *Самоковасов*, т. II, с. 500, 451, 449-450; *Корецкий.* Закрепощение, с. 97, 304, 305, 311; *Анпилогов*, с. 415-416. Начаты ли книги Замыцкого осенью — зимой 1581 или весной 1582 г. (*Скрынников.* Россия, с. 175) — это сути дела не меняет.

⁹²⁾ *Скрынников.* Россия, с. 178; ср.: *Корецкий.* Закрепощение, с. 124.

⁹³⁾ *Корецкий.* Закрепощение, с. 321-336. Не упоминаются заповедные лета и в деле В. Г. Скобельцына, содержащем выписки из писцовых книг о крестьянах, бежавших в 1600/01 г. (*Анпилогов*, с. 421-425). Р. Г. Скрынников полагает, что крестьяне бежали в 1586—1587 гг., а «эти годы были в Едровском стане бесспорно заповедными» (*Скрынников.* Россия, с. 188). В данном случае Р. Г. Скрынников повторил ошибочную дату В. И. Корецкого (*Корецкий.* Закрепощение, с. 111), а в документе — 1587—88 г. (там же, с. 321, 323, 325, 326 и др.).

⁹⁴⁾ *Самоковасов*, т. II, с. 453; *Скрынников.* Россия, с. 187.

⁹⁵⁾ *Скрынников.* Россия, с. 196. Противоречивость концепции Р. Г. Скрынникова подметил Б. Н. Флоря (*Флоря.* Война, с. 201).

⁹⁶⁾ *Анпилогов*, с. 416; *Скрынников.* Россия, с. 197. Считать этот случай «не вполне типичным», как это полагает Р. Г. Скрынников, оснований нет.

⁹⁷⁾ *Тимофеев Н.* Крестьянские выходы конца XVI в., с. 68-85; *Скрынников.* Россия, с. 180; *Греков Б. Д.*, кн. 2, с. 297. Запись 7 сентября Б. Д. Греков считал относящейся к привозу денег, которые «остались от прошлого года» (там же, прим. 118).

⁹⁸⁾ *Маньков*, с. 248. Р. Г. Скрынникову кажется важным то обстоятельство, что в волоколамских книгах не упоминается понятие «заповедные лета» (*Скрынников.* Россия, с. 179). Но говорить в книгах об этих «летах», думается, надобности не было: ведь записывались только сведения о приходе и расходе денег для финансовой отчетности.

⁹⁹⁾ *Скрынников.* Россия, с. 181.

¹⁰⁰⁾ *Корецкий*. Закрепощение, с. 122, 304-319 (список писцовых книг 80-90-х годов); *Корецкий В. И.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании Болотникова. — ВИ, 1971, № 5, с. 130-134.

¹⁰¹⁾ Мысль о связи введения заповедных лет с организацией поземельной переписи впервые высказал Н. С. Чаев (*Чаев*, с. 157, 162). [261]

¹⁰²⁾ Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 117, 393; *Флоря*. Война, с. 197; *Скрынников*. Россия, с. 84; РК 1475—1598 гг., с. 303 (1580 г.), 319; РК 1559—1605 гг., с. 186 (1581/82 г.); ПДС, т. X, стлб. 80, 194.

¹⁰³⁾ «Проклятая грамота» (СГГД, ч. I, № 201, с. 588) составлена не ранее февраля 1581 г.: в ней упомянут митрополит Дионисий, вступивший на престол после Антония, покинувшего митрополию до февраля 1581 г. *Шмурло Е. Ф.* Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, т. I, вып. 1. Л., 1925, № 268; *Флоря*. Война, с. 196; Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России, ч. II. М., 1871, с. 297; *Коялович*, с. 31.

¹⁰⁴⁾ *Новодворский*, с. 213; *Natanson-Leski J.* Op. cit., s. 85-94; *Новосельский*, с. 432.

¹⁰⁵⁾ Щ, л. 623; *Коялович*, с. 251-254; РК 1559—1605 гг., с. 175-176; *Новодворский*, с. 212-213.

¹⁰⁶⁾ ПИГ, с. 213-238, 656-668.

¹⁰⁷⁾ *Лихачев*. Поссевино, с. 27; *Снесаревский, П. В.* Миссия Поссевино в Россию. — УЗ Калининградского гос. пед. ин-та, вып. 1. Калининград, 1955, с. 71-92; *Годовикова Л. Н.* «Московское посольство» Антонио Поссевино. — ВМГУ, история, 1970, № 5, с. 87-100; *её же*. Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. — ВМГУ, история, 1969, № 6, с. 80-85.

¹⁰⁸⁾ Грозный находился в Старице во всяком случае с 26 июля 1581 г., а в июле и сентябре он посетил Иосифо-Волоколамский монастырь (*Лихачев*. Поссевино, Прил., с. IV; ЦГАДА, ф. 284, кн. 4, л. 19, 19 об., 32). Встречи царя с Поссевино состоялись 20 и 31 августа, 4, 10 и 12 сентября (ПДС, т. X, стлб. 70-179, 186-235); *Поссевино*, с. 26-27, 33.

¹⁰⁹⁾ Литовская метрика, т. II, № 74, с. 177-206; *Гейденштейн*, с. 186.

¹¹⁰⁾ *Лихачев*. Поссевино, Прил., с. XVIII-XIX; ААЭ, т. 1, № 311 (24 августа 1581 г.).

¹¹¹⁾ *Kotarski H.* Op. cit., s. 39; *Скрынников*. Россия, с. 56; Сборник МАМЮ, т. VI. М., 1914, с. 1-13; *Коялович*, с. 287, 63; *Гейденштейн*, с. 200-201; Повесть о приходе Стефана Батория. М.; Л., 1952, с. 59; *Назаров В. Д.* Псковское сидение. — ВИ, 1971, № 5, с. 117; *Коялович*, с. 61, пер. см.: *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882, с. 92.

По «Повести о приходе Стефана Батория» (с. 52), польская армия насчитывала 100 тыс. человек, по другим данным (*Новодворский*, с. 232) — 30 тыс. По данным королевского секретаря С. Пиотровского, во Пскове было всего 2500 стрельцов, 1 тыс. конницы и 500 казаков (*Коялович*, с. 60; *Назаров В. Д.* Указ. соч., с. 117).

¹¹²⁾ *Назаров В. Д.* Указ. соч., с. 116.

- ¹¹³⁾ *Флетчер*, с. 42.
- ¹¹⁴⁾ Повесть о приходе Стефана Батория, с. 47-48, 64-80; *Коялович*, с. 75-77; *Новодворский*, с. 241-242.
- ¹¹⁵⁾ *Гейденштейн*, с. 242.
- ¹¹⁶⁾ *Успенский Ф. И.* Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581—1582 гг. Одесса, 1887, с. 46; Повесть о приходе Стефана Батория, с. 95.
- ¹¹⁷⁾ Повесть о начале и основании Псково-Печерского монастыря. Изд. 2-е. Псков, 1849, с. 19-30; *Гейденштейн*, с. 26-27; *Пиотровский С.* Указ. соч., с. 107; *Новодворский*, с. 100.
- ¹¹⁸⁾ *Форстен*. Балтийский вопрос, с. 696-699.
- ¹¹⁹⁾ ПДС, т. X, стлб. 257; *Лихачев*. Посевино, Прил., с. XXXIII; *Гейденштейн*, с. 220-221. [262]
- ¹²⁰⁾ ПДС, т. X, стлб. 257; *Флоря Б. И.* Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны. — СС, 1972, № 2, с. 25, 30-31.
- ¹²¹⁾ Разряд похода составлен был в январе 1582 г. (РК 1559—1605 гг., с. 185).
- ¹²²⁾ О перемирии см.: ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, л. 1-34, 262об.-290; Щ, л. 631 об.; Литовская метрика, т. II, № 83, с. 236-242; *Natanson-Leski J.* Op. cit., s. 107-131.
- ¹²³⁾ *Карамзин*, т. IX, прим. 617; *Полосин*, с. 212.
- ¹²⁴⁾ *Годовикова Л. Н.* «Московское посольство» Антонио Посевино, с. 88; *ее же*. Сведения о России конца XVI в., с. 80; ПДС, т. X, стлб. 298; *Посевино*, с. 76-87; Собор на предложение папского посла Антония Посевина в 1582 г. — ЧОИДР, 1847, кн. 3, с. 24-30; ЗОРСАРАО т. II. СПб., 1861, с. 25; *Макарий*. История русской церкви, т. VIII. СПб., 1898, с. 401, прим. 485; *Скрынников*. Россия, с. 88-90.
- ¹²⁵⁾ См.: *Снесаревский П. В.* Указ. соч., с. 71-92.
- ¹²⁶⁾ ПДС, т. X, с. 248-257; ДРВ, ч. XII. М., 1789, с. 194-225; РК 1475—1598 гг., с. 324-325.
- ¹²⁷⁾ Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, t. XI. Kraków, 1887, p. 371; *Скрынников*. Борьба, с. 59.
- ¹²⁸⁾ Прибалтийский сборник, т. III, с. 344-345; Щ, л. 649; РК 1475—1598 гг., с. 331-332.
- ¹²⁹⁾ *Шаскольский И. П.* Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? — ИЗ, 1950, т. 35, с. 294-303.

Последние годы Грозного

В последние годы правления Грозного происходили события более важные по историческому значению для судеб России, чем поражение в Ливонской войне. Речь идет о начале присоединения Сибири.¹⁾ Включение Среднего и Нижнего Поволжья в состав

Русского государства открыло дорогу в Сибирь. Здесь на развалинах когда-то могущественной Золотой Орды возникло Сибирское ханство, подчинившее целый ряд племен и государственных образований. Сибирский хан Едигер, теснимый бухарским правителем, в 1555 г. обратился в Москву с просьбой о принятии его в подданство. Вассальные отношения Сибирского ханства с Русским государством, сложившиеся при Едигере, некоторое время продолжались и при его преемнике хане Кучуме. Однако Кучум, воспользовавшись тяжелым военно-политическим и экономическим положением России, в 1573 г. отказался от уплаты дани. На восточных рубежах возникла реальная угроза нападения со стороны Сибирского ханства. Попытка урегулировать отношения на прежней основе натолкнулась на решительное противодействие Кучума. Отправленный к нему русский посол был убит.

Русское правительство, крайне заинтересованное в денежных средствах, торопилось с решением сибирской проблемы. Отказаться от драгоценной сибирской [81] пушнины, существенно пополнявшей царскую казну, в условиях острого финансового кризиса было невозможно. Вероятно, в 70-е годы Грозный и его окружение задумываются над планом окончательного присоединения Сибири. Огромную помощь в этом оказали сольвычегодские солепромышленники Строгановы, владевшие бескрайними землями по Каме и Чусовой. Наряду с добычей соли они организовали производство железа, рубили лес, вели крупную пушную торговлю. Получив в 1558 г. первую жалованную грамоту на «камские изобильные места», к 1579 г. Строгановы стали владельцами 39 деревень с 203 дворами, городком и монастырем. Их население (в основном выходцы из центра и Новгорода) увеличивалось с невероятной быстротой. Каждый десяток лет оно удваивалось. Для охраны владений Строгановы получили право «прибирать» (нанимать) «охочих людей» — казаков. Силами последних, как и строгановских крестьян, воздвигались крепостцы на границах. К концу XVI в. линия острогов (Верхне-Чусовской, Нижне-Чусовской, Керчедан, Сылвенский) отделяла строгановские земли от непокорного Кучума.²⁾

Строгановы не переставали мечтать о расширении владений. На Обь отправлялись «рабы и слуги» Строгановых для скупки пушнины. В продвижении за Урал («Камень») Строгановы использовали два пути: старый — «чрезкаменный», шедший по Печоре и ее восточным притокам через перевал и по западным притокам Оби, и новый — вдоль побережья Ледовитого океана. Для плавания на восток на берегу Северной Двины Строгановы построили два корабля. Этапом в расширении строгановских владений за Уралом стала середина 70-х годов. 30 мая 1574 г., согласно новой жалованной грамоте, Строгановы получили земли по Туре и Тоболу. Им вменялось в обязанность «на Иртыше, и на Оби, и на иных реках, где пригодитца... крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати». Строгановы должны были опираться не только на казачьи силы, но и на недовольные правлением Кучума местные племена. Некоторые из них оказали поддержку казачьим отрядам Строгановых. Происхождение атамана этих отрядов Ермака Тимофеевича остается загадочным. По одному предположению, он был донским казаком, пришедшим с Волги. Согласно другому, Василий Тимофеевич Аленин (по прозвищу Ермак) в молодости был «работным человеком» Строгановых, затем бежал на Волгу и оттуда позднее вернулся к ним.³⁾ [82]

В 1580 г. владения Строгановых подверглись набегу мансийского мурзы Бекбелия Агтаева. Осенью 1581 г. Соликамск сжег князек Кихек. Нанимая отряды казаков во главе с Ермаком, Строгановы стремились обезопасить свои земли от подобных набегов. Организованный Строгановыми поход казачьей дружины Ермака (численностью не более 600 человек) должен был «воевати вотяки и вогулы и Пелымские и Сибирские места». Начался он 1 сентября 1581 (или 1582) г.⁴⁾ В то время, когда на западе завершалась

изнурительная Ливонская война, на востоке — в сибирских землях — закладывались прочные основы дальнейшего расширения Русского государства.

Поход Ермака готовился осмотрительно и добротнo. Волжских казаков и ратных людей из пограничных острогов снабдили «одеянием ратным — оружием, пушки, пищали и всяким оружием воинским и запасы многими». Пройдя вверх по Чусовой, войско Ермака перевалило Уральский хребет и спустилось по Тагилу на Туру — «ту бе и Сибирская страна». Продвигаясь по Туре, Тоболу и Иртышу, Ермак подошел к Кашлыку — столице Кучума. На засеке Чувашевого мыса произошла «сеча зла». Войско Кучума, возглавленное татарскими вассалами и подвластными ему остяцкими и вогульскими (мансийскими) «князьцами», не выдержало напора русских и разбежалось. Кучум оставил столицу и откочевал в степь. Окрестное население признало власть Ермака, принеся ему дань.

Первоначальный успех не был прочным. Войско Ермака поредело и не могло долго сохранять власть над внешне покорными князьками, поддерживавшими, однако, сношения с кочевавшим в степях Кучумом. Положение осложнилось восстанием князьков во главе с советником Кучума. Не многим помогло Ермаку прибытие в конце 1584 г. отряда кн. Семена Болховского и головы Ивана Глухова с 500 казаками. В августе 1584 (или 1585) г. Ермак попал в засаду и погиб. Походом Ермака началось присоединение огромного и благодатного Сибирского края, куда устремились не только торговые и военно-служилые люди, но и беглые крестьяне, холопы и ремесленники.

Однако вольные казаки не принесли ни себе, ни местным народам той свободы, к которой они стремились. Все они оказались под пятой царизма, хотя формы эксплуатации здесь были несколько мягче, чем в центре страны. Сибирь стала исполнять роль клапана, в который уходили силы непримирившегося и непокоренного народа. Основной [83] поток переселенцев шел из Поморья, причем главным образом по низовьям Иртыша, Оби и их притокам. Переселенцы, как и местные племена, обязаны были государю всея Руси только уплатой дани. Из-за Уральского хребта золотая волна пушнины, добываемой русскими, бурятами, хакасами и другими народами, потекла в царские закрома. В поисках «государевой прибыли» вслед за крестьянством, бежавшим от угнетения из центра России, двигались царские войска.

Мирная крестьянская колонизация сопровождалась и насильственным подчинением сибирских народов царю. В Сибирь устремились торговые люди. Военно-служилые гарнизоны новых городов стали верной опорой царской власти в Сибири. Если такие местные народы, как буряты, якуты, хакасы, алтайцы, смогли сохранить национальную самобытность, то некоторым народностям этого сделать не удалось. В процессе колонизации края котты, асаны, арины, смоки и другие народности слились с пришлым населением. Переселенцы способствовали хозяйственному подъему края. Принесенные ими навыки земледельческого труда были усвоены местным населением. Совместная борьба народов Сибири не позволила царизму утвердить те жестокие формы крепостничества, которые позже стали господствовать в стране.

В начале 80-х годов тревожные события происходили в Казанской земле. Там в 1581 г. возобновились волнения черемисов. Зимой 1580 г. ногайский князь Урус призывал черемисов выступить против Ивана IV. В 1581 г. ногайцы (численностью до 25 тыс. человек) «пустошили» белевские, коломенские и алатырские земли, стремясь поддержать разгоревшееся пламя восстания черемисов.⁵⁾ Война «в Черемисах» затягивалась. 15 апреля на Волгу была послана флотилия Ф. М. Лобанова-Ростовского, прибывшая к Козину острову (в 20 км ниже Чебоксар). 7 октября 1582 г. «воевать луговые черемисы» посланы

были полки кн. И. М. Елецкого, а 10 декабря против «горной черемисы» — кн. И. М. Воротынского и кн. Д. И. Хворостинина. В казанском походе против «луговой черемисы», начавшемся до 2 июня 1583 г., участвовал кн. И. А. Ногтев (Ноготков). Для укрепления позиций в Черемисском крае в 1583 г. строится «в Кузмодемьянском острог».⁶⁾ Сооружение системы городов-крепостей в Поволжье, только намечавшееся в конце правления Грозного, в дальнейшем [84] получило интенсивное развитие и сыграло большую роль в освоении Поволжья.

Несмотря на заключение перемирия с Речью Посполитой, на западных рубежах «беспокойно было». Согласно Ям-Запольскому договору, к Речи Посполитой отошел г. Велиж. Но Велишскую волость русское правительство терять не хотело. Пользуясь неразмежеванностью границ, витебский воевода С. Пац и другие литовские власти захватили земли в Велижской, Торопецкой и Великолукской волостях. Это вызвало серьезные пограничные конфликты. В Великолукский уезд были введены войска кн. Д. П. Елецкого. Положение складывалось такое, что вот-вот могла вспыхнуть новая война, если переговоры между сторонами не дадут определенных результатов.⁷⁾

В последние годы жизни Грозного активизируются сношения России с восточными странами. В 1582—1583 гг. происходил интенсивный обмен посольствами с Ногаями и Крымом. Приезд в Москву за «милостиною» афонских монахов и иерархов православной церкви подготавливал дальнейшее сближение русской церкви с православным Востоком. В 1582/83 г. в Москву приезжал епископ Хиландарского монастыря Григорий. На Николин день столицу посетил митрополит вифлеемский Иоаким. В том же году в Москве побывал митрополит пульский Тимофей (он здесь и скончался).⁸⁾

Обстановка при дворе Грозного и личная жизнь монарха в эти годы были крайне запутанными. Анну Васильчикову по приказу Грозного постригли в монахини. Исаак Масса писал, что «жену, которая в продолжение трех лет была бесплодна, он обыкновенно заточал в монастырь». В конце 70-х годов Иван IV взял себе в жены некую Василису Мелентьеву. Сведения об этом сохранились глухие и поздние. Один хронограф третьей четверти XVII в. сообщает, что Грозный, «сказывают... имал молитву со вдовою Василисою Мелентьевою, сиречь с женищем». Это предание дало повод известному поддельщику рукописей начала XIX в. А. И. Сулакадзеву сочинить рассказ о том, что Грозный «обращился со вдовою Василисою Мелентьевою, юже мужа ее опричник закла; зело урядна и красна, таковы не бысть в девах, кних возяще на зрение царю». Василиса была потом заточена в тюрьму, «чтя ю зрящи яро на оружничьего Ивана Деветелева князя, коего и казни». О том, что кн. И. Тевекелев был оружничим (с 1572/73 г.), сохранились сведения только в [85] Шереметевском списке боярских чинов, где сказано, что он «выбыл» в 1576/77 г. Знал ли эти данные Сулакадзев, или его рассказ основан на каких-то других источниках, остается неизвестным. Во всяком случае в разрядах И. Тевекелев встречается до 1573/74 г. включительно.⁹⁾

В. Б. Павлов-Сильванский обратил внимание на запись в вяземских писцовых книгах, согласно которой Иван IV пожаловал в 1578/79 г. поместье и вотчину Федору и Марье Мелентьевым детям Иванова. Дьяк Мелентий Иванов известен своей службой в 1562—1563 гг. Предположение о гибели Иванова в Ливонии вслед за падением Изборска в 1569 г., когда последовали казни многих дьяков, ошибочно. Иванов упоминается в разрядах в 1573/74 г.,¹⁰⁾ т. е. его смерть относится к более позднему времени и не связана с изборским делом.

Брак с Василисой Мелентьевой вряд ли был церковным. Русские источники, перечисляя поименно жен Ивана Грозного, о ней не говорят (исключая Хронограф XVII в.). Они или

считают, что Грозный был женат всего шесть раз, или говорят о семи женах, но все равно имени Василисы не упоминают. Ж. Маржерет, И. Масса и П. Одерборн глухо пишут, что Грозный был женат семь раз.¹¹⁾

Грозный женился в седьмой раз осенью 1580 г. Супругу он выбрал из ближайшего окружения, составлявшего государев Двор. Мария Нагая была дочерью окольного Ф. Ф. Нагого. Свадьба состоялась вскоре после ухода Батория из Великих Лук. По словам Горсея, Грозный женился, чтобы успокоить сына Ивана и бояр, взволнованных слухами о предполагавшемся бегстве царя в Англию.¹²⁾ Очевидно, это рассуждение не что иное, как досужий домысел. Свадьба царя происходила в интимной обстановке. Присутствовали наиболее близкие к нему лица, в основном государев Двор. «В отца место» на свадьбе выступал царевич Федор, а наследник престола Иван — «тысяцким». В свадебном разряде жена царевича Федора упомянута, а жена царевича Ивана нет (его вторая супруга была уже пострижена).

В правящих кругах Русского государства в конце 70-х — начале 80-х годов происходили изменения, результаты которых выяснились не сразу. В 1578—1579 гг. состав бояр и окольных не пополнялся, а уменьшался. В сентябре 1578 г. под Кесью были убиты боярин кн. В. А. Сицкий, окольный В. Ф. Воронцов, а окольный кн. П. И. Татев попал в плен. В феврале 1579 г. в Казани умер [86] боярин кн. А. И. Ногтев. В сентябре 1579 г. в плену оказался окольный Ф. В. Шереметев, а окольный Б. В. Шеин был убит. Шереметев и Татев вернулись на Русь после заключения Ям-Запольского перемирия. Около 1580 г. с исторической сцены сходит кн. С. Д. Пронский.¹³⁾ Около 1581 г. окончилась карьера боярина П. В. Морозова и примерно тогда же — окольного кн. Т. И. Долгорукова.¹⁴⁾ В декабре 1581 г. последний раз упомянут в разрядах боярин кн. И. Ю. Голицын. Около 1583 г., очевидно, умирает боярин кн. В. И. Мстиславский.¹⁵⁾ Думные чины давались в начале 80-х годов очень скупно. На радостях по случаю свадьбы царя боярином стал Борис Годунов (сентябрь 1580 г.). Боярином стал и вернувшийся из плена окольный кн. П. И. Татев (к июлю 1583 г.), а окольным — кн. Ф. М. Троекуров (к июлю 1581 г.).¹⁶⁾

Влияние «опричной части» знати было прочно в дворцовых учреждениях. После Бориса кравчим стал кн. Д. И. Шуйский, его «свояк». Близок к Годунову был и оружейный Б. Я. Бельский (с августа 1577 г. во всяком случае). Дворец с 1576 г. возглавлял бывший опричник кн. Ф. И. Хворостинин. В 1577 и 1579 гг. сокольничим был И. И. Бобрищев-Пушкин, а ловчим — И. М. Пушкин. В 1577 г. на Земском дворе служили И. И. Мятлев и Я. Г. Наумов, а казначеями были П. И. Головин (с 1576 г.) и И. П. Татищев (март 1582 г.).¹⁷⁾

Видную роль при дворе играли думные дворяне. В их число входили в 1576 г. Б. Я. Бельский, М. А. Безнин, Д. И. Черемисинов (с сентября 1580 по декабрь 1582 г. был в плену), Б. В. Воейков, И. П. Татищев и В. Г. Зюзин. Они оставались в этом чине и в 1577 г.¹⁸⁾ В 1579 г. думным дворянином стал Р. М. Пивов.¹⁹⁾ Все они были на свадьбе Грозного в 1580 г.²⁰⁾ Думным дворянином с 1572 г. был Р. В. Алферьев, но он обычно именовался печатником (по исполнению главной обязанности) и только в 1584/85 г. — думным дворянином и печатником. В 1581 г. дворянином числился кн. Д. П. Елецкий.²¹⁾ Среди 12 «сенаторов», которые докладывали царю важные дела, А. Поссевино называет Б. Я. Бельского с братом Невежей, В. Г. Зюзина, И. П. Татищева, Б. В. Воейкова и М. А. Безнина,²²⁾ т. е. думные дворяне составляли почти половину этих наиболее близких к царю лиц.

По-прежнему влиятельной фигурой был А. Ф. Нагой. Именно он вместе с Богданом Бельским стоял у царского трона, на котором в 1581 г. восседал Грозный во время [87] приема польских послов. Ему же царь поручил в 1582 г. выпросить у англичан про свою предполагаемую невесту Марию Гастингс.²³⁾ «Деликатность» поручения ясна уже из того, что царь в это время женат был на племяннице Нагого. Но, конечно, по мере укрепления у царя мысли о необходимости породниться с английской королевой влияние Нагого должно было падать. К тому же, поскольку его старший брат был все еще окольным, путь в высшие думные чины А. Ф. Нагому был практически закрыт.

Состав наиболее влиятельных лиц из окружения Ивана Грозного в 1581—1584 гг. рисуют посольские книги. В 1581 г. на приеме польских гонцов присутствуют Н. Р. Юрьев и Б. Я. Бельский. В приемах английских послов и беседах с ними в 1581—1582 гг. участвуют кн. Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Юрьев, А. Ф. Нагой и Б. Я. Бельский. Осенью 1581 г. Н. Р. Юрьеву царь сообщает о предсмертной болезни сына. В 1581—1582 гг. в переговорах с А. Поссевино участвуют Н. Р. Юрьев, Б. Я. Бельский и А. Ф. Нагой.²⁴⁾ Летом 1582 г. переговоры с польскими послами ведут Н. Р. Юрьев, Б. Я. Бельский, А. Ф. Нагой и Р. В. Алферьев. В 1583 г. на встречах с английским послом присутствуют кн. Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Юрьев, Д. И. и С. В. Годуновы, но ведут переговоры Н. Р. Юрьев и Б. Я. Бельский. В 1583 г. решено было послать в Польшу грамоту от имени Н. Р. Юрьева и Б. Я. Бельского. В сентябре 1583 г. А. Ф. Нагой и И. В. Годунов вели переговоры о размене пленных с польскими представителями.²⁵⁾

Из приведенных сведений ясно вырисовываются две группы знати при дворе: земскую возглавлял Н. Р. Юрьев, опричную (дворовую) — Б. Я. Бельский и А. Ф. Нагой. Бориса Годунова в эти годы среди приближенных царя незаметно: то ли он держался в тени, то ли между ним и царем пробежала тень недоверия. Во всяком случае на свадьбе Грозного осенью 1580 г. он еще в фаворе. Борис стал боярином, но удостоился немногого — быть в дружках царицы вместе с М. А. Нагим (у царя — Б. Я. Бельский). На свадьбе присутствовал сонм Годуновых (Яков и Карп-Константин Михайловичи, Никита, Петр, Иван и Степан Васильевичи, Андрей Никитич, Дмитрий Иванович).²⁶⁾

Беспорным фаворитом царя последних лет его жизни был Богдан Бельский. Для Д. Горсея он — «главный любимец прежнего царя»; для английских послов Д. Боуса и Т. Смита — «главнейший и самый доверенный... [88] советник» Грозного. Дьяк И. Тимофеев называет его первосоветником и говорит, что «сердце царево всегда о нем насытне горяше». Сравнивая Бельского с Годуновым, он подчеркивал, что «первый втораго много излишествова во славе». По словам П. Одерборна, это был «сильный и суровый человек», хотя «скупец и упрямец». При больном царе Богдан Яковлевич занимал два поста: оружничего и главы Аптекарского приказа, что говорило об особом доверии к нему. Позднее способности этого волевого и умного честолюбца признавал даже такой противник Годуновых, как Ф. Н. Романов: «... один-де у них (Годуновых. — А. З.) разумен Богдан Белской, к посолским и ко всяким делам добре досуж».²⁷⁾

Слабой стороной Бельского в борьбе за власть как раз и являлись его незаурядные личные качества и положение при монархе. Это вызывало зависть и раздражение знати, которая особенно побаивалась приверженности Богдана к опричным порядкам. Бельский не был знатен, а потому не мог рассчитывать на думный чин, что также ослабляло его позиции. Не числился он в любимцах ни у одного из сыновей Грозного, т. е. не мог претендовать на место опекуна в случае смерти царя. Словом, только поддержка Грозного и старых соратников Бельского по опричнине и Двору делали его значительной силой, с которой вынуждены были считаться в придворных сферах.

Другое дело — Борис Годунов. До поры до времени он не возбуждал у знати особенных страхов, ибо связал себя родством с младшим сыном царя. Вместе с тем он принадлежал к старинной фамилии, правда не княжеской, но все же боярской. Его дядя Дмитрий Иванович был боярином, а троюродный брат Степан Васильевич — окольничим. Борис Федорович когда-то входил в опричнину и сферой своего влияния избрал государев дворец. Портрет Годунова позднее рисует Т. Смит: «Это был рослый и дородный человек, своей представительностью невольно напомилавший об обязательной для всех покорности его власти; с черными, хотя и редкими, волосами, при правильных чертах лица, он обладал в упор смотрящим взглядом и крепким телосложением».²⁸⁾

Годуновы медленно продвигаются по лестнице чинов. Это сказывается и на их местнических спорах. Так, в декабре 1578 г. Борис выигрывает местническое дело у кн. И. В. Сицкого. В 1579 г. А. Е. Салтыков проиграл дело И. В. Годунову. В ноябре 1580 г. местничали П. Я. Салтыков [89] и Б. Ф. Годунов (последний был «оправлен»), М. М. Салтыков и Я. М. Годунов (их спор «не вершен»). В июле 1581 г. царь не дал «правды» окольничему кн. Ф. М. Троекурову в споре с боярином Д. И. Годуновым. В январе 1582 г. царь «оправил» И. В. Годунова в споре с П. Я. Салтыковым. Тогда же И. В. Годунов вел спор и с кн. И. К. Курлятевым. В январе 1583 г. окольничий С. В. Годунов был учинен пятью местами выше Ф. М. Ласкирева.²⁹⁾ Эти споры касались всех наиболее видных представителей семьи Годуновых, и победы в местнических делах юридически обосновывали их ведущее положение в среде московской знати.

В жизни политического деятеля кроме понимания исторической обстановки и личных качеств иногда существенную роль играет стечение обстоятельств, которое обычно называют неопределенным понятием «случай». Такой «случайностью» в судьбе Годуновых оказалась смерть царевича Ивана. 9 ноября 1581 г. в Александровской слободе, где в то время проживал Иван IV, произошла ссора между царем и наследником престола. Грозный ударил Ивана Ивановича «осном» (острием посоха) в висок. В результате этого через десять дней (19 ноября) царевич скончался.³⁰⁾

Русские источники рассказывают об этих событиях немногословно. Иногда они просто сообщают о смерти царевича, не говоря о ее причинах. В Хронографе редакции 1617 г. говорится, что «неции глаголаху, яко от отца своего ярости прияти ему болезнь, от болезни же и смерть».³¹⁾ Псковский летописец пишет, что Грозный своего сына «остнем поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова». Дьяк И. Тимофеев передавал, что царевич хотел «поразити» врагов с Запада и Востока, «люте на оны дыша огнем ярости своея». Погиб он, когда хотел удержать царя от некоего «неподобства».³²⁾ Легенда о царевиче Иване как о ратоборце за Псков скорее всего родилась на Псковщине, где пытались как-то осмыслить, почему же Грозный не оказал действенной помощи осажденному городу, и связывали это с гибелью Ивана Ивановича.

О ссоре Ивана IV с наследником рассказывает и хорошо осведомленный А. Поссевино, посетивший Москву в начале 1582 г. Однажды, говорит он, царь неожиданно вошел в комнату своей невестки, когда она «лежала на скамье, одетая в нижнее платье, так как была беременна и не думала, что к ней кто-нибудь войдет... Она тотчас [90] поднялась ему навстречу». Разгневанный ее видом, царь «ударил ее по лицу, а затем так избил своим посохом... что на следующую ночь она выкинула мальчика». Спасая жену, царевич укорял отца: «Ты мою первую жену заточил в монастырь, то же самое сделал со второй женой, и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве». Царь оставил невестку и начал бить сына. Царевич «был тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом» и на пятый день скончался.³³⁾

Иван Иванович был женат трижды. Первая его супруга, дочь боярина Б. Ю. Сабурова, была пострижена в Покровский Суздальский монастырь 4 ноября 1571 г., вторая — Феодосия, дочь рязанца М. Т. Петрова-Солового, — на Белоозере, скорее всего после 12 ноября 1579 г. (последнее упоминание ее отца в источниках). Дьяк И. Тимофеев писал, что жены царевича «за гнев еже на нь... свекром постризаеми суть».³⁴⁾ Очевидно, осенью 1580 г., сразу после очередной свадьбы отца, женился в третий раз и Иван Иванович.³⁵⁾ Супругой его стала Елена, дочь боярина И. В. Шереметева Меньшого, погибшего на поле брани в 1577 г. Если сам Иван Меньшой пользовался расположением Грозного, то его братья вызывали у него чувство нескрываемого раздражения. К тому же дядя Елены окольный Федор в 1579 г. попал в плен, где, по слухам, присягнул на верность Баторию.³⁶⁾ Словом, причин для недовольства Еленой у царя хватало.

Среди поляков под Псковом ходили различные версии о гибели Ивана Ивановича. Две из них передает польский хронист Рейнгольд Гейденштейн. Согласно первой, в ответ на хвастовство отца своими богатствами сын заявил, что «предпочитает сокровищам царским доблесть, мужество, с которыми... мог бы опустошить мечом и огнем его владения и отнял бы большую часть царства». Согласно другой, «царевич слишком настойчиво стал требовать от отца войска, чтобы сразиться с королевскими войсками». Вторая версия близка к легенде, известной Псковскому летописцу. Так это было или иначе, но «немного спустя» после того, как царь ударил сына жезлом, «тот или от удара, или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер».³⁷⁾

В духе Р. Гейденштейна (со ссылкой на А. Поссевино) военачальник Батория Г. Фаренсбек писал 10 мая 1582 г., что Иван Иванович настаивал на посылке его к Пскову с войском в 40 тыс. человек. Будучи раненым [91] в ссоре с царем, он назвал его кровавой собакой. Царевич умер через четыре-пять дней. Одним из источников этих домыслов могли быть слухи, что в Гдове собирается 5-тысячная рать на помощь Пскову и ждет только царевича Ивана, чтобы ударить по войску Батория.³⁸⁾

П. Одерборн в памфлете, выпущенном в 1585 г., приводит пространный, но не подтверждаемый другими источниками рассказ о событиях, связанных со смертью царевича Ивана. Якобы подданные Грозного, собравшись во Владимире, обратились к царю со словами: «Враг три года топчет нашу землю. Надо защищаться» — и просили дать им Ивана Ивановича в главнокомандующие. Но царь, выйдя на площадь, заявил, чтобы они избрали себе другого государя. Тогда народ стал упрашивать Ивана IV не отказываться от престола. Покарав мятежников, Грозный якобы сказал старшему сыну: «Ах ты, простофиля! Как ты осмелился на измену, на мятеж, на сопротивление!» Царевич, продолжает Одерборн, «испугался, опустил глаза, но хотел оправдаться. Отец приказал ему молчать и ударил его железным посохом в висок. Сын полумертвый свалился на пол».³⁹⁾ В версии Одерборна мотивы «псковской легенды» причудливо переплелись с рассказами об истории введения опричнины.

И. Масса передавал слух о том, что Иван Иванович («благородный молодой человек») благоволил к иноземцам, «в особенности немецкого происхождения». Как-то в Александровскую слободу явились «царедворцы, которым надлежало выступить в поход против появившихся летом крымских татар, и спросили царя, не соизволит ли он отпустить с ними в поход сына... полагая, что наведут большой страх на врагов, когда до них дойдет слух, что сам принц пошел в поле, к чему у него сверх того была великая охота». Царь «весьма разгневался» и так ударил сына посохом по голове, что тот через три дня скончался.⁴⁰⁾ Это дальнейшее развитие легенды об убийстве наследника за желание выступить в поход против неприятеля.

Совсем неожиданную версию приводит Д. Горсей. Царь якобы разъярился на царевича Ивана за сострадание к ливонским немцам, искавшим на Английском дворе спасение от народного гнева, «а также за то, что он приказал чиновнику дать разрешение какому-то дворянину на 5 или 6 ямских лошадей, послав его по своим делам» без его ведома. Кроме того, добавляет Горсей, «царь испытывал ревность, что его сын возвеличится, так как его [92] подданные, как он думал, больше него любили царевича. В порыве гнева он дал ему пощечину (метнул в него острым концом копья), царевич не выдержал удара, заболел горячкой и умер через три дня».⁴¹⁾

Единственным, кто пытался как-то оправдать Грозного в происшедшем, был француз Маржерет (начало XVII в.). «Ходит слух, — писал он, — что старшего сына он убил своей собственной рукой, что произошло иначе, так как, хотя он и ударил его концом жезла с насаженным четырехгранным стальным острием... и он был ранен ударом, но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье».⁴²⁾ Иван Иванович, как известно, умер в Александровской слободе, и причиной его смерти был удар посохом, осложненный заражением крови.

Из приведенного хаоса слухов и просто домыслов трудно выделить наиболее достоверную основу. «Разнообразие и разноречивость известий о смерти царевича, — писал С. Б. Веселовский, — объясняются просто тем, что все дело происходило во внутренних покоях дворца, доступных только немногим приближенным лицам». Царь давно подозревал старшего сына во всяких кознях. Как человеку мнительному, ему чудился новый претендент на трон, каким ранее он считал и Владимира Старицкого. Непосредственной же причиной вспышки ссоры мог быть и какой-либо пустяк вроде того, что сообщал А. Поссевино.⁴³⁾

Смерть царевича Ивана резко изменила ситуацию при дворе Грозного. Наследником престола становился Федор, за спиной которого явственно вырисовывалась фигура Бориса Годунова. Однако на первых порах шурина наследника пришлось туго. Годунов во время ссоры Грозного с сыном выступил на защиту Ивана Ивановича, за что был жестоко избит царем. Войдя «во внутренний кровы царевы», Годунов решился «просити от уязвления благородного царевича Иоанна. Видев же сие дерзновение Борисово, — повествуется в позднейшей Латухинской степенной книге, — государь наполнился ярости, велий на него гнев возложи и истязание многое сотвори и лютыми ранами его уязви». Потом братья Федор и Афанасий Нагие говорили царю, что «Борис у него, государя, в близости пребывает, а за оскорбление царево достойную честь ему не приносит». Тогда государь «паки на Бориса възъярився». Далее рассказывается о том, как царь, узнав, что раны Бориса лечит лекарь Строганов, пожаловал Строгановых званием [93] «именитых людей». С тех пор они начали «именоватися с вичем». Приведенная легенда явно носит позднейшие черты (Строгановы получили право именоваться с «вичем» только в 1610 г.).⁴⁴⁾

Слух о защите Годуновым царевича, возможно, распускали доброхоты Бориса. Вряд ли он соответствовал действительности. И при всем этом рациональное зерно в легенде есть. В 1581 — начале 1584 г. Бориса не было среди приближенных к царю лиц. По Д. Горсею, «семья Годуновых» была недовольна предполагавшейся женитьбой Ивана IV на родственнице английской королевы, и Годуновы якобы «устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения».⁴⁵⁾ Позднее в имперских кругах распространено было мнение, что царь исключил Бориса из состава регентов при наследнике. Поговаривали, что царь хотел развести Федора с Ириной Годуновой из-за ее бездетности. За всем этим стояло, думаю, другое. Иван IV почувствовал опасность, которая грозила ему от нового «сильного человека», стоявшего вблизи трона, и решительно отстранил Бориса от участия в

правительственных делах. Вопрос заключался только в том, перерастет ли подозрительность царя в решение расправиться с Годуновым.

Смерть старшего сына произвела на Грозного неизгладимое впечатление. 6 января 1583 г. в Троице-Сергиевом монастыре царь «плакал и рыдал» о царевиче Иване. Одно время он подумывал отказаться от престола и уйти в монастырь. А. Поссевино рассказывал, что Иван IV произнес покаянную речь перед боярами, в которой обвинял себя во всех прегрешениях и предложил подумать, кто бы из знати мог заменить его на престоле (Федор не способен был управлять). Особенным вниманием царя стал пользоваться боярин Н. Р. Юрьев, являвшийся как бы лидером земской знати, пострадавшей в годы опричнины.⁴⁶⁾ Но, памятуя печальный опыт боярских «выборов» преемника царя во время болезни Грозного 1553 г., члены Думы ограничились тем, что просили его не покидать престол, не принимать монашеский сан, а наследником оставить Федора. Да и вспышки гнева у Грозного не прошли в связи с его покаянием. Так, в 1582/83 г. кн. В. И. Шуйского выдали на поруки его меньшим братьям. В 1582 г. И. П. Шуйский был отослан в Псков.⁴⁷⁾

Тем не менее царь объявил о «прощении» всех казенных им вельмож и начал рассылать щедрые вклады [94] в монастыри на помин их душ. В 1581/82 г. в Кириллов монастырь послано было 2 тыс. руб. по наследнике и по убиенным 4754 руб. Краткие списки синодика по убиенным, включавшего 75 человек, отправляются 12 марта 1582 г. в Симонов монастырь, затем в Соловецкий и Псково-Печерский. 12 марта 1582 г. издается указ о наказании смертью всех ябедников, доносивших о мнимых крамолах.⁴⁸⁾

В 1582/83 г. после большой подготовительной работы разосланы были по монастырям пространные списки синодиков, содержащие поминовение 3300 (2060 безымянно) человек, погибших в годы опричнины и последующее время. Произведен был разбор опричной «рухляди» (конфискованного имущества опальных) и сделаны громадные вклады в монастыри. Так, в Кирилло-Белозерский монастырь на помин душ поступило 10 тыс. руб. В Иосифо-Волоколамский монастырь в 1582/83 г. поступило по царевиче Иване 1243 руб., а по опальным лицам в 1583/84 г. — 4 тыс. руб. В Симонов монастырь на поминовение погибших пожертвовано было в общей сложности свыше 2200 руб., в Троице-Сергиев — 5 тыс. руб.⁴⁹⁾ И все это в условиях жесточайшего финансового кризиса.

Смерть Ивана Ивановича и перспектива перехода трона к слабоумному Федору заставили Грозного задуматься о судьбах престола. Ведь сын Дмитрий у Марии Нагой родился только 19 октября 1582 г.⁵⁰⁾ Царем овладела навязчивая идея породниться с английской правящей династией и с ее помощью возобновить войну за Ливонию. Весной 1582 г. он направил в Лондон своего доверенного Ф. А. Писемского для переговоров о брачных планах царя. В невесты Грозный избрал племянницу Елизаветы Марию Гастингс, о которой рассказал английский доктор Роберт Якоби (Роман Елизарьев), прибывший в Москву 25 ноября 1581 г. Царь поручил Б. Я. Бельскому, А. Ф. Нагому и дьяку А. Щелкалову — своим ближайшим советникам — подробно расспросить Якоби о Марии.⁵¹⁾ Пикантность сватовства состояла в том, что у царя была жена. Но подобные мелочи не смущали Грозного, коль скоро он считал, что речь идет о государственных интересах, а их он всегда отождествлял с собственными.

Одновременно со сватовством царя Ф. А. Писемский должен был добиваться заключения с Англией военного союза (стоять «на всякого недруга заодно»), а также вести переговоры о приглашении в Россию мастеров и ратных [95] людей.⁵²⁾ Королева охотно соглашалась отпустить в далекую «Московию» ратных людей и мастеров, но настаивала, «чтоб государь поволит» торговать в России одним англичанам. О Марии Гастингс королева

уклончиво говорила, что ее племянница «не красна» лицом, к тому же «не может добре». Вот когда она выздоровеет, тогда царю будет послан ее портрет («парсон»). Слухи о предполагаемой (теперь уже восьмой!) женитьбе Грозного быстро распространились по стране. Позднее их связывали с кознями Бомелия, уговаривавшего якобы царя «бежати в Аглинскую землю и тамо женитися».⁵³⁾

23 июня 1583 г. в бухту св. Николая в устье Северной Двины прибыл английский посол Д. Боус.⁵⁴⁾ Навстречу ему высланы были доверенные царя думные дворяне М. А. Безнин и Д. И. Черемисинов. 15 октября посол въезжал в пределы Москвы. На первом торжественном приеме, 24 октября, присутствовали окольный С. В. Годунов, кн. И. В. Сицкий, казначей П. И. Головин и те же думные дворяне. К переговорам приступили 30 октября. Их вели Н. Р. Юрьев и Б. Я. Бельский, а также дьяки А. Щелкалов и С. Фролов, представлявшие, как уже отмечалось, две группы знати — земскую и опричную (дворовую). Речь шла о широком круге вопросов, начиная от заключения военного союза и сватовства Ивана IV и кончая условиями английской торговли в России и приглашением мастеровых людей. Затянувшиеся заседания (30 октября, 6 и 28 ноября, 8 и 18 декабря, 12 января 1584 г.) не дали ощутимых результатов. В придворных сферах отношение к англичанам было не однозначным. Б. Годунов благоволил к ним. Земская часть знати (во главе с Н. Р. Юрьевым и А. Щелкаловым) решительно возражала против предоставления англичанам исключительных привилегий в торговле, склоняясь к поддержке их соперников — голландцев. Дело дошло до того, что А. Щелкалова отстранили от ведения переговоров.⁵⁵⁾

И при дворе Елизаветы не было единодушия по вопросу о характере взаимоотношений с Россией.⁵⁶⁾ Посол Боус принадлежал к числу противников русско-английского сближения. Если Иван IV хотел, чтобы Англия вступила в войну против Батория и иных недругов царя, то Елизавета не стремилась принимать какое-либо участие в вооруженных конфликтах за Ливонию на стороне России. Боус уклончиво заявлял, что королева может согласиться на заключение военного договора только в случае, если [96] англичанам будет предоставлена монополия на морскую торговлю с Россией. В частности, все ее северные порты должны быть закрыты для купцов из других стран. Ссылаясь на болезнь Марии Гастингс и ее возможное несогласие переменить вероисповедание, Елизавета отказала Грозному в его матримониальных планах. Но Иван IV не терял надежды. Он загорелся идеей, подсказанной ему Боусом, найти какую-нибудь другую «племянницу» королевы и даже грозился, что если Елизавета не пришлет ему невесту, то он сам, забрав казну, поедет в Англию, где и женится на какой-нибудь родственнице королевы. Всерьез подобные заявления царя англичане, конечно, не принимали. Не дали результата и переговоры с Боусом, которые с начала февраля 1584 г. велись в узком кругу (с Б. Я. Бельским и С. Фроловым).⁵⁷⁾

Переговоры с англичанами проходили в тревожной обстановке. Непокойно было на западных рубежах. Предстояла война со Швецией. Продолжалось восстание в Казанской земле. На Рождество собраны были полки во главе с окольным Ф. В. Шереметевым. В январе 1584 г. они должны были идти из Муромы «луговые черемисы воевать».⁵⁸⁾ И вот в разгар всех этих событий после очередного приступа болезни 18 марта скончался Иван IV.⁵⁹⁾

Наиболее подробно рассказал о смерти Грозного Д. Горсей.⁶⁰⁾ Незадолго до смерти царь приказал доставить к нему волхвов из Карелии. Распоряжение было исполнено, и 60 колдунов поселили под стражей в Москве. Ежедневно их посещал Б. Я. Бельский. Ему единственному дозволено было узнавать их ворожбу. Чародеи «по звездам» предсказали смерть царя в определенный день. Об этом Бельский доложить царю не осмеливался. Проведав о предсказании, Грозный впал в ярость и сказал, что «очень похоже, что в тот

день они будут сожжены». Тем временем царю становилось все хуже. Он не мог ходить. Его выносили каждый день с сопровождающими, чтобы он мог любоваться своими сокровищами. Антрополог М. М. Герасимов, изучавший останки Ивана IV, установил, что Грозный страдал отложением солей в позвонках шеи и спины. Это почти лишало его подвижности и вызывало сильные боли. В костях скелета было обнаружено и значительное количество ртути — след старательного лечения. Оно, очевидно, было безрезультатным, так как царь вряд ли отказывал себе в удовольствиях.⁶¹⁾ [97]

В полдень 18 марта 1584 г., т. е. в день, когда волхвы предсказали царю смерть, Грозный, по словам Горсея, пересмотрел завещание и отдал распоряжение приготовить ванну. Затем он послал Бельского уведомить колдунов, что их зароют в землю или сожгут за ложь, так как царь в день предсказанной ему кончины здоров, как никогда. Однако волхвы продолжали настаивать на своем предсказании, говоря: «День окончится, только когда сядет солнце». Около третьего часу дня, приняв ванну, Грозный приказал Родиону Биркину принести шахматы и позвал к себе Бельского, Годунова и слуг.⁶²⁾ Однако «вдруг ослабел и повалился навзничь». Произошло замешательство, послали за духовником и врачом. «Тем временем царь был удушен и окоченел». Бельский и Годунов вышли на крыльцо и объявили о его кончине. Ворота Кремля сразу же закрыли и стали надежно охранять. Проходя мимо Горсея, Борис ему сказал: «Будь верен мне и ничего не бойся».⁶³⁾

Существуют и другие версии смерти Грозного. По сообщению Боуса, царь умер «от пресыщения».⁶⁴⁾

На Руси ходили слухи о насильственной смерти Грозного. «Нецыи же глаголют, — записал один летописец XVII в., — яко даше ему отраву ближние люди». Намек на убийство царя Борисом есть и в новгородской летописи (митрополит Дионисий обвинял его «за некое несправедное убийство»). Совершенно определенно о причастности Годунова и Бельского к смерти царя пишет дьяк И. Тимофеев: «Жизнь же яростиваго царя... преже времени ближний сего зельства его ради сокращения угасиша: Борис... сложившийся купно з двема в тайномыслии о убиении его с... царевем приближенным возлюблюником... Богданом Бельским».⁶⁵⁾ Эту версию более подробно изложил И. Масса. Царь, по его словам, «день ото дня становясь все слабее... впал в тяжкую болезнь, хотя опасности еще не было заметно; и говорят, один из вельмож, Богдан Бельский, бывший у него в милости, подал ему прописанное доктором Иоганном Эйлофом питье, бросив в него яд в то время, когда подносил царю, отчего он вскорости умер; так ли это было, известно одному богу».⁶⁶⁾

Иную версию передает П. Одерборн: «Болезнь схватила тирана быстро и цепко. Несколько дней он ничего не говорил, не ел, не пил, не издавал ни звука, как будто бы немой. По прошествии нескольких дней к нему вернулась речь». Не раз он начинал звать сына Ивана. Едва царю [98] стало легче, он захотел овладеть Ириной Годуновой. Та закричала о помощи. Чтобы народ не узнал об этом, царь велел казнить шесть человек, в том числе М. Шуйского (такой, кстати, неизвестен). В течение нескольких дней Грозный трижды впадал в забытие. Сутками лежал он без движений и наконец умер».⁶⁷⁾

Как окончил жизненный путь царь Иван — естественной ли смертью или с помощью приближенных, — наверно, мы никогда не узнаем.⁶⁸⁾ Обстановка бесконечных придворных злодеяний создавала почву для самых невероятных слухов. Между тем при кончине Грозного присутствовали лишь Борис Годунов и Богдан Бельский, которые могли сказать правду, а могли утаить одну из страшных тайн дворцовой жизни. Но по существу дела это не столь уж важно. О. А. Яковлева считает вероятной причастность Бельского и Бориса к смерти Ивана IV, так как царь хотел развести Федора с Ириной Годуновой, что

пагубно отразилось бы на судьбе обоих фаворитов.⁶⁹⁾ Если подобные соображения могли иметь место относительно Бориса, то благополучие Бельского зависело в первую очередь от жизни его высочайшего покровителя, и вряд ли Богдану имело смысл ее укорачивать. Но... чего не бывало при дворе Ивана Грозного!

Сохранились немногочисленные, но яркие характеристики внешнего облика и духовного склада Ивана Васильевича Грозного, принадлежащие перу современников этого незаурядного, но не воздержанного в своих страстях исторического деятеля России XVI столетия. Создан М. М. Герасимовым и скульптурный портрет царя. Ясно выраженная асимметрия (левый глаз, ключица и лопатка значительно больше правых), тяжелый орлиный нос потомка Палеологов, брезгливо чувственный рот придают Грозному неповторимо отталкивающий вид. В начале XVII в. кн. С. И. Шаховской пишет: «Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом (ростом. — А. З.) велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты; муж чюднаго разсуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, к ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен. На рабы своя... жестосерд велми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим».⁷⁰⁾

Побывавший в России имперский посол Д. Принц в 1576 г. писал, что царь «очень высокого роста... большие глаза... у него постоянно бегают и все наблюдают самым [99] тщательным образом. Борода у него рыжая, с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая, но волосы на голове, как большая часть русских, бреет бритвой». По Одерборну, Грозный был высок ростом, силен, крепок, пропорционально сложен. У него были маленькие, но сверкающие острые глаза. Выглядел он страшно, как мужественный воин. Природа наделила его острым умом и редкой памятью. Челобитья сам принимал и их перечитывал. Самый незначительный человек мог явиться к нему с челобитьем на несправедливо действовавших правителей. Эту характеристику почти повторил шведский агент в Москве П. Петрей. Царь, по его словам, «был горд и надменен... отважен и дерзок, хитер и лукав, имел... наружность, как у сердитого воина; он смеялся только во время опасности и великого бедствия... От природы получил он сметливую и умную голову и хорошую память». Сходное описание Ивана IV дает и датский посол Я. Ульфельд. Для английского посла Д. Флетчера Иван IV «человек высокого ума и тонкий политик». Видел Грозного и Д. Горсей. По его мнению, царь «был приятной наружности, имел хорошие черты лица, высокий лоб, резкий голос. Настоящий скиф, хитрый, жестокий, кровожадный, безжалостный».⁷¹⁾

Изощренная жестокость Грозного достаточно хорошо известна. Тяжелое сиротское детство, самоуправство Шуйских наложили отпечаток на всю жизнь царя Ивана, лишив его какого бы то ни было доверия к подданным. Мнительность царя дошла до патологии. Он считал, что все его подданные — «воры», «состоят в заговоре с поляками и крымцами».⁷²⁾

О причудах Грозного современники рассказывали всевозможные истории. Так, якобы получив в подарок от шаха Тахмаспа слона, царь по утрам обучал его становиться перед ним на колени, прокалывая тонким железным лезвием кожу на лбу слона. Поняв безнадежность своих попыток, он приказал рассечь его на части. Однажды царь пригласил к себе бояр и дворян, а когда, напившись, они стали «всяким глумлением глумиться, овии стихи пояше, а овии песни воспевати, и собаки звати, и всякия срамные слова глаголати», велел их речи «писати тайно». Утром протрезвевшим царским гостям их речи были предъявлены, что вызвало у них удивление (и, наверно, испуг). В другой раз Иван IV послал своих людей на торг, где они также тайком записали разговоры обывателей. Когда [100] записи прочли царю, то он «удивишася мирскому волнению».⁷³⁾

Храбрость у Ивана IV соседствовала с паническим страхом. Он малодушно стремился во что бы то ни стало к миру с Баторием. Страх перед Девлет-Гиреем побуждал Ивана IV простаивать «на берегу» Оки в ожидании нападения с юга либо гнал его на север под защиту крепких монастырских стен. Страх перед собственными подданными заставлял «грозного» царя то укрываться за стенами Александровской слободы, то возводить укрепления в собственной столице, то отстраивать новую крепость на севере — Вологду, то готовиться к бегству за море.

Тем не менее это был проницательный политик, по-своему понимавший сложные внешне- и внутривнутриполитические задачи России. Грозный боролся со старицким князем Владимиром и его окружением, что на деле означало осуществление настоятельной потребности упрочения единства русских земель. Он много сделал для развития экономических отношений со странами Востока и Запада, а это отвечало насущным интересам широких кругов феодалов. И вместе с тем, воспитанный в обстановке княжеско-боярских распрей, Иван IV черпал средства и формы борьбы с противниками из арсенала прошлого, что наложило отпечаток архаики на его деятельность.

В борьбе за жизненно необходимые для России выходы к главным в то время путям сообщения — морским — правительство царя Ивана не добилось успеха. Ему не удалось дипломатическим путем создать коалицию реальных союзников в войне за Ливонию. Грозный надеялся на эфемерные связи с государствами (в частности, с Англией), не проявлявшими в то время достаточной заинтересованности в прочном политическом союзе с Россией. Осознавая цели своей деятельности, определенные всем предшествующим развитием страны, Иван IV часто не мог найти к ним верного и надежного пути. Его, пожалуй, можно сравнить с неумелым лоцманом, знающим место назначения корабля, но упорно сажающим его то на мель, то на незаметный риф.

На заре самостоятельной деятельности Иван IV умел ценить талантливых и самобытных сподвижников. Но мнительный характер и обостренное чувство собственного величия неизбежно приводили его к разрыву с теми, кто искренне и настойчиво проводил наиболее дальновидные мероприятия. [101]

Грозный был фанатично религиозен. В юные годы он выучил наизусть множество библейских и евангельских преданий, заботился о сохранении и упрочении порядка церковных служб и благоустройстве церквей. Считая себя наместником бога на земле и возглавляя монашеское «братство», занимавшееся беспощадным уничтожением «крамолы», Грозный многословно и напыщенно защищал чистоту православной веры от протестантов и католиков, сочинял церковные каноны, обличал монахов Кирилло-Белозерского монастыря с яростью, достойной истинного реформатора. Искореня «крамолу» и укрепляя свою власть как помазанник божий, он вместе с тем составлял синодики для поминовения умерщвленных по его велению жертв.

Своеобразный писатель, Грозный любил живое слово, пробивавшееся в его сочинениях искрами истинного таланта сквозь шелуху церковно-нравоучительной словесности. Его политические представления отличались сумбурной смесью обветшавших церковных учений и непомерно гипертрофированных представлений о собственной роли как вершителя судеб подданных.

Иван IV был сыном блистательного, но жестокого века, когда бурное развитие гуманистических теорий совпало с истреблением тысяч инакомыслящих во время религиозных войн и с деспотическим правлением взбалмошных монархов. Это было время тиранов, убежденных в неограниченности своей власти, освященной церковью; оно

порождало моральных уродов, прикрывавших маской ханжества и религиозности безграничную жестокость к собственным подданным.

Полубезумный шведский король Эрик XIV запятнал себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г., под покровом которой была уничтожена добрая половина французской аристократии. Испанский король Филипп II с удовольствием присутствовал на бесконечных аутодафе на площадях Вальядолида, где ежегодно сжигалось по 20-30 представителей наиболее родовитой испанской знати. Папа не уступал светским властителям Европы. Гимн «Тебя, бога, хвалим» был его ответом на события Варфоломеевской ночи. Европейские монархи XVI столетия, эпохи формирующегося абсолютизма, не [102] уступали друг другу в жестокости. Грозный отличался от них лишь тем, что стал вдобавок ко всему сыноубийцей.⁷⁴⁾ В последние годы жизни Ивана Грозного можно обнаружить у него постепенный, но неуклонный процесс распада личности, ускорившийся после смерти царевича Ивана.⁷⁵⁾ Психически неполноценными были дети Грозного — Федор и Дмитрий. Болен был «падучим недугом» его дальний родич И. М. Глинский. После смерти старшего сына Грозный почти устранился от реальной политической жизни, проводя дни в молитвах и строя планы, далекие от действительности. Но жизнь шла своим чередом. «Период сумасбродств Ивана»⁷⁶⁾ нанес сильный удар по царистской психологии народа. Совпав с резким усилением крепостничества, он сыграл заметную роль в подготовке взрыва классовой борьбы, который привел в конечном счете к гражданской войне начала XVII в. [103]

Назад К оглавлению Дальше

¹⁾ Подробнее см.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. I, М.; Л., 1937; *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. III, ч. I. М., 1955; *Введенский А. А.* История Сибири, т. II. Л., 1968; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

²⁾ *Введенский*, с. 15-59; ДАИ, т. I, № 119, с. 168-170.

³⁾ *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. I. Прил., № 5, с. 339-341; *Воронихин А. К.* биографии Ермака. — ВИ, 1946, № 10, с. 98-100; *Введенский*, с. 88-89.

⁴⁾ ДАИ, т. I, № 128, с. 184-185. Дату 1 сентября 1582 г. отстаивает Р. Г. Скрынников (*Скрынников Р. Г.* Подготовка и начало сибирской экспедиции Ермака. — ВИ, 1979, № 9, с. 53). Гипотеза В. И. Сергеева о начале похода Ермака в 1578 г. не может считаться доказанной (*Сергеев В. И.* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака. — ВИ, 1959, № 1, с. 117-129).

⁵⁾ ЦГАДА, ф. 127, кн. 9, л. 151-155, 173; кн. 10, л. 139-154, 160об.-169, 273-278; ф. 123, кн. 19, л. 251; *Новосельский*, с. 432 (дата волнений 1580 г. ошибочна).

⁶⁾ РК 1559—1605 гг., с. 190, 193, 195, 197-199; Щ, л. 650-650 об.; ПСРЛ, т. 34, с. 229; *Тихомиров.* Памятники XVI в., с. 93 («Койшайской на Волге»); *Димитриев.* Города, с. 165-169.

⁷⁾ *Шеламанова Н. Б.* К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. — Новое о прошлом нашей страны. М., 1962, с. 180-199.

⁸⁾ В 1581/82 г. в Крым отправился посол кн. М. Борятинский, в 1582/83 г. — Ф. Кикип. В 1582/83 г. из Ногайской орды от хана Уруса пришел посол Токхоза (ОАПП, ч. I, с. 275, 282).

⁹⁾ *Масса*, с. 27; ср. *Петрей*, с. 169; ГПБ, Q IV, № 217, л. 120 об.; Q XVII, № 17, л. 157-157 об.; *Поссевино*, с. 24. См.: *Сперанский М. Н.* [263] Русские подделки рукописей в начале XIX в. — ПИ, 1956, т. V, с. 100; Щ, л. 489 об.; *Кобрин*, с. 75.

¹⁰⁾ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 89-106; *Паелов-Сильванский В. Б.* Новые сведения в писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI в. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 93; *Беселовский*. Дьяки, с. 209; *Скрынников*. Россия, с. 100; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного, с. 94; Щ, л. 490 об.

¹¹⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 194, 229; *Маржерет*, с. 149; *Масса*, с. 21; *Полосин*, с. 206; *Петрей*, с. 166. С. И. Шаховской называет Марию Нагую шестой женой Грозного (РИБ, т. 13. СПб., 1909, стлб. 847).

¹²⁾ *Гейденштейн*, с. 162. См. свадебный разряд 7089 г.: *Сахаров*, с. 66-67; ДРВ, ч. XIII, с. 112-114; Щ, л. 612-614 об.; *Севастьянова*, с. 105. На церемонии бракосочетания царя присутствовали также М. А. Безин и И. П. Татищев.

¹³⁾ РК 1559—1605 гг., с. 160, 167; Щ, л. 553 об. Кн. С. Д. Пронский последний раз упоминается в разрядах летом 1580 г. (РК 1559—1605 гг., с. 174; РК 1475—1598 гг., с. 296, 303, 310).

¹⁴⁾ П. В. Морозов последний раз упоминается в источниках в октябре 1580 г. (РИС, т. 2. М., 1838, с. 95), а Т. И. Долгоруков — в 1578/79 г. (РК 1475—1598 гг., с. 301).

¹⁵⁾ *Лихачев*. Поссевино, Прил., с. ХСV. По Н. П. Лихачеву, И. Ю. Голицын умер до апреля 1582 г. (РИС, т. 2, с. 74, 91; *Лихачев Н. П.* Новое родословие князей Голицыных. СПб., 1893, с. 13-14). По Пространной редакции разрядов, 1 октября 1592 г. И. Ю. Голицын находился в Новгороде (Щ, л. 650). Но составитель отмечает: «инде» написано «7090». Опираясь на сообщение Поссевино о смерти новгородского воеводы (*Коялович*, № 289, с. 684, 831), Ю. Н. Мельников установил, что кн. И. Ю. Голицын умер до 29 января 1582 г. В. И. Мстиславский последний раз упомянут в разрядах в апреле 1582 г. (РК 1559—1605 гг., с. 191).

¹⁶⁾ *Сахаров*, с. 607; РК 1559—1605 гг., с. 196, 180.

Сведения об окольности И. В. Годунова в 1580 и январе 1582 г. (Щ, л. 614; ЧОИДР, 1909, кн. 3, с. 56) ошибочны. В разрядах до ноября 1584 г. он упоминается без думного чина (РК 1559—1605 гг., с. 185, 186, 192, 214; РК 1475—1598 гг., с. 324).

¹⁷⁾ *Вельяминов-Зернов*, ч. 2, с. 67; *Зимин*. О составе, с. 199, 204. См.: АГР, т. I, № 82 (октябрь 1576 г.); ЛОИИ, акты до 1600 г., № 355 (1576/77 г.); АМГ, т. I, № 26 (1576/77 г.); АФЗХ, ч. II, № 369 (июль 1579 г.); *Садиков*. Очерки, с. 82 (1576 г.); РК 1475—1598 гг., с. 292; АИ, т. 1, с. 271.

¹⁸⁾ *Лихачев Н. П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. — Сб. Археологического института, кн. 6. СПб., 1898, отд. II, с. 8-10; РК 1475—1598 гг., с. 259-260, 276, 279. Не названный в 1577 г. И. П. Татищев продолжал оставаться думным дворянином, судя по упоминанию 1582 г. (АИ, т. 1, с. 271). Д. И. Черемисинов, И. П.

Татищев и Б. В. Воейков названы думными дворянами и в 1583 г. (Сб. РИО, т. 38. СПб., 1884, с. 103-104).

¹⁹⁾ РК 1475—1598 гг., с. 292. Р. М. Пивов вместе с В. Г. Зюзиным упоминается как думный дворянин и в 1581 г. (*Савва*, с. 397; Сб. РИО, т. 38, с. 103-104).

²⁰⁾ Щ, л. 613, 614 об.

²¹⁾ РК 1475—1598 гг., с. 248, 260, 277, 358, 362; *Успенский Ф. И.* Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами. Одесса, 1885, с. 7. Р. В. Алферьев и в 1582 г. также назван думным дворянином (*Савва*, с. 398). [264]

²²⁾ *Поссевино*, с. 49; *Савва*, с. 145. В числе «сенаторов» названы были еще И. Ф. Мстиславский с двумя сыновьями, Н. Р. Юрьев, А. и В. Щелкаловы.

²³⁾ ЦГАДА, ф. 79, кн. 13, л. 22; *Скрынников*. Россия, с. 67; Сб. РИО, т. 38. с. 3-4.

²⁴⁾ *Савва*, с. 397; Сб. РИО, т. 38, с. 3, 133; *Лихачев*. *Поссевино*, с. 58; ПДС, т. X, стлб. 191, 264, 267-340.

²⁵⁾ *Савва*, с. 398, 125; РК 1559—1605 гг., с. 192; Щ, л. 643 об,-644; Сб. РИО, т. 38, с. 85, 103-104, 112; *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 180. С. В. Годунов был в январе 1584 г. на встрече с английским послом (РК 1559—1605 гг., с. 192, 200).

²⁶⁾ *Сахаров*, с. 66-67. В июле 1581 г. трапезу с царем разделили Д. И. Годунов и Ф. М. Троекуров (РК 1559—1605 гг., с. 180-181).

²⁷⁾ *Севастьянова*, с. 118, ср. с. ИЗ; ЧОИДР, 1884, кн. 4, отд. III, с. 100; *Шереметев*, с. 36-37; *Временник Тимофеева*, с. 46, ср. с. 15; *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 163; ЦГАДА, ф. 210, оп. 13, ч. 1, д. 283, л. 252; д. 547, л. 73-75; *Полосин*, с. 213; АИ, т. 2, с. 51; *Кобрин*, с. 25. По Петрею, это «был сильный боярин с весьма большим значением и богатством... Жестокость и великая надменность Бельского были довольно известны москвитянам» (*Петрей*, с. 167).

²⁸⁾ Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893, с. 58.

²⁹⁾ РК 1559—1605 гг., с. 160-163, 168, 180-181, 186, 200; ДРВ, ч. XIII, с. 115-116; Щ, л. 615-615 об.; *Kleimola A. M.* Boris Godunov and the Politics of Mestnichestvo. — *The Slavonic and East European review*, 1975, v. 53, p. 132, 355-369.

³⁰⁾ В письме Ивана IV Н. Р. Юрьеву от 12 ноября 1581 г. говорится, что в тот день, когда Юрьев и А. Щелкалов выехали из Александровской слободы (а это было 9 или 10 ноября), «Иван сын разнемогся и нынече конечно болен» (*Лихачев*. *Поссевино*, с. 58-59). В Слободе-царь был во всяком случае с 18 октября до 17 ноября, в Москве — 27 ноября (там же, Прил., с. XXXI, LXI, LXVI); ПСРЛ, т. 34, с. 194; *Безднинский летописец*, с. 208 (18 марта); см. С. И. Шаховского (РИБ, т. 13, стлб. 562, 629-630).

³¹⁾ *Изборник*, с. 183; РИБ, т. 13, стлб. 1276 (29 ноября). Текст Мазуринского летописца основан на Хронографе, причем в хронографический текст «от ветви жития отторгну» добавлено «осном своим» (ПСРЛ, т. 31, с. 142).

³²⁾ ПЛ, вып. 2, с. 263; *Временник Тимофеева*, с. 19.

- ³³⁾ *Поссевино*, с. 50. Эта версия бытовала в Польше (см. *Скрынников*. Россия, с. 94).
- ³⁴⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 228; *Лихачев*. Поссевино, с. 146. О. А. Яковлева относит пострижение Феодосии к концу 1579 — началу 1580 г. (*Яковлева*. Возвышение, с. 278); *Временник Тимофеева*, с. 19.
- ³⁵⁾ Р. Гейденштейн говорит, что вместе с царем женились и некоторые его бояре и советники (*Гейденштейн*, с. 162). П. Одерборн прямо сообщает, что в суровое для страны время Грозный не только сам женился, но и женил своего сына (*Полосин*, с. 206).
- ³⁶⁾ *Новодворский*, с. 119. После смерти мужа Елена получила Лух в кормление-вотчину (ПСРЛ, т. 34, с. 228).
- ³⁷⁾ *Гейденштейн*, с. 242. Первую версию повторяет И. Масса (*Масса*, с. 21).
- ³⁸⁾ *Форстен*. Акты, т. 1, № 86, с. 184; ср.: *Гейденштейн*, с. 213.
- ³⁹⁾ *Полосин*, с. 207. Той же версии придерживался Петрей (*Петрей*, с. 154-156). [265]
- ⁴⁰⁾ *Масса*, с. 21.
- ⁴¹⁾ *Севастьянова*, с. 108. Д. Флетчер говорил о смерти царевича Ивана «от головного ушиба, нанесенного ему отцом его в припадке бешенства палкою, или (как некоторые говорят) от удара острым концом ее, глубоко вонзившимся в голову» (*Флетчер*, с. 20).
- ⁴²⁾ *Маржерет*, с. 149.
- ⁴³⁾ *Веселовский*. Опричнина, с. 338.
- ⁴⁴⁾ *Васенко*, с. 64-65; *Введенский*, с. 133. Версию Латухинской книги принял В. И. Корецкий (*Корецкий*. Смерть Грозного, с. 100).
- ⁴⁵⁾ *Севастьянова*, с. 111. В разрядах в мае 1583 г. в составе Двора царевича Федора названы боярин Д. И. Годунов, окольный С. В. Годунов и дворянин Г. В. Годунов; среди дворового окружения царя упомянуты кн. Ф. М. Трубецкой, В. Я. Вельский и кн. Ф. И. Хворостинин, но Бориса нет ни в одном из списков (Щ, л. 659об.-660).
- ⁴⁶⁾ *Веселовский*. Опричнина, с. 339-340.
- Впрочем, уже в 1579 г. Н. Р. Юрьев наряду с кн. Ф. М. Трубецким и А. Ф. Нагим числился дворовым воеводой (РК 1475—1598 гг., с. 292).
- ⁴⁷⁾ *Поссевино*, с. 51; *Лихачев*. Библиотека, Прил., с. 57; *Скрынников*. Россия, с. 96; *Гейденштейн*, с. 305. Опала продолжалась, очевидно, недолго: летом 1581 г. В. И. Шуйский возглавлял большой полк, а в апреле 1583 г. — полк правой руки (РК 1475—1598 гг., с. 319; РК 1559—1605 гг., с. 194).
- ⁴⁸⁾ ЗОРСАРАО, т. I. СПб., 1851, с. 47, 62, 68-69; ГПБ, F IV, № 348, л. 19; ЛОИИ, ф. 2, № 125, л. 12 об.; *Апухтин В. Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г. М., 1914, с. 17; АИ, т. 1, № 154. Текст синодика см.: *Скрынников*. Террор, с. 289.

⁴⁹⁾⁴⁹⁾ *Веселовский*. Опричнина, с. 323-478; *Скрынников*. Террор, с. 249-306; ЛОИИ, ф. 115, № 1074, л. 18об.-21; *Скрынников*. Россия, с. 98; *Зимин*. Вотчина, с. 123; *Ивина Л. И.* Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря. — ВИД, т. II. Л., 1969, с. 237; *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 2. М., 1890, с. 60. Перечень вкладов в 13 монастырей см.: *Веселовский*. Опричнина, с. 341-342.

⁵⁰⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 194.

⁵¹⁾ Сб. РИО, т. 38, с. 3; *Севастьянова*, с. 108-109.

⁵²⁾ Сб. РИО, т. 38, с. 4-8; *Толстой*, № 41, с. 189; № 42, с. 192-193; *Севастьянова*, с. 108-109. Отчет Писемского см.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 100-155. См. также: *Willan T. S.* The early history of the Russia company. 1553—1603, p. 157-163.

Английские мастера приезжали в Россию и ранее. Так, в 1581/82 г. «заложили город земляной в Ростове, а мастер был немчин, агайских (английских? — *А. З.*) немец. О[т]гово для опыту делали пять сажень валу» (*Тихомиров*. Заметки, с. 61; Сб. РИО, т. 38, с. 371).

⁵³⁾ ПЛ, вып. 2, с. 262.

⁵⁴⁾ ЧОИДР, 1884, кн. 4, с. 96; *Севастьянова*, с. 109-111. Наказ Боусу датирован маем 1583 г. (*Толстой*, № 45, с. 202-211; № 46, с. 213-215; № 47, с. 216-217; № 48, с. 218-219). Писемский прибыл в Москву 5 августа (Сб. РИО, т. 38, с. 12). См. также: *Willan T. S.* Op. cit., p. 163-169.

⁵⁵⁾ Сб. РИО, т. 38, с. 82, 85-86, 96, 98, 112, 116, 129, 132; *Севастьянова*, с. 108-111; РК 1559—1605 гг., с. 201; ЧОИДР, 1884, кн. 4, с. 96, 103-104.

⁵⁶⁾ См. об этом: *Лурье Я. С.* Английская политика на Руси в конце XVI в. — УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 61. Л., 1948, с. 124-136; *его же*. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. — МСР, с. 432-433. [266]

⁵⁷⁾ Сб. РИО, т. 38, с. 129-130, 105; *Толстой*, с. 209; ЧОИДР, 1884, кн. 4, с. 101.

⁵⁸⁾ РК 1559—1605 гг., с. 201; ПСРЛ, т. 34, с. 229. Решение о походе принято было еще 7 ноября 1583 г. (Щ, л. 662; РК 1475—1598 гг., с. 340-341).

⁵⁹⁾ РК 1559—1605 гг., с. 202 (18 марта); Щ, л. 133 (18 марта); ПЛ, вып. 2, с. 263 (18 марта); Безднинский летописец, с. 208 (18 марта); НЛ, с. 348 (19 марта); ПСРЛ, т. 14, с. 2 (19 марта), 34-35 (18 марта); т. 34, с. 194 (19 марта), 229; т. 31, с. 143 (19 марта); Изборник, с. 185 (19 марта); *Тихомиров*. Памятники XVI в., с. 93; Сб. РИО, т. 38, с. 133 (18 марта); *Полосин*, с. 210 (28 марта). В начале марта 1584 г. разосланы были по монастырям грамоты, в которых царь просил монахов молиться, чтоб бог его «от настоящих смертных болезни свободил и здравье дал» (ДАИ, № I, № 129).

⁶⁰⁾ *Севастьянова*, с. 112-113.

⁶¹⁾ *Герасимов М. М.* Документальный портрет Ивана Грозного. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии, вып. 100. М., 1965, с. 139-142.

⁶²⁾ По разрядам, Грозный умер «за три часа до вечера» (РК 1559—1605 гг., с. 202). С 1577 г. известен Р. П. Биркин. В 1585 г. он служил в Пронске. Родион Петрович Биркин,

рязанец, упоминается в деле 1584 г. (РК 1475—1598 гг., с. 277; Акты Юшкова, № 220). Сцена последней игры Грозного в шахматы ярко изображена в пьесе А. К. Толстого «Смерть Ивана Грозного» и в других произведениях литературы и искусства. См.: *Линдер И.* Последняя партия Грозного. — Шахматы в СССР, 1965, № 11, с. 16-17.

⁶³⁾ *Севастьянова*, с. 113. В ранних переводах было «испустил дыхание», а не «удушен». Дата смерти 19 марта ошибочна (ПСРЛ, т. 14, с. 2; *Корецкий*. Смерть Грозного, с. 93).

⁶⁴⁾ ЧОИДР, 1884, кн. 4, с. 102.

⁶⁵⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 230; НЛ, с. 449; Временник Тимофеева, с. 15.

⁶⁶⁾ *Масса*, с. 32. Сходную версию передают гетман Жолкевский и француз П. Делавиль из корпуса Делагарди (Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871, с. 3; РВ, 1841, № 3, с. 745). Эйлоф осенью 1581 г. находился в подчинении у главы Аптекарского приказа Б. Вельского (ЦГАДА, ф. 210 (Приказного стола), стлб. 547, л. 74, 75; стлб. 283, л. 252). После смерти Ивана IV был выслан из России (*Корецкий*. Смерть Грозного, с. 96-97).

⁶⁷⁾ *Полосин*, с. 209-210; ср. *Петрей*, с. 157-161.

⁶⁸⁾ Одни историки считают, что Грозный был отравлен (*Корецкий*. Смерть Грозного, с. 101), другие отрицают это (*Скрынников Р. Г.* Иван Грозный, с. 238). С. Б. Веселовский не находил «ничего невероятного» в слухах о насильственной смерти, но полагал, что проверить их, «конечно, невозможно» (*Веселовский*. Опричнина, с. 48). Я склонен примкнуть к последнему мнению. Наличие большого количества ртути в останках Ивана IV и царевича Ивана «не позволяет полностью исключить возможность острого или хронического отравления ее препаратами» (Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973, с. 184).

⁶⁹⁾ *Яковлева*. Возвышение, с. 279.

⁷⁰⁾ РИБ, т. 13, стлб. 619-620.

⁷¹⁾ *Принц*, кн. 3, с. 27; *Полосин*, с. 211; *Петрей*, с. 161; *Ульфельд*, с. 33; *Флетчер*, с. 30; *Севастьянова*, с. 117.

⁷²⁾ *Флетчер*, с. 31, 19. {так. HF}

⁷³⁾ *Полосин*, с. 211; *Петрей*, с. 162; ПСРЛ, т. 34, с. 194. [267]

⁷⁴⁾ *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982, с. 125.

⁷⁵⁾ См.: *Ковалевский П. И.* Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории, вып. 2. — Харьков, 1893; изд. 2-е. СПб., 1901; *Чистович Я.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, прил., с. 55-60; *Глаголев Д. М.* Душевная болезнь Иоанна Грозного. Русский архив, 1902, № 7. Ср.: *Hellie R.* Ivan the Terrible Paranoia (Thirteenth Annual Southern Conference on Slavic studies. November 3, 1975, North Carolina). Н. П. Лихачев решительно возражал против того, чтобы считать Грозного душевнобольным (*Лихачев*. Поссевино, с. 62-101).

⁷⁶⁾ Архив Маркса, Энгельса, т. VIII. М., 1946, с. 165.

Московские восстания 1584 и 1586 гг.

В ту самую ночь, с 18 на 19 марта 1584 г., когда царь Иван отошел в царство теней, на престол спешно был возведен его слабоумный сын Федор.¹⁾ Русские источники начала XVII в. старательно подчеркивали, что он вступил на царство по «благословению и повелению» Ивана IV.²⁾ Но что реально скрывалось за столь трафаретными формулами? Означали ли они существование письменного завещательного распоряжения Грозного, были ли это отголоски его личного волеизъявления, или они прикрывали решение, не имевшее ничего общего с волей покойного царя? Судя по сообщениям осведомленных современников, непосредственно перед смертью у царя было письменное завещание.³⁾

По словам Горсея, в день смерти Грозный «пересмотрел свое завещание». Англичанин упоминает также «отдельных князей, которых прежний царь по своему завещанию назначил вместе с князем-правителем управлять государством».⁴⁾

Следовательно, существовало не просто завещание. Зная о неспособности Федора самостоятельно управлять страной, его отец определил состав регентского совета, который и должен был держать бразды правления [104] государством. Правда, попытки выяснить, кто же был назначен регентами, наталкиваются на серьезные трудности.

По «Повести, како отомсти» 1606 г. и другим произведениям этого цикла, Иван IV якобы приказал Федора и Дмитрия «верному своему приятелю и доброхоту благонравному боярину князю Ивану Петровичю Шуйскому, да князю Ивану Федоровичю Мстиславскому, да Никите Романовичю Юрьеву, дабы их, государей наших, воспитали и со всяцем тщанием их царскаго здравия остерегали». Та же версия содержится в «Повести, како восхити» и в «Ином сказании», восходящим к «Повести, како отомсти».⁵⁾ Тенденциозность приведенного отрывка не вызывает сомнений. На первом месте среди регентов помещен с весьма лестной характеристикой ближайший родич царствовавшего в 1606 г. Василия Шуйского. Зато о Борисе — гонителе Шуйских — нет ни слова. По наблюдению Е. Н. Кушевой, весь текст «Иного сказания» (а следовательно, и предшествующих ему памятников) апологетичен по отношению к Василию Шуйскому. Это также подрывает доверие к объективности рассказа о составе регентского совета в «Повести, како отомсти». Позднейшие переписчики «Иного сказания» (не ранее 20-х годов XVII в.), очевидно, заметили тенденциозность рассказа и пытались его подправить, поставив на первое место среди регентов, кн. И. Ф. Мстиславского.⁶⁾

В Хронографе редакции 1617 г. Н. Р. Юрьев и И. П. Шуйский называются «ближайшими приятелями» Грозного, который им «приказал правити по себе великия Росии царство державы своея и сына своего... Феодора в самодержателстве... умудряти». Эту версию повторил Мазуринский летописец.⁷⁾ Хронограф составлялся в правительственных кругах при Михаиле Романове, а поэтому, естественно, среди регентов при последнем царе из династии Рюриковичей на первое место поставлен дед первого царя из новой династии. В псковской летописи, где авторитет руководителя обороны от Батория кн. И. П. Шуйского был особенно велик, сообщалось, что Иван IV «приказал... царство и сына своего Федора хранити» кн. И. П. Шуйскому и митрополиту.⁸⁾ В «Новом летописце» (1630 г.) вопрос о регентах обойден молчанием, и только в текст Латухинской Степенной книги 1678 г. (основанной на этом летописце) вставлено, что перед смертью Грозный поручил «соблюдати» Федора и «радети о нем» «шурину его государя царевича боярину Борису [105] Федоровичу Годунову».⁹⁾ Источники этого сведения, как и ряда других прогодуновских, в Латухинской книге не ясны.

Иную картину рисуют свидетельства иностранных современников. Так, лейб-медик Грозного Иоганн Эйлоф 24 августа 1584 г. сообщал папскому легату в Польше Болоньетти о четырех боярах, назначенных правителями. Первым он называет кн. И. Ф. Мстиславского, вторым — Н. Р. Юрьева. Кого он еще имел в виду, можно только догадываться.¹⁰⁾ Согласно Д. Горсею, «по воле старого царя» правительство составили Б. Ф. Годунов, кн. И. Ф. Мстиславский, кн. И. П. Шуйский и Н. Р. Юрьев. Через несколько страниц, возвращаясь к завещанию Грозного, он назвал Н. Р. Юрьева «третьим» регентом «наряду с Борисом Федоровичем»,¹¹⁾ а в более раннем рассказе Горсея о коронации Федора Б. Ф. Годунов, кн. И. Ф. Мстиславский, кн. И. П. Шуйский, Н. Р. Юрьев и Б. Я. Бельский значатся как «бояре, назначенные стоять во главе правления по воле покойного царя, и его душеприказчики».¹²⁾

Мнение Д. Горсея о Борисе Годунове как душеприказчике Грозного оспаривает Р. Г. Скрынников на основании депеши из Москвы имперского посла Н. Варкоча 1589 г. Варкоч писал, что Грозный перед кончиной составил завещание, в котором назвал своими душеприказчиками некоторых ближних бояр, но в нем «ни словом не упомянул Бориса Федоровича Годунова... и не назначил ему никакой должности...». Р. Г. Скрынников рассматривает эту «дискриминацию» Бориса как следствие неосуществившегося желания Грозного развести Федора с сестрой Годунова Ириной из-за ее бесплодия. При этом он ссылается на сведения И. Массы и П. Петрея о том, что Грозный якобы хотел либо заточить Ирину в монастырь, либо изгнать ее.¹³⁾ Эта цепь умозаключений построена на некритическом восприятии источников. Сведение Н. Варкоча появилось под влиянием слухов о завещании Грозным престола одному из имперских эрцгерцогов и имело целью доказать незаконность власти Бориса. Идея развода Ирины с Федором также позднего происхождения — она возникла в 1586 г., когда ее, возможно, и стали приписывать Грозному.

Словом, нет оснований считать, что в регентском совете не было шурина царя Федора, т. е. ближайшего к нему человека. Конечно, Грозный должен был назначить опекунами и кн. И. Ф. Мстиславского и кн. И. П. Шуйского, [106] находившихся в дальнем родстве с правящим домом (по внукам Ивана III), и дядю царевича Федора боярина Н. Р. Юрьева. Возможно, регентом был и Б. Я. Бельский. Кроме Горсея об этом сообщал посол Речи Посполитой Лев Сапега, находившийся во время смерти царя Ивана в Москве.¹⁴⁾ Впрочем, полной ясности с Бельским нет.

В Империи распространялись невероятные слухи о завещании Грозного. В апреле 1588 г. имперский агент Л. Паули писал из Москвы в Вену, что бездетный царь Федор находится при смерти и что среди московской знати есть лица, надеющиеся видеть на престоле австрийского эрцгерцога Максимилиана. Об этом-де шла речь в завещании великого князя (Ивана IV), которое до сих пор сохраняется в тайне.¹⁵⁾

Некоторое время спустя Паули сообщил подробности. Грозный будто бы пришел к мысли, что Федор «по простоте и слабости правление над грубыми и непокорными народами с трудом мог воспринять и удержать», и на случай своей смерти «угворил одного высокого происхождения, дабы управлением около него (Федора)... ему руку помощи действительно дать мог», и «с неким Богданом Бельским, тогда его ближайшим и наитайнейшим будучи, советовался». Не надеясь в скором времени на рождение наследника (Федор 12 лет был бездетным, а Дмитрий — малолетним), Грозный решил назвать эрцгерцога австрийского Эрнста «ежегодным представителем княжеств Твери, Углича, Торжка с ежегодным доходом в 30 000 руб.» и «Богдана Бельского к вашему величеству о том отправить». Последняя воля царя Ивана была известна его «тайнейшему секретарю» Савве Фролову, писавшему завещание. Но оно «не было обнародовано» по

причине «болезни и скорой смерти» Грозного.¹⁶⁾ В реляции 1589 г. Н. Варкоч сообщал, что Годунов, подавив открытый им боярский заговор (1586 г.), «говорят, разорвал завещание» и велел его сжечь. Л. Паули добавил, что доверенный дьяк Ивана IV Савва Фролов позднее неожиданно умер. Впервые в источниках он появляется 18 октября 1583 г. как подьячий, но уже 30 октября С. Фролов как дьяк участвует в переговорах с англичанами. В мае 1586 — ноябре 1588 г. он был дьяком в Новгороде.¹⁷⁾

Версия Варкоча — Паули недостоверна. Она резко противостоит традициям составления великокняжеских завещаний на Руси. В ней много противоречий. В. И. [107] Корецкий, ссылаясь на сообщение Варкоча, писал, что «Шуйские широко использовали против Годунова это завещание».¹⁸⁾ Данных в пользу такого утверждения нет. Не менее сомнительна и диаметрально противоположная догадка о том, что версия Варкоча — Паули была создана не при имперском дворе, а при русском и должна была подкрепить план Годунова выдать Ирину замуж за кого-либо из Габсбургов.¹⁹⁾ Поскольку такого плана, как увидим далее, не существовало, то догадка надуманная. Легенда об эрцгерцоге Эрнсте как наследнике русского трона, конечно, появилась в тех кругах, которым она была выгодна, т. е. в среде имперских дипломатов.

Подведем некоторые итоги. После гибели Ивана Ивановича и, очевидно, незадолго до смерти Иван IV составил последний вариант духовной. Наследником он назвал Федора, а в удел Дмитрию отвел г. Углич.²⁰⁾ С целью обеспечить нормальное управление государством при слабоумном царе Грозный определил состав регентского совета, куда вошли родичи нового царя — И. Ф. Мстиславский, И. П. Шуйский, Н. Р. Юрьев, шурина Федора Б. Ф. Годунов. Был ли в числе регентов Б. Я. Бельский, с уверенностью сказать трудно. Завещание до нас не дошло. Возможно, оно было уничтожено. После того как в 1586/87 г. Борис расправился с Шуйскими, а Н. Р. Юрьев и И. Ф. Мстиславский к тому времени умерли (Б. Я. Бельский находился в опале), завещание становилось неприятным для Годунова документом не потому, что он сам в нем якобы не упоминался, а, наоборот, потому, что в нем наряду с ним упоминались лица, воспоминания о которых становились теперь для него нежелательными.

Итак, Федор вступил на престол в полном согласии с традицией престолонаследия и в соответствии с завещательным распоряжением отца. Расстановка сил в придворных кругах была довольно сложной. Существовали две основные группы знати, хотя внутри их единство не всегда было прочным. Первую представляли княжеско-боярские семьи, связанные с земской средой, вторую — те, возвышение которых определялось не родословными традициями, а придворной, в первую очередь опричной, службой. К 1584 г. в Боярскую думу входило 11 бояр и 5 окольничих. Ее главой формально был маститый старец кн. И. Ф. Мстиславский, которому перевалило за 80. В начинавшейся большой игре за власть он был скорее представительной, чем действующей, фигурой. Зато его [108] сын Федор (также боярин) был в расцвете сил. Мстиславские принадлежали к крупнейшим землевладельцам страны. Их владения (волость Юхоть и Черемха), располагавшиеся на Ярославщине, восходят ко времени, когда Мстиславские находились на полуудельном положении «служилых князей».²¹⁾ Первым браком кн. И. Ф. Мстиславский был женат на дочери казненного при учреждении опричнины виднейшего боярина кн. А. Б. Горбатого и Анастасии Петровны Головиной, вторым — на сестре жены боярина Н. Р. Юрьева, которая была дочерью кн. В. И. Воротынского.²²⁾

Пожалуй, наиболее влиятельным лицом в Думе был дядя царя Н. Р. Юрьев. Он, как И. Ф. Мстиславский, тоже был «в возрасте», служил при дворе около 40 лет. Первая его жена была внучкой Д. В. Ховрина, а вторая — дочерью кн. А. Б. Горбатого. Дети Никиты Романовича с их мужьями и женами составляли сплоченный клан. Так, второй сын

Никиты — Александр женат был на дочери кн. И. Ю. Голицына; дочь Анна была замужем за кн. И. Ф. Троекуровым; Евфимия — за кн. И. В. Сицким; Марфа — за служилым князем Б. К. Черкасским; племянница Фетинья — за кн. Ф. Д. Шестуновым. Через Троекуровых Юрьевы состояли в родстве с Шереметевыми (отец И. Ф. Троекурова был шурином И. В. Шереметева). Известно также, что «Федор Романов и князь Иван Ситцкой и князь Олександр Репнин меж собою братья и великие други» (1598 г.).²³⁾ К старинной знати принадлежали и свойственники бояре кн. В. Ю. Голицын и кн. П. И. Татев (Голицын женат был на дочери кн. Ф. И. Татева). Примыкал к этой группе и окольничий Ф. В. Шереметев. Несколько особняком держались князья Шуйские, связанные родством с Малютой Скуратовым и опричной службой, хотя боярин кн. В. Ф. Скопин-Шуйский женат был на дочери П. И. Татева.²⁴⁾

Разнородной коалиции земских княжат и бояр противостояли Годуновы, их родичи и доброхоты. Это бояре Д. И. и Б. Ф. Годуновы, окольничий С. В. Годунов и их родственник боярин Б. Ю. Сабуров. Поддерживал Годуновых опричный боярин кн. Ф. М. Трубецкой. Возможно, близкими к этой группе были окольничий кн. Дмитрий и дворецкий кн. Федор Хворостинины, служившие ранее в опричнине.²⁵⁾

Не было единодушия и в административном аппарате государства. Влиятельнейшие дьяки Андрей и Василий [109] Щелкаловы, а также казначей П. И. Головин²⁶⁾ поддерживали земскую часть Думы, а дворцовый аппарат — Годуновых. Головины принадлежали к влиятельнейшей боярской фамилии, связанной родством с Юрьевыми и Мстиславскими (тетка Петра Ивановича была матерью жен И. Ф. Мстиславского и Н. Р. Юрьева). Сына Василия Петр Иванович женил на Юлиании Богдановне Сабуровой (дочери боярина). Через Репниных Головины находились в родстве и с Шуйскими. Казначеем П. И. Головин служил давно — с 1575 г. С 31 мая по 24 декабря 1584 г. в качестве казначея упоминается его двоюродный брат Владимир Васильевич.²⁷⁾

Оружничий Б. Я. Бельский — любимец Грозного — вызывал раздражение у земской знати влиятельностью и приверженностью к опричным методам правления. Сохраняя особенную позицию, Бельский склонен был блокироваться с Годуновыми. Кравчий кн. Д. И. Шуйский, как и Борис Годунов, женат был на одной из дочерей Малюты Скуратова. Вряд ли его позиция отличалась какой-либо четкостью. Особое положение в Думе занимали Нагие, как родичи удельного князя Дмитрия. Старший в роду Федор Федорович с 1576 г. носил звание окольничего. Его брат Афанасий, один из виднейших деятелей последних лет правления Грозного, считался дворовым воеводой и дворянином Ближней думы.

Если попытаться оценить соотношение сил в Думе, то можно заметить, что земская ее часть пользовалась значительно большим влиянием и имела достаточно оснований, чтобы после смерти Ивана IV укрепить свои позиции: в нее входило семь бояр и один окольничий, тогда как дворовую часть составляли четверо бояр и два окольничих. Но реальное соотношение сил определяется не столько формальными данными, сколько активными действиями. А в этом земские бояре явно уступали дворовым. К тому же в момент смерти Грозного в Москве, очевидно, не было нескольких бояр, в их числе трех Шуйских (Иван Петрович находился во Пскове, В. Ф. Скопин — весной и летом 1584 г. на наместничестве в Новгороде, В. И. Шуйский с Б. Ю. Сабуровым, возможно, в Смоленске).²⁸⁾ Так что реальное соотношение бояр в Москве было пять к трем. Если учесть преклонный возраст И. Ф. Мстиславского и энергию Бориса, то положение сторон было почти равное.

Столкновения среди бояр начались сразу же после смерти Ивана IV. Вероятно, речь шла в первую очередь [110] о дележе чинов. По словам одного московского летописца, дьявол «нача возмуцати бояр между себя враждовати, како бы друг друга поглоти, еже и бысть. Власть же и строение возложи на ся шурин». Согласно другому летописцу, «у бояр было меж собя смятенъе великое». И в Пискаревском летописце «враг роду человеческому», т. е. все тот же дьявол, становится виновником боярских свар, «в боярех мятежа... и разделения». Конкретен рассказ об этом позднейшего «Нового летописца», основанный в данном случае, очевидно, на более ранних источниках: в ночь после смерти Ивана IV Борис «с своими советники возложи измену на Нагих и их поймаху и дата их за приставы»; та же участь постигла многих, «коих жаловал царь Иван»: их разослали по дальним городам и темницам, их дома были разорены, поместья и вотчины розданы.²⁹⁾

Рассказ, конечно, носит черты антигодуновской редакции и явной романовской «реабилитации» Нагих. Решение выслать Нагих из Москвы, вероятно, было принято всей Думой, опасавшейся их акций в пользу младшего брата Федора царевича Дмитрия. Но в основном он соответствует действительности. Сосланы были трое сыновей А. М. Нагого: Андрея, судя по позднейшим данным, отправили в Арск; Михаил, воеводствовал в 1583/84 г. в Казани, в 1585/86 г. оказался в Кокшайске, а в 1586/87 — 1593/94 гг. — в Уфе; Афанасий — в Новосили (1584 г.). Их троюродный брат Иван Григорьевич в 1585/86 г. находился в Кузьмодемьянском остроге, а с 1588/89 по 1593/94 г. — в новопостроенном городе на Лозье. Старший дядя царицы Марии Семен Федорович Нагой с сыном Иваном в 1585/86—1589/90 гг. служили в Васильсурске, а другой дядя — Афанасий в 1591 г. был в Ярославле.³⁰⁾ При царице Марии (вскоре сосланной в Углич) состояли отец Федор (умер около 1590 г.), дядя Андрей и братья Михаил и Григорий Федоровичи.³¹⁾

Борис не спешил с захватом власти, стремясь прежде всего укрепить позиции в Боярской думе и Дворце. Реальная власть в первые месяцы после смерти Грозного перешла к Н. Р. Юрьеву, а также кн. И. Ф. Мстиславскому и Андрею Щелкалову. Английский посол Д. Боус полагал, что именно они «по смерти царя захватили главное управление». 12 августа 1584 г. он писал: «... когда я выехал из Москвы, Никита Романович и Андрей Щелкалов считали себя царями, и потому так и назывались многими [111] даже умнейшими и главнейшими советниками. Сын же покойного царя Федор и те советники, которые были бы достойны господствовать и управлять, не имеют никакой власти, да и не смеют пытаться властвовать». Но царям — похитителям власти, надеялся Боус, Федор в конце концов прикажет отрубить головы.³²⁾ В рассказе Боуса интересно упоминание о лицах, «достойных управлять». Речь идет скорее всего о близком к англичанам Борисе Годунове. Влияние его в правительственных сферах было тогда неустойчивым. Борису еще предстояло занять своими ставленниками ключевые позиции в государственном аппарате.

Обстановку, сложившуюся при дворе, рисует посол Речи Посполитой Л. Сапега в депеше от 10 июля 1584 г.: «Между вельможами раздоры и схватки беспрестанные; так и нынче, сказывали мне, чуть-чуть дело не дошло у них до кровопролития, а государь не таков, чтоб мог этому препятствовать». Характеристику новому царю дает Д. Флетчер, один из наиболее вдумчивых наблюдателей: Федор «росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется... Он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен». По словам П. Петрея, Федор «от природы простоватый и тупоумный». Отец часто упрекал его за отсутствие «большой охоты заниматься государственными делами и приводить в лучший порядок управление», говоря, что он «больше похож на пономарского, чем на великокняжеского сына».³³⁾

Первые назначения в Думу отразили ситуацию при дворе и рост влияния Годунова. Царский шури́н ко времени коронации Федора присвоил себе звание конюшего.³⁴⁾ Грозный ликвидировал это звание в связи с делом конюшего И. П. Федорова (1568 г.). Конюший считался старшим в Думе и, по словам А. Поссевино, обладал правом ставить царя на престол. К маю 1584 г. боярами стали С. В. Годунов (из окольных) и кн. Н. Р. Трубецкой, явно близкие к Борису. Летом 1584 г. называется боярином и дворецким Г. В. Годунов, а его предшественник кн. Ф. И. Хворостинин получает думный чин окольного (упоминается с ним в октябре 1584 г.).³⁵⁾ К 1583/84 г. окольным [112] стал кн. П. С. Лобанов-Ростовский, близкий к Годунову. Укрепили позиции и Шуйские. К 20 мая 1584 г. боярином и главой Московской судной палаты был кн. В. И. Шуйский.³⁶⁾ Вероятно, именно тогда И. П. Шуйский получил в кормление Псков. В посольских делах говорилось, что Федор его «пожаловал великим жалованьем в кормление Псковом, обема половинами и с пригороды, и с тамгой, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь». Здесь же упоминается и Каргополь как «государево жалованье» В. Ф. Скопина-Шуйского. Из окружения Н. Р. Юрьева боярский титул получил окольный Ф. В. Шереметев (возможно, к весне 1584 г.). Число окольных пополнилось кн. Д. П. Елецким (к апрелю 1584 г.) и И. И. Вислоуховым-Сабуровым (к маю 1584 г.).³⁷⁾ Точное время присвоения думных званий определяется с трудом. Скорее всего все названные лица стали боярами и окольными сразу же после смерти Ивана IV.³⁸⁾

Как видим, Годунов постепенно захватывал в Думе важнейшие позиции. Это, надо думать, вызывало недовольство у бояр земской группы. Назревал взрыв страстей. Вскоре нашелся для него и повод: близкий к Годунову оружничий Богдан Бельский затеял местнический спор с казначеем П. И. Головиным.³⁹⁾ «Похотел Богдан быти больши казначея Петра Головина» — это было уж чересчур: родовитость Головина и заурядное происхождение Богдана были всем известны. За Головина вступились земские бояре, за Богдана — Годуновы, Трубецкие и, как считает Пискаревский летописец, Щелкаловы. «И за то сталася прека между ими, — резюмирует летописец. — И Богдана хотели убити до смерти дворяне, токо бы не утек к царю (так в источнике. — А. З.) назад».⁴⁰⁾

В Москве начались волнения. Ход их не вполне ясен. События происходили в то время, когда «у государя с утра» был польский посол Л. Сапега. Царь Федор принимал Сапегу 2 апреля, а следующий раз — только 22 июня. На этом основании В. И. Корецкий убедительно датирует московские волнения 2 апреля 1584 г. Они приняли внушительные размеры. Д. Боус, отпущенный из Москвы 14 мая 1584 г., сообщал, что «за это время... происходило брожение среди 20 тыс. человек... дело было направлено против... Богдана Бельского... на него напали с таким остервенением, что он принужден был спастись в царских палатах».⁴¹⁾ [113]

Рассказ Л. Сапеги о событиях в Москве передал П. Одерборн, записки которого вошли в текст «Истории о великом княжестве Московском» П. Петрея. Бельский, по словам Петрея, якобы хотел устранить детей Ивана IV и сам стать великим князем. С этой целью он «привлек к себе многих приверженцев, набрал много народа и укрепился в Кремле, но это сильно раздосадовало князей страны и весь народ, которые очень были недовольны, что опять подвергнутся игу и службе ужасного тирана, от которого только что освободились». Поэтому все единодушно выбрали государем Федора Ивановича, «осадили Кремль, поставили перед ним несколько больших пушек и так сильно обстреливали его во многих местах, что в нем было много убитых; ратные люди Бельского в ужасе оставили крепость и покинули своего повелителя; оттого он и должен был заключить договор с неприятелем, сдать Кремль и против воли согласиться на все, что сделали в это время другие».⁴²⁾

В рассказе Петрея (Одерборна) много неясностей. Некоторые из них позволяют устранить русские источники. Так, Пискаревский летописец сообщает: «Некой от молодых детей боярских учал скакати из Большого города да вопити в народе, что бояр Годуновы побивают. И народ всколебался весь без числа со всяким оружием. И Большого города ворота заперли. И народ досталь всколебался и стали ворочати пушку большую, а з города стреляти по них. И бояре между собою помирились в городе и выехали во Фроловские ворота, и народ престал от метежа». Последние этапы волнений рисуют Безднинский и «Новый» летописцы. Согласно первому, «по грехом чернь московская приступали к городу Большому, и ворота Фроловские выбивали и секли, и пушку болшую, которая стояла на Удобном месте, на город поворотили, и дети боярские многие на конех из луков на город стреляли. И в малые во Фроловские вородца выходили ко всей черни думной дворянин Михаиле Одреевичь Безднин да диак Одрей Щелкалов. И чернь уговорили и с мосту сослали».⁴³⁾

Интересные подробности о московских волнениях 1584 г. приводит «Новый летописец», но его рассказ носит явные следы позднейшей обработки. Злокозненный дьявол вложил мысль «в человецы... будто Богдан Белской своими советники извел царя Ивана Василиевича, а ныне хочет бояр побити и хочет подыскати под царем Феодором [114] Ивановичем царства Московскаго своему советнику, и возмути всю чернь и ратных московских людей». Замечание «о советнике» и «подыскании» для него престола имеет в виду Бориса Годунова, но оно — результат позднейшей интерпретации событий и недостоверно. Однако слухи о стремлении Бельского «извести» бояр действительно распространялись и были одним из поводов волнений. Чернь и ратные люди Москвы «приступиша х Кремлю, и присташа к черни рязанцы Ляпоновы и Кикины и иных городов дети боярские и оборотиша царь-пушку ко Фроловским воротом и хотеша выбити ворота вон». Эта часть рассказа соответствует другим сведениям русских источников. Неясно только происхождение упоминания о Ляпуновых и Кикиных. Затем царь послал к осаждающим кн. И. Ф. Мстиславского, Н. Р. Юрьева и Щелкаловых. Им велено было выяснять причины волнений. Их встретили криками: «Выдайте нам Богдана Белсково! Он хочет извести царской корень и боярские роды». Бояре сообщили об этом царю, который повелел сослать Бельского в Нижний. Узнав об этом «и видяще всех бояр, и разыдошася койждо восвоеси». Борис в отместку за волнения повелел «поймать» Ляпуновых, Кикиных и «иных многих детей боярских и многих посадцких людей» и разослать по тюрьмам.⁴⁴⁾

Сходную картину волнений 1584 г. рисует И. Масса. «В Москве, — пишет он, — было сильное волнение черни. Вооружившись луками, копьями, дубинами и мечами, [народ] ринулся к Кремлю, ворота которого были заперты, поэтому они разгромили все лавки и арсенал, откуда взяли оружие и порох, намереваясь взломать ворота, и кричали: «Выдайте нам Никиту Романовича!»... народ был весьма расположен к нему... страшались, что его изведут во время междуцарствия, ибо по причине своей добродетели имел он, по мнению народа, много врагов при дворе; со стен Кремля кричали, чтобы они шли по домам... что скоро все придет в... порядок, что народу известно, кто должен царствовать, ибо [после царя] остались сыновья, и сверх того провозгласили Федора Иоанновича царем и великим князем на отцовском престоле, и что он женат и, следовательно, нечего опасаться; эти увещания, однако, не помогли, и чернь продолжала кричать... ругая вельмож изменниками и ворами. Вельможи, опасаясь, что чернь проломит ворота Кремля, велели стрельцам с двумя или тремя сотнями мушкетов стрелять по толпе, отчего народ тотчас побежал [115] от ворот». Площадь опустела. Н. Р. Юрьев настоял, чтобы его с 20 слугами выпустили домой. Народ «кричал, бесновался и ликовал от великой радости, что видит его еще живым, и большими толпами проводил его до дому, где и охраняли его до самого венчания» царя, состоявшегося якобы 1 сентября (на самом деле 31 мая).⁴⁵⁾

Все эти рассказы не проясняют, какую цель преследовал Б. Я. Бельский. Л. Сапега в письме от 16(26) апреля писал, что, пытаясь произвести переворот с помощью стрельцов, Бельский хотел воздействовать на царя Федора, «чтобы тот двор и опричнину соблюдал (slowal) так, как его отец», и якобы «хотел возвести на престол младшего царевича». Этим Сапега и объяснял то, что после восстания «все теперь присягают царю». ⁴⁶⁾ Возможно, какие-то похожие планы у Бельского были.

Ход событий уточнил В. И. Корецкий: восставшие захватили сначала мост через ров у кремлевской стены, к ним через малые ворота выехали М. А. Безнин и А. Я. Щелкалов ⁴⁷⁾ и уговаривали «чернь» сойти с моста (этот этап восстания рисует Безднинский летописец). Позднее через Большие Фроловские ворота выехала делегация бояр и сообщила о высылке Бельского (об этом говорит «Новый летописец»). Болоньетти в депеше 16 мая 1584 г. со ссылкой на Л. Сапегу писал, что во время московских событий у Кремля погибло до 20 человек и до сотни было тяжело ранено. После подавления московских волнений А. Я. Измайлов 12 апреля посылается к Баторию с извещением о вступлении на престол Федора Ивановича. ⁴⁸⁾

Московское восстание 1584 г. носило сложный характер. Основной его причиной было резкое усиление феодального гнета в опричные и послеопричные годы. Посадские люди не хотели возвращения к этим временам, надеясь, что «земское» правительство Федора предпримет меры для выхода страны из тяжелого экономического положения. Восстание отражало социальные противоречия в московском посаде и одновременно носило совершенно определенную политическую окраску. В ходе его сложился блок посадских элементов и дворянства, имевший целью не допустить воскрешения опричных порядков. Земская часть Думы использовала волнения для расправы с наиболее активным защитником опричных устоев Б. Я. Бельским. Борис Годунов первоначально поддерживал Бельского, но, смекнув, чем ему грозит ход дел, примкнул к боярскому большинству и выдал старого союзника. Возможно, [116] именно Борису удалось добиться смягчения участи Бельского, сосланного на воеводство в Нижний. Со своей стороны и земская знать охотно пошла на компромисс с Годуновым, испугавшись размаха народного движения. Ценой, которую Борис заплатил за этот компромисс, была ликвидация остатков обособленного дворового управления как возможного трамплина к возрождению опричных порядков. Власть царя Федора упрочилась. ⁴⁹⁾

Конец московских волнений не означал установления полного умиротворения. В Москве было неспокойно. Летом в Кремле, Китай-городе и Земляном городе распределили воевод «в объезде в головах для пожару и для всякова воровства». Надо было спешить с коронацией нового царя. Во избежание всяких эксцессов 24 мая 1584 г. из столицы в Углич (в удел) отправлен был малолетний царевич Дмитрий с матерью и ближайшими родичами. ⁵⁰⁾

Коронация Федора состоялась 31 мая 1584 г. «Новый летописец» изобразил ее как акт, происшедший по «молению» людей «изо всех городов Московского государства», просивших Федора, чтоб тот «венчался царским венцом». В рассказе чувствуется влияние событий периода «Смуты» и коронаций Бориса и Михаила, происходивших после избрания их Земским собором (мотивы «моления» и «городов Московского государства»). На радостях была объявлена амнистия. ⁵¹⁾ В литературе распространено мнение, что восшествие на престол Федора было по крайней мере санкционировано Земским собором. В. О. Ключевский, не отрицая возможности созыва собора в 1584 г., говорит об этом очень осторожно («если только это был собор»). Земский собор 1584 г. упоминали И. И. Смирнов, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Г. Б. Гальперин. Признавая факт созыва

собора в 1584 г., Р. Г. Скрынников считает, что на нем ставился формально вопрос об избрании царем Федора. Н. И. Павленко полагает, что собор в этом году не созывался.⁵²⁾

Обратимся к свидетельству источников. Р. Г. Скрынников усматривает указание на созыв собора в 1584 г. в следующем тексте «Нового летописца»: «Приидоша к Москве из всех городов Московского государства и молили со слезами царевича Федора Ивановича, чтобы не мешкал, сел на Московское государство и венчался царским венцом». В свою очередь Н. И. Павленко, сравнив этот рассказ с летописным же рассказом о коронации Бориса и созыве собора 1598 г., показал, что «Новый [117] летописец» ни о каком соборе в 1584 г. не говорит.⁵³⁾ По псковской летописи (XVII в.), царь Федор «поставлен бысть... митрополитом Дионисием и всеми людьми Руския земля». Эту запись М. Н. Тихомиров истолковал как «недвусмысленное» свидетельство об избрании Федора царем на соборе. Я склонен считать ее отражением событий в представлениях позднего летописца, знавшего об избирательных соборах 1598 и 1613 гг. В одном московском летописце XVII в., где перечисляются присутствовавшие на венчании Федора «царьский синклит, бояре... дворяне и всякие чиновные люди», о соборе, как и в Пискаревском летописце, нет ни слова.⁵⁴⁾

При работе с летописными памятниками XVII в. нужно иметь в виду, что на их терминологию да и на общие представления о прошлом могли оказать влияние события времен «Смуты». В середине XVII в. Г. Котошихин писал, что «прежние цари после царя Ивана Васильевича обираны на царство и на них были иманы писма, что им быть не жестоким и непалчивым».⁵⁵⁾ Сведение очень темное.

Среди свидетельств иностранных очевидцев первостепенное значение имеет рассказ Д. Горсея «Торжественнейшая и великолепная коронация» (Федора), изданный весной 1589 г. Поскольку этот памятник является как бы отчетом о том, что видел Горсей, то он приобретает официозное значение. Горсей писал: «... четвертого мая был собран парламент [совет] из митрополитов... высших духовных лиц и всего дворянского сословия без разбора, обсуждались многие предметы... Прежде всего определили срок и время празднования коронации нового царя». Употребление Горсеем термина «parliament» дает основание переводить его как «земский собор». Выражение «all the nobility whatsoever» А. А. Севастьянова переводит как «вся знать», подчеркивая невозможность расчленения ее на аристократию (боярство) и дворян.⁵⁶⁾

Но при всей кажущейся ясности рассказ Горсея может иметь несколько трактовок, в том числе и предложенную Н. И. Павленко. В 1584 г. в Москву прибыли члены Освященного собора, на заседании которого рассматривался вопрос о процедуре коронации Федора и ее сроках. Вот это-то совещание Горсей и мог принять за заседание «парламента»: на заседаниях церковных соборов часто присутствовали члены Боярской думы, дьяки и вообще знать (в частности, на церковном соборе 1584 г. об отмене тарханов). Сам же Горсей не был на соборе, о котором он [118] пишет. Поэтому вполне возможно, что его рассуждения о «многих» вопросах, обсуждавшихся «собором», просто досужий домысел, основанный на толках при дворе. Словом, рассказ Горсея не может быть интерпретирован однозначно, тем более что ни Д. Боус, бывший в 1584 г. в Москве, ни Д. Флетчер, ни Л. Сапега ни слова о соборе не пишут. П. Петрей сообщает, что москвитяне «высшего и низшего звания, собравшись вместе, выбрали единодушно своим государем и великим князем Федора». Версия Петрея восходит к рассказу П. Одерборна, писавшего, что Федор был избран на царство по всеобщему согласию. 16(26) мая шведский военачальник П. Деллагарди сообщал в Новгород: «...есмя вправду доведася, что... избрали в великие князи... князя Федора на степень отца его и коруновали».⁵⁷⁾ Возможно, это след

восприятия событий сквозь призму польско-шведских представлений о переходе власти к новому монарху.

Итак, нет достаточно прочных оснований для гипотезы о созыве в 1584 г. Земского собора. 31 мая 1584 г., через неделю после высылки в Углич Дмитрия, Федор был коронован.⁵⁸⁾ Первая жалованная грамота, выданная царем Федором (Троице-Сергиеву монастырю), датируется 3 мая, но массовое подтверждение старых грамот, как установил Ю. Н. Мельников, началось только 31 мая. Впрочем, 1 мая от имени царя Федора и Боярской думы принято было решение об отпуске посла Д. Боуса.⁵⁹⁾

Расправа с Нагими и Бельским, торжественная коронация Федора не сняли противоречий в Думе. Борьба только начиналась. 10 июля 1584 г. Л. Сапега сообщал в Польшу со слов И. Эйлофа (в августе высланного из России в Ливонию): между четырьмя боярами, назначенными правителями, несогласия. Первый по значению И. Мстиславский очень расположен к польскому королю; если из противной партии умрет Никита Романович (который по причине тяжелой болезни не может долго жить), то король будет иметь много приверженцев среди бояр. От себя Сапега добавил: «Вот и сегодня слышал я, что между ними возникли большие споры, которые едва не вылились во взаимное убийство и пролитие крови». В мае 1585 г. в Польшу дошло известие от толмача Посольского приказа Я. Заборовского о том, что польского короля поддерживают Шуйские. Н. Варкоч в 1589 г. передавал, что после смерти Ивана IV Борис «заключил тайный союз со своими родственниками и друзьями. А душеприказчики (Грозного. [119] — А. З.), как во всяком случае утверждает Борис, стремились соединить Москву с Польским королевством, что подтверждается многими убедительными доказательствами».⁶⁰⁾ Эти слухи иногда принимаются на веру.

По мнению Р. Г. Скрынникова, русской знати импонировал политический порядок Речи Посполитой, где власть короля была ограничена, и она не прочь была завести подобный порядок в России, предусматривая в случае смерти бездетного Федора возможность перехода трона к Баторию. Он считает, что среди московских бояр было две группировки: одна (пропольская) во главе с И. Ф. Мстиславским, другая во главе с Н. Р. Юрьевым — и пишет: «Столкновение между двумя опекунами, претендовавшими на руководство, привело к отставке Мстиславского. Дело, начатое Н. Р. Юрьевым, завершил Б. Ф. Годунов».⁶¹⁾ Это чисто логическое построение. Никакого «противостояния» Мстиславского Юрьеву не было. В мае 1585 г. толмач Я. Заборовский сообщал своему старому другу капитану Белявскому, что, по полученным им сведениям, царь Федор тяжело заболел и в случае его смерти якобы один из братьев Рудольфа II женится на Ирине Годуновой и станет московским царем.⁶²⁾ Исследователь связывает этот слух с хитроумным планом Годунова любой ценой удержать власть в государстве и склонен доверять сообщению Петрея о том, что Мстиславский хотел женить Федора на своей дочери.⁶³⁾

Рассматривать сведения, поступавшие за рубеж от перебежчиков, пленных, агентов и даже дипломатов, нужно с большой осмотрительностью. Как правило, информаторы были отнюдь не вхожими в придворные круги людьми, не отличались ни осведомленностью, ни стремлением к объективности. Подчас дипломаты и администраторы порубежных городов вовсе не разбирались в происходивших на Руси событиях и превратно интерпретировали сведения, получаемые от своих агентов. Очень часто желаемое ими (и их правительствами) они принимали за действительное. Кривотолки в польских политических кругах о различных планах тех или иных боярских группировок в Москве возникали, как правило, в результате всевозможных досужих домыслов и сплетен, а не являлись достоверным отражением реальных ситуаций. В интересующем нас случае вряд

ли имеются реальные основания говорить о «пропольских» симпатиях кн. И. Ф. Мстиславского или кн. И. П. Шуйского. Речь шла скорее о [120] стремлении правительства царя Федора к миру с Речью Посполитой, которое неверно понималось в польских дипломатических кругах. Одним из первых жестов нового правительства был отпуск 900 пленных литовцев без всякого выкупа. Инициатива, очевидно, исходила от Годунова, который перед отъездом пленников щедро наградил их сукнами и деньгами. Отпуск произвел в Речи Посполитой благоприятное впечатление.⁶⁴⁾

После подавления московских волнений враждующие стороны в Думе продолжали накапливать силы. Влияние Н. Р. Юрьева сказалось на пополнении ее состава. К февралю 1585 г. боярами стали принадлежавшие к романовскому кругу кн. Ф. Д. Шестунов и кн. И. В. Сицкий. Число окольных пополнилось кн. Б. П. Засекиным.⁶⁵⁾ К марту 1585 г. как окольных упоминается и И. М. Бутурлин. Усилились и Шуйские: к апрелю 1585 г. боярином стал Андрей Иванович Шуйский.⁶⁶⁾

Медленно, но уверенно росло влияние и Годуновых. К февралю 1585 г. боярином стал И. В. Годунов; к ноябрю 1584 г. — кн. Д. И. Хворостинин (из окольных); к февралю 1585 г. — кн. Т. Р. Трубецкой, отправленный в Новгород в связи с предполагавшимся походом против шведов. В ноябре 1585 г. боярами были кн. Ф. М. Троекуров (из окольных) и свояк Бориса Годунова кн. И. М. Глинский. Борис был его душеприказчиком в 1586 г., т. е. задолго до смерти Ивана Михайловича. Глинский появился на горизонте в качестве рынды в весеннем походе Ивана IV в Новгород 1572 г. и благодаря браку с дочерью Малюты быстро пошел «вверх». В марте 1573 г. он вместе с В. И. Умным получает высший дворовый оклад (600 руб.).⁶⁷⁾ Правда, были обстоятельства, мешавшие его продвижению. Иван Михайлович болел семейной болезнью Глинских — «черным недугом».⁶⁸⁾ Да и современники считали, что он «очень прост и почти полоумный». Вместе с тем Д. Флетчер писал о И. М. Глинском, Ф. И. Мстиславском, Черкасском и Трубецком, что они «не отличаются никакими особыми качествами и только Глинский (как говорят) обладает лучшими дарованиями».⁶⁹⁾ Его дочь была «сговорена» за кн. Ф. И. Мстиславского, но брак не состоялся, очевидно, в связи с враждой Годуновых с Мстиславскими.

За 1584—1585 гг. Дума выросла вдвое: список думных чинов пополнился 13 боярами и 5 окольными. При этом 8 бояр и 1 окольный принадлежали к годуновской [121] группировке, что резко изменило в ее пользу соотношение сил в Думе. Положение Земской группы боярства осложнялось тяжелой болезнью ее лидера — Н. Р. Юрьева (очевидно, с ним случился инсульт). Вернувшийся в Москву летом 1586 г. Горсей позднее рассказывал: «Никита Романович, солидный и храбрый князь, почитаемый и любимый всеми, был околдован, внезапно лишился речи и рассудка, хотя и жил еще некоторое время». В августовском списке думных чинов 1585 г. помечено, что Никита Юрьевич «болен». 24 августа 1585 г. папский легат в Польше Болоньетти писал в Рим: «Никита Романович не может долго жить по причине тяжелой болезни».⁷⁰⁾

Болезнью Н. Р. Юрьева воспользовался Борис Годунов, чтобы нанести удар по земской части Думы. Он не упустил случая взять реванш за поражение в деле П. И. Головина, которое вместе с Бельским потерпел год назад. Согласно приговору, Петра Головина должны были «за государеву краденую казну Казенного двора казнити смертью».⁷¹⁾ По Пискаревскому летописцу (под 1585/86 г.), Петра Головина привели на площадь, приготовили к битью кнутом, «да пощадил царь Федор Иванович. И сослали его в Орзамас, и тамо скончался нужно». Горсей видит причины опалы в том, что «главный казначей старого царя Петр Головин, человек высокого происхождения и большой храбрости, стал дерзок и неуважителен к Борису Федоровичу».⁷²⁾ П. И. Головина опала

постигла в декабре 1584 г. Его кузен казначей В. В. Головин упоминается в источниках до 24 декабря 1584 г. Брат Петра Михаил бежал в Литву из своей медынской вотчины. В феврале 1585 г. русские послы говорили Баторию, что Михаил «обокрал с братом своим государеву казну».⁷³⁾

Теперь наступила очередь престарелого кн. И. Ф. Мстиславского. Позднейший «Новый летописец» под 1584/85 г. записал, что бояре «розделяхуся надвое»: с одной стороны — Борис Годунов с родичами («к нему же присташа и иные бояре, и дьяки, и думные и служивые многие люди»), с другой — кн. И. Ф. Мстиславский, «а с ним» Шуйские, Воротынские, Головины, Колычевы, «иные служивые люди и чернь московская». Борис же их «осилеваша», князя Ивана Мстиславского «пойма и сосла в Кирилов монастырь, там же и постригоша его». Воротынские, Головины «и иные многие» также были сосланы или заключены в темницу.⁷⁴⁾ Согласно позднейшей Латухинской Степенной книге, ранее И. Ф. Мстиславский [122] и Борис «велию любовь между себе имеша и о делех государских zelo радеша и назва князь Иван Бориса сыном, а Борис его назва отцем себе». Позволительно сомневаться, чтобы такая идиллическая картина когда-либо имела место. 25 июля 1585 г. И. Ф. Мстиславский приехал в Соловецкий монастырь «помолитися», затем отправился в Кирилло-Белозерский, где и принял в августе постриг. Его сын, очевидно, не пострадал, хотя позднее (в 1589 г.) ходили слухи, что ему было «не дозволено вступать в брак для пресечения их рода». Человек он был недалекий, а потому опасности для Годунова не представлял.⁷⁵⁾ Дети казненного М. И. Воротынского Иван и Дмитрий в Думе не состояли и в 1585/86—1586/87 гг. находились на воеводстве в далеком Нижнем Новгороде, по соседству с которым располагались их вотчины.⁷⁶⁾ Фактически это означало опалу.

В первые же годы деятельности правительство царя Федора столкнулось с большими трудностями как во внутренней, так и во внешней политике. Иван Грозный оставил после себя вконец разоренную страну с запутанными международными отношениями. Только в последние годы его жизни молодые администраторы начали осуществлять мероприятия, чтобы вывести страну из тупика. Правительство нового царя пыталось развить и углубить эти начинания. Чтобы завоевать доверие, оно проводит ряд мер. Горсей писал, что амнистированы были заключенные; наиболее продажные чиновники, воеводы, судьи были сменены «честными людьми». Одновременно велено было «творить правый суд, невзирая на лица. При этом для большего успеха увеличили их земли и ежегодное жалованье». Особенно тяжкие пошлыны и налоги были «уменьшены, а некоторые совсем отменены». Не позволялось совершать наказания без достаточных улик. «Вообще, — подводит итоги Горсей, — большая перемена последовала во всем правлении; произошла она спокойно, без тревоги для царя, без обиды подданных и принесла безопасность и честь государству...»⁷⁷⁾

Сохранившиеся источники рисуют деятельность правительства царя Федора фрагментарно, но в общем сходно с Горсеем. В 1592 г. в инструкции послам предписывалось говорить, что у Годунова «обычай таков — хотя в малом в чем на брата или на племянника хто побьет челом, и Борис Федорович тотчас и без суда своего хотя перед сиротинкою обинить и доправить велит без суда, таков Борис [123] Федорович суд праведной ввел, что отнюдь никто никою не избидит». О судебной деятельности Годунова сведений мало. 2 февраля 1586 г. выдана была губная грамота Троице-Сергиеву монастырю. Она вводит нас в тревожную обстановку усиления «разбоев», которая соответствовала тому, что известно о волнениях в городах в 1584—1586 гг. В сентябре 1586 — сентябре 1587 г. ряд откупных и просто таможенных грамот выданы были Новгороду, что свидетельствовало о стремлении правительства наладить торговлю в стране и регулировать размеры таможенных пошлин.⁷⁸⁾

Перепись земель, предпринятая в 1581/82 г., достигла к 1584/85—1586/87 гг. апогея. С 1585 г. началось описание большого массива южнорусских земель, а в 1586 г. закончился учет дворцовых владений.⁷⁹⁾ В это время в отдельных районах практиковался запрет выхода крестьян (заповедные годы). В Деревской пятине заповедными были 1581/82—1586/87 гг. В течение этих лет продолжался сыск крестьян, ушедших от своих господ.

По-прежнему шло наступление на земельное могущество церкви. Правительству удалось добиться издания соборного приговора 10 июня 1584 г. об отмене податных привилегий монастырей (тарханов).⁸⁰⁾ Он подтвердил запрещение 1580 г. монастырям приобретать земли путем покупок и вкладов, держать закладчиков, так как «крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во лготе, и от того великая тощета воинскому чину прииде». Эти меры предполагались как временные — «покаместа земля поустроитца». Приговор 1584 г. имел действительное влияние на жизнь страны. Приток владений в монастыри практически прекратился. Нормы приговора неукоснительно соблюдались. В наказе 1584 г. на Двину предписывалось узнать, «кто [из] двинян и в посаде закладчиков есть ли, за которым монастырем... и сколько хто платил наших податей». Посадских тягловцев предписывалось немедленно возвращать. Крестьяне-закладчики вывозились из-за Антониева-Сийского монастыря в январе 1585 г.⁸¹⁾ Зато служилым людям предоставлялись льготы на земли, которые они заселяли новоприбранными людьми.

1 июня 1586 г. правительство издает указ о кабальном холопстве: «Июня в 1 день почели кабалы иметь на служивые люди и в книги записывать». Текст указа не дошел и известен по краткому пересказу в Уложении 1 февраля [124] 1597 г., по записям разрядных книг и практике составления кабальных грамот в 90-е годы XVI в. Пытаясь восстановить текст указа 1586 г., а также несохранившегося указа 1593 г., А. И. Яковлев предполагал, что они содержали не только упоминание об обязанности холоповладельца регистрировать служилые кабалы в приказе Холопьяго суда и по городам, но и постановление о переводе всех старых крепостей «в один тип служилой кабалы». Указы якобы устанавливали освобождение всех холопов после смерти их господина. Эти выводы были опровергнуты Е. Н. Кушевой, обратившейся к конкретному материалу кабальных книг для восстановления текста указов.⁸²⁾

В. И. Корецкий выдвинул гипотезу о том, что указ 1586 г. кроме регистрации кабал впервые в законодательстве рассматривал отношения по кабале как холопские. Кабальные холопы отныне якобы были лишены права уплаты долга и служба их должна была продолжаться до смерти господина, а докладные отныне приравнивались к кабалам и должны были, как и полные, рассматриваться у постельничего и наместника Московской трети. В. М. Панях подверг критике построение В. И. Корецкого и ограничил значение указа 1586 г. (в части о кабальном холопстве) только введением доклада и обязательной регистрации служилых кабал. В Москве регистрацией кабальных сделок занимался приказ Холопьяго суда, а по городам — приказные люди. Введена была единообразная пошлина за эту регистрацию (алтын с рубля). В Уложении 1597 г. упоминаются служилые кабалы, которые до 1 июня «в книги тогды в Приказе Холопья суда... не писаны»; кабалы после «уложения лета 7000 девяносто четвертаго году июня с 1 числа» и те кабалы, которые «на Москве з докладу Холопья суда и во всех городех с ведома приказных людей и в записных в московских в кабальных книгах и в городех... записываны».⁸³⁾ Приведенный текст подтверждает трактовку содержания указа 1586 г., предложенную В. М. Паняхом.

В литературе наметилась тенденция связывать указ 1 июня 1586 г. с майскими волнениями в Москве. Но непосредственного влияния этих событий на законодательство о регистрации служилых кабал не заметно. Гораздо плодотворнее мысль В. И. Корецкого

о тесной связи законодательства о холопах с законодательством о закрепощении крестьян.⁸⁴⁾ [125]

На середину 80-х годов XVI в. приходится наиболее интенсивное составление писцовых книг, являвшихся основным документом для установления владельческой принадлежности крестьян и их сыска. Нечто сходное было осуществлено и для кабальных холопов. В условиях разорения страны и массового бегства крестьян в хозяйстве служилых людей все шире начинал применяться труд холопов, в первую очередь для обработки господской запашки. Росло и число кабальных холопов за счет обедневших крестьян. Обеспокоенное оздоровлением феодального землевладения и хозяйства, правительство и издало 1 июня 1586 г. указ, с тем чтобы помочь холоповладельцам в сохранении за ними наличного состава кабальных холопов. Вводя обязательную регистрацию служилых кабал в кабальных книгах, государство тем самым брало на себя гарантии осуществления сыска беглых холопов.

В интересах дворянства был принят указ, провозгласивший обеление господской запашки от несения тягла сроком на пять лет. Указ должен был стимулировать помещичье хозяйство и содействовать притоку крестьян на льготные земли. Вероятно, в Деревской пятине Новгорода этот порядок установился с начала 80-х годов XVI в.⁸⁵⁾ В 1592 г. правительство заявляло: «... что ни есть земель всего государства, все сохи в тарханех учинил (Годунов. — А. З.), во льготе даней никаких не емлют, ни посох ни х какому делу». Речь шла, конечно, о светском землевладении. Налоги и поборы с монастырей неукоснительно взимались.⁸⁶⁾

Меры по упорядочению ямской службы имели как военно-административное, так и хозяйственное значение. «Охотники», обслуживавшие ямские слободы в Новгороде, набирались из числа владельческих крестьян. Посадских людей запрещалось принимать в число «охотников». В середине 80-х годов правительство стремилось замедлить разорение новгородского посада, возвращая торговых людей, высланных ранее в Москву, и переселяя туда жителей соседних городов.⁸⁷⁾

Одним из средств оживления экономики должно было стать развитие торговли со странами Запада и Востока. После потери Нарвы решено было сделать центром морских торговых сношений с другими европейскими странами устье Северной Двины. 4 марта 1582 г. Иван IV утвердил план строительства здесь Архангельска, и в течение 1584—1585 гг. город был построен. Указом 1585 г. [126]

Архангельск стал единственным городом, где иноземцам разрешалось закупать товары из внутренних районов страны.⁸⁸⁾ Продолжалось создание городов-форпостов в Сибири и на юге страны: в 1585/86 г. построили Тюмень, к 1585 г. на Дону — Воронеж, а на р. Сосне — Ливны.⁸⁹⁾

С общей градостроительной политикой правительства связано было и строительство Белого города («Царягорода») в Москве. Возможно, именно московские волнения 1584 г. укрепили правительство в мысли обезопасить столицу новой линией крепостных стен. Строительство началось к маю 1585 г. с сооружения Тверских ворот. Его осуществлял известный градоделец Федор Конь, а по другим сведениям — «мастер турецкой» Кондрат Федоров. Закончилось оно к 1591/92 г. (по другим данным — к 1593 г.). Крепость опоясывала Москву по линии позднейшего «Бульварного кольца». Ее протяженность достигала 9 км. Из 27 крепостных башен 10 были проездными. Строительными работами руководил специальный Приказ Каменных дел. Весной 1592 г. в наказе Р. Дурову

говорилось, что «городовые дела всякие делают ис казны наймом, а плотников устроено больше тысячи человек».⁹⁰⁾

Символом могущества Русского государства должна была стать «Царь-пушка», отлитая в 1596 г. в Москве выдающимся мастером литейщиком Андреем Чеховым. Ее длина достигала 5 м, вес — 2400 пудов, калибр — 89 см. Такая пушка «в Руси и в иных землях не бывала, а имя ей «Царь»», — записал один из летописцев. Ему вторит архиепископ Арсений Елассонский: «Думаю по истине, что во всем мире не сыщется другая, подобная этой по величине и по художественности, и была отлита она с великим мастерством и с великими издержками».⁹¹⁾ Пушку поставили у Фроловских ворот, где недавно разыгрались бурные события московского восстания 1584 г.⁹²⁾ Название «Царь», как и Царьгород (в Москве), а также Царевококшайск, говорило о настойчивом стремлении правительства укрепить авторитет царской власти.

Положение в государстве было тревожным. Л. Сапега писал, несколько сгущая краски: «Черемисы свергли иго; татары грозят нападением, и ходит слух, что король шведский собирает войско. Но никого здесь так не боятся, как нашего короля. В самом городе (Москве. — А. З.) частые пожары; виновники их, без сомнения, разбойники, которыми здесь все наполнено». Восстание мари и черемисов представляло серьезную опасность: они «побиваху [127] московских людей овогда на станех, овогда на походех, бояре же и воеводы не можаху их обратити». 20 июля 1584 г. в Казанскую землю «луговые черемисы воевать» послан был кн. Д. П. Елецкий (по прозвищу Долгая Борода), только что получивший звание окольного. Его военная экспедиция, вероятно, успеха не имела. 11 ноября 1584 г. новый поход возглавил кн. И. А. Ноготков. На этот раз воеводы «татар и черемисы много побили... и тогда Луговую сторону воевали и многие улусы разорили». В итоге черемисы «добили челом... вековым миром». В позднейшей Латухинской Степенной книге говорится, что покорение черемисов произошло «мудрым смыслом Бориса Годунова».⁹³⁾ Это, очевидно, близко к истине.

Согласно «Новому летописцу», «казанстии людие», узнав о воцарении Федора, «без войны и бес крови приидоша вси покорением и прошаху милости». Царь их пожаловал, но, «чая от них впредь измены», повелел ставить города «во всей Черемиской земле», причем «насади их русскими людми и тем... укрепил все царство Казанское». В 1584 г. построен был «Царев город» (Царевококшайск), а в 1584/85 г. — у «луговых черемис» (мари) Санчурск («Санчюрин город»). Вскоре началось и строительство на Волге, имевшее не только военно-стратегическое, но и экономическое значение. Оно обеспечивало безопасность юго-восточных рубежей страны и содействовало развитию торговли по этой крупнейшей речной магистрали. В 1585/86 г. построены были Самара и Уфа.⁹⁴⁾

В связи с напряженной ситуацией в Поволжье ожидалось активные действия крымцев и ногайцев. И действительно, весной 1584 г. их отряды численностью до 40 тыс. человек во главе с Арасланом-мурзой, Дивеевым сыном, перешли через Оку и «воевали многие города», в том числе Козельск, Мещовск, Мосальск, а также можайские, дорогобужские и вяземские места на Угре. Поход продолжался две недели. Войскам во главе с думным дворянином М. А. Безниным удалось 7 мая разбить крымцев и ногайцев, освободить «полон» (до 70 тыс. человек) в устье Высы (выше Калуги 10 верст). 7 мая была послана «на берег» большая рать боярина кн. Ф. М. Трубецкого «для приходу крымского царя».⁹⁵⁾ В том же году из Азова на ряжские места приходили Дос-Магмет-ага и Конкар-ага. В мае — июне 1585 г. в Мещеру и Шацк послан был с войсками «по ногайским вестем» боярин кн. Д. И. Хворостинин. На Покров в 1585 г. крымцы приходили на рязанские места.⁹⁶⁾

[128]

Тем временем в Крыму вспыхнула распря между детьми Девлет-Гирея. Хан Магмет-Гирей, не желавший участвовать в турецком походе против Ирана, в 1584 г. был убит братом Алп-Гиреем, ставленником османов. На ханский престол после борьбы с братьями вступил Ислам-Гирей, а калгой (наследником) стал Алп-Гирей. Братья Ислама Сеадат, Мурат и Сафа Гирей бежали. Сеадат и Сафа Гирей оказались в Ногаях, а Мурат 16 июля 1585 г. прибыл из Астрахани в Москву, где ему была устроена торжественная встреча.⁹⁷⁾

Война Османской империи с Ираном затягивалась. Раздираемая внутренними усобицами и обескровленная войнами, Порты не склонна была вступать в вооруженный конфликт с Россией. В июле 1584 г. в Константинополь отправлен был посол Благово с извещением о смерти Ивана IV и вступлении на престол Федора. Русское правительство предлагало султану сохранить дружбу между державами и развивать впредь торговые отношения. Турция была готова пойти на развитие торговых связей, но ее беспокоили действия казаков на Тереке и Волге, которым покровительствовала Россия. Визирь Осман-паша в ответ на запрет янычарам нападать на русские окраины потребовал вывода отрядов казаков с Терека, Дона и района Азова.

Одним из следствий хозяйственного разорения страны в 60-80-е годы XVI в. и массового бегства крестьян, холопов и горожан на окраины было возникновение казачества на Дону и Яике. Русское правительство стремилось подчинить донских и яицких казаков, с тем чтобы использовать их отряды для борьбы с набегами крымцев и ногайцев (около 1580 г. они разгромили Сарайчик). Однако это ему далеко не всегда удавалось. Во всяком случае неоднократные предложения донским казакам перейти на службу к царю не наткнулись на стену настороженности и непонимания. Но казаки, охотно принимая дары русских властей, были не прочь и поживиться за счет грабежа русских купцов, проезжавших по Волге и Дону. Самовольные действия казаков вызывали у русского правительства серьезное беспокойство. Опорными пунктами яицких казаков были городки-остроги (в том числе на острове Лош-Яик), построенные около 1585 г. На Волге они нападали на ногайские улусы (даже когда они были союзными России), грабили торговые караваны (в том числе иранские), что не раз грозило России разрывом [129] с трудом налаживавшихся отношения с восточными соседями. В связи с жалобой султана на донских казаков русское правительство в 1584 г. пыталось узнать, «кто именем атаман и сколько с которым атаманом казаков останетца», т. е. в какой-то мере учесть количество казаков от Азова до Раздоров.⁹⁸⁾

Осуществить это не удалось, а все репрессивные меры против казаков только усиливали недовольство на Дону, который в начале XVII в. стал одним из центров Крестьянской войны. Вместе с тем правительство не отказывалось от стремления негласно оказывать покровительство казакам. Словом, миссия Благово в Османскую империю не дала каких-либо существенных результатов. 19 сентября он был отпущен в Москву, а в декабре 1585 г. в русскую столицу прибыл османский посол Ибрагим чеуш. В грамоте султан говорил о желании жить в дружбе с царем, о свободе торговли для русских купцов в Азове, но одновременно настаивал на выдаче крымскому хану Мурат-Гирея. Ответ царя был уклончивым.⁹⁹⁾

Смерть Ивана IV привела к изменению характера русско-английских отношений. Сразу же после кончины Грозного дьяк А. Щелкалов послал человека к послу Д. Боусу сказать прямо: «Английский царь умер». Н. Р. Юрьев и сам А. Щелкалов принадлежали к числу решительных противников засилья англичан на русских рынках. Первая торговая привилегия, выданная англичанам от имени царя Федора в мае 1584 г., мало чем отличалась от привилегии 1572 г.¹⁰⁰⁾ Московской компании англичан предоставлялось право иметь дворы и торговать в Холмогорах, Вологде и Ярославле. Но были и

существенные ограничения этой торговли: прекращалась, в частности, розничная, англичанам запрещалось держать на дворе больше одного русского служителя.

В декабре 1584 г. правительство царя Федора послало в Англию гонца Бекмана (ливонца по происхождению) с жалобой на действия Д. Боуса. В грамоте от 9 июня 1585 г. Елизавета наряду с несколько запоздалым соболезнованием по поводу смерти Ивана IV (Бекман вернулся в сентябре) выражала надежду на продолжение добрых отношений между странами. Королева просила возобновить все торговые привилегии, которыми пользовались англичане при Иване IV, и уклончиво говорила о деятельности Боуса. Еще раньше для ревизии Московской компании из Лондона послан был специальный агент Роберт [130] Пикок. С целью скрыть махинации компании и отвести нависшую над ней угрозу в сентябре 1585 г. в Англию отправился один из ее наиболее энергичных членов — Д. Горсей. В грамоте царя Федора, которую он вез, Пикок обвинялся в тайных сношениях с Литвой, а деятельность компании была полностью реабилитирована.¹⁰¹⁾

С 70-х годов торговые операции с Россией вели через Нарву французские купцы из Руана, Парижа, Ля-Рошели и других городов. Падение Нарвы побудило французов к поискам новых связей с «Москвией» — на этот раз через Северный морской путь. В 1583 г. Генрих III прислал Ивану IV грамоту с предложением установить дружеские отношения и с просьбой предоставить французам для торговли пристань в г. Коле. Правительство Грозного склонно было удовлетворить просьбу французского короля.¹⁰²⁾ Тосканский резидент в Париже Д. Бузини сообщал в марте 1585 г. о прибытии русского посла толмача П. Рагона для переговоров об установлении торговых сношений. С Рагоном Генрих III направил Федору грамоту, в которой выражал желание укреплять добрые отношения между странами. В Москву прибыл Франсуа де Карль — первый французский посол в России. Ответом на миссию доброй воли была новая грамота царя Федора от октября 1585 г. Отныне французам дозволялось приезжать для торговли в отстраивавшийся тогда Архангельск. Около 1585 г. в Россию отправился купец Мельхиор де Мушерон, который выстроил в Москве дом и вел торговлю. В 1586 г. состоялось первое плавание к устью Двины дьеппского купца Жана Соважа.¹⁰³⁾ Торговые отношения с Францией получили в дальнейшем широкое развитие.

Зарождались и русско-нидерландские торговые связи. Первые нидерландские корабли посетили устье Северной Двины в 1578 г. Возглавлял эту торговую экспедицию предприимчивый Ян де ла Балле (Иван Белобород по русским источникам).¹⁰⁴⁾ Нидерландские купцы пользовались покровительством Н. Р. Юрьева и А. Я. Щелкалова. Поездки нидерландских купцов в Россию вызвали резкую реакцию в Дании, которая считала плавание их судов в датских (норвежских) водах недозванным. Датские корсары грабили нидерландские суда. В июне 1582 г. Иван IV протестовал против препятствий, которые Фредерик II чинил России, а в августе 1585 г. Федор направил датскому королю грамоту, отстаивая права России на лопские погосты и Печенгский монастырь.¹⁰⁵⁾ [131]

Но особенно важно для правительства царя Федора было установить мирные отношения с Речью Посполитой. Сразу же после смерти Грозного у Батория сложился план ведения новой войны против России. О нем известно по письму А. Поссевино от 29 августа 1584 г. Баторий считал, что при настоящем состоянии «Москвии» и содействии некоторых русских князей можно в три года завоевать Москву.¹⁰⁶⁾ Надежды на помощь «князей» навеяны были информацией польских резидентов и подогревались рассказами изменника М. Головина. Последний уверял короля, что против него в России никто не поднимется: среди бояр — «рознь великая», и вообще никто там служить не хочет. План вторжения в Россию, о котором мечтал Баторий, горячо поддержал гетман Замойский, видевший в

войне с ней средство обуздать османов. 22 июля 1585 г. Баторий писал членам сейма о том, что в Москве начинается общее возмущение; что народ желает видеть его, Батория, на царстве и уже снаряжается в Польшу посольство; что османы и татары напали на Россию, перебив 5 тыс. и пленив 15 тыс. человек. План Батория разделял и римский папа Сикст V.¹⁰⁷⁾

В этих трудных условиях русская дипломатия принимала все меры, чтобы сдержать воинственный пыл польского короля. Л. Сапега 14 июля 1584 г. заключил в Москве перемирие только на 10 месяцев. 22 ноября для его пролонгации на 10 лет в Речь Посполитую отправилось представительное посольство во главе с Ф. М. Троекуровым, М. А. Безниным и Д. Петелиным. С ними выехал к императору Л. Новосильцев. В феврале они были в Варшаве. 20 февраля 1585 г. Баторий отказался заключить столь длительное перемирие, ограничив его срок двумя годами. 10 апреля 1586 г. в Москве состоялся прием польского посла М. Гарабурды, отправленного из Польши в декабре 1585 г. в связи со слухами о тайном соглашении России и Империи. Этого в Польше не хотели допустить. Гарабурда привез довольно странное предложение — заключить вечный мир, но с условием, что в случае смерти Федора Россия должна будет присоединиться к Речи Посполитой, а в случае смерти Стефана Батория Польша и Литва должны были стать частью Русского государства. Это предложение было отвергнуто. 30 апреля Гарабурда покинул Москву, ничего не добившись. Обе державы готовились к военной конфронтации, которая, казалось, была не за горами. Чтобы избежать ошибок Ливонской [132] войны, и в частности военных действий на двух фронтах, русское правительство поспешило с установлением мира со Швецией. В июле 1585 г. туда отправилось посольство боярина кн. Ф. Д. Шестунова. Оно свою миссию успешно выполнило и в декабре заключило перемирие на четыре года.¹⁰⁸⁾

В 1585 г. грамоты с соболезнованиями по поводу смерти Ивана IV и поздравлениями по поводу вступления на престол Федора прислали в Москву датский король Фредерик II с гонцом, прибывшим 23 августа, и император Рудольф II с возвратившимся 15 июня послом Л. Новосильцевым, а также папы Григорий XIII в июле 1584 г. и Сикст V в 1585/86 г.¹⁰⁹⁾

Не затухавшая на протяжении 1584—1585 гг. придворная борьба вспыхнула с новой силой, когда 23 апреля 1586 г. умер Н. Р. Юрьев.¹¹⁰⁾ Авраамий Палицын сообщает, что Борис якобы дал умирающему Никите Романовичу клятву «соблюдать его детей», но позднее «клятву же к великому боярину... преступи». С. И. Шаховской писал, что Борис, «в завещательном союзе дружбы имеху их, и сих (детей Н. Р. Юрьева. — А. З.) не помилова». Таким образом, Годунов учитывал огромную популярность боярина, и с присущей ему осторожностью не только не выступал против тяжело больного Никиты Романовича, но и опекал его молодых сыновей. Буквально накануне смерти отца (к апрелю 1585 г.) боярский чин получил Ф. Н. Романов, хотя ему было тогда около 30 лет. Кравчим стал его брат Александр. Оба они впервые появились в разрядах в феврале 1585 г., но еще без думных чинов.¹¹¹⁾

Главными соперниками Бориса становились Шуйские. В 1586 г. в Думе на пятерых Годуновых приходилось четверо Шуйских (к апрелю 1586 г. боярином стал кн. Д. И. Шуйский). Лидером Шуйских был Иван Петрович — герой Пскова. По словам Горсея, он пользовался «большим уважением, властью и силой, был главным соперником в правительстве, и его недовольство и величие пугали». Группа Годуновых к апрелю пополнилась окольников А. П. Клешниным. Расстановку сил в Думе в апреле 1586 г. показывает перечень бояр и окольников, присутствовавших на приеме польского посла. Первым назван кн. Ф. И. Мстиславский; за ним идет кн. И. П. Шуйский, Д. И. Годунов, Б.

Ф. Годунов, кн. Андр. И. Шуйский, С. В. Годунов, Г. В. Годунов, кн. Д. И. Шуйский, И. В. Годунов, а потом остальные бояре: кн. Н. Р. Трубецкой, Ф. Н. [133] Романов, кн. Т. Р. Трубецкой, кн. И. В. Сицкий, кн. Ф. Д. Шестунов, кн. Ф. М. Троекуров — и окольные кн. Б. П. Засекин и А. П. Клешнин.¹¹²⁾ Картина очень четкая: Шуйским противостоят Годуновы. Характерно, что Борис в те годы не стремился к первенству в Думе. Его планы шли дальше, но время для их реализации еще не пришло.

В начале мая 1586 г. в Москве произошли новые волнения.¹¹³⁾ О них известно по позднейшим источникам, трактующим события в антигодуновском духе. Согласно «Повести, како отомсти» (1606 г.), именно Борис «воздвиже ненависть на свою господию на князя Ивана Петровича Шуйского и единокровных его братии». Узнав об этом, множество «всенародного собрания московских людей» хотело «побити камением» Годунова и его сродников. Борис, испугавшись, предложил Шуйским, «дабы им с ними имети любовь сердечная» и действовать совместно. Иван Петрович и Василий Иванович Шуйские поверили Борису и объявили народу, что они не держат гнева на Годунова. Тем дело и кончилось. «По времени некоем» И. П. Шуйский отправился в свою вотчину в Суздаль. Здесь он был схвачен людьми Бориса и отправлен на Белоозеро. Были сосланы и братья В. И. Шуйского, причем Андрей — в Буйгород. Многих столичных «гостей» приказано было казнить посреди Москвы, а других сослать.¹¹⁴⁾

«Новый летописец» излагает события более подробно. Именно Борис «с своими советники держаше великий гнев на Шуйских, а инии же ему противляхусь и никако ж ему поддавахусь ни в чом; гости же и всякие московские торговые люди черные все стояху за Шуйских». Митрополит Дионисий хотел примирить враждующие стороны. В итоге «они же (стороны? — А. З.) ево послушавше... и взяша мир меж себя лестию». Выйдя от митрополита в Грановитую палату, где «стояху торговые многие люди», И. П. Шуйский сообщил о примирении с Годуновым. Тогда якобы двое торговых людей с горечью сказали: «Помирились вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть, да и нам погинуть». Ночью они были схвачены. Борис подучил людей Шуйских (в частности, Федора Старого) «довести» измену на Шуйских, и в 1586/87 г. их «поймали», а с ними — Татевых, Колычевых (в том числе И. Ф. Крюка), Андрея Быкасова, Урусовых. Пытке подвергли и московских «гостей» Федора Нагая «с товарищи», но они ни в чем не признались. Шуйских с приставом кн. И. С. Турениным отправили [134] в село Лопатничи, а И. П. Шуйского оттуда на Белоозеро, где он был удушен. А. И. Шуйский сослан был в село Воскресенское, а затем в Каргополь, где также был удушен. Князя Ивана Татева отправили в Астрахань, И. Ф. Крюка Колычева — в тюрьму в Нижний, Быкасовых — по иным городам. Семь «гостей» во главе с Ф. Нагаем казнили в Москве «на Пожаре». Многих посадских людей разослали по тюрьмам «и на житье» в другие города.¹¹⁵⁾

Пискаревский летописец под 1585/86 г. рассказывает об опале на кн. А. И. Шуйского (вместе с П. И. Головиным): «И князя Андрея сослали в Самару, и тамо скончался нужно». «В ту же пору» казнили «гостей» Нагая и Русина Синеуса «с товарищи». Под 1586/87 г. сообщается об опале на И. П. Шуйского, которого сослали и постригли на Белоозере, и он «тамо скончася нужною смертью и положен в Кирилове монастыре 97-го».¹¹⁶⁾

Один благожелательный к И. П. Шуйскому псковский летописец объясняет его опалу властолюбием Бориса, который «начат боярския великие роды изводити», причем «первое всех утуши сеном князя Ивана Петровича», а митрополита Дионисия отправил в заточение. Одновременно он «гостя большого московскаго Голуба казни... И Борис, бояся их, что ему не быти в приближении у царя, того ради над ними тако умысли». Под 1584/85

г. сообщается, что митрополита Дионисия сослали в Хутынский монастырь, а архиепископа крутицкого — в Антониев-Сийский, «зане обличали его пред царем за некоторое несправедное убийство».¹¹⁷⁾

По «Сказанию о Гришке Отрепьеве», в 1586/87 г. Борис «составляет собор лживой» на кн. Ивана Петровича, а также на князей Андрея, Дмитрия, Александра и Ивана Ивановичей Шуйских, в результате чего «разсылает их по городом в темницы и в заточение». Иван Петрович попадает на Белоозеро, где он 10 апреля 1589 г. был умерщвлен в тюрьме «огнем и дымом» кн. И. С. Турениным, выполнявшим приказ Бориса. Андрея ссылают в Буйгород, где позднее (8 мая 1589 г.) его по распоряжению Бориса убил Смирной Маматов. Василия и Александра отправили в Галич, а Дмитрия и Ивана — в Шую. Казнено было также в Москве семь «гостей». Многих «царских дворян, и служилых людей, и приказных, и гостей, и воинских людей... разослаша в Поморские города, и в Сибирь, и на Волгу, и на Терек, и в Пермь Великую, в темницы и в пуста места».¹¹⁸⁾ [135]

Официальная версия событий изложена в посольских делах. Еще до опалы Шуйских Е. Ржевскому и З. Свиязеву, отправившимся в Польшу 20 января 1587 г., предписано было говорить относительно казни «земских посадцких людей», что они «поворовали были, не в свойское дело вступилися, к безделником пристали... А ныне мужики все, посадцкие люди, по-старому живут, а и везде то ведетца: лихих казнят, а добрых жалуют». Далее в инструкции послам говорилось: «А буде взмолвят, за что ж в Кремле городе в осаде сидели и сторожи крепкие учинили?... того не бывало: то нехто сказывал не гораздо, безделник: от ково — от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротом, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья». В июне 1587 г. появляются упоминания о Шуйских. После смерти Грозного царь Федор пожаловал И. П. Шуйского «великим жалованьем». Тем временем «братья его князь Ондрей Шуйской з братьею учали измену делать, неправду и на всякое лихо умышлять с торговыми мужики... а князь Иван Петрович, их потакаяючи, к ним же пристал и неправды многие показал перед государем. И государь наш еще к ним милость свою показал не по их винам, памятуя княж Иванову службу, опалы своей большой на них не положил: сослал их в деревни, а брат их большой, князь Василей Федорович Скопин-Шуйской, слово до него не дошло, и он у государя, живет по-старому при государе на Москве, ныне съехал с великого государева жалованья с Каргополя».¹¹⁹⁾

Ни в одном из приведенных источников нет даже намек на причину «измены» Шуйских. Ее раскрывает Хронограф редакции 1617 г. Оказывается, в 1585/86 г. И. П. Шуйский, митрополит Дионисий «и прочий от больших бояр и от вельмож цареви полаты, и гости московския, и все купецкия люди, учиниша совет и укрепишася между себе рукописанием, бити челом» царю Федору, чтобы тот вступил во второй брак «царского ради чядородия». Борис же князя И. П. Шуйского отсылает «в дальния отоки», повелев его уморить; Дионисия сводит с престола; опале подверглись митрополичьи и княжеские советники.¹²⁰⁾ Лаконичные данные Хронографа несколько дополняют иностранцы.

Согласно Петрею, «московские власти и простой народ и приняли намерение отправить в монастырь великую княгиню, выбрали вместо ее сестру князя Флора [136] Ивановича Zizlphouschis (Федора Ивановича Мстиславского. — А. З.), родственницу великого князя, самого знатного рода в стране, и хотели ее выдать за него замуж». Но Борис уговорил патриарха, и тот не разрешил развод. Невесту тайно вывезли из дома и постригли в монастыре. Хотя позиция митрополита, очевидно, изложена неверно, основа рассказа весьма правдоподобна. Польский посол М. Гарабурда в апреле 1586 г. сообщил князьям Ф. И. Мстиславскому и И. П. Шуйскому о тайных переговорах Годунова и А. Щелкалова с Империей, и те потребовали у правителя объяснений по этому поводу. По словам посла,

тогда якобы была «почти вся земля расположена к королю». Ссылаясь на Годунова, Н. Варкоч в 1589 г. писал, что заговорщики (душеприказчики Грозного) «сгруппировали вокруг себя многих мещан и купцов, чтоб внезапно напасть на Бориса... Борису донес об этом один немец, член их союза. И тогда Борис... напал на них, перебил и сослал...». Речь шла, конечно, о событиях 1586 г. в прогoduновской трактовке. По Флетчеру (1589 г.), И. П. Шуйский «лишен жизни в монастыре, куда был сослан». Пишет он и об «отдалении» от Двора кн. А. Куракина и В. Ю. Голицына.¹²¹⁾

В письме от 1 января 1587 г. К. Радзивиллу витебский воевода С. Пац сообщал, будто «младший Шуйский, воевода смоленский (В. И. Шуйский. — А. З.), по слухам, якобы сносился с панами литовскими и приезжал на границу под видом охоты». Когда его вызвали в Москву и предъявили обвинения, он оправдался, но поссорился с Годуновым, и в схватке они ранили друг друга. Затем Шуйский, сговорившись с А. Щелкаловым, напал на двор Годунова в Кремле, а Борис перебил 80 нападавших. В письме от 4 января С. Пац сообщал, что «Шуйский вместе с А. Щелкаловым убил Б. Годунова».¹²²⁾ Недоразумений в этих слухах много. Представляется, что Пац мог перепутать и Андрея с Василием Шуйским (последний отделался сравнительно легким испугом, а князь Андрей был убит). Наконец, Д. Горсей писал, что, найдя предлог, И. П. Шуйскому «объявили царскую опалу и приказали немедленно выехать из Москвы на покой. Он был захвачен стражей под началом одного полковника недалеко от Москвы и удушен в избе дымом от зажженного сырого сена и жнива».¹²³⁾

Ход событий можно представить следующим образом. Около 5 мая 1586 г. Андрей Иванович Шуйский отказался [137] отправиться «на берег» воеводой передового полка — «сказался болен». Очевидно, он посчитал это назначение для себя «невместным». Ведь в октябре 1585 г. он был в таком же походе воеводой большого полка. Около 14 мая Кремль оказался в осаде. Движущими силами восстания в столице на этот раз были посадские люди во главе с верхушкой купечества — «гостями». Шуйские решили использовать бездетность царицы Ирины и нанести сокрушительный удар по Годуновым. Заручившись поддержкой митрополита Дионисия и епископа Крутицкого Варлаама (Пушкина), а также верхов московского посада, они обратились к царю с челобитьем о разводе с Ириной и новом браке «чадородия ради». Прецедент был: Василий III по этой же причине развелся с Соломонией Сабуровой, дальней родственницей Годунова.¹²⁴⁾ Борису, как и в 1584 г., удалось добиться ликвидации волнений. Он опять воспользовался тем, что феодальная знать (в данном случае Шуйские) испугалась размаха народного движения. Боярство вновь забыло свои распри и примирилось, о чем торжественно объявил И. П. Шуйский. Зачинщики движения из числа «гостей» Ф. Нагай и Голуб «с товарищи» были казнены, другие посадские люди разосланы по тюрьмам и вывезены из столицы.

Удар, нанесенный по московскому посаду, отозвался и на других участниках движения. Прежде всего были отстранены от своих престолов митрополит Дионисий (13 октября 1586 г.) и крутицкий епископ Варлаам.¹²⁵⁾ Затем наступила очередь Шуйских. 22 июля 1586 г. И. П. Шуйский судил местническое дело печатника Р. Алферьева с Ф. Лошаковым-Кольчевым. Он «оправил» последнего и «обинил» первого, «и тем судом промышлял» он «для Крюка Кольчева».¹²⁶⁾ Правительство следило за каждым шагом кн. Ивана. После его поездки в начале 1587 г. (до 22 марта) в Покровский монастырь к старице Прасковье (вдове царевича Ивана Ивановича) и ее визита в село Шуйского Лопатничи в монастыре был произведен розыск боярином кн. Д. И. Хворостининым и казначеем Д. И. Черемисиновым. И. П. Шуйский вместе с родичами был официально обвинен, очевидно, весной 1587 г., отправлен в ссылку, где 16 ноября 1588 г. и был задушен дымом «приставом» кн. И. С. Турениным.¹²⁷⁾

В 1586/87 г. «сослан в опале в Галич князь Василий Иванович Шуйский». Он «годовал» в Смоленске в 1584/85, 1585/86 и 1586/87 гг., когда «на обмен» ему [138] прислан был кн. Т. Р. Трубецкой.¹²⁸⁾ 8 мая (или июня) 1589 г. был убит Андрей Шуйский. Опале подверглись и союзники Шуйских: сосланы были П. И. Татев,¹²⁹⁾ ржевский наместник И. Ф. Крюк Колычев¹³⁰⁾ и др.

В марте 1585 г. в Новгород отправлен был «городовое дело делать» боярин Ф. В. Шереметев. В 1585/86 г. ему приказано было там «быти готову в козанской поход». Это последние упоминания о его деятельности. Его племянник П. Н. Шереметев в пылу семейных распрей с дядей «писал его изменником, что с князем Иваном Петровичем Шуйским государю царю Федору Ивановичу изменял». Владения Ф. В. Шереметева подверглись конфискации. В 1589/90 г. Ф. В. Шереметев постригся в Антониеве монастыре и дал в Иосифо-Волоколамский монастырь два села — Рудино и Бурухино.¹³¹⁾

2 августа 1586 г. неожиданно постригся в монахи думный дворянин М. А. Безнин. Опалы продолжались. К 1587/88 г. сослан был в Ливны и лишен звания окольник И. М. Бутурлин. В 1586/87 г. некий Петр Березовский оказался «в опале не по вине» и из Москвы попал в Сибирь.¹³²⁾ Но далеко не вся курия думных дворян была в это время разогнана.¹³³⁾ В нее по-прежнему входили Д. И. Черемисинов, И. П. Татищев, Р. М. Пивов. Пополнялась она и новыми лицами.

В 1586 г. волнения происходили не только в Москве, но и в других городах. В июне какие-то беспорядки были в Ливнах. 22 октября в Сольвычегодске посадские люди убили крупного промышленника Семена Аникеевича Строганова.¹³⁴⁾

Волнения 1586 г. по своим движущим силам отличались от волнений 1584 г. В них отчетливее проявился городской элемент и менее заметно участие дворянства. Выступила и верхушка церкви, недовольная ущемлением владельческих и поземельных привилегий монастырей. Неизвестно, принимали ли участие в этих волнениях кабальные холопы. Дворянство, очевидно, поддержало Годуновых, политика которых направлена была на удовлетворение насущных интересов феодального сословия в целом. Это в конце концов и определило победу Бориса в 1586 г.

Победа над Шуйскими не была бы столь решительной, если бы Годунову не удалось заручиться поддержкой романовской группы земских бояр. В 1586/87 г. на приемах у царя Борис все время появлялся в их сопровождении. [139] 21 июня 1586 г. «ели у государя» по поводу отъезда в Астрахань царевича Мурат-Тирея кн. Ф. И. Мстиславский, Б. Ф. Годунов, Ф. Н. Романов, И. В. Сицкий и окольник И. М. Бутурлин. 5 сентября 1586 г. в Чудове монастыре с царем «ели» Б. Ф. Годунов, Ф. Н. Романов и окольник А. П. Клешнин. 1 октября 1587 г. на приеме у царя были Д. И. Годунов, С. В. и И. В. Годуновы, окольник кн. П. С. Лобанов-Ростовский. Пользовался в 1586/87 г. влиянием и боярин Ф. М. Троекуров, ведавший сношениями с Польшей. 1 июня 1587 г. назначение в Разбойный приказ получили боярин кн. Г. А. Куракин и окольник кн. П. С. Лобанов-Ростовский (первый стал думным человеком, очевидно, незадолго до этого).¹³⁵⁾ То, что Разбойный приказ возглавили столь высокопоставленные лица, говорило о тревожном положении внутри страны. Позиции Годунова в Думе упрочивались. К началу июля 1586 г. ему была пожалована огромная и доходная волость Вага, ранее управлявшаяся А. Щелкаловым.¹³⁶⁾

После московских волнений правительство осуществляет мероприятия, укрепляющие положение дворянства. В 1586/87 г. издается указ, согласно которому за боярами «велено учинить подмосковного поместья» по 200 четвертей, за стрельцкими головами, московскими дворянами, стольниками, стряпчими — по 100 и за выборными дворянами

«из городов» — по 50 четвертей. Наиболее преданной правительству части дворянского войска надлежало находиться под Москвой во избежание повторения волнений, потрясших столицу в 1584 и 1586 гг. То, что не удалось сделать в 1550 г. по проекту испомещения тысячников, в какой-то мере было осуществлено в конце 80-х годов XVI в. Одним из тех, кто получил земли под Москвой, был сам Борис Годунов, пожалованный 15 июля 1587 г. поместьем в 212 четвертей.¹³⁷⁾

Покончив с оппозицией внутри Боярской думы, правительство Годунова обратило пристальное внимание на внешнеполитические дела. 14 июля 1586 г. вернулся из Лондона Д. Горсей.¹³⁸⁾ По пути в Россию он выполнил очень важную для Бориса миссию — в Ливонии посетил вдову умершего в марте 1583 г. «короля» Магнуса Марию Владимировну с малолетней дочерью и уговорил ее вернуться в Россию. По возвращении на родину (в марте 1586 г.) она была пострижена в Богородицком Подсосенском монастыре.¹³⁹⁾ Горсей привез грамоту Елизаветы, содержащую [140] жалобы на поведение русского посланника Бекмана и очередную просьбу о восстановлении торговых привилегий англичан, существовавших при Грозном. Привилегия, однако, была уже выдана (1 января), но не та, на которую рассчитывали королева и английские купцы. Она не только не восстанавливала старину, но даже ухудшала положение английских купцов. В ней отсутствовало исключительное право торговли Северным морским путем, которого они добивались. Англичанам запрещалась торговля в розницу даже на дому.¹⁴⁰⁾ Правительство Годунова понимало, что поддержка отечественного купечества для него куда важнее, чем сомнительные выгоды от деятельности английской Московской компании.

Внешняя политика России постепенно все более и более поворачивалась к странам Востока. В мае 1586 г. Москву посетили послы Сеадат-Гирея (считавшегося в Москве «законным» крымским «царем», так как он несколько месяцев сидел на крымском престоле),¹⁴¹⁾ Сафа-Гирея и шамхала (правителя Северо-Восточного Дагестана). Они передали настоятельную просьбу послать Мурат-Гирея на их недругов, в первую очередь на Крым и Ногаев. 18 июля состоялись торжественные проводы Мурата в Астрахань, которую он получил, чтобы «промышлять над Крымом». Вместе с ним отправили думного дворянина Р. М. Пивова с 1 тыс. стрельцов и 900 вольных казаков. 15 октября Мурата встречали в Астрахани. Отпуск Мурата был связан с совершенным из Крыма опустошительным набегом, в котором якобы принимало участие до 30 тыс. татар.¹⁴²⁾

Б. Н. Флоря считает, что у русского правительства существовал далеко идущий план — с помощью крымских царевичей превратить Крым в вассальное государство. Трудно утверждать это с определенностью, но во всяком случае Мурат должен был сдерживать воинственный пыл Ислам-Гирея и добиваться установления дружеских отношений России с Ногаями. Еще в 1584 г. к ногайскому хану Урусу был направлен посол Иван Холопов. Их свидание состоялось лишь в январе 1586 г. Несмотря на то что Уруса беспокоило строительство городков-крепостей на рубежах его владений (Уфа, Увез, Самара), при посредничестве Мурата он в 1586 г. принес присягу на верность царю. После длительного пребывания в Москве 5 октября 1586 г. отпущен был османский посол Ибрагим чеуш. В 1585/86 г. в столице России побывали послы «царя [141] Абдулы» из далекой Бухары, а также из Ургенча. Хан Абдулла II вел затяжную войну с иранским шахом Аббасом I за объединение и утверждение независимости среднеазиатских земель и нуждался в установлении контактов с могущественным соседом.¹⁴³⁾

Налаживались отношения и с Кахетией. Туда отправлен был толмач Игнатий Данилов, вернувшийся осенью в Астрахань. Его целью было «проведывать дороги в Грузинскую землю и земли Грузинские — какова земля». Одновременно астраханским воеводам было

дано распоряжение наладить торговые отношения России с Кавказом. Данилов вернулся не один, а с послами кахетинского царя Александра II — священником Иоакимом, старцем Кириллом и черкашенином Хуршитом. 9 октября 1586 г. царь Федор принял от послов грамоту, в которой сообщалось, что Александр «сам своею головою и со всею своею землею под кров царствия твоего и под Вашу царскую руку рад поддается». 3 апреля 1587 г. Федор ответил, что готов направить посланника в Грузию, чтобы «царя к вере привести».¹⁴⁴⁾ 11 апреля грузинские послы вместе с русскими посланниками Р. Биркиным и П. Пивовым отпущены были в Кахетию.

Возобновились связи России с православными властями Ближнего Востока. 17 июня 1586 г. в Москву прибыл антиохийский патриарх Иоаким. 25 июня состоялся его торжественный прием, а 11 августа он покинул столицу. В конце августа Москву посетил колассийский митрополит Сербии Виссарион.¹⁴⁵⁾ Поддерживая контакты с видными деятелями православной церкви, русские духовные и светские власти вынашивали мысль о преобразовании митрополичьего престола на Руси в патриархию.

28 июня 1586 г. в Речь Посполитую отправилось новое посольство во главе с кн. Ф. М. Троекуровым, Ф. А. Писемским и Дружиной Петелиным. 15 августа оно прибыло в Гродно. На встрече с русскими послами паны-рада обрушились с бранью на московских бояр за то, что те не соглашались принять предложения польского короля, и угрожали новой войной. Оскорблению подвергся и сам царь, намекали и на московские волнения («А что на Москве делаетца, то мы ведаем»). На это послы твердо заявили с достоинством, подобающим представителям могущественной державы: «Мы желаем мира, но если вы хотите войны, то ее получите». После того как на испуг кн. Ф. М. Троекурова «с товарищи» взять не удалось, сошлись [142] на продлении перемирия на два месяца (с 3 июня по август 1586 г.), с тем чтобы продолжить переговоры о мире. 1 октября послы вернулись в Москву. Война казалась неизбежной. 25 декабря составлен был разряд похода «против литовского короля и свейского».¹⁴⁶⁾

Однако 2(12) декабря 1586 г. умер Стефан Баторий. В Речи Посполитой снова наступило бескорольевье. У русского правительства появились реальные надежды решить спорные вопросы дипломатическим, а не военным путем. Намечавшийся поход был отменен, а в январе 1587 г. в Польшу выехали думный дьяк Е. Ржевский и дьяк З. Свизев. Они должны были предложить кандидатуру Федора на польский престол, с тем чтобы объединить Россию, Польшу и Великое княжество Литовское в единую державу. В случае если в Польше будет избран другой государь, Федор соглашался на объединение России с Литовским княжеством. Паны-рада ответили уклончиво: этот вопрос подлежит компетенции сейма, на который к 30 июня и должно прибыть большое московское посольство. Тем временем в Москву стали поступать известия, что многие в Речи Посполитой склоняются именно к русской кандидатуре.¹⁴⁷⁾

В апреле 1587 г., когда польские посланники П. Черниковский и Б. Огинский вели в Москве переговоры о продлении перемирия, им сообщили о благожелательном отношении царя к выдвижению его кандидатуры на польский трон. Залогом стремления России жить в добрососедстве было заключение перемирия на 15 месяцев (с 3 августа 1587 по 1 ноября 1588 г.). Тогда же Федор предложил императору Рудольфу II «стояти заодин... на турецкого», рассчитывая на его поддержку в разворачивавшейся элекционной борьбе в Речи Посполитой (грамота царя отправлена была с имперским гонцом Индриком Гойгелем).¹⁴⁸⁾ Антиосманская лига была, конечно, в значительной мере дипломатическим маневром.

В июне 1587 г. на элекционный сейм отправилось представительное посольство в составе С. В. Годунова, Ф. М. Троекурова, А. Щелкалова и Д. Петелина. За ходом дел в Речи Посполитой кроме России пристально наблюдали и другие соседние державы — Империя, Швеция, Турция. Кандидатуру царя поддерживала часть литовской шляхты и магнатства, надевшаяся включить Россию после смерти бездетного Федора в состав Речи Посполитой. Русские послы приехали в Варшаву не только с предложением [143] кандидатуры Федора, но и с идеей антиосманского союза. Россия отказывалась в пользу Речи Посполитой от ливонских земель, занятых Швецией и Данией, обещая помочь их вернуть, но выговаривала себе Нарву. Твердую позицию заняла Османская империя, угрожавшая разрывом мирного договора с Речью Посполитой, если на польский трон будет избрано неугодное султану лицо. Османам гораздо более импонировал шведский принц Сигизмунд Ваза (сын короля Юхана и Екатерины Ягеллонки), поскольку Швеция находилась в состоянии войны с Россией. За Сигизмунда выступал и влиятельный коронный гетман Замоиский с частью коронной шляхты. Часть магнатства во главе с Зборовскими по традиции выдвигала имперскую кандидатуру (брата Рудольфа II Максимилиана). В январе 1588 г., после разгрома и пленения Замоиским Максимилиана, Литва присягнула Сигизмунду. Если Ф. М. Троекурову и С. В. Годунову не удалось достичь успеха в вопросе о кандидатуре на польский трон, то, конечно, их крупным достижением было заключение 26 августа 1587 г. сепаратного перемирия с Литвой сроком на 15 лет. Польские дипломаты вели себя двойственно. Говоря о стремлении к миру, они пытались разжечь ненависть к России у ее южных соседей. Еще в мае 1587 г. в Крым прибыл из Польши Якуб, сообщивший об антиосманских планах России.¹⁴⁹⁾

Правительство Годунова продолжало активизировать восточную политику, первоначально ограничиваясь противостоянием набегам крымцев и ногаев. Весной 1587 г. на русских окраинах появился Дос-Магмет с 3-тысячным войском из азовцев и малых ногаев. В июне два крымских царевича с 40-тысячным войском подошли к Плове и сожгли посад в Крапивне. 30 июня против них посланы были полки И. В. Годунова, которые пришли 13 июля «за Тулу к Малиновым воротам», где и стояли с неделю. Крымцев удалось разбить. Побито было около 30 тыс. человек, а 2 тыс. попало в плен.¹⁵⁰⁾ Известий о крымских набегах в 1588—1590 гг. нет.

1586 год для Ирана был тяжелым. Неспособный к управлению страной, шах Мухаммед Ходабенде потерпел крупное поражение в войне с Османской империей. Это заставило его искать помощи за пределами страны и принять решение направить посольство приближенного к нему Анди-бека (Гади-бека) в Москву. В 1587 г. шах устами Анди-бека предлагал царю дружбу и союз против османов. [144] Он милостиво жаловал русским города Дербент и Баку, коль скоро те отвоюют их у Турции. В обмен на это шах настаивал на посылке войск против османов. Для того чтобы выяснить ситуацию в Иране, туда в апреле 1588 г. направили посла Г. Б. Васильчикова.¹⁵¹⁾ К этому времени Ходабенде умер, а его престол занял молодой шах Аббас I (7 мая 1587 г.). Россию и государство Сефевидов сближали не только торговые интересы, но и стремление не допустить Порту ни к Астрахани, ни на Северный Кавказ.

Положение Ирана было трудным. Потеря почти всего Хорасана (его теснил бухарский хан Абдулла II) и Герата (в 1588 г.) ставила шаха в тяжелое положение. Османская империя захватила Ирак. В переговоры с ней вступил и властитель Гиляна Ахмед-хан. У шаха было два выхода. Первый — создать коалицию против султана из европейских держав, в которую втянуть не только Россию, но также Империю, Францию и Испанию. Как будто можно было рассчитывать и на заключение антиосманской коалиции с Грузией и шамхалом. Подобный план (если он и существовал) был весьма далек от реальности. Другим выходом для шаха было скорейшее заключение мира с султаном. К нему и

склонялся Аббас I. Отправляясь в Иран, Г. Б. Васильчиков получил наказ укрепить антиосманские позиции Аббаса, убедить его в полной поддержке Сефевидов со стороны России. В доказательство этого он должен был ссылаться на посылку русской рати в Астрахань и на Терек. Васильчиков должен был обещать, что русские не допустят прохода османского войска в Иран через Северный Кавказ.

Русское правительство, стремясь упрочить позиции на Востоке, не ограничилось попытками вступить в союзнические отношения с Ираном. В январе 1588 г. в Москву приехали старший сын кабардинского князя Камбулата Куденек и сын Темрюка Мамстрюк. Оба они принесли шерть царю.¹⁵²⁾ В июле русские служилые люди начали строить Терский городок — опорный пункт в устье Терека. Турция, Крым и даже Мурат (женатый на дочери шамхала) настороженно относились к продвижению России на Северный Кавказ. Для того чтобы укрепить позиции Мурата и придать Астрахани — центру его владения — импозантность, нужно было обеспечить ее неприступность. В 1588 г. там строится «город камен». Сооружать его посланы были М. Вельяминов и дьяк Дей Губастый, возглавлявший в конце 70-х годов Городовой приказ. Им велено [145] было ломать мечети и палаты в «Золотой Арде» (на месте бывшей золотоордынской столицы) и из этих камней «делати город». 4 апреля «для приходу турских пашей» в Астрахань послан был боярин кн. Ф. М. Троекуров с войском.¹⁵³⁾

13 октября 1588 г. в Москву вернулись из Кахетии Р. Биркин и П. Пивов. Они сообщили, что привели к присяге царя Александра II «за всю Иверскую землю, на том, что ему и его детям со всюю Иверскою землею быти в государеве жалованье под его царскою рукою». Это историческое событие произошло 28 сентября 1587 г. Принятие кахетинского царя в русское подданство как бы предвосхищало включение Грузии в состав России, состоявшееся 200 лет спустя. Вместе с Биркиным и Пивовым в Москву из Кахетии прибыло посольство князя Каплана. Оно привезло грамоту царя Александра II. 31 октября 1588 г. состоялся торжественный прием грузинского посольства.¹⁵⁴⁾

В 1587—1588 гг. продолжали развиваться отношения с Францией и Англией. В начале 1587 г. в Москву прибыла группа французских купцов во главе с Жаком Параном. В грамоте царю Генрих III просил облегчить им торговлю в России. По жалованной грамоте 23 марта 1587 г. французские купцы получили разрешение торговать в Холмогорах и других городах, включая Москву, уплачивая половинную пошлину по сравнению с другими иноземцами.¹⁵⁵⁾

Летом 1587 г. Москву покинул Д. Горсей, тесно связанный с государственным секретарем Англии Уолсингемом. Он вез в Лондон грамоты царя Федора и Бориса. В них содержалось предупреждение английским купцам впредь не нарушать привилегию 1586 г. и вести торговлю только в ее рамках. Отношения между странами осложнились из-за дела английского купца Антона Марша. Он самостоятельно вел торговлю с Сибирью и Астраханью вне Московской компании англичан. Наделав крупных долгов (в размере 23 тыс. руб.), Марш их переписал на счет Московской компании. Та платить отказалась. Тогда русские купцы подали на Марша жалобу. А. Щелкалову, косо смотревшему на деятельность англичан, удалось доказать, что сотоварищем Марша в махинациях был Горсей. Начался обмен дипломатическими представлениями. В сентябре 1588 г. в Лондон приехал русский гонец Бекман, а 25 ноября в Москву — английский посол Д. Флетчер.¹⁵⁶⁾ [146]

В итоге решили, что дело должно разбираться в Англии. 1588 год был для Англии тяжелым, но вместе с тем и примечательным. Только что удалось разгромить

«Непобедимую армаду». В создании английского флота немалую роль сыграли русская пенька и строевой лес.

Правительство царя Федора стремилось упрочить отношения с Империей. В январе (с А. Резановым) и в феврале 1588 г. (с Л. Паули) в Прагу посланы были грамоты с предложениями союза в борьбе против османов. В 1587 г. в Империи распространился слух о смерти царя Федора. Он дал толчок к появлению легенды о завещании Грозного, в котором якобы содержалось распоряжение о передаче престола одному из австрийских эрцгерцогов (то ли Максимилиану, то ли Эрнсту). В Речи Посполитой дела складывались для России неблагоприятно. После присяги Сигизмунду Вазе воинственные круги Речи готовились к новому выступлению против России.¹⁵⁷⁾

13 июля 1588 г. Москва принимала почетного гостя: ее посетил изгнанный османами константинопольский патриарх Иеремия, считавшийся главой православной церкви. Годунов предложил Иеремии стать русским патриархом с местопребыванием во Владимире.¹⁵⁸⁾ Иеремия готов был согласиться на это предложение, но настаивал, чтобы центром патриархии была Москва. Борис этого не хотел, ссылаясь на невозможность отстранения митрополита Иова. Тогда решено было избрать патриарха из числа русских иерархов. 23 января 1589 г. первым русским патриархом был избран митрополит Иов.¹⁵⁹⁾ В ранге повышены были и другие иерархи. Отныне на Руси было четыре митрополита (новгородский, казанский, ростовский и крутицкий) и шесть архиепископов. Утверждение патриархии стало событием большого значения не только в истории церкви, но и в политической жизни страны. Оно свидетельствовало о возросшем престиже России, ставшей одной из мировых держав, с которыми вынуждена была считаться вселенская православная церковь.

1589 год принес Польше осложнения, которые сдержали пыл ее воинственных кругов. В ответ на заключенный в марте мирный договор Речи Посполитой с Империей крымские татары летом по приказу султана вторглись в Подолию, а у Хотина начали концентрироваться османские войска. Словом, Польше теперь было не до войны с Россией. Именно поэтому осенью 1589 г. на встрече со шведами в Колывани польские дипломаты отказались [147] поддержать предложение Швеции вступить в антирусский союз.¹⁶⁰⁾

В марте 1589 г. в Москву приехал имперский посол Н. Варкоч. Рудольф II был озабочен созданием антиосманского союза, чтобы сдержать наступательный порыв Турции. Посол пытался выяснить, что скрывается за слухами о завещании Грозным трона австрийскому эрцгерцогу. Для ведения дорогостоящих войн Империя нуждалась в средствах, которые Варкоч должен был попытаться получить от России. В апреле — июне состоялись встречи Варкоча с И. В. Годуновым и А. П. Клешниним — особо преданными Борису лицами. Переговоры протекали вяло: вмешиваться в войну Империи с Турцией Россия не намеревалась. Как сообщал Варкоч, царь только согласился предоставить Империи субсидию в размере 3 млн. гульденов. Переговоры с Варкочем настолько тщательно скрывались от англичан, что в обратный путь он отправился тайно (с помощью нидерландца Яна де ла Балле).¹⁶¹⁾

В апреле 1589 г., выполнив свою дипломатическую миссию, в Англию отбыл Д. Флетчер, взяв с собой Д. Горсея и А. Марша для разбора в Лондоне их махинаций. Попал он на родину с запозданием, так как до августа был задержан в Вологде. И на этот раз Горсею удалось, используя поддержку высоких покровителей, избежать неприятностей. В Англии Флетчер написал трактат «О государстве Русском» — одно из самых значительных произведений о России, принадлежащих перу иностранцев XVI столетия. В записке

«Значение упадка торговли с Россией» Флетчер развивал идею о необходимости переноса торговли с Россией на север, к Белому морю. Он писал также, что Федор стремится «любой ценой» достичь мира с Польшей и Швецией, но объяснял это ошибочно тем, что царь «боялся» этих держав.¹⁶²⁾

На востоке в 1589 г. установилось затишье. Прекратились набеги крымцев. Слухи о движении на Москву 80-тысячного войска крымцев не подтвердились. Продолжался обмен посольствами с шахом Аббасом I, который начал мирные переговоры также и с султаном. В декабре 1589 г. из Ирана в Москву вернулся Г. Б. Васильчиков с шахскими посланниками Бутак-беком и Анди-беком.¹⁶³⁾ В Москве побывал и посол Абдуллы II Магмет-Алей. Просьба бухарского хана о 1 тыс. руб. «на сосуды серебряные» была удовлетворена. Возвращены были и пошлины с товаров, взятых в Казани. Торговля со странами Востока [148] давала значительные прибыли московской казне. «Несколько лет тому назад, как слышал я от торговцев, — писал Флетчер, — купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на 400 или 500 тысяч рублей». Чтобы облегчить торговые и дипломатические сношения со странами Ближнего Востока (и, в частности, с государством Сефевидов) и отчасти преградить путь казакам на Волгу, было начато строительство Царицына. Весной 1589 г. туда («на переволоку») отправили печатника Р. В. Алферьева, вскоре скончавшегося там «в опале» (1589/90 г.).¹⁶⁴⁾ Падение Алферьева предreshено было его близостью с опальным Нагим (дочь Романа Васильевича была женой Афанасия Федоровича Нагого).

Ведя переговоры с Империей и Ираном, правительство не склонно было порывать отношения с Турцией. 24 апреля 1589 г. в Москве состоялся прием османского посла Чели-бея.¹⁶⁵⁾ 23 апреля в Кахетию был отпущен посланник царя Александра II Каплан, а с ним и русский посол кн. С. Г. Звенигородский. В грамоте Федора кахетинскому царю говорилось о постройке городка на Тереке для защиты Кахетии «от недругов» (прежде всего от «шевкала»). Положение Кахетии, зажатой между Турцией и Ираном, было трудным. Она подвергалась и набегам из Дагестана. Царь Александр II надеялся на действительную помощь России, особенно на присылку рати. Несмотря на затруднения с военными силами в самой России, правительство предпринимало меры по обеспечению безопасности Кахетии. В 1589—1590 гг. терский воевода кн. Хворостинин занял устье Койсы.¹⁶⁶⁾ Благоприятную ситуацию, сложившуюся для России на западе и востоке, правительство Годунова решило использовать для возвращения земель, отторгнутых Швецией в ходе Ливонской войны. На русско-шведских рубежах столкновения не прекращались. Так, летом 1589 г. «немецкие люди» напали на Кандалакшский монастырь и Кандалакшскую волость и перебили 450 человек. В сентябре «немецкие люди» (около 400 человек) появились в поморских местах и р. Ковдой дошли до волости Кереть, а затем прошли р. Кемью в волость Кемь. В декабре «свейские немцы» напали на Печенгский монастырь, сожгли его и перебили монахов.¹⁶⁷⁾

В такой обстановке война со Швецией была неизбежной. Подготовка к ней велась длительная. В июне 1589 г. в Астрахань послана была грамота, в которой воеводе [149] предписывалось добиться участия кабардинских людей в предстоящем походе на Швецию. Главный удар предполагалось нанести по Нарве. 14 декабря 1589 г. Федор с Двором и войском отправился в Новгород. Отсюда 18 января 1590 г. он двинулся в поход. 27 января после двухдневного обстрела сдался г. Ям. Находившийся в нем отряд «немцев» (численностью 500 человек) был отпущен из крепости. Со 2 февраля начался интенсивный обстрел Нарвы (Ругодива) и Ивангорода. Штурм Ивангорода 19 февраля оказался неудачным. Но на следующий день гарнизон Нарвы запросил разрешения прислать парламентеров, чтобы начать переговоры об условиях сдачи. Осажденные просили

прекратить обстрел и приступ на время переговоров. Русские соглашались на перемирие только в случае передачи им Нарвы, Ивангорода, Копорья и Корелы. Шведы готовы были уступить только Ивангород. Переговоры велись под наблюдением самого Годунова. На съезде послов 22 февраля (русскую сторону представлял Дружина Петелин) шведы соглашались уступить помимо Ивангорода еще и Копорье и заключить перемирие на один-два года.

А тем временем зима кончалась. Река Нарва должна была вскоре вскрыться, что затруднило бы осаду. Кормов и провианта не хватало. Осаждавшие несли тяжелые потери. Погибло до 5 тыс. человек, среди них воевода кн. И. Ю. Токмаков. Поэтому решено было принять шведские предложения. 25 февраля 1590 г. в Ивангороде состоялось подписание перемирия. Ям, Копорье и Ивангород были возвращены России. 1 марта царь направился в Новгород и к началу апреля был уже в Москве. В ходе кампании удалось вернуть русские земли на Балтийском побережье, захваченные шведами в период Ливонской войны. Но Нарва и Корела остались у шведов. В окружении Бориса поход изображался крупной победой русского оружия, а заключение мира — как результат миролюбия и милосердия царя, не желавшего «не токмо православной крови пролити, но и латынской».¹⁶⁸⁾

Победа русских войск над шведами подтолкнула и правящие круги Речи Посполитой к заключению нового перемирия с Россией. В апреле 1590 г. сейм принял решение об отправке посольства в Москву для переговоров о перемирии. В ноябре переговоры с прибывшим в столицу Ст. Радиминским вели С. В. Годунов, Б. Ю. Сабуров, А. Щелкалов и Е. Вылузгин. В январе 1591 г. заключено [150] было перемирие с Великим княжеством Литовским (по образцу перемирия 1587 г.) на 12 лет. Впрочем, русский и литовский тексты докончания заметно отличались друг от друга. Так, в литовский вариант, оставшийся, очевидно, только проектом, включены были как литовские спорные волости Велижские, а также Нарва как польский город, с чем русское правительство не было согласно.¹⁶⁹⁾

На переговорах в Москве с шахскими послами Бутак-беком и Анди-беком в конце 1589 — весной 1590 г. обе стороны выражали готовность исполнять взятые на себя обязательства. Особое внимание уделялось торговле между странами. Но в общем переговоры отличались сдержанностью ввиду изменившейся внешнеполитической обстановки. 21 марта 1590 г. шах Аббас I заключил мир с Османской империей на тяжелых для Ирана условиях и решил сосредоточить силы на борьбе с бухарским ханом Абдуллой II. Проблема военного союза с Россией, направленного против Турции, теряла свою привлекательность для шаха, а контакты с Москвой узбекского правителя казались ему подозрительными. 29 июня 1590 г. Бутак-бек и Анди-бек выехали из Москвы. России пришлось принимать срочные меры для укрепления позиций на Северном Кавказе. В конце 1589 г. в Кабарду был послан Г. Полтев с отрядом в 1200 стрельцов. Полтев «всее Кабардинскую землю под государеву руку привел». Около 1590 г. на Сунже строится новый городок. В 1590 г. в Астрахани умер Мурат-Гирей, что ослабило русское влияние¹⁷⁰⁾ в этой отдаленной части страны.

Продолжалось интенсивное градостроительство в Поволжье. В 1589 г. для обороны волжского пути близ «переволоки» с Волги на Дон на острове против впадения Царицы в Волгу основана была крепость Царицын, в 1589/90 г. построены Саратов, Цивильск и Ядринск, а в Сибири — Лозьва.¹⁷¹⁾

В ноябре 1590 г. грузинские послы Сулейман и Хуршит привезли от кахетинского царя Александра II грамоту, содержащую настоятельную просьбу о помощи. Откликаясь на

нее, правительство Бориса в мае 1591 г. направляет в Кахетию посла В. Т. Плещеева, который вез грамоту с обещанием послать против шамхала 5 тыс. стрельцов и 10 тыс. «черкес». Весной против шамхала ходили в поход терские воеводы кн. Г. О. Засекин и кн. П. М. Шаховской.¹⁷²⁾ И на этот раз русская поддержка Кабарде и [151] Кахетии вызвала неудовольствие в Иране и Турции. Назревал конфликт с султаном и его ставленником в Крыму.

В апреле 1590 г. в Россию снова отправляется Горсей с грамотой королевы Елизаветы. Однако вскоре после прибытия в Москву он был выслан в Ярославль, а затем летом 1591 г. отправлен в Англию. В грамоте королеве говорилось, что если она действительно хочет сохранять дружественные отношения с Россией, то впредь ей не следует присылать в Москву таких плутов, как Горсей. Вернувшись на родину, он издал ряд сочинений. У Горсея интересные наблюдения о России тех лет, которые он там провел, перемежаются со всевозможными домыслами. Его «Путешествие» в Россию писалось долго. Начатое в 1589/90 г., оно в основных чертах было закончено в 1592/93 г., а получило окончательную редакцию к 20-м годам XVII в.¹⁷³⁾ По мере укрепления позиций русского купечества своекорыстная деятельность английской Московской компании вызывала в России все большее противодействие и начинала клониться к упадку.

Спокойное течение дел нарушено было весной 1591 г. чрезвычайными событиями. [152]

Назад К оглавлению Дальше

¹⁾ *Горсей*, с. 109.

²⁾ Повесть, како отомсти, с. 241; ПСРЛ, т. 14, с. 2: «...престол предаст благородному сыну своему... отеческим благословением преемник бывает»; с. 34: «...благослови царствовати сына своего»; т. 34, с. 230: «...оставил сына его наследника царствию... И по погребении нарекоша на государство Московское... Федора».

³⁾ См. также: *Skrynnikov R. Das letzte Testament Ivans IV und sein Schicksal. — Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Köln — Wien, 1977, S. 18-33.*

⁴⁾ *Севастьянова*, с. 113, 118.

⁵⁾ Повесть, како отомсти, с. 241; РИБ, т. 13. СПб., 1909, стлб. 146.

⁶⁾ *Кушева*. Публицистика, с. 64, 41, 42.

⁷⁾ Изборник, с. 185; РИБ, т. 13, стлб. 1275-1276; ПСРЛ, т. 31, с. 143.

⁸⁾ ПЛ, вып. 2, с. 264.

⁹⁾ *Васенко*, с. 66.

¹⁰⁾ НРМ, т. II, р. 7; *Соловьев*, кн. 4, с. 204.

¹¹⁾ *Севастьянова*, с. 114, 120.

¹²⁾ *Горсей*, с. 109; *Skrynnikov R. Op. cit., S. 21.*

¹³⁾ Штендман Г. Ф. Отзыв об историческом исследовании проф. А. Трачевского. — Отчет о XXI присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1880, с. 101-102; Масса, с. 34; Скрынников. Россия, с. 106; Скрынников. Борьба, с. 49; Скрынников. Борис, с. 184-185; Петрей, с. 158. Масса пишет: «...так как в течение трех лет у него (Федора. — А. З.) не было от нее (Ирины. — А. З.) наследника, она родила одну только дочь, которая вскоре умерла (Масса путает хронологию: Феодосия родилась в 1592 г. — А. З.), то Иван Васильевич пожелал, чтобы сын, следуя их обычаю, заточил ее в монастырь и взял себе другую жену».

¹⁴⁾ Шереметев, с. 43; Петрей, с. 167.

¹⁵⁾ Skrynnikov R. Op. cit., S. 28. Ср.: Übersberger H. Österreich and Rufiland seit dem Ende des 15 Jht. Wien — Leipzig, 1906, S. 494-499, 528-529.

¹⁶⁾ Штендман Г. Ф. Отзыв..., с. 101-102; Шереметев, с. 44-45; Skrynnikov R. Op. cit., S. 28-29, 32-33.

¹⁷⁾ Донесение, с. 109; Веселовский. Дьяки, с. 551; Сб. РИО, т. 38, с. 61, 85; Самоквасов, т. II, № 42, 43, 55, с. 482-483, 500; ААЭ, т. 1, № 332, 334, 335. По мнению В. И. Корецкого, С. Фролов был удален из Москвы «под начало к Трубецкому» в марте 1586 г. (Безднинский летописец, с. 199).

¹⁸⁾ Безднинский летописец, с. 199.

¹⁹⁾ Skrynnikov R. Op. cit., S. 33. [268]

²⁰⁾ В описи Посольского приказа 1614 г. упоминается «Выписка из духовные... пожаловал царицу свою великую княгиню Марью, что ей написано в духовной» (ОЦААПП, с. 49). Речь, очевидно, идет не о Марии Нагой, а о Марии Темрюковне.

²¹⁾ Севастьянова, с. 88; Мордовина. Князья, с. 331-333.

²²⁾ Мятлев Н. В. К родословию князей Мстиславских. — ЛИРО, 1916, вып. 1-4, с. 305.

²³⁾ Н. Р. Юрьев появляется в разрядах в качестве рынды в 1547 г., сразу после свадьбы Ивана IV и Анастасии Романовны (РК 1475—1598 гг., с. 111; Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова, ч. I. СПб., 1901, с. 282-311). О Черкасских см.: Мордовина. Князья, с. 334-335. Борис Камбулатович Черкасский выехал на Русь в 1576/77 г., где был крещен (РИБ, т. 22, кн. 2. СПб., 1908, стлб. 61). Он приходился двоюродным братом одной из жен Ивана IV — Марии Темрюковне. О родственных связях Юрьевых с Шереметевыми см.: РК 1559—1605 гг., с. 97, 317.

²⁴⁾ Кобеко Д. Ф. Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени. СПб., 1903, с. 4-5.

В. Ю. Голицын последний раз упоминается в разрядах летом 1584 г. (РК 1559—1605 гг., с. 206), а П. И. Татев — в ноябре 1585 г. (РК 1475—1598 гг., с. 364). О поддержке Шуйскими земской группы см.: ПСРЛ, т. 14, с. 36; т. 34, с. 195.

²⁵⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 195.

О Трубецких см.: Мордовина. Князья, с. 333-334; Кобрин, с. 80-81. Д. И. Хворостинин умер в Троице в 1590 г.

²⁶⁾ Сведение Пискаревского летописца о том, что Щелкаловы поддерживали Годуновых (ПСРЛ, т. 34, с. 195), передает позднейшую расстановку сил. П. Варкоч сообщал в 1589 г., что Годунов «всею душой ненавидит» А. Щелкалова (Донесение, с. 104). В Мазуринском летописце как сторонники Шуйских названы вместо Головиных, Голицыны, в Пискаревском — и Головины, и Голицыны (ПСРЛ, т. 14, с. 36; т. 31, с. 143; т. 34, с. 195).

²⁷⁾ *К[азанский] П.* Село Новоспасское, Деденево тож, и родословная Головиных, владельцев оною. М., 1847, с. 117, 121; ЦГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 228 об., 230 об., 231, 250; ПСРЛ, т. 34, с. 229-230; ДАИ, т. I, с. 189-195; *Савва*, с. 278, 347-376.

В. И. Шуйский первым браком был женат на Е. М. Репниной, а на дочерях Юрия и Ивана Дмитриевичей Грязных-Ховриных были женаты Н. Р. Юрьев и кн. В. И. Репнин (ВМОИДР, т. X. М., 1851, с. 89-90; *Веселовский*. Опричнина, с. 130).

²⁸⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 232; Щ, л. 664-664 об.; ПЛ, вып. 2, с. 264; Сб. РИО, т. 129, с. 361, 363.

Б. Ю. Сабуров в марте 1584 г. был в Остроге. По другим данным, в Смоленске был В. Ю. Голицын; он вместе с кн. Ф. М. Трубецким был отправлен туда в великий пост после смерти Ивана IV. 7 мая послан был «на берег» кн. Ф. М. Трубецкой (РК 1559—1605 гг., с. 209; ПСРЛ, т. 34, с. 232; Щ, л. 663, 606 об., 668 об.).

²⁹⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 232, 195; *Тихомиров*. Памятники, с. 228; ПСРЛ, т. 14, с. 35.

³⁰⁾ РК 1559—1605 гг., с. 341 (1591/92 г.); РК 1475—1598 гг., с. 349, 378, 390, 436, 486, 351, 355, 487; *Севастьянова*, с. 123.

И. Г. Нагой из Лозьвы переведен был в Казань, где его постигла новая опала: он угодил в вологодскую тюрьму; прощен был в 1598 г. (*Соловьев*, кн. 4, с. 359). И. С. Нагой в 1601/02 г. служил в Алатех под Казанью (РК 1559—1605 гг., с. 341). «Сказание о Гришке Отрепьеве» [269] сообщает, что Федор, Афанасий, Андрей и Семен Нагие разосланы были по темницам в Низовские города, где их «горкою смертию и голодною... умориша» (РИБ, т. 13, стлб. 715, 716). 10. Н. Мельников обратил внимание, что в 1583/84 г. А. Ф. Нагой сделал вклад 50 руб. в Новопечерский и Свенский монастыри (ГПБ, собр. П. Н. Тиханова, № 25, л. 14).

³¹⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 35; *Мордовина, Станиславский*. Состав двора, с. 180. Андрей, М. Ф. и Г. Ф. Нагие упомянуты в Угличском деле 1591 г. Позднее Михаил сослан был в Санчурск, где находился в 1601/02 г.

³²⁾ ЧОИДР, 1884, кн. 4, с. 103; *Толстой*, № 52, с. 229.

³³⁾ НРМ, т. II, № 3, р. 3; *Соловьев*, кн. 4, с. 204; *Флетчер*, с. 122; *Середонин*, с. 97-98; *Петрей*, с. 168. Отзывы о Федоре см.: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова. — ЖМНП, 1887, № 7, прим. 1-4; *Иловайский Д.* История России, т. III. М., 1890, прим. № 57, с. 648.

³⁴⁾ В черновике чина венчания Федора конюший упоминается («конюшего своего»), по после слов о нем оставлен пробел для имени конкретного лица (СГГД, ч. II, № 51, с. 73; ср.: ЦГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. I, № 5, л. 5-5об.; ср. списки там же, № 4, 6). Один московский летописец упоминает конюшего Бориса Годунова при описании коронации

Федора (ПСРЛ, т. 34, с. 232). В разрядах с чином конюшего Борис упомянут в феврале 1585 г. (РК 1475—1598 гг., с. 359).

³⁵⁾ *Поссевино*, с. 51; *Зимин*. Опричнина, с. 278-282; РК 1559—1605 гг., с. 202, 204; *Шумаков*. Обзор, вып. 4, № 480, с. 161; ПСРЛ, т. 34, с. 232; *Зимин*. О составе, с. 199, 203; РК 1475—1598 гг., с. 343, 517. Г. В. Годунов умер в декабре 1597 г.

³⁶⁾ В 1583/84 г. П. С. Лобанов-Ростовский выступал послухом в данной Б. Ф. Годунова на село Неверова Старицкого у. (АФЗХ, ч. II, № 374, с. 418-419); Акты Юшкова, № 220, с. 216; РК 1559—1605 гг., с. 212.

³⁷⁾ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 123-123 об.; *Карамзин*, т. X, прим. № 148; Щ, л. 664; РК 1475—1598 гг., с. 346; *Савва*, с. 398; РК 1559—1605 гг., с. 204.

Елецкий последний раз упоминается в разрядах в 1583/84 г., а Вислоухов-Сабуров — в 1589/90 г. (РК 1475—1598 гг., с. 346, 433).

³⁸⁾ Ссылаясь на документ, обнаруженный А. Л. Станиславским (ЦГАДА, ф. 210 (Разрядного приказа), столбцы Московского стола, № 1144, л. 1), Р. Г. Скрынников считает, что во время поездки Федора в Троицу в 1585 г. Москвой управляла некая «семибоярщина» (*Скрынников*. Борьба, с. 51), развивая свою мысль о существовании этого института со времен Василия III. Но «семибоярщина» — «сечьмочисленные бояре» — была известна в Москве только во времена «Смуты» после пленения В. И. Шуйского.

³⁹⁾ Ю. Н. Мельников обратил внимание на сообщение Л. Сапеги о том, что 2(12) апреля 1584 г., перед началом его переговоров, «какой-то смутьян упряился из-за места» (SRP, t. 8, s. 174).

⁴⁰⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 195.

⁴¹⁾ Безднинский летописец, с. 195, 208 (дата «22 мая», имеющаяся в Безднинском летописце, ошибочна); ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 32об.-33об., 208 об.; ср. письмо Л. Сапеги от 16 (26) апреля 1584 г. (SRP, t. 8, s. 174-175); ЧОИДР, 1884, кн. 4, отд. III, с. 103; Сб. РИО, т. 38, с. 133-135.

⁴²⁾ *Полосин*, с. 213-214; *Петрей*, с. 167.

⁴³⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 195; Безднинский летописец, с. 208.

⁴⁴⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 35-36.

⁴⁵⁾ *Масса*, с. 32-33. [270]

⁴⁶⁾ SRP, t. 8, 174-175; *Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в. — ИА; 1940, т. III, с. 159-160 (перевод исправлен автором); *Скрынников*. Борьба, с. 49 (Р. Г. Скрынников говорит о письме Сапеги от 26 мая); *Шереметев*, с. 43.

⁴⁷⁾ О том, что к восставшим выезжал А. Щелкалов, пишет и Л. Сапега (SRP, t. 8, s. 175).

⁴⁸⁾ Безднинский летописец, с. 195-196; ПСРЛ, т. 14, с. 35; HRM, t II, p. 1; ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 1; *Карамзин*, т. X, прим. 16. По Р. Г. Скрынникову, Бельский захватил Кремль, а

земские бояре «попытались проникнуть» туда, в результате чего «у ворот произошла стычка» (*Скрынников. Борьба*, с. 49). Это не подтверждается источниками.

⁴⁹⁾ Б. Я. Вельский упомянут в разрядах в Нижнем Новгороде весной 1584 г. (Щ, л. 664; РК 1475—1598 гг., с. 349). См. грамоту, выданную Федором уже 9 апреля 1584 г. (ААЭ, т. 1, № 321).

⁵⁰⁾ Щ, л. 668об.-669; *Забелин И. Е.* Материалы для истории археологии и статистики города Москвы, ч. I. М., 1884, с. 1203; *Яковлева О. А.* К истории московских волнений 1584 г. — Записки Мордовского НИИ, т. 9. Саранск, 1947, с. 200.

⁵¹⁾ СГГД, ч. II, № 51; Безднинский летописец, с. 208; ср. ПСРЛ, т. 14, с. 35; ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 101 об.

Согласно чину венчания, коронация состоялась 30 июня 1584 г., по Одерборну — 28 июня (*Полосин*, с. 215), по Петрею — 31 июня (*Петрей*, с. 167), по московскому летописцу — на седьмой неделе пасхи (ПСРЛ, т. 34, с. 230). Подробно описал ее Горсей (*Горсей*, с. 109-115).

⁵²⁾ *Ключевский В. О.* Соч., т. 8. М., 1959, с. 52; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, с. 473 (И. И. Смирнов); *Тихомиров.* Государство, с. 62-64; *Черепнин Л. В.* Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. — Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964, с. 125-132; *Скрынников. Борьба*, с. 50-51; *Павленко*, с. 101-104; *Galperin G. B.* Evolution of Zemstvo Councils in Russia (On Form and Methods, of Government in the Reign of Ivan IV). — XIII-e congrés International des Sciences historiques. Varsovie, 1975, p. 202-203.

⁵³⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 35; *Павленко*, с. 101-104.

⁵⁴⁾ ПЛ, вып. 2, с. 263; ПСРЛ, т. 34, с. 230, 195.

⁵⁵⁾ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, с. 126.

⁵⁶⁾ *Горсей*, с. 110. См. также: *Севастьянова А. А.* «Записки о Московии» Джерома Горсея (К вопросу о принципах научного перевода терминов при издании источников). — АЕ за 1976 г. М., 1977, с. 71-78.

⁵⁷⁾ *Толстой*, № 52, с. 230; ЧОИДР, 1884, кн. 4, отд. IV, с. 103; *Флетчер*; *Петрей*, с. 167; *Полосин*, с. 214; Сб. РИО, т. 129, с. 361.

⁵⁸⁾ Позднейшие источники датируют коронацию Федора Вознесенем (28 мая). См.: ПСРЛ, т. 14, с. 35. В «Повести, како отомсти» (с. 241) и восходящих к ней указывается дата 1 мая. В позднейшей Латухинской книге обе даты слиты в одну — Вознесенье, 1 мая. В одной из разрядных книг говорится, что царь Федор «сел на Московском государстве» 7 мая (Щ; л. 666 об.).

⁵⁹⁾ СГКЭ, т. I, № 220; ср. грамоту 21 мая (ААЭ, т. 1, № 322); на это обратил внимание автора Ю. Н. Мельников; Сб. РИО, т. 38, с. 133.

⁶⁰⁾ HRM, t. II, № VIII, p. 7; *Соловьев*, кн. 4, с. 204; SRP, t. 18, s. 424; *Донесение*, с. 109.

В письме от 25 августа 1595 г. Жолкевский писал Сигизмунду III, что Баторий «привлекал к себе Москву с помощью Ивана Петровича Шуйского» (цит. по: Безднинский летописец, с. 198). [271]

⁶¹⁾ *Skrynnikov A.* Op. cit., S. 23; *Скрынников.* Борьба, с. 54.

⁶²⁾ SRP, t. 18, s. 421-423; *Zródła do dziejów polskich*, t. I. Wilno, 1843, s. 62-63.

⁶³⁾ *Петрей*, с. 169.

⁶⁴⁾ *Соловьев*, кн. 4, с. 208.

⁶⁵⁾ Б. П. Засекин последний раз упоминается в разрядах летом 1588 г. (РК 1559—1605 гг., с. 236), в Государевом разряде — в декабре 1586 г. (РК 1475—1598 гг., с. 360, 379).

⁶⁶⁾ РК 1559—1605 гг., с. 207, 210.

⁶⁷⁾ РК 1475—1598 гг., с. 360, 364-365, 486, 243; РК 1559—1605 гг., с. 217; Щ, л. 672об.-673; ср. л. 676 об. (декабрь); *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 1. СПб., 1895, № XIX, с. 63-67; *Альшиц*, с. 20.

Ф. М. Троекуров последний раз упоминается в разрядах в 1593/94 г. О И. М. Глинском см.: *Мордовина.* Князья, с. 330-331.

⁶⁸⁾ *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания. — ЗОР, вып. 38. М., 1977, с. 123.

⁶⁹⁾ *Флетчер*, с. 34, 65. В другом месте он пишет о Ф. И. Мстиславском, В. Ф. Скопине и И. М. Глинском, что они «более знатны родом, нежели замечательны по уму» (с. 42).

⁷⁰⁾ *Севастьянова*, с. 120; Боярские списки, ч. 1, с. 270; HRM, t. 1, № VIII, p. 7.

⁷¹⁾ ОАПП, ч. I, с. 259; *Флетчер*, с. 32-33.

⁷²⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 195; *Севастьянова*, с. 118-119.

⁷³⁾ ДАИ, т. I, с. 189-195; ЦГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 250; ф. 79, кн. 15, л. 631; ПСРЛ, т. 14, с. 36; *Поссевино*, с. 49.

Летом 1584 г. М. И. Головин находился на гдовском наместничестве (Сб. РИО, т. 129, с. 361, 367) и бежал в Литву, как установил Ю. Н. Мельников, около 28 декабря (ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 535; *Monumenta Poloniae vaticana*, t. 7. Srasoviae, 1914, p. 3; t. 2, p. 597). По мнению Р. Г. Скрынникова, правители, столкнувшись с быстрым истощением казны, «попытались возложить ответственность на главу Казенного приказа» (*Скрынников.* Борьба, с. 62). Это лишь догадка исследователя. Речь шла о борьбе за власть между различными придворными группами, а не об истощении казны. Насколько Головины стали «бесконтрольно хозяйничать в Казенном приказе», просто неизвестно.

⁷⁴⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 36. Отношения И. Ф. Мстиславского с Шуйскими, как показал Ю. Н. Мельников, были натянутыми. В 1579 г. И. Ф. Мстиславский местничал с кн. В. Ф. Скопиным-Шуйским (ГБЛ, ф. 79, собр. А. В. Горского, кн. 16, л. 59 об.), около 1589 г. кн. Ф. И. Мстиславский — с кн. В. И. Шуйским (*Лихачев.* Библиотека, Прил., с. 58).

Одновременно Шуйские местничали со сторонниками Годунова — князьями Т. Р. и Ф. М. Трубецкими и И. М. Глинским.

⁷⁵⁾ *Васенко*, с. 66; ЦГАДА, ф. 1201 (Соловецкого монастыря), оп. 1, д. 3, л. 8 об. О заточении И. Ф. Мстиславского и его сына см.: *Флетчер*, с. 33, 42, 44, 65. 21 февраля 1586 г. предписывалось говорить польскому послу, что И. Ф. Мстиславский «поехал молитца по монастырем» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 6 об.).

⁷⁶⁾ ГПБ, ф. IV, № 345, л. 67-68; РК 1475—1598 гг., с. 378, 391; *Скрынников*. Борьба, с. 54. О ссылке Воротынских см.: *Масса*, с. 44. Ср. *Мордовина*. Князья, с. 328-329.

⁷⁷⁾ *Горсей*, с. 114-115. По Петрею, Федор «дал свободу всем пленным и избавил подданных от больших тягостей, повинностей и податей» (*Петрей*, с. 167).

⁷⁸⁾ *Антилогов*, с. 44; ААЭ, т. 1, № 330, с. 391-398; № 331-[272]335; СГГД, ч. II, № 56, 57; ср. Двинскую таможенную грамоту от 19 марта 1589 г. (ААЭ, т. 1, № 338).

⁷⁹⁾ *Корецкий*. Закрепощение, с. 120-121.

⁸⁰⁾ СГГД, ч. I, № 202; *Петров В.* Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов. — Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 191-201.

⁸¹⁾ *Зимин*. Вотчина, с. 179; РИБ, т. 25. СПб., 1908, стлб. 103-105; *Чаев*, с. 152-156; Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. III. М., 1897, с. 228-229 (грамота Свяжску от 25 февраля 1586 г.).

⁸²⁾ Щ, л. 700 об. (в рукописи — 1 июля); ПРП, вып. IV, с. 372-373; Новгородские записные кабальные книги 100-104 и 111 годов (1591—1596 и 1602—1603 гг.), ч. 1. М.; Л., 1938, стлб. 84, 167-168 и др.; *Яковлев А. И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.; Л., 1943, с. 51, 53; *Кушева Е. Н.* К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. — ИЗ, 1945, кн. 15, с. 70-96.

⁸³⁾ *Корецкий*. Закрепощение, с. 195-206; *Панях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975, с. 106; ср.: *Панях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967, с. 88-97; ПРП, вып. IV, с. 372.

⁸⁴⁾ *Скрынников*. Борьба, с. 58; Безднинский летописец, с. 200-201; *Корецкий*. Закрепощение, с. 195.

⁸⁵⁾ РИБ, т. 22. СПб., 1904, стлб. 229-230 (21 ноября 1585 г.); *Корецкий*. Закрепощение, с. 116-117.

⁸⁶⁾ *Антилогов*, с. 44; *Лапто-Данилевский А. С.* Отрывки из дела о сборе земли, дров и денег на «емчюжное дело» с погостов Новгородских пятин XVI в. — ЛЗАК, вып. 11. СПб., 1903, с. 232-239.

⁸⁷⁾ ГПБ, ф. IV, № 263, л. 2, 9, 10 и др. См.: *Корецкий*. Закрепощение, с. 107-108; *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве. — ИСССР, 1977, № 5, с. 156.

⁸⁸⁾ *Флоря Б. Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.). — Средние века, вып. 36. М., 1973, с. 133; Сб. РИО, т. 38. СПб., 1884,

с. 176-178; ПСРЛ, т. 33, с. 146, 150. См.: *Новожилов Ю. К.* К вопросу об основании г. Архангельска. — УЗ Архангельского пед. ин-та, вып. 16. Архангельск. 1964, с. 176-203.

⁸⁹⁾ *Тихомиров.* Памятники XVI в., с. 94; *Буцинский П. Я.* Заселение Сибири. Харьков, 1894, с. 80; *Антилогов,* с. 309, 388; *Загорский В. П.* О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж, 1971, с. 80-90; АМГ, т. I, № 313.

⁹⁰⁾ РИБ, т. 37. Пг., 1923, стлб. 39; *Сперанский А. Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930, с. 38-39; Изборник, с. 187 (Конь Федоров); *Тихомиров.* Заметки, с. 83 (начало строительства Белого города — 1585/86 г.); ПСРЛ, т. 14, с. 37; т. 34, с. 195 (начало строительства — 1586/87 г.; 1583/84 г.); История Москвы, т. I. М., 1952, с. 226; *Рабинович М. Г.* Облик Москвы в XIII—XVI вв. — ВИ, 1977, № 11, с. 140-141; *Антилогов,* с. 44. По одному летописцу, строительство Белого города, начатое в 1585/86 г., продолжалось семь лет, по другому — четыре, с 1584/85 по 1588/89 г. (*Тихомиров.* Заметки, с. 155; *Тихомиров.* Памятники, с. 229).

⁹¹⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 196 (под 1586/87 г.); *Дмитриевский,* с. 93-94.

⁹²⁾ По «Новому летописцу», «Царь-пушкой» завладели восставшие в 1584 г. (ПСРЛ, т. 14, с. 35). Это, очевидно, ошибка. Возможно, речь шла просто о какой-то большой пушке (см. *Безднинский летописец,* с. 208).

⁹³⁾ НРМ, т. II, № III, р. 2-3; ПСРЛ, т. 14, с. 34; РК 1559—1605 гг., с. 203-204, 213-215; Щ, л. 669 об.; *Тихомиров.* Памятники, с. 228; *Васенко,* с. 66. [273]

⁹⁴⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 36. Воеводы в Царев город назначены были 11 октября 1684 г. (Щ, л. 675). См. также: ДРВ, ч. XIV, с. 460, ср. с. 440; *Тихомиров.* Памятники XVI в., с. 94; *Сапунов К. Н.* О дате основания города Йошкар-Ола. ВИ. 1965, № 1. с. 211-214. О Санчурсе см.: РК 1559—1605 гг., с. 211. О Самара и Уфе см.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI—XVII вв. Саратов, 1923, с. 131; *Первяткович Г.* Поволжье в XV—XVI вв. М., 1877, с. 318-314. 21 июля 1584 г. в Москву приходили ногайцы для торговли «з жеребят и и с ыным товаром» (РК 1559—1605 гг., с. 206).

⁹⁵⁾ *Безднинский летописец,* с. 208; *Тихомиров.* Памятники, с. 229; РК 1559—1605 гг., с. 202.

Крымцы приходили «на городи: на Белев, на Козельск, на Воротынеск, на Мещеек, — и белевские и козельские и пороты некие места пожгли и вывоевали и полону безчислено много взяли». М. А. Безнин «сошел татар на Оке-реке от Колуги восемь верст под слободою Монастырскою. И татарове, слышавши... и учели [через] Оку реку возитца». Тогда Безнин разбил их «наголову, и языки поймали многие, и полон весь от полонит, а тотар было 54 000» (Щ, л. 670об.-671). В «Новом летописце» рассказ о походе помещен среди событий 1594—1595 гг. (ПСРЛ, т. 14, с. 48).

⁹⁶⁾ ЦГАДА, ф. 79, кн. 2, л. 386, 429-430; *Новосельский,* с. 432-433; РК 1475—1598 гг., с. 353; Щ, л. 685-685 об., 691 об.

⁹⁷⁾ ГИМ, Синод, собр., № 963, л. 96; *Безднинский летописец,* с. 208; ОАПП, ч. I, с. 336; *Кушева.* Народы Кавказа, с. 260-263; ПСРЛ, т. 14, с. 37. О Мурате см. также: ПСРЛ, т. 34, с. 233; *Тихомиров.* Памятники, с. 229.

⁹⁸⁾ *Карнов А. Б.* Уральцы, ч. I. Уральск, 1911, с. 51; СГГД, ч. II, № 52, с. 86-87.

⁹⁹⁾ *Смирнов*, с. 137; *Кушева*. Народы Кавказа, с. 267. Ибрагим чеуш уехал 5 октября 1586 г.

¹⁰⁰⁾ ЧОИДР, 1884, кн. 4, с. 104; СГГД, ч. V, № 141; Сб. РИО, т. 38, с. 141-144. Подробнее см.: *Любименко*, с. 49-50; *Willan T. S.* The early history of the Russia company. 1553—1603, p. 166-167.

¹⁰¹⁾ Сб. РИО, т. 38, с. 146-149, 151-153, 162-168, 203; Толстой, № 55, с. 246-249; № 57, с. 257-258.

¹⁰²⁾ *Жордания*, с. 6, 44-51; Сб. РИО, т. 38, с. 97, 113, 118, 120 и др.

¹⁰³⁾ Сб. РИО, т. 38, с. 237; *Жордания*, с. 66-77, 161; *Kalmykov A. A.* Sixteenth-Century Russian envog to France. — *Slavic Review*, 1964, v. 23, № 4, p. 702-703; ОАПП, ч. I, с. 181; Записка о путешествии в Россию Жана Соважа дьепского в 1586 г. — РВ, 1841, т. I, № 1, с. 223-230.

¹⁰⁴⁾ *Кордт*, с. XXXIV-XXXV. Примечательна судьба одного из нидерландцев — Брюнеля. Этот приказчик одного из нидерландских купцов в молодости посетил Колу, затем отправился в Холмогоры для изучения русского языка. По обвинению в шпионаже угодил в тюрьму, но благодаря заступничеству Строгановых около 1570 г. его освободили. По поручению Строгановых он несколько раз (до 1577 г.) ездил с товаром через Колу в Нидерланды (*Кордт*. с. XXX-XXXIII).

¹⁰⁵⁾ *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. — РИБ, т. 16. СПб., 1897, стлб. 201-204 (№ 49), 217-226 (№ 55); *Кордт*, с. LXIV-LXXXIV.

¹⁰⁶⁾ *Успенский Ф. И.* Сношения Рима с Москвой. — ЖМНП, 1885, № 8, с. 312; письмо Болоньетти от 23 августа 1684 г. (HRM, т. II, № VII, p. 6).

Баторий поставил вопрос о начале войны с Россией в мае 1584 г. [274] в Гродно (*Флоря*. Отношения, с. 122; *Natanson-Leski J.* Епока Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej, S. 154-155). Поссевино в марте 1586 г. писал, что «многие бояре» не могут терпеть правления «родственника царя» (т. е. Бориса) и «потому просят, чтобы король как можно скорее вступил со своим войском в Московию» (*Флоря*. Отношения, с. 134).

¹⁰⁷⁾ *Соловьев*, кн. 4, с. 207; *Успенский Ф.* Сношения Рима с Москвой, с. 316.

¹⁰⁸⁾ Сб. РИО, т. 129, с. 393-544; *Флоря*. Отношения, с. 131-133; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, с. 5-8.

¹⁰⁹⁾ ОАПП, ч. I, с. 157, 190-191; *Бантыш*. Обзор, ч. 1, с. 212; HRM, т. II, № IV, XI, p. 3-4, 8-10.

¹¹⁰⁾ *Снегирев И. М.* Новоспасский монастырь в Москве. М., 1863, Прил., XI. Флетчер передает ложный слух о смерти его от яда (Флетчер, с. 33).

¹¹¹⁾ Сказание Палицына, с. 104; ср. Сказание о Филарете (ДАИ, т. II, № 76, с. 194); РИБ, т. 13. СПб., 1903, стлб. 567; *Савва*, с. 228.

Назначение Александра кравчим состоялось, по-видимому, в апреле, когда его предшественник на должности кравчего Д. И. Шуйский стал боярином; в феврале 1586 г. он еще кравчий; судя по Беляевскому списку, исполнял эту должность шесть лет после

Бориса, который стал боярином к осени 1580 г. (*Савва*, с. 228; *Зимин*. О составе, с. 200; Щ, л. 696; РК 1475—1598 гг., с. 360).

¹¹²⁾ *Севастьянова*, с. 119; *Савва*, с. 228.

¹¹³⁾ Дату волнений установил С. В. Бахрушин, обративший внимание на закупку 14 мая 1586 г. старцами кремлевского Чудова монастыря свинца для пуль, когда они сидели «от мужиков в осаде» (*Бахрушин С. В.* Научные труды, т. I. М., 1952, с. 215).

¹¹⁴⁾ Повесть, како отомсти, с. 241-243; РИБ, т. 13, стлб. 3-6, 147-150, 715-716 (под 1586/87 г. сообщается о ссылке Шуйских и казни торговых людей).

¹¹⁵⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 36-37.

¹¹⁶⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 195, 196.

¹¹⁷⁾ ПЛ, вып. 2, с. 263-264; НЛ, с. 449.

¹¹⁸⁾ РИБ, т. 13, стлб. 716-717. Поздний вариант см.: *Карамзин*, т. X, прим. 148 (Морозовский летописец).

¹¹⁹⁾ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 142-143, 259-260; кн. 18, л. 123- 123 об.; *Голубцов*, с. 59; *Скрынников*. Борьба, с. 55; *Карамзин*, т. X, прим. 148. Послы С. В. Годунов и Ф. М. Троекуров выехали из Москвы с инструкциями 11 июня 1587 г. Следовательно, опала Шуйских произошла до этого.

¹²⁰⁾ РИБ, т. 13, стлб. 1279-1280; ПСРЛ, т. 31, с. 143.

¹²¹⁾ *Петрей*, с. 169; *Флоря*. Отношения, с. 133; *Донесение*, с. 109; *Флетчер*, с. 32-33.

А. П. Куракин в 1585/86 г. был воеводой в Казани, в 1586/87 г. — в Свияжске, после чего исчез из разрядов до конца 90-х годов (РК 1475—1598 гг., с. 378-390).

¹²²⁾ Цит. по: *Безднинский летописец*, с. 202.

¹²³⁾ *Севастьянова*, с. 119.

¹²⁴⁾ РК 1475—1598 гг., с. 368-369; РК 1559—1605 гг., с. 216, 218; Щ, л. 691 об.

Царь Федор с Ириной в мае 1586 г. находились в подмосковном селе Тонинском (Безднинский летописец, с. 199). Возможно, именно в это время и была составлена «Выпись о втором браке» Василия III, содержащая рассказ о разводе великого князя с Соломонией (*Зимин А. А.* [275] Выпись о втором браке Василия III. — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 132-148).

¹²⁵⁾ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 6; НЛ, с. 449.

К 20 декабря 1586 г. митрополитом стал Иона (*Сметанина С. И.* Записи XVI—XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова. — АЕ за 1963 г. М., 1964, с. 365). 2 февраля 1587 г. митрополитом был уже Иов (АФЗХ, ч. III, № 12, с. 31).

¹²⁶⁾ РК 1559—1605 гг., с. 216.

¹²⁷⁾ Акты Уварова, № 68, с. 76-77 (грамота 22 мая 1587 г.); ГПБ, Кврилло-Белоз. собр., № 78/1317, л. 69-69 об.; *Скрынников*. Борис, с. 187. Через 12 дней (после 16 ноября) вклад на помин души И. П. Шуйского сделал кн. И. С. Туренин. По «Сказанию о Гришке Отрепьеве», И. П. Шуйский умер 10 апреля 1589 г. (РИБ, т. 13, стлб. 716), а по Флетчеру — умер «в прошлом году» (*Флетчер*, с. 33).

¹²⁸⁾ Щ, л. 701 об.; РК 1475—1598 гг., с. 359, 377; РК 1559—1605 гг., с. 221. В июне и 15 сентября 1586 г. в Смоленске упоминались наместники кн. В. И. Шуйский и Б. Ю. Сабуров, а 5 октября — один Сабуров (*Шпаков*, Прил., ч. 2, с. 42-43).

¹²⁹⁾ П. И. Татев последний раз упоминается в разрядах в 1585/86 г. (РК 1475—1598 гг., с. 364). В июне 1586 г. он местничал с кн. В. Бахтеяровым-Ростовским (Щ, л. 669 об.). Известно его местническое дело с кн. Ф. Троекуровым от 8 июля 1583 г. (РК 1559—1605 гг., с. 196). По другим данным, оно происходило в 1586 г. (*Лихачев*. Библиотека, Прил., с. 58). Думаю, что это ошибка. В службах И. А., Б. П. и Ф. А. Татевых в 1587—1588 гг. был перерыв.

¹³⁰⁾ В 1584/85 г. И. Ф. Крюк-Колычев наместничал в Заволочье, а в 1585/86 г. был «отпущен к Москве» (РК 1475—1598 гг., с. 358, 377).

¹³¹⁾ РК 1559—1605 гг., с. 207; РК 1475—1598 гг., с. 357, 376; *Барсуков А. П.* Род Шереметевых, кн. II. СПб., 1882, с. 8, 14-15; кн. III. СПб., 1883, с. 296; АФЗХ, ч. II, № 387, с. 433-434; 2 июня царь Федор заменил этот вклад селом Веина Козельского у. (АФЗХ, ч. II, № 388).

¹³²⁾ *Зимин*. Вотчина, с. 157-159; РК 1475—1598 гг., с. 392; *Вселовский С. В.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в Сыскных приказах. М., 1907, № V; *Смирнов П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М.; Л., 1947, с. 331.

¹³³⁾ В 1594/95 г. И. М. Бутурлину вернули думное звание и переместили в Астрахань (РК 1475—1598 гг., с. 493). *Скрынников*. Борьба, с. 51.

¹³⁴⁾ ЦГАДА, ф. 210 (Разрядного приказа), стлб. № 44, л. 44; *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. I, с. 216; *Введенский*, с. 51.

¹³⁵⁾ РК 1559—1605 гг., с. 215, 219, 225-227; Щ, л. 705 об. Г. А. Куракин упоминается в разрядах до 1590/91 г. (РК 1475—1598 гг., с. 457); П. С. Лобанов — до 27 октября 1593 г. (*Корецкий*. Дела, с. 322). Назначение Куракина, по Ю. Н. Мельникову, было номинальным, ибо он уже в 1588 г., по словам его внука, был настолько «стар и слеп», что не мог послать даже памяти (ЦГАДА, ф. 210, д. 1, стлб. 1, л. 20 об.).

¹³⁶⁾ СГКЭ, т. II, № 205, стлб. 658.

¹³⁷⁾ ПРИ, вып. V, с. 434-435; *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. М., 1911, с. 70-71.

¹³⁸⁾ Сб. РИО, т. 38, с. 168; *Севастьянова*, с. 118-120.

¹³⁹⁾ *Цветаев Д.* Мария Владимировна и Магнус Датский. — ЖМНП, 1878, № 3, с. 83-85; *Мятлев Н.* Родословные заметки. — ЛИРО, 1911, вып. 1-2, с. 16. [276]

7 августа 1588 г. Марии была выдана грамота на владения (ААЭ, т. 1, № 340, с. 412-413). Ее дочь умерла в 1589 г.

¹⁴⁰⁾ РИО, т. 38, с. 169-173, 176-179; *Толстой*, № 58, с. 277-284; *Любименко*, с. 49-51.

¹⁴¹⁾ Сеадат-Гирей умер в 1587 г.

¹⁴²⁾ *Кушева.* Народы Кавказа, с. 260-265; РК 1559—1605 гг., с. 215; ПСРЛ, т. 14, с. 37; ОАПП, ч. I, с. 282; ЦГАДА, ф. 123, кн. 16, л. 79-81, 90 об.; *Новосельский*, с. 35, 433. «На берег» 5 мая 1586 г. отправлены были воеводы Б. К. Черкасский и другие «для приходу крымских людей» (РК 1559—1605 гг., с. 218).

¹⁴³⁾ *Флоря В. Н.* Антитурецкая коалиция и «бескоролье» 1587 г в Речи Посполитой. — Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 259-260; *Кушева.* Народы Кавказа, с. 267; ОАПП, ч. I, с. 287; История народов Узбекистана, т. 2. Ташкент, 1947, с. 52-58.

¹⁴⁴⁾ *Белокуров*, с. 10, 12.

¹⁴⁵⁾ *Шпаков*, Прил., ч. 1, с. 3-37, 39; ПСРЛ, т. 14, с. 38; Безднинский летописец, с. 208.

¹⁴⁶⁾ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 124об.-404 об.; *Бантыш.* Обзор, ч. 3, с. 107-108; *Флоря.* Отношения, с. 135-136; РК 1475—1598 гг., с. 378-379.

¹⁴⁷⁾ *Floria V.* Rosyjska kandydatura na tron polski w schyłku XVI wieku. — Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1971, t. XVI, s. 87; *Флоря В. Н.* Антитурецкая коалиция..., с. 254-277; *Флоря.* Отношения и балтийский вопрос, с. 18-19; *Флоря.* Отношения, с. 141-160.

¹⁴⁸⁾ ПДС, т. I, стлб. 965, 991. Индрик Гойгель прибыл от брата Рудольфа II 9 апреля 1587 г.

¹⁴⁹⁾ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 1-350; *Бантыш.* Обзор, ч. 3, с. 108; *Флоря.* Отношения, с. 146-160; Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587—1588 гг. — Известия Таврической ученой Архивной комиссии, т. 14. Симферополь, 1891, с. 61.

¹⁵⁰⁾ РК 1559—1605 гг., с. 222-223; ЦГАДА, ф. 123, кн. 17, л. 33-36; ф. 79, кн. 17, л. 329; *Новосельский*, с. 433.

¹⁵¹⁾ *Бушев*, с. 57-73; *Кушева.* Народы Кавказа, с. 274; *Новосельцев*, с. 452-453.

В Астрахань Васильчиков приехал с Анди-беком в июне 1588 г., а вернулся туда в августе следующего года (Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией, т. 1. СПб., 1890, с. 6, 7, 12, 104-105). О посольстве Г. Б. Васильчикова в Иран подробнее см.: *Бушев*, с. 73-120.

¹⁵²⁾ *Кушева.* Народы Кавказа, с. 271; *Белокуров*, с. 47-48; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I. М., 1957, № 28, с. 50-51.

¹⁵³⁾ *Кушева.* Народы Кавказа, с. 269; *Тихомиров.* Памятники, с. 229; ПСРЛ, т. 34, с. 196; РК 1559—1605 гг., с. 233.

- ¹⁵⁴⁾ Белокуров, с. 32, 41, 53-62; РК 1559—1605 гг., с. 242.
- ¹⁵⁵⁾ ОАПП, ч. I, с. 181 (1586/87 г.); *Форстен. Акты*, с. 193-194; *Иордания*, с. 87-93.
- ¹⁵⁶⁾ Сб. РИО, т. 38, с. 179-185, 197-246; Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера. — ВМОИДР, 1850, кн. 8, с. 1-16; *Толстой*, № 61, с. 291-294; № 62, с. 296-297.
- ¹⁵⁷⁾ *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия, т. III, вып. 2. Пг., 1915, с. 315, 340; *Бантыш. Обзор*, ч. 1, с. 13; *Флоря. Отношения и балтийский вопрос*, с. 35.
- ¹⁵⁸⁾ О предварительных переговорах в Константинополе по поводу возможного приезда в Москву иерусалимского патриарха и об основании [277] Московской патриархии сообщил грек Николай, прибывший в Москву в июне 1587 г. В январе 1588 г. царь принимал святогорского митрополита Феофана и сербского епископа Григория (*Шпаков. Прил.*, ч. 1, с. 45-46).
- ¹⁵⁹⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 38; т. 34, с. 196, 233-234; ПЛ, вып. 2, с. 264; СГГД, ч. II, № 58, 59; *Тихомиров. Памятники*, с. 299; *Изборник*, с. 187; РК 1559—1605 гг., с. 235-236; *Севастьянова*, с. 116; *Флетчер*, с. 90, 93.
- ¹⁶⁰⁾ *Флоря. Отношения и балтийский вопрос*, с. 35-37.
- ¹⁶¹⁾ ПДС, т. I, стлб. 1138-1211; РК 1559—1605 гг., с. 252-253; *Донесение*, с. 95-122; *Штендман Г. Ф. Отзыв...*, с. 115-118; *Кордт*, с. LXXXV-LXXXVII.
- ¹⁶²⁾ *Виленская Э. С.* К истории англо-русских отношений в XVI в. — ИЗ, 1949, т. 29, с. 131.
- ¹⁶³⁾ *Донесение*, с. 103; *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией*, т. I. СПб., 1890, № 149, с. 6-8; *Бушев*, с. 121-122.
- ¹⁶⁴⁾ Сборник князя Хилкова, № 60, с. 161; *Флетчер*, с. 11-12, 47-48; *Панков А. В.* К истории торговли Средней Азии с Россией. XVI—XVII вв. Ташкент, 1927, с. 34-37; *Шпаковский А. Я.* Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв. — Сб. студ. работ «Историко-этнографического кружка ун-та св. Владимира», вып. VII. Киев, 1915; *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI—XVII вв., с. 138-148; *Перетяткович Г.* Поволжье в XV—XVI вв., с. 317; *Тихомиров. Памятники XVI в.*, с. 94; РК 1559—1605 гг., с. 250; *Мордовина, Станиславский.* Боярские списки, с. 105.
- ¹⁶⁵⁾ РК 1559—1605 гг., с. 252.
- ¹⁶⁶⁾ Белокуров, с. 61-62, 84-85; РК 1559—1605 гг., с. 250; *Кушева.* Народы Кавказа, с. 277.
- ¹⁶⁷⁾ *Тихомиров. Памятники*, с. 229-230; ПСРЛ, т. 14, с. 44; Сб. ОРЯС, т. LI. СПб., 1890, Приложение к протоколам, с. XIV-XIX; *Никодим.* Преп. Трифон, просветитель лопарей. СПб., 1899, с. 34-35 (память кн. И. Туренину 1594 г.); *Андреев А. И.* О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. — РИЖ, 1920, кн. 6, с. 141-142; *Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией*, т. I, с. 90-91; *Форстен. Акты*, вып. 2, № 15, с. 21-24.
- ¹⁶⁸⁾ Белокуров, с. 66-68; РК 1475—1598 гг., с. 420-424; ПСРЛ, т. 14, с. 38-39; т. 34, с. 196; *Тихомиров. Памятники*, с. 230-231; *Изборник*, с. 187; ОАПП, ч. I, с. 297.

¹⁶⁹⁾ Щербатов, т. VI, ч. II, с. 227-237; Флоря. Отношения и балтийский вопрос, с. 38; Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. — Славяне и Россия. М., 1972, с. 71-81.

¹⁷⁰⁾ Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией, т. I, с. 124-183; Новосельцев, с. 454-455; Кушева. Народы Кавказа, с. 273, 275, 278, 288; Смирнов, с. 140; Бушев, с. 122-144; ПСРЛ, т. 14, с. 39-40; Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Где стояли Сунженские городки? — ВИ, 1972, № 7, с. 205-208; они же. Один из северокавказских союзников Руси. — ВИ, 1971, № 10, с. 215-219.

¹⁷¹⁾ Тихомиров. Памятники XVI в., с. 94; Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI—XVII вв., с. 142; АФЗХ, ч. III, № 64, с. 108-112; Димитриев. Города, с. 169-175; Тихомиров. Государство, с. 115; Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I. М.; Л., 1937, Прил. № 27, с. 377-378; Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, с. 94.

По В. И. Сергееву, Лозьва построена в 1589 г. (Сергеев В. И. Правительственная [278] политика в Сибири накануне и в период основания городов. — Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 176).

¹⁷²⁾ Белокуров, с. 223-226, 252-259; Кушева. Народы Кавказа, с. 278. В. Т. Плещеев вернулся в декабре 1592 г.

¹⁷³⁾ Толстой, № 71, с. 369-371 (1 апреля); № 74, с. 390-396 (июнь 1591 г.); Севастьянова, с. 72-73.

Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов

Духовная драма царя-убийцы Бориса Годунова, мастерски нарисованная Н. М. Карамзиным, вдохновила гения русской культуры А. С. Пушкина на создание величайшей национальной трагедии. Драгоценной жемчужиной мировой оперной классики стала опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов», в основу либретто которой положена пушкинская трагедия. Каковы же реальные события, связанные со смертью царевича Дмитрия, и какое отношение к ним имел Годунов?

15 мая 1591 г. в удельном городе Угличе раздался гулкий звон набатного колокола: на княжеском дворе бился в предсмертных судорогах младший брат царя Федора восьмилетний сын Марии Нагой Дмитрий — фактический наследник русского престола. Стоустая молва сразу же посчитала, что царевич был злодейски убит, и назвала злоумышленников, которыми якобы были сын присланного из Москвы по служебным делам дьяка Михаила Битяговского, его племянник Никита Качалов и сын мамки царевича Осип Волохов. Все они вместе с самим дьяком и еще несколькими посадскими людьми и слугами были убиты разъяренной толпой. Вскоре началось следствие, которое проводили боярин В. И. Шуйский, окольный [153] А. П. Клешнин и дьяк Е. Вылузгин. В результате деятельности комиссии было составлено Следственное дело о событиях 15 мая, которое доложено было 2 июня царю Федору и Освященному собору. В нем утверждалось, что «небрежением» Нагих царевич в припадке падучей болезнью закололся ножом, которым играл «в тычку» с ребятами. По распоряжению правительства Нагих разослали по тюрьмам. Мария была насильственно пострижена в монастыре на Выксе. Сотни угличан — участников волнения были сосланы в Сибирь.¹⁾

Летом 1606 г. в обстановке начала Крестьянской войны, на знамени которой было написано имя царевича Дмитрия, чудом «спасшегося» от убийц, правительство царя

Василия Шуйского канонизирует «невинно убиенного отрока», тем самым перечеркивая выводы Следственной комиссии 1591 г. С тех пор в публицистике, а позднее и в исторической литературе возникли и существуют две версии о смерти Дмитрия: о его убийстве и о «самозаклании».²⁾

Что же говорят источники: Следственное дело, памятники публицистики, сказания иностранцев о России? Следственное дело, изданное в 1913 г. фототипически В. К. Клейном, состоит в настоящее время из 63 отдельных листков (склеек) разной величины. Когда-то они образовывали один свиток, но уже в XVIII в. он был разрезан на куски, которые переплели в папку, нарушив первоначальный порядок их размещения. В. К. Клейн проделал скрупулезную работу как по восстановлению первоначального порядка расположения листков, так и по выяснению палеографических особенностей текста и установил, что ряд документов в составе Следственного дела дошел до нас в подлиннике. Это: 1) челобитная вдовы Михаила Битяговского, поданная 21 мая 1591 г. членам комиссии (склейки LII-LIV {Здесь и далее нумерация склеек дается по В. К. Клейну});³⁾ 2) челобитная Русина Ракова, поданная митрополиту крутицкому Геласию в Угличе (LVI-LVIII), куда он приехал 19 мая на погребение царевича, состоявшееся 22 мая;⁴⁾ 3) челобитная угличских рассыльщиков, поданная комиссии 20 мая (XLVII-XLVIII); 4) речи губного старосты И. Муранова, писанные дьячком В. Фатеевым (XXVII). Остальные материалы помещены в списках, сделанных восемью разными почерками. Если учитывать палеографические наблюдения В. К. Клейна, то [154] получается, что весь текст Следственного дела (начиная со склейки LII) представляет собой позднейшее дополнение к основному тексту памятника. Если считать, что челобитная вдовы Битяговского могла быть приклеена к столпу в конце материалов розыска, то, значит, далее (со склейки LV) идут материалы, связанные со слушанием дела Освященным собором 2 июня 1591 г.

Итак, основная часть материалов Следственного дела дошла до нас в виде белой копии. Это ставит перед исследователем трудный вопрос: ограничились ли составители белой копии простой перепиской имевшихся в их распоряжении документов, или же они произвели из них некую выборку и, возможно, подвергли их редактированию? Имеется еще и та трудность, что текст Следственного дела сохранился не полностью: начала дела не было уже в 1626 г.⁵⁾ Если следовать реконструкции порядка размещения материала в Следственном деле, предпринятой В. К. Клейном, то оно начинается словами: «Михаилу Нагово разговаривати...», относящимися к тексту копии челобитной неизвестного лица. Клейн убедительно предположил, что речь должна идти об угличском городском приказчике⁶⁾ Р. Ракове.⁷⁾ По его мнению, первую челобитную Раков подал комиссии Шуйского еще во время ее следования в Углич, т. е. она была как бы «инициативным документом» дела. Следствие началось, как он полагал, с вопроса: «Которым обычаем царевича Дмитрия не стало?» Затем расспрашивались Михаил Нагой и очевидцы события.⁸⁾

С первой частью построения В. К. Клейна можно согласиться. Русин Раков, бывший во время событий в Угличе послушным исполнителем воли Нагих, как только узнал о приближении комиссии Шуйского к Угличу, мог решить «выдать их с головой», чтобы тем самым спасти свою жизнь. Доподлинно известно, что по Переславской и Сулоцкой дорогам посадские люди выезжали за 5-6 км от Углича «по три дни» (с субботы — воскресенья и до вторника, когда приехала комиссия) «для приезжих людей с Москвы». Им велел «для вестей ездити» М. Нагой. После этих поездок они вместе с Раковым отвели лошадей на двор М. Битяговского (склейка XLIII).

Каков был «зачин» Следственного дела (если не считать таковым только челобитную Ракова), все же остается неясным. Находились ли в нем, как думал Клейн, извещение из

Углича, которое привез гонец, сообщение об организации Следственной комиссии и т. д., сказать [155] трудно. Нет никаких данных, позволяющих утверждать, что в дело были внесены сведения о встрече комиссии Шуйского с угличанами на Сулоцкой и Переславской дорогах и челобитные царицы Марии и Михаила Нагого.⁹⁾ Эти догадки Клейна не подкреплены текстом самого дела. Что входило в начальную часть памятника, с уверенностью сказать нельзя. Перейдем поэтому к анализу содержания Следственного дела. Чтобы разобраться в составе его материалов, напомним ход следствия.

После смерти царевича 15 мая весть об этом могла достичь столицы 16 мая. Оттуда сразу же был отправлен пристав Темир Засецкий, который приехал в Углич 18 мая, а вслед за ним 19 мая прибыла и комиссия Шуйского с митрополитом Геласием. Началось следствие. Оно закончилось к воскресенью 30 мая, когда комиссия выехала в Москву. 2 июня состоялся доклад Освященному собору. Возможно, накануне результаты следствия были сообщены Годунову. И. И. Полосин полагает, что комиссия работала в Угличе шесть — девять дней, за это время могла допросить не менее 300 человек и что в таком случае в деле, где помещено всего около 140 допросов, отсутствуют примерно 200 допросов. Мне эти выкладки кажутся субъективными. Будем придерживаться фактов. Именно они дают ту сумму показаний, которые и подлежат анализу.

И. И. Полосин считает, что комиссия Шуйского занималась расследованием трех дел: о смерти Дмитрия, об измене Нагих и о волнениях в Угличе. По его мнению, первое из них дошло «как законченное архивное дело, должно быть в составе личного государева архива»; его начало «было прямо опасно для Лжедмитрия и Нагих в 1605 г. » и, возможно, тогда же было уничтожено; дело об измене Нагих «изъяли из архива, надо думать, сами Нагие в 1605 г. и, должно быть, они же его и уничтожили»; дело о волнениях в Угличе тоже погибло или еще не найдено.¹⁰⁾

Представляется, что майские события в Угличе рассматривались в ходе следствия в комплексе, и никаких самостоятельных дел о Нагих и о волнениях посадских людей вообще не существовало. По вопросу об обстоятельствах смерти Дмитрия комиссия Шуйского положила в основу следствия показания очевидцев: рассказ главной свидетельницы — мамки царевича Василисы Волоховой, а также краткие свидетельства кормилицы Орины Тучковой, постельницы Марии Колобовой и четырех ребятишек [156] («жильцов»), которые якобы играли с Дмитрием в «тычку» в момент его гибели.

Волохова показала следующее (XIV): Дмитрий болел падучим недугом;¹¹⁾ припадки с ним случались и ранее; так, в «великий пост» (т. е. в начале апреля) он «объел» руки у дочери Андрея Нагого; снова он разболелся 12 мая; как только царевичу полегчало, его мать 15 мая после обедни разрешила ему погулять на заднем дворе дворца под присмотром свидетельницы, кормилицы и постельницы;¹²⁾ там он играл с «жильцами» Петрушкой Колобовым (сыном постельницы), Баженком Тучковым (сыном кормилицы), Ивашкой Красенским и Гришей Козловским (XIII, XVI). Об игре мальчиков с царевичем Волохова не говорила, но это сведение есть в показаниях кормилицы, постельницы и самих «жильцов» (XVI, XVII).¹³⁾ Далее Василиса поведала, что «в болезни в черной» царевич «поколоса ножом¹⁴⁾ и царица Марья збежала на двор» и начала ее бить поленом по голове. Согласно показанию А. А. Нагого, царица прибежала, когда люди закричали во дворе (XVIII). Охваченная отчаянием, она стала «приговаривать, что будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского да Микита Качалов царевича Дмитрея зарезали».

Раздался звон колокола, после чего на двор прибежали «многие люди посадские ти всякие люди», в их числе и Михаил Битяговский, затеявший спор с посадскими. Тогда царица и

Михаил Нагой велели убить Битяговского, его сына Данилу, Никиту Качалова и Данилу Третьякова. Царица «говорила миру: то-де душегубцы царевичю». Осип Волохов в то время находился «у себе». Как только он услышал «шум... великой», сразу побежал к Михаилу Битяговскому. Здесь его посадские люди схватили и привели вместе с матерью и сестрами к царице. Мария Нагая и его назвала убийцей царевича. Осип был немедленно убит. Такова версия событий, изложенная в показаниях Волоховой. Она варьировалась в ходе следствия с небольшими дополнениями и изменениями.

Игравшие с царевичем ребяташки, опрошенные комиссией, ограничились, судя по Следственному делу, кратким совместным ответом: «Играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь, падучей недуг, и набросился на нож». Отвечая на вопрос: «Хто в те поры за царевичем были?» — они сообщили, что на дворе с царевичем были «только они, четыре [157] человеки жилцов, да кормилица, да постельница» (XVI). Но если «жилцы» не упомянули о Василисе, то они могли «забыть» и о присутствии других лиц. И. И. Полосин обратил внимание на то, что показания ребяташек дошли до нас в пересказе. Например, Петрушка Колобов никак не мог сказать о своей матери такие слова: «... за царевичем была... постельница... Самойлова жена Колобова Марья... »

Немногословны и показания кормилицы Орины и постельницы Марьи. Обе они сказали только, что у царевича был «нож в руках и он ножом покололся» (XVII), а кормилица добавила, что царевич скончался у нее на руках, и сокрушалась о том, что его «не уберегла». Позднее, после решения Освященного собора, кормилицу и ее мужа по неизвестной причине затребовали в Москву, причем велено было проследить, «чтоб з дороги не утекли и дурна над собою не учили» (LXII). Согласно И. И. Полосину, «жилцы», постельница и кормилица засвидетельствовали, что на заднем дворе с царевичем никого, кроме них да Волоховой, не было. Это якобы подтвердил и С. Юдин.¹⁵⁾ Однако постельница и кормилица говорили, что царевич играл с «жилцы», и только. Как и «жилцы», о Волоховой они тоже не упоминали.

Если попытаться оценить доказательную силу свидетельств очевидцев о смерти Дмитрия, то можно прийти к выводу, что она мала. «Жилцы», кормилица и постельница ограничились односложными формальными ответами. Наиболее пространно говорила Василиса Волохова. Но ведь именно ее сына и убили как одного из предполагаемых убийц царевича. Если действительно произошло убийство, то Василиса отнюдь не была заинтересована в установлении истины. Да и всем остальным очевидцам, находившимся на заднем дворе, грозили бы тяжелейшие последствия, если бы было установлено, что убийство совершилось при них, а они ничего не сделали для его предотвращения. Матери двух «жилцов» (кормилица и постельница) должны были понимать, что за такую вину их детям грозит неминуемая смерть. Таким образом, показания очевидцев отнюдь не беспристрастны и не могут приниматься с полным доверием.

Городовой приказчик Раков добавил к сообщениям очевидцев несколько фактов о том, как развивались события после смерти царевича. Оказывается, после ссоры с посадскими людьми на дворе дьяк Михаил Битяговский [158] с Никитой Качаловым побежали в Брусняную избу. Именно там их нашли посадские люди, выволокли наружу и убили. Данилу Битяговского и Данилу Третьякова обнаружили в Дьячей (Разрядной) избе, где по распоряжению Михаила Нагого их также убили. Убито было еще несколько человек (I).¹⁶⁾

Вечером во вторник 18 мая в Углич приехал пристав Темир Засецкий. Согласно показаниям Ракова, Григория Нагого и «человека» Михаила Нагого Бориски, Михаил Нагой велел Русину собрать ножи, обмазать их куриной кровью и положить на тела

убитых людей, «что-де будто се те люди царевича Дмитрея зарезали» (III, IX-X). Михаил Нагой прямо говорил, что «царевича заре[зали] Осип Волохов, да Микита Качалов, да Данило Битяговской» (V). Правда, остается неясным, на каком основании он обвинял в убийстве названных лиц. А. А. Нагой сообщал об убийстве царевича в более неопределенной форме: «Сказывают, что его зарезали» (XVIII). И только Григорий Нагой заявил, что Дмитрий «набрушился сам ножом» (VIII), но никаких доказательств в подтверждение правдивости своих слов он не приводил. Михаил и Григорий Нагие говорили, что они прибежали на двор после звона колокола (IV, VIII). Г. Ф. Нагой рассказал о том, что они увидели, прибегав во двор: «... лежит... царевич еще жив был и при них преставился» (VIII). Вместе ли с ними прибежала царица или ранее, остается неясным.

Ничего не прибавляют для выяснения конкретных обстоятельств смерти Дмитрия свидетельства других лиц, которые при этом не присутствовали. В них содержится только стереотипная формула ответов на один по сути вопрос («Которым обычаем царевича Димитрия не стало?»): царевич, страдая падучим недугом, зарезался ножом, играя в тычку. И. И. Полосин объясняет трафаретность этих показаний не тенденциозностью комиссии, а стремлением подъячих экономить время при записи. Однако подобную «самостоятельность» творчества подъячих при составлении Следственного дела допустить невозможно, ибо не тот был случай: речь шла о судьбе правящей династии Рюриковичей.

Обратимся теперь к источникам информации, сообщенной комиссии Шуйского свидетелями, не являвшимися очевидцами событий. Никаких ссылок на источники сведений о смерти царевича нет ни в челобитной вдовы М. Битяговского (LII-LIV), ни в показаниях губного [159] старосты Ивана Муранова (XXVII), сытника Кирилла Моховикова (XXIX), М. Григорьева, служившего у М. Битяговского конюшенным приказчиком (XLII), а также сенных сторожей (XXXVI), хлебников, которые «в те поры стряпали в хлебне» (XLI), и поваров, которые в «тот день стряпали в поварне» (XLV). В ряде случаев ссылки на источник информации очень неопределенны. Так, игумен Давыд «спросил дворовых людей» (XXIV); сын боярский царицын А. Козлов тоже «вспросил дворовых людей» (XXXIV); стряпчий Федор Васильев «слышел от людей» (XXXIX); «дворовые люди сказали» Т. Десятому и другим подъячим (XLIV); «слышали от дворовых людей» угличские рассыльщики (XLVII); конюхи Ф. Остафьев и Б. Ефремов «слышали от миру» (XXXVII). Сорок человек пососных людей, которые 15 мая находились за городом и сами видеть ничего, естественно, не могли, передавали то, что «сказали им многие люди» (XLIX). Ценность подобных свидетельств по интересующему нас вопросу приближается к нулю.¹⁷⁾

Подключник Артем Ларионов «с товарищи» сказали, что во время событий они стояли «вверху за поставцем (шкафом. — А. З.), ажио деи бежит вверх жилец Петрушка Колобов», который и рассказал им о «самозаклании» царевича (XXXIII). Ключник Г. Тулубеев сослался на стряпчего С. Юдина и сытника К. Моховикова (XXXI). Сытники М. Меньшиков и Н. Бурков «с товарищи» сослались на тех же Г. Тулубеева, С. Юдина и К. Моховикова (XXVIII). Но сам Моховиков не мог сказать, от кого ему стало известно о смерти царевича. Юдин же утверждал, что он «стоял у поставца, а то видел» (XXXI). По мнению Р. Г. Скрынникова, именно «показания Юдина начисто исключают версию об убийстве Дмитрия».¹⁸⁾ Представляется, что в правдивости слов Юдина можно сомневаться. Ведь иное мнение основывается на двух недоказанных постулатах: во-первых, что Юдин действительно видел происходившее во дворе; во-вторых, что он говорил правду относительно случившегося.

По мнению И. И. Полосина, в Угличском деле сохранилось целых «шесть различных вариантов о причинах и условиях смерти царевича. Их наличие ликвидирует раз и навсегда все разговоры ученых о якобы произведенной по указанию Бориса Годунова подделке (подтасовке) материалов следствия». Однако вариант варианту рознь. Да и по существу-то нет в Следственном деле «шести [160] вариантов» причин смерти Дмитрия. Полосин причисляет к ним «порчу» царевича, которую якобы Мария Нагая допускала «как основную причину его смерти». Это не соответствует действительности, ибо Нагая считала убийцами Данилу Битяговского, Никиту Качалова и Осипа Волохова. Согласно показаниям Волоховой, царица до событий приказала даже убить одну юродивую, «будто та жонка царевича портила» (XV). Полосин считал вариантом и показание попа Богдана, что «царевича Дмитрия не стало». По-видимому, поп просто не знал (или не сообщил) ничего о причинах смерти царевича, поэтому считать его свидетельство особым вариантом нет оснований. Не являются таким вариантом и слова Г. Нагого, который, сообщая о том, что царевич зарезался, просто добавил: так «почали говорить». В конечном итоге фактически все показания сводятся к двум версиям: смерти царевича от несчастного случая или его убийству. А это лишает необходимой убедительности общий тезис И. И. Полосина о характере Следственного дела.

Поражает одна особенность Судного дела. Сразу после смерти Дмитрия распространилась весть о том, что он был убит. Эту версию передавали, в частности, Михаил и отчасти Андрей Нагие. О том же, как известно, говорила Мария Нагая. Но показаний лиц, отстаивавших и доказывавших эту версию, в Судном деле почти нет. Странно уже отсутствие показаний царицы Марии, хотя при расспросах кормилицы и постельницы она присутствовала. Согласно И. И. Полосину, подобный пробел «разъясняется очень просто: царицу Марию допрашивали в Москве — царь и бояре, патриарх и Освященный собор; Следственная комиссия боярина Шуйского не имела на то права».¹⁹⁾ Между тем о заседании 2 июня Освященного собора, который подводил итоги расследованию дела, нам известно из Следственного дела, но ни о каком допросе царицы там нет ни слова. Мало того, митрополит крутицкий Геласий на этом заседании говорил: «...которого дни ехати мне с Углича к Москве» призвала меня царица Мария и просила «челобитье ее донести до государя... чтоб... Михаилу з братьею в их вине милость показал» (LV). Этого челобитья в Следственном деле нет, хотя челобитная Ракова, также доставленная в Москву Геласием, помещена.

Сторонники версии о «самозаклании» царевича стремятся опровергнуть уверенность Марии Нагой в убийстве ее сына ссылкой на то, что ей вообще верить нельзя. Ведь [161] признала же она в 1605 г. в самозванце своего сына. Но они забывают, что и в 1591 г., и позднее она упорно стояла на том, что к царевичу были подсланы убийцы, и никогда не говорила о его «самозаклании». А вот глава Следственной комиссии кн. В. И. Шуйский после 1591 г. дважды менял свою точку зрения на события 15 мая: в 1605 г. он признал в самозванце чудом спасшегося царевича, а в 1606 г., напротив, санкционировал версию об убийстве Дмитрия Годуновым.

Помимо показаний царицы Марии в Следственном деле отсутствуют и свидетельства многих других лиц, которые могли бы прояснить события 15 мая и обосновать версию об убийстве Дмитрия. В тот день первым ударил в колокол сторож Спасского собора Максим Кузнецов (XIX). Именно он мог бы рассказать, что же он видел на заднем дворе до того, как туда прибежала Мария. Однако его показаний нет. В убийстве Битяговских и других «злодеев» принимали участие «починщики» — посадские люди Ляпун, Никитка Гунбин, Степанка Полуехтов, Иван Тимофеев и Тихон Быков (XXIX), а также сапожник Тит (L). К событиям имели касательство сторож Евдоким, посадские люди Василий Ильин, дегтярник Филя и др. (LVI-LVII). И. И. Полосин приводит список из 22 человек, которые,

по его словам, «были допрошены», и допускает, что их показания могли попасть в «особое дело» о народном восстании.²⁰⁾ Но доказать, что всех этих лиц допрашивали и что существовало какое-то «особое дело» о волнениях в Угличе, Полосину не удалось. Добавим к числу осведомленных лиц посадских людей десятского Алексеевской слободы Субботку, холщевника Семейку, мыльника Ваську (XL). Во вторник 18 мая они отводили лошадей на разграбленный двор Михаила Битяговского и, наверное, могли бы сообщить новые детали если не о самой смерти Дмитрия, то о событиях, с ней связанных.

Версию о смерти царевича от несчастного случая не разделяли кроме Нагих еще несколько человек, хотя и весьма уклончиво. Духовник Григория Нагого поп церкви царя Константина Богдан обедал 15 мая у Михаила Битяговского в то время, когда к дьяку прибежали его люди и сказали, что царевича «не стало» (XXVI). Игумен Алексеевского монастыря Савватий уже более определенно сообщал то, что он от монастырских слуг узнал: «...царевич Дмитрией зарезан» (XXV). Архимандрит воскресенский Феодорит передавал, что монастырские слуги «от [162] посадских людей» узнали, «будто се царевича Дмитрея убили» (XXII). В обоих случаях свидетели добавляли по сути одно и то же: «...того не ведают, хто ево зарезал»; «...а тово не ведомо, хто ево убил». Обратим внимание на то, что эти трое — лица духовного звания. Возможно, именно поэтому комиссия Шуйского не решила исключить их свидетельства из Следственного дела, как не могла она обойтись и без показаний Нагих. Впрочем, показания игумена Покровского монастыря Давыда как бы нейтрализовали свидетельства Савватия и Феодорита. Правда, Давыд находился тогда в обители, располагавшейся в двух верстах от города, и в пользу версии о «самозаклании» смог сослаться только на рассказ дворовых людей (XXIV).

Отметим еще одну особенность Следственного дела: в связи со смертью Дмитрия в нем нигде не упоминается имя Бориса Годунова, хотя среди сторонников версии об убийстве царевича могли быть и лица, которые прямо связывали трагические события в Угличе с царским шурином. Возможно, кн. В. И. Шуйский, не отличавшийся смелостью и принципиальностью, не решился упомянуть всемогущего правителя даже в форме опровержения его причастности к убийству.

В целом круг лиц, привлеченных комиссией к дознанию (во всяком случае тех, чьи показания до нас дошли), несомненно, тенденциозен: это были преимущественно чины местной администрации, дворовые люди и военно-служилая челядь. В Следственном деле отсутствуют показания угличан-посадских, хотя за выступление против царской администрации они подверглись жестокому наказанию. Согласно Авраамии Палицыну, казнено было 200 угличан. Многих горожан пытали и отправили в ссылку, и в первую очередь тех, кто был в той или иной мере причастен к убийству Битяговского и давал показания против Осипа Волохова и других «злодеев» (или невинно пострадавших, с точки зрения правительства). Автор «Сказания о самозванце» прямо пишет: «А которые было православные христиане стаха за убиение царевича, и тех христиан повеле Борис Годунов разослати в Сибирь и в Пермь Великую в заточение в пустые места». «И оттого же Углеч запустел», — добавляет «Новый летописец».²¹⁾

О предвзятости Следственного дела свидетельствует весь его ход. Так, после того как Раков подал свою челобитную комиссии, на допросе его спросили: «Для чево тебе велел ножи, и палицу, и сабли, и самопалы Михаилю Нагой [163] класти на убитых людей?» (III). Но в сохранившейся части его челобитной, где речь как раз идет о событиях, последовавших за смертью Битяговских, нет ни слова ни о каких ножах и т. п. Значит, комиссия уже получила от кого-то информацию об участии в событиях Ракова (помимо его челобитной). О ножах и своем участии в их сборе Раков говорил лишь в ответе на поставленный вопрос и во второй челобитной, поданной митрополиту Геласию (LVI-

LVIII). Вопрос о ножах, которые М. Нагой распорядился положить на трупы убитых, вовсе не был частным.

Все внимание комиссии направлено было не на выяснение обстоятельств смерти Дмитрия, а на доказательство того, что волнения в Угличе произошли в результате действий Нагих. Так, вслед за Русином Раковым сразу же был допрошен Михаил Нагой, а не очевидцы смерти царевича. Комиссию интересовали пять вопросов: 1) «которым об[ычае]м царевича Дмитрея не стало»; 2) «что его боле [з]нь была»; 3) «для он (М. Нагой. — А. З.) чево велел убити» М. Битяговского и др.; 4) «для он че[го] велел... збирати ножи... и класти на у[би]тых людей»; 5) зачем он приводил Ракова к целованию и против кого им было «стояти» (IV). Четыре последних вопроса носят явно тенденциозный характер: второй как бы подводит к версии о «самозаклании» царевича, а третий, четвертый и пятый заранее исходят из версии об участии Нагого в убийстве Битяговских и др. М. Нагой на первый вопрос ответил однозначно: царевич был зарезан; второй обошел молчанием, а участие в организации убийств решительно отрицал. Допрос М. Нагого велся только в связи с челобитной Ракова и общей направленностью работы комиссии. Ее целью было не столько выяснить истину, сколько дискредитировать показания этого важного свидетеля.

В Следственном деле можно обнаружить существенные противоречия. Так, Михаил и Григорий Нагие говорили, что прибежали во двор, услышав звон колокола у Спаса (IV, V, VIII). А Волохова упомянула, что колокол зазвонил после того, как Григорий Нагой появился во дворе (XIV). Комиссия спрашивала у попа Федота Огурца: «Хто ему велел звонити в колоколы?» (XVIII). Заметим, что до этого речи об Огурце не шло, и остается неясным, откуда комиссия прознала о нем. Огурец показал, что звонил сторож Максим Кузнецов, а тому велел звонить стряпчий Суббота Протопопов, которому в присутствии Григория [164] Нагого приказала царица Мария (XIX-XX). Григорий, по его словам, «не слышал», что Федоту приказал звонить Протопопов (XX). В. К. Клейн предположил, что могли звонить дважды: в первый раз — М. Кузнецов, во второй — Ф. Огурец. Но следствие даже не заинтересовалось Кузнецовым. Ему важно было установить связь Нагих с беспорядками и обвинить их в том, что они созвали народ, отдав распоряжение о набате.

Противоречия обнаруживаются и в рассказах о поведении Михаила Битяговского с сыном. Поп Богдан, обедавший у дьяка 15 мая, сообщал, что Михаил, узнав о смерти Дмитрия, «тотчас приехал на двор к царевичю»; его же сын «в те поры был у отца своего... на подворье обедал» (XXVI). В челобитной угличских рассыльщиков, поданной на другой день после начала следствия (20 мая), говорилось иное. Оказывается, Михаил Битяговский «пришел с сыном в Дьячью избу, а подал весть Михаилу Битяговскому сытник Кирило Моховиков, что царевич болен черным недугом». Тогда Михаил пошел к царице на двор, а его сын остался в Дьячей избе (XLVII). Здесь все странно: ведь о смерти царевича М. Битяговский узнал у себя дома. В. К. Клейн считал, что Моховиков сказал дьяку о болезни, а не о смерти царевича у ворот «царевичева двора» и что, когда тот прибежал на двор, царевич был еще жив.²²⁾ Но в показаниях Моховикова об этом нет ни слова. Не говорил он, как и поп Богдан, что Битяговский с сыном сначала отправились в Дьячью избу, а уж потом Михаил пошел во дворец.

Челобитная угличских рассыльщиков во многом расходится и с другими материалами дела. Так, в ней сообщается, что царевич поколослся не ножом, а «сваей»; что болезнь у царевича была «по месецем безпрестано»; что Михаил Нагой приехал на двор на коне «пьян» (в поздней челобитной Ракова даже «мертьв пьян»). Угличские рассыльщики утверждали, что перед смертью Михаил Битяговский кричал: «Михайло Нагой велит убити для того, что... добывает ведунов и ведуны на государя и на государыню, а хочет

портить» (XLVII). О «ведунах» Нагого говорила и вдова Битяговского (LII). Позднее из Москвы послано было специальное распоряжение доставить в столицу «ведуна» Андрюшку Мочалова (LX-LXIII).

Тенденциозность Следственного дела представляется очевидной. Иной вопрос, какая из версий о смерти царевича соответствует случившемуся. Окончательного ответа [165] при существующем состоянии источников дать нельзя. Во всяком случае версия о «самозаклании» царевича могла быть измышлена сразу после убийства Дмитрия с целью самосохранения лиц, находившихся на дворе вместе с ним. В. И. Шуйскому не надо было ничего сочинять: достаточно было отобрать ту версию, которая оказалась более приемлемой для Годунова. Но и совершенно исключить возможность соответствия версии о «самозаклании» царевича реальным фактам тоже нельзя. Так или иначе, но версия о «самозаклании» стала официальной. В наказе Р. М. Дурову, встречавшему литовского посланника Павла Волка весной 1592 г., говорилось: «А нечто учнут спрашивать о князе Дмитрее о углетцком, каким обычаем его не стало, и Ратману мольты: князь Дмитрея не стало судом Божиим. А был болен черным недугом, таково на нем было прироженье, ещо с млада была на нем та болезнь».²³⁾

Вторую группу источников о событиях 15 мая 1591 г. составляют литературно-публицистические произведения, возникшие в годы царствования Василия Шуйского и Михаила Романова. В них обосновывалась версия об убийстве Дмитрия лицами, подосланными Годуновым. Вступив на престол 20 мая 1606 г., после убийства самозванца, присвоившего себе имя Дмитрия, Василий Шуйский стремился убедить народ в том, что царевич давно скончался и поэтому так называемый «царь Дмитрий» был не кто иной, как самозванец. Это было тем более важно, что в июне 1606 г. на юге страны вспыхнуло новое восстание, знаменем которого снова стала тень Дмитрия. А в мае 1606 г. от имени бояр была составлена окружная грамота, в которой говорилось, что Дмитрий «умре подлинно». В грамоте, написанной от имени царицы Марии 21 мая, объявлялось, что царевич «убит... от Бориса». Этот же мотив развит в «известительной грамоте» Василия Шуйского от 4-5 июня, написанной в связи с перенесением «мощей» царевича Дмитрия из Углича в Москву 3 июня 1606 г.²⁴⁾

Летом 1606 г. создается в Троице-Сергиевом монастыре «Повесть, како отомсти» — публицистический рассказ о начале «смутного времени». В ней говорится, что Борис послал в Углич Михаила Битяговского с сыном и племянником убить царевича. В полном согласии с официальными источниками излагаются события 1591 г. во многих памятниках. Кратко, но в том же духе писал и Авраамий Палицын. [166]

В «Новом летописце» (1630 г.) помещен ряд дополнительных сведений. Оказывается, когда Борис задумал убийство царевича, к его «совету» «не приспе» Григорий Васильевич Годунов. Советники Бориса (среди них летописец называет «братью» Годунова и Клешнина) решили послать в Углич Владимира Загряжского или Никифора Чепчугова. Последний был довольно заметной фигурой: «Щелкаловым свой, и оне его по свойству вынесли». Но и Чепчугов, и Загряжский отказались принимать участие в подготовлявшемся убийстве. Тогда Андрей Кленшин сказал, что у него есть «братия и други», которые могут осуществить замысел Бориса. Один из них, Михаил Битяговский, вместе с сыном и племянником, сговорясь с мамкой Марией (так в источнике) Волоховой, сотворили убийство. Сначала царевича ударил ножом в шею Данилка (так в источнике) Волохов, но «не захватил ему гортани». Увидев это, кормилица начала кричать, прикрывая собой Дмитрия, и была избита Данилой Битяговским и Никитой Качаловым. Они же и убили царевича. Мать Дмитрия, «видя пагубу сына», стала кричать. Убийцы выбежали за ворота. Тогда соборный пономарь забил в колокол. Убийцы побежали

расправиться с ним, но сделать этого не смогли — во двор прибежали Нагие «и все люди града Углича». Никита и Данила бежали из города за 12 верст, потом вернулись и были убиты угличанами. Царю сразу же послали гонца с рассказом о событиях. «Борис же велел грамоты переписать, а писать повеле, яко одержим бысть недугом и сам себя зарезал небрежением Нагих». В Углич послана была комиссия во главе с Шуйским, который «начат спрашивать града Углича всех людей, как небрежением Нагих заклася сам. Они же вопяху все единогласно... что убиен бысть от раб своих», от Михаила Битяговского, по повелению Бориса Годунова. Даже на пытке в Москве Михаил и Андрей Нагие подтвердили версию об убийстве Дмитрия.²⁵⁾

Наиболее пространный рассказ о событиях 15 мая 1591 г. помещен в позднейшем «Сказании о царстве царя Федора Иоанновича» (конец XVII в.). Но в рассказе нет новых данных и много риторических восклицаний. Составитель «Сказания» добавил только, что во время следствия окольных А. П. Клешнин «учел рыкати на граждан, аки лев», когда ему сказали правду. После этого угличане, убоявшись «страху и смерти, вси умолкоша и ничто глаголаша, токмо рекоша: истиннаго мы дела не ведаем, тут [167] не были». Клешнин же «повеле тотчас речи их писати по своему проклятому умыслу и велел к тем речам руки прикладывать и неволею иных прелщая, а кои не хотят руки прикладывать, и тех разослал по далным городам окованных».²⁶⁾

Несомненный интерес представляет рассказ «Нового летописца». По Л. В. Черепнину, его составитель, вышедший из кругов, близких к патриарху Филарету, пользовался разнообразным комплексом источников, в том числе материалами архива Посольского приказа. К их числу, по мнению В. И. Коренного, следует отнести упомянутый В. Н. Татищевым летописец Иосифа, келейника патриарха Иова. В. Д. Назаров возражает против методики восстановления В. И. Корецким текста этого летописца.²⁷⁾ Хотя нет пока полной ясности в том, какие летописные источники использовал составитель «Нового летописца», некоторые моменты заставляют внимательно отнестись к его сведениям о событиях 15 мая 1591 г.

Так, среди Нагих, отстаивавших версию об убийстве царевича, здесь названы Михаил и Андрей, а Григорий не упомянут. Это целиком соответствует Следственному делу, согласно которому только Григорий отступил от позиции Нагих и поддержал официальную версию о «самозаклании» Дмитрия. По мнению В. И. Корецкого и А. Л. Станиславского, именно в связи с отказом принять участие в организации убийства царевича (согласно «Новому летописцу») дворецкого Г. В. Годунова отстранили от активной государственной деятельности,²⁸⁾ Н. Чепчугова восемь лет не упоминали в разрядах,²⁹⁾ а Загряжских понизили в разряде служилых людей. Сведения о Г. В. Годунове встречаются ежегодно с 1584 по декабрь 1590 г.³⁰⁾ Небольшой разрыв в сведениях о нем с декабря 1590 по октябрь 1592 г. не может быть однозначно истолкован: настораживает упоминание о Г. В. Годунове как о человеке, противившемся планам Бориса. И факты службы Чепчуговых и Загряжских при дворе царя Михаила, и их близость к Филарету³¹⁾ могут быть интерпретированы по-разному. Словом, упомянутые наблюдения Корецкого и Станиславского интересны, но вопроса о достоверности рассказа «Нового летописца» относительно событий 15 мая все же не решают.

Третью группу источников составляют свидетельства иностранцев. Наиболее раннее из них — письмо Д. Горсея лорду Бэрли от 10 июня 1591 г. В нем сообщалось [168] следующее: «19-го числа того же месяца (мая. — А. З.) случилось величайшее несчастье: юный князь 9-ти лет, сын прежнего императора и брат нынешнего, был жестоко и изменнически убит; его горло было перерезано в присутствии его дорогой матери, императрицы; случились еще многие столь же необыкновенные дела, которые я не

осмелюсь описать не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно. После этого произошли мятежи и бесчинства». По мнению Я. С. Лурье, это сообщение «является весьма важным источником, особенно если учесть, что Горсей был в этом вопросе лицом беспристрастным: он был близок к Борису и никак не мог стремиться очернить его в глазах лорда Бэрли».³²⁾ Тем не менее это наблюдение не решает вопроса об источнике информации Горсея и, следовательно, о степени ее достоверности.

В письме Горсея интересно упоминание о том, что царевич был убит в присутствии матери. В показаниях Волоховой говорилось, что Мария Нагая прибежала после того, как он поколол себя ножом. Свидетельство Горсея, если его считать отражающим реальные факты, позволяет понять, почему Мария прямо называла тех, кто зарезал ее сына. Однако Р. Г. Скрынников решительно отводит сообщение Горсея, считая его основанным на тенденциозной информации Афанасия Нагого. Действительно, в более поздних мемуарах Горсей красочно описывает, как к нему в Ярославле прибежал Афанасий Федорович и сообщил: «Царевич Дмитрий мертв, дьяки зарезали его около шести часов; один из слуг признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти». Но после этого Горсей пишет: «...город был разбужен караульными, рассказывавшими, как был убит царевич Дмитрий».³³⁾ Таким образом, сводить сообщение Горсея к рассказу одного А. Ф. Нагого нельзя. Ярославль был наполнен слухами различной достоверности.

Об убийстве царевича Дмитрия писал также Арсений Елассонский. Побывавший в России при Лжедмитрии I Жак Маржерет сообщал, что Годунов отдал распоряжение убить царевича, но царица его подменила, и тот спасся.³⁴⁾ Это, конечно, официальная версия, бытовавшая при дворце самозванца.

Исаак Масса описал угличскую драму в аспекте событий начала XVII в. Борис, по его словам, чтобы добиться престола, старался «извести Дмитрия». Эта мысль пришла [169] ему в голову еще до похода на Ругодив (декабрь 1589 — февраль 1590 г.). Тем временем Дмитрий подрастал. «Он был очень умен, часто говоря: «Плохой какой царь мой брат. Он не способен управлять таким царством», и нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, державший в своих руках все управление государством, добавляя при этом: «Я сам хочу ехать в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если буду столь доверять недостойным дворянам»». Далее Масса рассказывает об убийстве царевича при участии Битяговских и Качалова. В разгар игры «в орехи» Данила Битяговский и Никита Качалов перерезали царевичу горло и бежали, «от сильного смущения забыв умертвить других детей; они успели ускакать на лошадях, заранее для них приготовленных». По указанию Бориса розыск был произведен так, «что всех бывших при дворе царевича схватили как изменников, и все они подверглись царской опале», а некоторых из них казнили. Рассказ Массы основан на версии 1606 г. Автор присутствовал при перенесении «мощей» царевича в Москву и ссылался на повествование, в котором «довольно было изложено, как в царствование Федора Ивановича по повелению Бориса был погублен и убиен младенец Димитрий».³⁵⁾

Конрад Буссов довел свою «Московскую хронику» до 1613 г. Он писал, что у Дмитрия, как и у его отца, с детства был жестокий нрав. Так, он однажды приказал вылепить из снега фигурки нескольких вельмож и «стал отрубать у одной снежной куклы голову, у другой руку, у третьей ногу, а четвертую даже проткнул насквозь», приговаривая при этом: «С этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак». Первой в ряду стояла фигурка Бориса Годунова. По Буссову, Годунов нанял за деньги двух убийц, которые по его распоряжению сами были прикончены, как только убили царевича. Рассказ Буссова использовал затем в своей «Истории о великом княжестве Московском» П. Петрей.³⁶⁾

Итак, свидетельства иностранцев в целом восходят к официозным русским источникам или к слухам, бытовавшим в конце XVI — начале XVII в., и не помогают понять существо событий 15 мая 1591 г.

Обратимся теперь к историческому контексту событий в Угличе и посмотрим, что может он дать для решения интересующего нас вопроса. Прежде всего рассмотрим состав Следственной комиссии. Боярин кн. В. И. Шуйский [170] в мае — июле 1584 г. возглавлял московский Судный приказ и, вероятно, использовал опыт этой деятельности в ходе следствия по делу о смерти Дмитрия.³⁷⁾ В 1586 г. в связи с опалой, постигшей Шуйских, он был отстранен от должности смоленского наместника и сослан в Галич. Затем сведения о В. И. Шуйском исчезают вплоть до назначения его в Следственную комиссию. По мнению В. И. Корецкого и А. Л. Станиславского, Шуйский, вернувшийся из ссылки незадолго до событий 1591 г., был готов «на все, чтобы восстановить (хотя бы отчасти) бывшее положение». Р. Г. Скрынников полагает, что В. И. Шуйский представлял круги боярства, враждебные Борису, и поэтому его назначение «следует приписать скорее всего Боярской думе», а Борис согласился на это, чтобы пресечь все разговоры о его причастности к смерти Дмитрия.³⁸⁾ Характер правительственной деятельности Годунова вряд ли позволяет предположить, что Дума могла производить какие-то назначения в таком ответственнейшем деле без прямого указания Бориса.

Вторым членом комиссии был окольныйничий А. П. Клешнин. О его тесных связях с Борисом писалось много. Впервые он появился в разрядах в ноябре 1585 г. в ертауле (передовом отряде) вместе с И. В. Годуновым как «ближней думы дворянин». В этом дворовом разряде упоминались также Б. Ф. и Г. В. Годуновы, И. В. Сабуров, Т. Р. Трубецкой и Ф. И. Хворостинин.³⁹⁾ Таков круг лиц, с которыми был связан А. П. Клешнин. В сентябре 1586 г. в Чудове монастыре вместе с царем «ели» он, Б. Ф. Годунов и Ф. Н. Романов. В декабре 1585 г. в связи с предполагавшимся походом царя Федора в Можайск Клешнин в ертауле уже назван окольныйничим. Во время похода к Ругодиву он снова находился среди наиболее приближенных к царю лиц. Летом 1591 г. под руководством Бориса Годунова участвовал в обороне Москвы от Казы-Гирея.⁴⁰⁾

Р. Г. Скрынников обратил внимание на то, что зятем А. П. Клешнина был Г. Ф. Нагой, брат царицы Марии, и Нагие, как и Клешнин, входили в государев Двор. По его мнению, назначая Клешнина в Следственную комиссию, Борис «искал примирения с Нагими».⁴¹⁾ Между тем Следственное дело было построено так, чтобы его материалы свидетельствовали о вине Нагих в угличских событиях. Именно такой вывод был сделан Освященным собором 2 июня. Значит, ни о каком стремлении Годунова примириться с Нагими не может вестись речь. Но вот что здесь [171] любопытно. В семье Нагих именно Григорий поддержал версию о «самозаклании» царевича, принятую Следственной комиссией. Григорий, конечно, боялся расплаты за содеянное. Ведь именно он с братом Михаилом приказал убить Битяговских (LII); дал саблю, чтобы положить ее на убитых (VII, X, XXXIX, LVII); бил Василису Волохову. Его действия были оценены собором как «измена явная» (LIX). Но дело не только в этом. Очевидно, он говорил на следствии то, что ему подсказал его тесть — один из членов комиссии — А. П. Клешнин.

Третий член Следственной комиссии — дьяк Елизарий Вылузгин был также крупной фигурой. Еще в 1581 г. он принадлежал к числу «ближних великих людей», являлся думным дьяком и принимал участие в посольских переговорах; с 1583/84 г. ведал Поместным приказом; часто заменял Дружину Петелина в качестве четвертного дьяка. Углич находился в ведомстве четверти Д. Петелина и в 1590 г. был в числе городов, которым выдал грамоты Вылузгин.⁴²⁾ В декабре 1589 г., во время похода на Ругодив, Е. Вылузгин был оставлен в Москве вместе с С. В. Годуновым; в конце 1590 — начале 1591

г. он вел совместно с С. В. Годуновым, Б. Ю. Сабуровым и А. Щелкаловым ответственные переговоры с посольством Речи Посполитой о заключении перемирия. Летом 1591 г. во время набега Казы-Гирея Вылузгин «с розрядом» находился в большом полку и под началом Ф. И. Мстиславского и Б. Ф. Годунова участвовал в обороне столицы. Усердие Вылузгина в составлении Следственного дела 1591 г. было замечено: ровно через 10 лет ему поручили вести новое следствие — на этот раз о боярах Романовых.⁴³⁾

Итак, состав Следственной комиссии был не нейтрален, а вполне благоприятен для Бориса Годунова.

Интересна фигура дьяка Михаила Битяговского. Карьера его началась со службы в Казани, где он появился во всяком случае в 1578/79 г. и находился до февраля 1588 г. включительно. Затем он назван среди дьяков, сопровождавших в декабре 1589 г. царя Федора в ругодивском походе; в 1589/90 г. совместно с кн. Ф. И. Мстиславским составлял десятню по Владимиру; как дьяк упомянут и в 1590/91 г.⁴⁴⁾ В Углич М. Битяговский был послан для наблюдения за сбором «посохи» (посошных людей) «под гуляй» (для обслуживания гуляй-города). Возможно, функции его этим не ограничивались, и он должен был доносить в Москву о том, что творилось в Угличском [172] уделе. Деятельность дьяка, конечно, раздражала Нагих. Михаил Нагой не дал требовавшихся по разверстке 50 посошных людей. Городовой приказчик Раков говорил, что Нагой в день гибели царевича «бранился о посохе» с Битяговским (LVII-LVIII). В какой степени это верно, сказать трудно, но причины для враждебного отношения Нагих к Битяговскому во всяком случае имелись. Правда, из этого еще не вытекает, что они были достаточны для того, чтобы Нагие могли ложно обвинять Битяговских в убийстве Дмитрия.

В литературе давно высказана мысль, что убийство Дмитрия было выгодно Годунову. В самом деле, к 1591 г. у царя Федора наследников престола не было. В случае его смерти законным царем становился Дмитрий, а правителями — его родичи Нагие. Тогда «лорду-протектору» (так называли англичане Бориса), повинному в опале Нагих, грозила бы в лучшем случае немилость, а в худшем — смерть. Поэтому, казалось бы, Борис должен был желать смерти Дмитрию, ибо она открывала дорогу к престолу жене Федора Ирине, а как показали дальнейшие события, и самому Годунову. Не случайно О. А. Яковлева пишет, что в 1591 г. Борис мог полагать, что детей у Ирины не будет, а потому считать убийство Дмитрия «целесообразной мерой для пресечения династии Рюриковичей и посягательства на московский престол».⁴⁵⁾

Сходные мысли приходили в голову еще современникам событий в Угличе. Побывавший в России в 1589 г. англичанин Флетчер писал, что жизнь Дмитрия находилась «в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя». Намек на Бориса совершенно определенный. Горсей после посещения России в 1586 г. сообщал, что «был раскрыт заговор с целью отравить и убить молодого царевича... Дмитрия, его мать и всех их родственников, приверженцев и друзей, содержащихся под строгим присмотром в отдаленном городе Угличе».⁴⁶⁾ Насколько этот слух соответствовал действительности, сказать трудно. Но современники понимали опасность, грозившую Дмитрию со стороны Бориса.

Иногда этой цепи умозаключений противопоставляют другую — Дмитрий был сыном Грозного от неканонического, седьмого по счету брака, а потому не имел права на престол. Какой же смысл был в его убийстве? К тому же у Федора в 1592 г. родилась дочь Феодосия. Следовательно, [173] надежды на продолжение его рода сохранялись. Нужно ли было Годунову рисковать? Рассуждения, конечно, чисто умозрительные. Ведь в

истории имелись тысячи случаев, когда королевские отпрыски захватывали трон при гораздо менее благоприятных условиях, а претенденты на него еще и не так рисковали.

С. М. Каштанов обратил внимание на то, что вскоре после смерти Дмитрия в грамотах Федора (в частности, от 18 ноября 1591 г. и от 21 января 1592 г.) появилось необычное начало — наряду с царем упоминалась и царица: «Се яз царь и великий князь Федор Иоаннович всея Руси со своею царицею и великою княгинею Ириною...» «Не было ли это, — пишет С. М. Каштанов, — заблаговременным заявлением претензий новой династии? Не подтверждает ли этот факт причастность Годунова к гибели царевича?» На первый вопрос, по-видимому, следует дать такой ответ: возможно, Годунов предполагал таким образом укрепить положение Ирины как наследницы Федора, но если эта мысль у него и возникала, то во всяком случае в более раннее время. Ведь Ирина встречается уже в грамотах 1587 г. На второй же вопрос ответ может быть отрицательным, ибо стремление Бориса обеспечить переход власти к Ирине после смерти Федора еще не означало, что Годунов являлся организатором убийства в Угличе.⁴⁷⁾

Р. Г. Скрынников, отмечая критическое положение правительства Годунова в мае 1591 г., когда ожидали набега крымского хана Казы-Гирея, считает, что в этой обстановке смерть Дмитрия «была выгодна не столько Борису, сколько его врагам, которые действительно предприняли попытку свергнуть правителя». В связи с этим исследователь делает вывод, что инициатором авантюры, направленной против Годунова, были Нагие, а центром интриг — Ярославль. Зная о положении в Москве, они рассчитывали поднять «столичное посадское население».⁴⁸⁾ Сюда привязаны обстоятельства, касающиеся пожаров в столице.

24 мая 1591 г., когда в Угличе еще работала Следственная комиссия, в Москве произошли сильные пожары. Выгорел весь Белый город — Занеглименье с Арбатом, Никитской и Петровкой. По Горсею, сгорело 12 тыс. домов. Спустя некоторое время сгорела Покровка. Распространились слухи, что Москву поджег Борис. Арсений Елассонский писал, что пожар произошел «при содействии Бориса, как говорили многие». Позднее С. И. Шаховской [174] считал, что Борис послал своих людей и «повеле им многия славныя дома в царствующем граде запалити, дабы люди о своих напастех попечение имели». Этим он добился, что «престаша мирное волнение о царевичеве убиении».⁴⁹⁾

Сходно рассказывают о пожаре и иные лица. По Ж. Маржерету, Борис «приказал поджечь ночью главные купеческие дома и лавки и в разных местах на окраинах, чтобы наделать им хлопот до тех пор, пока волнение немного пройдет и умы успокоятся». К. Буссов прямо утверждал, что «правитель подкупил нескольких поджигателей, которые подожгли главный город Москву во многих местах»; сгорело несколько тысяч дворов по берегам Неглинной; это он сделал для того, чтобы «каждый больше скорбел о собственном несчастье, нежели о смерти царевича». И. Масса писал, что «Борис приказывал поджигать Москву в разных местах, и так три или четыре раза, и каждый раз сгорало более 200 домов, и все поджигатели были подкуплены Борисом». Он сообщал также, будто Борис распространял слух о набегах татар, «так что повергли всю страну в такой страх, что народ... забыл о смерти или убиении Димитрия». В 1592 г. при переговорах с литовским посланником предписывалось категорически опровергать подобные слухи «про зажигальников». Дескать, слухи были, что «зажигали Годуновых люди», но это «некто вор, бездельник затеев, сказывал напрасно, Годуновы бояре именитые, великие».⁵⁰⁾

Борис был серьезно обеспокоен этими толками. В результате проведенного расследования (судя по царской грамоте от 28 мая 1591 г. на Чусовую) «зажигальники» Левка Банщик «с товарищи» всю вину старались переложить на Нагих и говорили, что «присылал к ним Офонасей Нагой людей своих Иванка Михайлова с товарищи, а велел им закупать многих

зажигальников, а зажигати им велел Московский посад во многих местех; и оне по Офонасьеву Нагова велению... зажгли на Москве посад... И на Чюсовую деи да и по иным по многим городом Офонасей Нагой разослал людей своих, а велел им зажигальников накупать города и посады зажигать».⁵¹⁾

Слухи о поджоге столицы Годуновым в тревожной обстановке надвигавшегося крымского вторжения явно напоминают аналогичные наветы на Глинских, распространявшиеся во время московского восстания 1547 г. Встречавшему в апреле 1592 г. литовского посланника Р. М. [175] Дурову предписывалось говорить о пожаре в столице так: «Мне в то время на Москве быти не случилось, а то подуровали было мужики воры и Нагих Офонасья з братьею люди, и то сыскано, и приговор им учинен. Да то дело рядовое, хто вор своровал, тех и казнили, а без вора ни в котором государстве не живет».⁵²⁾

В этих официальных документах есть труднообъяснимые странности. Царская грамота от 28 мая 1591 г. ссылается не на показания зачинщиков пожара Иванки Михайлова «с товарищи», а на свидетельства непосредственных исполнителей их распоряжений. Естественно, возникает вопрос: не оговорили ли просто Михайлова Левка Банщик и другие поджигатели, чтобы спасти свою жизнь? И не объясняется ли отсутствие ссылок на показания Михайлова тем, что он отрицал свое участие в поджоге столицы? Еще И. А. Голубцов отметил некоторые изменения в официальной версии Посольского приказа сравнительно с грамотой 28 мая. В 1592 г. в наказе Д. Исленьеву уже не говорилось об участии самого А. Ф. Нагого в организации поджогов в Москве, хотя вместе с тем добавлялось, что «поворовали» не только его мужики, но и его «братии».

Обратим внимание и на то, что «Новый летописец», рассказывая о московском пожаре, не говорит о поджоге столицы ни Годуновым, ни Нагими (последние находились в ссылке в разных городах под постоянным надзором). Горсей же пишет: «...четверо или пятеро из них (поджигателей. — А. З.) (жалкие люди!) признались на пытке, будто бы царевич Дмитрий, его мать царица и весь род Нагих подкупили их убить царя и Бориса Федоровича и сжечь Москву — все это объявили народу, чтобы разжечь ненависть против царевича и рода Нагих; но эта гнусная клевета вызвала только отвращение у всех».⁵³⁾ В правительственной версии по делу о пожарах вряд ли говорилось о Дмитрии, но в остальном Горсей излагает ее правдоподобно.

Итак, официозную версию о том, что Москву подожгли Нагие, принять трудно. Вместе с тем возникает сомнение и относительно попытки Нагих поднять население столицы против Годуновых.

Не совсем ясно также, были ли пожары на Москве единичным явлением, или они имели место в других городах, как это утверждает грамота 28 мая на Чюсовую. В согласии с ней находится запись одной разрядной [176] книги: «...после того во многих местех пожары были». Авраамий Палицын также пишет, что «во многих градах и посадах тогда быша великия пожары». Но, как полагает И. А. Голубцов, «у Авраамия могли быть личные связи с приказным московским миром».⁵⁴⁾ Поэтому его сообщение, возможно, просто восходило к официальной версии, старавшейся нагнетать ужасы в связи со «злодеянием» Нагих. Значит, и этот вопрос не может пока считаться решенным.

Наряду со следствием по делу о пожарах Борис принимал и другие меры по пресечению недовольства столичного населения. По словам А. Палицына, он «повеле давати погоревшим на домовное строение от царския казны». Ж. Маржерет сообщал: «Борис пообещал испросить у императора для каждого из них некоторое вознаграждение, чтобы они могли вновь отстроить дома, и даже пообещал построить каменные лавки вместо

прежних, сплошь деревянных. Он выполнил это так хорошо, что каждый остался доволен и считал за счастье иметь столь доброго правителя». Эти сведения опираются на реальные факты. В описи архива Посольского приказа 1626 г. имеется запись о тетради, в которой содержались материалы о раздаче 5 тыс. руб. людям гостинной, суконной и черных сотен «на дворовое строенье в заем из государевы казны до государева указу» после пожара 1591 г. Годунов был озабочен тем, чтобы привлечь на свою сторону верхи московского посада, которые еще в 1586 г. явились инициаторами антиправительственного выступления горожан. Это ему временно удалось. По словам Массы, Борис не только «послал московским домовладельцам, дома и имущество которых погорели, много денег сообразно с потерей каждого», но и предлагал «свою помощь, сколько он может»; «и ежели кто хотел обратиться к царю с просьбой, он обещал ходатайствовать за того, что он и исполнял», и в конце концов «так расположил к себе, что... не могли достаточно нахвалиться им».⁵⁵⁾

Не успели затихнуть страсти, вызванные майскими событиями, как в Москву стали поступать тревожные вести о готовящемся походе крымского хана Казы-Гирея с османской и ногайской подмогой. Казы-Гирею удалось на время добиться стабилизации положения в Крыму и ликвидировать усобицы среди татарской знати. В Крым возвратился один из его видных противников — Сафа-Гирей. На сторону Казы-Гирея перешла часть ногайских [177] улусов. В результате численность войск крымского хана значительно возросла. Казы-Гирей был недоволен усилением русского влияния на Северном Кавказе. Он начал кампанию, возможно установив какие-то контакты со Швецией, находившейся в состоянии войны с Россией. Выступил хан в поход летом 1591 г. По одним данным, его войско насчитывало 100 тыс. человек, по другим — 150 тыс.; называли цифру и 400 тыс.⁵⁶⁾

Целью похода была российская столица: «...шел царь прямо к Москве, войны не разпусая». Первые сведения о том, что крымцы двинулись Муравским шляхом, поступили в Москву из Путивля 10 июня 1591 г. 29 июня тульский станичный голова А. Сухотин привез весть, что Казы-Гирей «идет к берегу». Хан вышел на берег Оки 26 июня, сжег посады у Тулы, затем у Серпухова, где и переправился через Оку.⁵⁷⁾ В то время основная часть русских войск располагалась «на берегу», другая — стояла на северо-западных рубежах, в районе Новгорода и Пскова. Поскольку столица оставалась незащищенной, пришлось принимать срочные меры. Кн. Ф. И. Мстиславский, возглавлявший русские войска «на берегу», получил предписание спешно двинуться к Москве и вскоре прибыл на Пахру.

Оборону столицы взял на себя Борис Годунов, в распоряжении которого находились дворовые войска. Решено было (как и во время набега Девлет-Гирея в 1572 г.) поставить между Серпуховской и Калужской дорогами гуляй-город («обоз») — своеобразную походную крепость на колесах. В обоз свезли и артиллерию — «наряд», которым распоряжался оружничий Б. Я. Бельский, только что вернувшийся из длительной ссылки. 1 июля полки Ф. И. Мстиславского прибыли к Москве и стали у села Коломенского. На следующий день они получили предписание разместиться внутри обоза на р. Котел и «промышляти» из него.⁵⁸⁾ 3 июля в обоз направился с дворовой ратью Борис Годунов. Тем временем Казы-Гирею удалось разбить на Пахре посланного туда кн. В. Бахтеярова-Ростовского. 4 июля хан подошел вплотную к столице и расположился против Коломенского «в лугах». Крымские царевичи начали штурм гуляй-города. Перестрелка «за Ямскою слободою», от Воробьева до Котлов, носила беспорядочный характер и продолжалась часов шесть-семь. Попытка взять гуляй-город не удалась. В ночь на 5 июля вновь вспыхнула беспорядочная стрельба. [178]

Засланный Борисом в лагерь крымцев под видом сдавшегося в плен дворянина лазутчик сообщил Казы-Гирею, что ночью в Москву якобы прибыла 30-тысячная немецкая и польская рать. На рассвете 5 июля Казы-Гирей бежал от Москвы и 6 июля переправился через Оку. В погоню за ним посланы были войска Ф. И. Мстиславского и Бориса Годунова. Во время преследования крымских арьергардов, продолжавшегося 7 и 8 июля вплоть до Серпухова, взяли в плен, по официальным данным, 1 тыс. человек, по другим — 400 или 200. По словам Массы, захватили «около 70 человек, по большей части холопов господ, намеревавшихся во время осады поджечь Москву». Запорожцы и донцы разгромили крымский «кош».⁵⁹⁾ Победа была одержана достаточно внушительная, и преследовать крымцев за Окой не стали.

Досадной неприятностью для Бориса Годунова было появление слухов, что крымского царя «навел» он сам (то же самое говорили и о Глинских в 1547 г.), «бояся от земли про убийство Дмитрия». Они распространились среди многих «простых людей», в частности на «украине» (т. е. южнее Оки, на южных окраинах государства). Прибывший из Алексина сын боярский Иван Подгорецкий сказал, что подобные «словеса» говорил его крестьянин. Тот на пытке оклеветал многих лиц. В результате исследований, проводившихся по городам «во всей украине... множество людей с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а инии по темницам умираху».⁶⁰⁾

И на этот раз Борису удалось овладеть положением и подавить брожение в зародыше. А на том месте, где располагался обоз во время прихода Казы-Гирея, в 1592 г. был воздвигнут Донской монастырь, что как бы приравнивало победу над Казы-Гиреем к Куликовской победе, а Годунова — к Дмитрию Донскому. В том же году в Москве начали сооружать деревянные и земляные укрепления. Они охватывали разросшиеся московские слободы и посады по линии позднейших Садовых. Строительство крепости велось спешно, поэтому ее прозвали «Скорородомом». Длина укреплений достигала 14 км. Всего было на них 50 башен.⁶¹⁾

10 июля 1591 г. царь Федор издал указ, согласно которому воеводы, участвовавшие в обороне Москвы, получили щедрые награды. В своей реляции о победе кн. Ф. И. Мстиславский забыл представить к награде Бориса Годунова, за что подвергся кратковременной опале.⁶²⁾ Истинный [179] вклад Бориса в оборону столицы определить трудно, но так или иначе он получил самое большое пожалование — ему присвоили титул «слуги».⁶³⁾

Посланный 10 июля 1592 г. в Речь Посполитую А. Д. Резанов должен был за рубежом разъяснить значение нового титула Годунова так: «То имя честнее всех бояр. А дается то имя от государя за многие службы» — и при этом сослаться на давнюю практику: при Иване III, «которого дочь была за великим князем Александром Литовским», титул «слуги» носил Семен Иванович Ряполовский, при Василии III — Иван Михайлович Воротынский, при Иване IV — Михаил Иванович Воротынский. «А ныне, — говорилось далее в наказе, — царское величество пожаловал тем именем почтить шурина своего конюшево боярина и воеводу дворового и наместника казанского и астраханского Бориса Федоровича Годунова также за многие его службы и землестроенья и за летошний царев приход». Этот наказ — типичный пример «переписывания» истории в интересах правительства Годунова. В конце XV и в XVI в. титул «слуга» употреблялся как равнозначный званию «служилый князь». В конце XV в. «слугами» назывались преимущественно княжата Юго-Западной Руси, перешедшие на сторону Москвы. Они занимали как бы промежуточное положение между княжатами боярами и удельными князьями. У них были свои вотчины — княжения, хотя их суверенитет был

ограниченным. Такими «слугами» являлись и кн. Семен Иванович Стародубский, и кн. Василий Иванович Шемячич.⁶⁴⁾

Возможно, в наказе А. Д. Резанову С. И. Стародубский спутан с одним из двух С. И. Рязановских: первый находился на положении, близком к служилым князьям; второй (его племянник) был боярином, казненным в 1499 г. Термин «слуга» постепенно вытеснялся термином «служилый князь», хотя и употреблялся еще в 1560 г.

С конца XV в. к числу «слуг» принадлежали удельные князья Воротынские, в том числе и И. М. Воротынский. Первым из них в Думу вошел В. И. Воротынский в 1550 г. Известный полководец, победитель в битве при Молодях (1572 г.), М. И. Воротынский в 1560 г. числился «службой», но два года спустя стал боярином и вышел из корпорации служилых людей. К этому времени звание «боярин князь» считалось рангом выше звания «служилый князь». Впрочем, в рассказе о битве при Молодях Пространной редакции разрядных книг М. И. Воротынский именуется [180] боярином и «службой». Возможно, присвоение Борису Годунову этого титула имело прецедентом именование Воротынского «службой» после разгрома крымцев в 1572 г. В конце XVI в. положение служилых князей изменилось еще больше. В их корпорацию (например, по списку Двора 1588/89 г.) входили по преимуществу перешедшие на русскую службу князья-иноземцы: черкасские, тюменские, а также не попавшие в Думу потомки служилых князей — И. М. и Д. М. Воротынские, А. В. Трубецкой.⁶⁵⁾

Так что в наказе А. Д. Резанову 1592 г. говорится неверно, будто ранг «слуги» выше чина боярина (так было только в конце XV — начале XVI в.) и будто этот титул дается за заслуги (он был связан с княжеским происхождением и наличием вотчины — княжения). Положение Бориса Годунова ничем не напоминало статус этих князей, не игравших существенной роли в политической жизни России конца XVI в. После пожалования Бориса титулом «слуги» термин «служилые князья» вообще исчезает из оборота. Именование Бориса «службой» часто встречается в дипломатических и других источниках.

Помимо высокого официального положения и возможности реально распоряжаться властью Годунова опиралась и на огромную материальную базу. Флетчер подсчитал, что ежегодный доход Бориса достигал 93 тыс. руб. Борису шло 16 тыс. руб. с имений в Вязьме и Дорогобуже, 12 тыс. руб. как конюшему, 32 тыс. руб. с Ваги, пожалованной ему в кормление, 40 тыс. руб. с земель Глинских, находившихся в его управлении. Ему принадлежали 212 четвертей подмосковных поместий, 113 четвертей подмосковных вотчин, а всего 3302 четверти вотчин в Московском уезде, Твери, Бежецком Верху и Малом Ярославце (не считая земель в Дмитровском уезде, Вязьме (570 четвертей), Угличе, Ростове и Переславле).⁶⁶⁾ Умело используя трудную обстановку 1591 г., Борис добился укрепления своего могущества. Практически дорога к престолу была ему открыта.

Подведем итоги. Как видно, сохранившиеся источники не позволяют однозначно установить, что же произошло на «заднем дворе» Угличского дворца 15 мая 1591 г. Сразу после смерти царевича возникло две версии о ее причинах. Согласно одной, Дмитрий накололся на нож в припадке падучей болезни; согласно другой, он был убит подосланными Годуновым лицами. Анализ Следственного дела 1591 г., памятников публицистики, свидетельств [181] иностранцев, а также исторической обстановки, в которой произошло событие, склоняет автора скорее к версии об убийстве, чем к версии о «самозаклании».

У Бориса Годунова выработалась своя манера расправы с политическими противниками, не сходная, например, с тем, как уничтожал своих внутренних врагов Грозный. Борис сначала отправлял своих противников в ссылку, а позднее их убивали подосланные им люди. Когда в декабре 1584 г. опала постигла влиятельного казначея П. И. Головина, обвиненного в казнокрадстве, его сослали в Арзамас, где затем с помощью годуновского эмиссара Ивана Воейкова он «скончался нужно». В 1587 г. сослали князей Шуйских. 16 ноября 1588 г. прославленного героя Псковской обороны И. П. Шуйского удушил «огнем и дымом» его надзиратель кн. И. С. Туренин, а 8 мая 1589 г. Андрея Шуйского в Буйгороде лишил жизни некий Смирной Маматов.⁶⁷⁾ В 1600 г. в ссылку отправлены были Романовы, и там вскоре при невыясненных обстоятельствах умерли Александр, Михаил и Василий Никитичи. Ссылка Дмитрия в Углич и его смерть вполне соответствуют типичному для Бориса способу устранения противников. А общая тенденция Следственного дела свести все к виновности Нагих в волнениях на Угличе напоминает стремление Бориса обвинить их же в московских пожарах 1591 г., что не соответствовало действительности. Итак, в ходе напряженных событий 1591 г. Годунову удалось ценой величайших усилий и путем использования приемов социальной демагогии овладеть положением и укрепить свою власть. Но стабилизация была временной. Волнения в Угличе 1591 г., как и в Москве 1584 и 1586 гг., показали остроту противоречий в стране. Такой вдумчивый наблюдатель, как Флетчер, еще в 1589 г. предсказывал, что всеобщее возмущение в России «должно (будет) окончиться не иначе как гражданской войной (civil flame)».⁶⁸⁾ После 15 мая 1591 г. прошло немногим более десяти лет, и в России вспыхнула Крестьянская война, потрясшая основы крепостнической политики класса феодалов. [182]

Назад К оглавлению Дальше

¹⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 42; т. 34, с. 197.

²⁾ Историографию вопроса см.: *Зимин А. А.* Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов. — ВИ, 1978, № 9, с. 92-94.

³⁾ ЦГАДА, ф. 148; *Клейн*. См. также: *Князьков С. Е.* Малоизвестные копии Угличского следственного дела. — АЕ за 1976 г. М., 1977, с. 201-203.

⁴⁾ Повесть об убиении царевича Дмитрия. — ЧОИДР, 1864, кн. IV, Смесь, с. 4.

Горсей сообщал, что епископа Крутицкого, посланного в Углич на погребение царевича, сопровождали 500 стрельцов, а также многочисленная знать и дворяне (*Севастьянова*, с. 123).

⁵⁾ ОАПП, ч. I, с. 259.

⁶⁾ О городских приказчиках см.: *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957, с. 15-197.

⁷⁾ С. Б. Веселовский полагал, что это не Раков, а какой-то сборщик посошных людей (*Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978, с. 169).

⁸⁾ *Клейн*, с. 110.

- ⁹⁾ Там же, с. 66-68. Ср. *Веселовский С. Б. Труды...*, с. 179.
- ¹⁰⁾ *Полосин*, с. 225-230.
- ¹¹⁾ Кормилица царевича и угличские рассыльщики называют болезнь «черным недугом» (XVIII, XLVII). Возможно, Дмитрий унаследовал ее от царя Ивана и его родичей Глинских. Так, был «болен черным недугом» кн. И. М. Глинский (*Бычкова М. В.*, Родословие Глинских из Румянцевского собрания. — ЗОР, 1977, вып. 38, с. 123). Факт болезни Дмитрия подтвердил и А. А. Нагой: «В великое говенье у дочери... руки переел» (XVIII). Угличские рассыльщики говорили: «...презже тово, государь, на нем была ж та болезнь по месецем безпрестано» (XLVII).
- ¹²⁾ Ключник Сытного дворца Г. Тулубеев назвал только мамку и кормилицу (XXXI).
- ¹³⁾ Подключники А. Ларионов и Я. Гнидин упоминают Петрушку Колобова как «жильца», сообщившего им о смерти Дмитрия (XXXIII).
- ¹⁴⁾ Угличские рассыльщики (якобы со слов дворовых) говорили, что царевич поколоса не ножом, а «сваей»: «...тою сваею, которою играл, поколоса» (XLVII). «Свая» появилась, очевидно, под влиянием рассказа о других припадках царевича (он во время поста «поколос сваею и мать свою» (XIV); ср. *Полосин*, с. 236). По В. Далю, «свайка» — толстый гвоздь или шип с большой головкой для игры в свайку (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. СПб.; М., 1882, с. 146).
- ¹⁵⁾ *Полосин*, с. 230, 237.
- ¹⁶⁾ Г. Ф. Нагой, сообщая об убийствах в Брусняной и Дьячей избах, не говорил о причастности к этому Михаила Нагого (VIII-IX). А. А. Нагой говорил, что «не ведает, хто их велел побити, а побила их чернь, посадцкие люди» (XVIII). [279]
- ¹⁷⁾ *Полосин*, с. 236.
- ¹⁸⁾ *Скрынников*. Борис, с. 195.
- ¹⁹⁾ *Полосин*, с. 237.
- ²⁰⁾ Там же, с. 239-240.
- ²¹⁾ Сказание Палицына, с. 102; РИБ, т. 13, стлб. 775, 717; ПСРЛ, т. 14, с. 42; т. 34, с. 196-197.
- ²²⁾ *Клейн*, с. 95.
- ²³⁾ *Антилогов*, с. 44.
- ²⁴⁾ СГГД, ч. II, № 142, 146, 147, с. 300-301, 307; ААЭ, т. 2, Л1 48 и др.; *Станиславский А. Л.* К истории второй «окружной» грамоты Шуйского. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 134-137.
- ²⁵⁾ Повесть, како отомсти, с. 243; РИБ, т. 13, стлб. 6-9, 151-152, 563-565, 717, 861, 879-883; ПЛ, вып. 2, с. 264; *Тихомиров*. Памятники, с. 231; ПСРЛ, т. 14, с. 40-42; т. 31, с. 144; т. 34, с. 196-197; Изборник, с. 188; *Временник Тимофеева*, с. 34-35; Сказание Палицына, с. 101-102; РК 1559—1605 гг., с. 305.

²⁶⁾ РИБ, т. 13, стлб. 764-785.

²⁷⁾ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. — ИЗ, 1945, т. 14, с. 82-107; Корецкий В. И. «История Иосифа о разорении Русском» — летописный источник В. Н. Татищева. — ВИД, т. V. Л., 1973, с. 251-285; Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I. — Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 300-302.

²⁸⁾ Корецкий В. И., Станиславский А. Л. Американский историк о Лжедмитрии. — ИСССР, 1969, № 2, с. 241.

²⁹⁾ Упомянут в феврале 1590 и в январе 1598 г. (РК 1475—1598 гг., с. 421, 534).

³⁰⁾ Материалы по истории Европейского Севера, вып. 2. Вологда, 1972, с. 183 и сл.

³¹⁾ Белов Е. А. О смерти царевича Дмитрия. — ЖМНП, 1873, № 8. с. 284.

³²⁾ Цит. по: Лурье Я. С. Письма Джерома Горсея. — УЗ ЛГУ, 1940, № 73, с. 200, 195.

³³⁾ Скрынников. Борис, с. 196; Севастьянова, с. 123.

³⁴⁾ Дмитриевский, с. 92-94; Маржерет, с. 151.

³⁵⁾ Масса, с. 35, 36, 39-40, 160.

³⁶⁾ Хроника Буссова, с. 80; Петрей, с. 170. О садистских наклонностях Дмитрия писал также Д. Флетчер (Флетчер, с. 21).

³⁷⁾ Акты Юшкова, № 220, с. 216, 233 и др.

³⁸⁾ Корецкий В. И., Станиславский А. Л. Американский историк о Лжедмитрии, с. 241; Скрынников. Борис, с. 194.

³⁹⁾ Вельяминов-Зернов, ч. 2, с. 89-90.

В апреле 1586 г. А. П. Клешнин присутствовал, на посольском приеме (Савва, с. 228). В марте 1573 г. некий Андрей Веригин (?Петрович) Клешнин входил в состав дворовых людей с окладом, шедшим с «города» (Альшиц, с. 24). В 1575/76 г. А. П. Клешнин выступал послухом в грамоте молодого Бориса Годунова (ЧОИДР, 1897, кн. 1, с. 7). Весной 1577 г. он упоминался среди государевых дворян вместе с И. В. и Ф. И. Годуновыми и И. С. и И. Г. Нагими (Щ, л. 584).

⁴⁰⁾ РК 1559—1605 гг., с. 219, 379, 269; РК 1475—1598 гг., с. 413, 414, 421, 422.

Сестра А. П. Клешнина была женой влиятельного Панкратия Яковлевича Салтыкова. В сентябре в «свейском походе» Клешнин должен был идти «в прибавку» к воеводе большого полка Б. Ю. Сабурову. На приеме польского посла в апреле 1592 г. вместе с Б. Ф. Годуновым, Ф. И. Мстиславским [280] и Д. И. Годуновым опять присутствовал А. П. Клешнин (Анпилогов, с. 45, 48; РК 1475—1598 гг., с. 460).

⁴¹⁾ Скрынников. Борис, с. 103.

⁴²⁾ ПДС, т. X. СПб., 1871, с. 71; *Веселовский*. Дьяки, с. 110-111; *Садиков*. Очерки, с. 402, 400; *Герасимов А. А.* Грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. — Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 31. Саратов, 1914, с. 8-9. В 1595/96 г., согласно Зубцовской сотнице, существовал «Углецкой дворец» (*Шумаков С. А.* Зубцовские сотницы. Тверь, 1904, с. 12).

⁴³⁾ Э, № 390, л. 736; *Флоря Б. И.* О текстах русско-польского перемирия 1591 г. — Славяне и Россия. М., 1972, с. 71-81; РК 1475—1598 гг., с. 443; РК 1559—1605 гг., с. 269; АИ, т. 2, № 38, с. 34-36.

⁴⁴⁾ РК 1475—1598 гг., с. 378, 390, 413; *Веселовский*. Дьяки, с. 52; *Лихачев*. Дьяки, Прил., с. 68; ААЭ, т. 3, № 150, с. 216. В боярском списке 1588/89 г. против фамилии М. Битяговского помета: «з государем» (Боярские списки, ч. 1, с. 107).

⁴⁵⁾ *Яковлева*. Возвышение, с. 276.

⁴⁶⁾ *Флетчер*, с. 21; *Севастьянова*, с. 120.

⁴⁷⁾ ГБЛ, Архив Троице-Сергиевой лавры (ф. 303), кн. 527, № 386; *Кашианов С. М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина. — ВИ, 1965, № 1, с. 44; АИ, т. 1, № 219 (25 декабря 1587 г.); ААЭ, т. 1, № 311 (9 сентября 1588 г.); ДАИ, т. I, № 143. В крестоцеловальной записи 11 февраля 1590 г. также упомянуты Федор и Ирина (Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952, с. 443).

⁴⁸⁾ *Скрынников*. Борис, с. 190, 191.

⁴⁹⁾ *Севастьянова*, с. 123; ПСРЛ, т. 14, с. 46-47; Сказание Палицына, с. 102; *Дмитриевский*, с. 93; РИБ, т. 13, стлб. 565.

Дату пожаров установил И. А. Голубцов (*Голубцов*, с. 71).

⁵⁰⁾ *Маржерет*, с. 151; Хроника Буссова, с. 41; *Петрей*, с. 171; *Масса*, с. 41; *Антилогов*, с. 160.

⁵¹⁾ *Голубцов*, с. 70.

⁵²⁾ *Антилогов*, с. 43.

⁵³⁾ *Голубцов*, с. 60; *Севастьянова*, с. 123.

⁵⁴⁾ ЦГАДА, ф. 181, № 98/129; *Голубцов*, с. 58, 67; Сказание Палицына, с. 103.

⁵⁵⁾ Сказание Палицына, с. 103; *Маржерет*, с. 151; ОАПП, ч. I, с. 210-211; *Масса*, с. 42.

⁵⁶⁾ *Новосельский*, с. 36; *Кушева*. Народы Кавказа, с. 278-279; *Тихомиров*. Заметки, с. 72; РК 1475—1598 гг., с. 440-441; *Масса*, с. 36. Цифра «150 тыс.» приводится также в посольских польских (*Антилогов*, с. 41) и крымских (*Кушева*. Народы Кавказа, с. 278) книгах.

⁵⁷⁾ *Кушева*. Народы Кавказа, с. 278; РК 1475—1598 гг., с. 440-441; РК 1559—1605 гг., с. 266.

⁵⁸⁾ Подробнее об обороне Москвы см: РК 1475—1598 гг., с. 440-448; РК 1559—1605 гг., с. 267-268; ЦГАДА, ф. 123, кн. 18, л. 189 об., 190; Изборник, с. 188; ПСРЛ, т. 14, с. 42-43; т. 34, с. 92-93; Временник Тимофеева, с. 157-158; *Масса*, с. 36-37; *Тихомиров*. Заметки, с. 72; *Антилогов*, с. 41-43; *Тихомиров*. Памятники, с. 231-232.

⁵⁹⁾ По Тимофееву, лазутчик сообщил хану о прибытии новгородско-псковской рати (Временник Тимофеева, с. 157).

Масса, с. 37-39; *Антилогов*, с. 42; ПСРЛ, т. 34, с. 234; *Тихомиров*. Памятники, с. 231, 232.

⁶⁰⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 43-44.

⁶¹⁾ По другим данным, строительство началось в Петров пост 1590 г. (*Тихомиров*. Заметки, с. 89); ПСРЛ, т. 34, с. 196 (1593/94 г.); История [281] Москвы, т. I. М., 1952, с. 226-228; *Рабинович М. Г.* Облик Москвы в XIII—XVI вв. — ВИ, 1977, № 11, с. 141. Н. Варкоч, посетивший Москву летом 1593 г., писал, что «Скородом» построен был «около 2 лет назад» (ЧОИДР, 1874, кн. 4, отд. 4, с. 15, 35).

⁶²⁾ РК 1559—1605 гг., с. 275.

⁶³⁾ «Слугой» Бориса именовали еще в начале 1589 г. (*Шпаков*, Прил., ч. 1, с. 122).

⁶⁴⁾ *Антилогов*, с. 77-78. Ср.: *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. — Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 28-56; Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, с. 299, 300, 483, 62.

⁶⁵⁾ *Зимин*. О составе, с. 63.

О М. И. Воротынском см.: РК 1475—1598 гг., с. 188, 189, 195; Щ, л. 478, 479 (весна и лето 1573 г.); в Дворовой тетради он «служилый князь» (ТКДТ, с. 117); ср.: *Буганов В. И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г. — ИА, 1959, № 4, с. 180; *Мордовина*. Князья, с. 326-340.

⁶⁶⁾ *Флетчер*, с. 34; *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. М., 1911, с. 70-71; *Бибииков Г. Н.* Земельные пожалования в период Крестьянской войны и польской интервенции начала XVII в. — УЗ Моск. гор. пед. ин-та, 1941, т. II, вып. 1, с. 186; *Мордовина*, *Станиславский*. Боярские списки, с. 170-171.

⁶⁷⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 195; *Севастьянова*, с. 118-119; РИБ, т. 13, стлб. 716-717.

⁶⁸⁾ Текст дается в переводе И. И. Смирнова (*Смирнов И. И.* Восстание Болотникова 1606—1607. М., 1951, с. 62); см. также: *Флетчер*, с. 32.

Упрочение власти

Утвердив свою власть в борьбе с феодальной знатью и удельной оппозицией, Борис Годунов основное внимание направил на стабилизацию внутреннего и внешнего положения страны. Неудача летнего похода 1591 г. Казы-Гирея на Москву заставила крымского хана искать мирные средства урегулирования отношений с Россией. Это отвечало интересам и русского правительства, стремившегося обезопасить южные границы от опустошительных набегов крымцев. Ханские послы зимой 1591 г. пространно говорили о желании Казы-Гирея жить в дружбе с царем, но откровенно выражали досаду

на постройку городков на Тереке, ибо они запирали для османо-татарских войск путь на Иран. Переговоры затянулись. Следствием неурегулированности отношений с Крымом был набег царевича Фети-Гирея (возможно, с 80-тысячным войском) «безвестно» на тульские, каширские и рязанские места весной 1592 г. Крымцы взяли «полону много множество, яко и старые люди не помнят такие войны...».¹⁾

Русское правительство хотело сохранить добрососедские отношения не только с Крымом, но и с другими восточными странами. В первые годы правления шаха Аббаса I объявил себя независимым владыкой богатой прикаспийской провинции Гилян Ахмед-хан. В 1589 г. его посланник побывал в Москве. После заключения османо-[183]иранского мирного договора положение Ахмед-хана ухудшилось, и он попытался упрочить свои позиции путем налаживания отношений с Россией. Его посол Тюркемилъ прибыл в Москву 18 февраля 1592 г. Но правительство Бориса не склонно было оказывать сколько-нибудь серьезную поддержку мятежнику, и переговоры были весьма прохладными. А в мае того же года Ахмед-хан при приближении войск Аббаса I бежал к османам в Баку. В грамоте, доставленной в Москву шахским гонцом Каем летом 1592 г., Аббас I выражал надежду на дальнейшее улучшение русско-иранских отношений и на вступление России в войну с Турцией, так сказать, «один на один» (без участия Ирана). Миссия Кая существенных результатов не дала, ибо правительство Бориса Годунова не было склонно ввязываться в военные авантюры. В феврале 1592 г. оно принимает решение о посылке Г. А. Нащокина с миссией дружбы к султану. Этот опытный дипломат хорошо знал обстановку на Ближнем Востоке. В свое время именно он встречал в Москве константинопольского патриарха Иеремию. Отпущенный из Москвы 6 апреля 1592 г., Нащокин медленно добирался до Константинополя и прибыл в столицу Порты только в феврале 1593 г. Здесь его принял султан, о чем посол подробно, как и о восстании «спагов», отписал в Москву.²⁾

Продолжали развиваться дружеские отношения с Грузией и Кабардой. В декабре 1592 г. из Кахетии вернулось посольство В. Т. Плещеева с грузинскими послами кн. Арамом и архимандритом Кириллом, просившими от имени царя Александра II прислать «большую рать» против шамхала. Им сообщили, что будет послан кн. А. И. Хворостинин с 15-тысячным войском и «вогненным боем». В 1592 г. русскую столицу посетил и старший кабардинский князь Янсох. Наконец, завязывались связи и с более отдаленными странами, в частности с Ургенчем.³⁾

Радостную весть об утверждении вселенскими патриархами новой патриархии в России привез терновский митрополит Дионисий, прибывший в день московских пожаров (24 мая 1591 г.).⁴⁾

Неопределенным было положение на севере страны. Энергично действовали здесь только голландцы. В 1591 г. отчет о Лапландской земле составил голландец Симон фон Салинген, посланный туда как эксперт в 1588 г. Споры между отдельными иностранными купцами не утихали. Тогда же Ян де ла Балле добился ареста нидерландского [184] резидента Мельхиора де Мушерона, обвинив его в том, что он его, Балле, товары отнял.⁵⁾

Война со Швецией тянулась вяло. В августе 1591 г. «свейские немцы» числом 1200 человек завязали сражение под Кольским острогом, но потеряли убитыми и ранеными 215 человек. 20 сентября 700 «каинских немец» пришли в Кемь к Сумскому острогу. Навстречу «каинскому» отряду под Соловки были посланы князя Андрей и Григорий Волконские с небольшой ратью. В ответ на эти действия зимой 1591/92 г. под Выборг отправлены были войска (по преувеличенному данным, 100 тыс. человек) кн. Ф. И. Мстиславского, И. В. Годунова и др. Придя на рождество в Новгород, воеводы на той же неделе отправились в Орешек. Там они стояли три дня «для теснот великих» и неделю

после этого шли к Выборгу. Взяты были четыре острога, несмотря на то что воеводам «встречи в Немецкой земли не было». Выборг же взять не удалось, хотя его гарнизон был малочисленным. Потери «на море» достигли 5 тыс. человек. Воевали русские «всю зиму» (по другим данным, всего четыре недели) и вернулись «по остаточному пути».⁶⁾

Одновременно с выборгским походом в начале января 1592 г. в «Каинские немцы» отправилась 3-тысячная рать Г. К. Волконского из Сумского острога. Она в течение шести недель воевала волости Олой, Линелу, Сиг и другие (всего пять волостей). В августе «каинские немцы» снова подходили к Сумскому острогу. Вернувшись из очередной поездки по монастырям на вербной неделе 1592 г., царь Федор наложил опалу на воевод выборгского похода, и прежде всего на воеводу полка правой руки кн. Ф. М. Трубецкого, «что меж ими з Годуновыми была рознь». Но уже на пасху он был прощен.⁷⁾

29 мая 1592 г. двор ликовал: у царя Федора и Ирины родилась дочь Феодосия.⁸⁾ С известием об этой радостной вести и с «милостиною» в Иерусалим отправился М. Агарков. В Речь Посполитую поспешил А. Д. Резанов в ответ на посольство П. Волка. Елизавете английской сообщили об этом в январе 1593 г. Объявлена была амнистия тем, «кои были приговорены к казни, заточены по темницам».⁹⁾

Омрачилась эта радужная картина «мором великим», который в 1591/92 г. настолько опустошил Псков и Иван-город, что пришлось спешно переводить туда людей из [185] других городов.¹⁰⁾ В феврале 1593 г. в Торжке стояли заставы в связи с эпидемией в Новгороде.

1593 год начался с заключения 20 января двухлетнего перемирия со Швецией. Обе державы убедились в бесперспективности вооруженной конфронтации. В Швеции в 1592 г. усилились позиции кругов, заинтересованных в установлении мирных отношений с Россией. Их возглавлял брат короля Юхана III герцог финляндский Карл. В марте 1593 г. он направил в Москву Петера Расмуссона с предложением продлить перемирие между странами. Шведское посольство вернулось с согласием на продолжение мирных переговоров. Вопрос упирался прежде всего в судьбу Нарвы и Корелы, на возвращении которых решительно настаивала русская сторона. Определен был состав нового шведского посольства для предстоящих переговоров, а русские представители в сентябре даже прибыли в Ивангород для встречи со шведами. Но переговоры были отложены до 1594 г. в связи с изменением внутривосточного положения в Швеции. В конце 1593 г. умер Юхан III, и его сын Сигизмунд Ваза, представлявший наиболее воинственные круги шведской знати и являвшийся одновременно польским королем, должен был вступить на престол. В Швеции ожидали прибытия наследника, поэтому вопрос о перемирии с Россией остался нерешенным.¹¹⁾

В 1593 г. вспыхнула очередная война Империи с Турцией. Как уже бывало в подобных случаях и ранее, Империя предприняла энергичные попытки втянуть Россию в вооруженный конфликт с Портой. В сентябре в Москву прибыл имперский посол Н. Варкоч. Начались весьма деликатные переговоры, в ходе которых каждая из сторон старалась добиться успеха за счет уступок партнера. Рассматривались возможности союза держав против Турции (в чем заинтересована была Империя), брака царевны Феодосии с имперским эрцгерцогом и другие вопросы. Не добившись своего, 8 декабря Варкоч покинул Москву, а переговоры решено было продолжать. Варкочу удалось получить согласие русского правительства только на денежное вспомоществование Империи в ее войне с Портой. Просьба цесаря оказать посильное дипломатическое воздействие на шаха, чтобы он не заключал мир с султаном, запоздала, ибо мирный договор между Османами и Сефевидами был заключен еще в 1590 г. С Варкочем царь отправил грамоту испанскому

королю Филиппу II. Но отношения [186] между Россией и Испанией завязать не удалось, ибо тогда между державами было мало жизненных точек соприкосновения. В ходе русско-имперских переговоров обсуждался вопрос о судьбе польского престола, в случае если Сигизмунд Ваза после избрания его шведским королем покинет Речь Посполитую, как поступил в сходной ситуации Генрих Валуа. Русское правительство согласилось поддержать имперскую кандидатуру и признать права Империи на Прибалтику, ограничив свои претензии Нарвой и Юрьевом.¹²⁾

В 1593 г. не произошло существенных перемен в отношениях России со странами Ближнего Востока. Бухарский правитель Абдулла II добился крупного успеха, овладев Хорезмом. Его покровительство Кучуму вызвало раздражение в Москве, склонявшейся к поддержке шаха в войне с Бухарой. В октябре 1593 г. из Москвы отпустили шахского посла Ази-Хосрова (прибывшего летом), а в январе 1594 г. от Аббаса I прибыл с грамотой новый гонец — купец Хози Искандер. Основное внимание в русско-иранских переговорах уделено было торговым сношениям между странами. В результате их было положено начало беспошлинной торговле шахского двора с Россией. Отношения с Ираном налаживались с трудом: у держав сопредельных границ не было и связующим звеном между ними был Северный Кавказ. Летом 1593 г. принято было окончательное решение о посылке войск кн. А. И. Хворостинина с целью взять Тарки (тарковский шамхал был давнишним противником как Кабарды, так и России). В 1594 г. Тарки были взяты и разрушены. Но построить на их месте новый городок не удалось. Сооружен был небольшой острог на Койсе. Тяжелый поход стоил жизни 3 тыс. воинов. В грамоте царя Александра II, доставленной в декабре 1594 г. кахетинскими послами Арамом и Хуршитом, содержалось обещание поддержать военные действия кн. А. И. Хворостинина на Северном Кавказе, но позднее для этого ничего не было сделано.¹³⁾

Крым с 1593 г. увяз в длительной и бесперспективной войне на стороне Турции против Империи. Летом и зимой 1594 г. Казы-Гирей совершил длительный поход в «Угорскую землю» (Венгрию), поэтому хан стремился срочно урегулировать отношения с Россией. 14 апреля Казы-Гирей принес шерт перед посланником кн. Меркурием Щербатым, прибывшим в Крым в конце 1593 г. Походы крымцев на Русь с этого времени и до конца XVI в. [187] прекратились. Только из Азова Дос-Магмет время от времени совершал рейды на южные окраины России: в начале 1594 г. — на алатырские места, а в 1596 г. — на ряжские.¹⁴⁾ В октябре 1593 г. из Турции вернулся посланник Г. А. Нащокин вместе с османским послом Резваном чеушем. Султан Мурад выражал беспокойство по поводу набегов донских казаков, подозревая, что за их спиной действует русское правительство. Он требовал, чтобы казаки прекратили набеги на Азов, в противном случае грозя послать против них войска. Недовольство Мурада вызывали и русские городки-остроги, построенные на Дону и Тереке. Русское же правительство настаивало, чтобы из Азова и Крыма не совершались набеги на южные окраины страны. В июле 1594 г. Резван и русский посол Д. Исленьев отправились из Москвы в Константинополь. Ранее, в мае 1594 г., принято было решение о посылке к шаху кн. А. Д. Звенигородского.¹⁵⁾

Русское правительство не желало вступать в вооруженный конфликт ни на стороне Ирана, ни на стороне Османской империи и было заинтересовано в развитии мирных дипломатических и торговых отношений с обеими странами. Тщетно пытались втянуть Россию в военную авантюру против Турции имперские дипломаты и папа. В марте 1594 г. имперский гонец Михаил Шиль вел в Москве конфиденциальные переговоры с Андреем Щелкаловым о возможности брака эрцгерцога Максимилиана с дочерью Годунова как бы в обмен за вступление России в антиосманскую лигу. 25 января умерла царевна Феодосия,¹⁶⁾ и становилось ясным, что в случае бездетной смерти Федора власть в стране

перейдет к Борису Годунову. Переговоры о браке австрийского эрцгерцога с дочерью Бориса имели целью укрепить его династические позиции.

В декабре 1594 — марте 1595 г. в Москве в третий раз принимали Н. Варкоча. Имперский посол настаивал на выполнении обещания о присылке денежной подмоги на войну с османами и просил царя использовать свое влияние, чтобы заставить Крым не принимать участие в войне с Империей, а шаха — воздержаться от замирения с султаном. Уклоняясь от обязательств, которые могли бы втянуть страну в войну, Борис твердо вел линию на сохранение с Империей дружественных отношений. 13 марта 1595 г. в Империю послан был М. И. Вельяминов «с царской казной» «на вспоможенье против турского». Он вез [188] щедрые дары — «мяхкую рухлядь» (чернобурых лисиц, соболей, куниц, белок и бобров) на 44 720 руб.¹⁷⁾

В марте 1595 г. в Москве велись и переговоры с папским послом Александром Комулеем (Кумоловичем, славянином по происхождению). В послании Климента VIII от 22 января 1594 г. в очередной раз обосновывалась необходимость участия России в борьбе с османами, говорилось о перспективах вторжения русских войск в Молдавию и Подолию и даже о завоевании Константинополя.¹⁸⁾

Весной 1594 г. в Швеции обострилась борьба между королем Сигизмундом, которого поддерживали аристократия и консервативное крестьянство, и его дядей герцогом Карлом, за спиной которого стояли дворяне, горожане и свободные крестьяне. После отъезда Сигизмунда в Речь Посполитую Карл и шведский риксдаг решили возобновить переговоры с Россией и смягчить условия проекта договора о мире. 9 ноября в Тявзине (около Ивангорода) началось обсуждение мирного соглашения, продолжавшееся до мая 1595 г. Самым трудным был вопрос о судьбе Нарвы и Корелы. С целью ускорить заключение мира правительство Годунова в конце концов пошло на уступку Нарвы, но добилось возвращения Корелы. Известное влияние на ход переговоров и особенно на позицию шведов оказал имперский уполномоченный фон Минквиц. Он сообщил о желании Рудольфа II ускорить заключение мира с Россией, с тем чтобы привлечь ее к антиосманской коалиции. 18 мая 1595 г. Тявзинский договор был парафирован. Его подписание — крупный успех русской дипломатии, добившейся возвращения захваченной шведами Корелы.¹⁹⁾

Б. Н. Флоря считает, что Тявзинский договор означал «отказ для России на неопределенно долгое время от активной политики на Балтике и правовое закрепление посреднической роли ливонских купцов — подданных Швеции в экономических контактах между Россией и Западной Европой». Такая негативная оценка Тявзинского договора представляется заблуждением. Действительно, в 80-е годы XVI в. Нарва играла крупную роль во внешнеторговом балансе России. До 98% нарвского экспорта составляли русские товары. Запрет торговли в Нарве всем иностранным купцам, кроме шведов, т. е. создание так называемого прибалтийского барьера, ударил по экономическим позициям русского купечества.²⁰⁾ Но в сложившейся обстановке добиться возвращения Нарвы было [189] невозможно, сил же вести войну во имя этой цели у России не хватало. Поэтому Тявзинский договор признавал в статьях о внешней торговле реальное положение вещей, и только. Русское правительство пыталось изыскать иные пути для развития торговых отношений с Западной Европой (в частности, через Архангельск). В то же время возврат Корелы — важнейшего военно-административного и экономического центра Карелии — имел огромное перспективное значение. Процесс сближения между карелами и русскими, начавшийся во времена Киевской Руси, получил новые возможности для развития.

К 1595 г. относятся и сведения о дальнейшем укреплении русско-французских связей. Король Генрих IV прислал царю Федору грамоту, в которой просил оказать содействие торговым операциям купца де Мушерона.²¹⁾ В октябре де Мушерон подал ее царю.²²⁾ После длительных переговоров в марте 1595 г. Москву покинул имперский посол Н. Варкоч, а вслед за ним в Империю отправился М. И. Вельяминов с «государевой казной».

Отношения с Речью Посполитой не выходили за рамки обычной дипломатической переписки. Правда, Сигизмунд в период тязвинских переговоров пытался оказать давление на Россию с целью принудить ее к заключению мира на благоприятных для Швеции условиях. В феврале 1595 г. в Москву вернулся Р. Пивов с грамотой от имени панов-рады. Речь Посполитая предупреждала, что если царь начнет новую войну со Швецией, то король вынужден будет «боронить» «подданных своих королевства Шведского».²³⁾ Осенью 1595 г. единоличным правителем Швеции был провозглашен герцог Карл, и польско-шведские отношения резко обострились.

Традиции добрососедства России со странами Ближнего Востока в 1595 г. продолжали сохраняться. Впрочем, и здесь были свои трудности. 27 января 1595 г. Москву в третий раз посетил шахский посланник Анди-бек.²⁴⁾ Шахский двор, озабоченный проникновением России на Северный Кавказ, отвергал ее претензии на Дагестан и предупреждал, что шамхал является подданным Сефевидов. Вместе с тем Анди-бек передал пожелание Аббаса I развивать торговые сношения между странами. В августе 1595 г. в Астрахань вернулся ездивший с миссией в Иран князь А. Д. Звенигородский. Задачу свою — добиться сохранения дружественных сношений с шахом — он выполнил успешно. Османская империя, где после смерти [190] Мурада престол занял молодой Мухаммед III, занята была войной в Европе, терпя там поражение за поражением. Только в феврале 1595 г. вернулся в Крым из похода в Венгрию Казы-Гирей. В мае, узнав об этом, «князи, и бояре, и воеводы, и всякие воинские ратные люди, и вся земля» били челом царю, «чтоб им в то время позволили итти на Крым». Но, верный политике умиротворения, Борис Годунов (устаи царя) отказал им в просьбе. Летом 1596 г. в Кахетию отправилось посольство К. П. Совина с сообщением о постройке городка Койсы и о военных действиях против «шевкала».²⁵⁾

В 1595 г. во время очередной поездки царя Федора на богомолье (на этот раз в Пафнютьев монастырь) в Москве вспыхнул новый страшный пожар. Выгорел весь Китай-город. На следующий год царь отдал распоряжение сделать в Москве каменные лавки (вместо легковоспламеняющихся деревянных), причем «своей казной». Их строительство было завершено в 1595/96 г. В том же году кн. В. Щепин-Ростовский и В. Лебедев с «советчиком» П. Байковым хотели снова поджечь Москву и, воспользовавшись пожаром, пограбить государеву казну. Их намерения стали известны. Последовала быстрая расправа: Щепину и Байкову отрубили головы «на Пожаре».²⁶⁾

В декабре 1595 г. кн. В. Звенигородский получил царский наказ ехать в Смоленск и готовиться там к строительству каменной крепости. Вместе с ним отправился и прославленный градостроитель Ф. С. Конь. В 1595/97 г. «делати каменный город» туда же выехал и окольный И. М. Бутурлин. В Смоленск отправились каменщики и гончары из разных городов, которые «камень и известь возили з дальних городов». Так, тульские кирпичники составили в 1586/87 г. особую корпорацию, чтобы «ежегодь ходить к государевым кирпичным делам». Смоленск велено было построить «наспех», т. е. скоро. Надзор за строительством крепости осуществлял сам Борис. По словам «Нового летописца», правитель государства, «идучи, дорогою по градом и по селом поил и кормил, и хто о чем побьет челом, и он всем давал, являясь всему миру добрым».²⁷⁾

Поддерживая купечество, Борис Годунов не склонен был за его счет одаривать льготами иностранных торговцев. Выданная в 1596 г. очередная привилегия англичанам повторяла старую, содержавшую весьма умеренные [191] льготы. Русско-английская торговля должна была строиться на взаимовыгодных основах.²⁸⁾

Камнем преткновения для русско-датских отношений оставались лопские погосты, на которые претендовали обе державы. В 1595/96 г. датский король Христиан IV прислал царю Федору грамоту, в которой говорилось о необходимости их размежевания. Но дело до конца не было доведено (датские послы уехали из Колы, не дождавшись русских). Впрочем, Борис старался сгладить русско-датские противоречия, «намереваясь вступить в союз» с Данией.²⁹⁾

Не было перемен и в отношениях России с Речью Посполитой. В начале 1597 г., когда стало ясно, что царь Федор недолговечен, в среде польских и литовских магнатов снова встал на повестку дня вопрос о династической унии с Россией. Решено было послать Боярской думе грамоту с предложением начать предварительные переговоры на эту тему. Но планы унии не были реализованы.³⁰⁾ Прибывший 27 августа посланник Ян Голубицкий поставил правительство Бориса в известность о решении короля вести войну с османами и крымцами и выразил надежду, что к борьбе с «врагами Христовыми» примкнет и Россия. Ту же цель — побудить Россию к выступлению против Турции — преследовал и папский посол Александр Комулей, вторично посетивший Москву в марте 1597 г. Но и на этот раз дело не сдвинулось с места. Наконец, 28 апреля 1597 г. прибыл цесарский посол Аврам, бургграф Донский.³¹⁾ Речь шла все о том же: католические страны стремились совместным нажимом добиться изменения позиции русского правительства в османском вопросе. Император Рудольф II преследовал и более реальную цель — получить денежные средства из государственной казны и использовать влияние России для воздействия на крымского хана. Русские представители держались уверенно. Они выражали желание видеть в Москве новое имперское посольство, и только.

Стабилизировались отношения России со странами не только Запада, но и Ближнего Востока. Посольство Пакизе Имам Кули-бека (1596—1597 гг.) преследовало чисто коммерческие цели. В ответ на него весной 1597 г. русское правительство направило в Иран кн. В. В. Тюфякина для заключения договора о союзе. На пути к шахскому двору оба посла умерли.³²⁾ Позволительно сомневаться в том, что [192] в то время в планы русского правительства входило намерение начать войну с Турцией.

В целом внешняя политика правительства Годунова в 1591—1598 гг. отличалась четкой линией и имела задачей помочь стране путем обеспечения мирных отношений с соседними странами сосредоточить усилия на борьбе с затяжным экономическим кризисом.

Для осуществления внутривластных преобразований необходимо было иметь надежный, хорошо работающий государственный аппарат. Годунову удалось привлечь к работе в нем опытных администраторов и добиться некоторой стабилизации его личного состава. Боярская дума практически не принимала участия в решении важнейших государственных дел. Она имела «парадное» значение. Члены Думы осуществляли то, что было решено Борисом Годуновым и его ближайшими советниками. Бояре присутствовали на посольских приемах, одобряли заранее принятые решения, участвовали в торжественных обедах, которые устраивал Борис. Возглавляли они наиболее значительные полки, стоявшие «на берегу» или в порубежных районах на западных и северо-западных границах. По традиции во главе наместнического аппарата в крупнейших городах стояли также бояре. Здесь их полномочия были довольно значительными.

Боярская дума пополнялась фактически только в 1591—1592 гг. В декабре 1592 г. «сказано» было боярство кн. И. И. Голицыну. Тогда же боярином стал кн. Б. К. Черкасский, а ранее (в апреле) — кн. В. А. Гагин. Двое из этих бояр принадлежали к романовскому кругу, которому демонстративно покровительствовал Борис (Б. К. Черкасский был женат на одной из дочерей Н. Р. Юрьева). К маю 1597 г. из окольных боярином стал кн. Ф. И. Хворостинин.³³⁾ Несколько увеличилось число окольных. 4 апреля 1591 г. околичество «сказано» было С. Ф. Сабурову, к июлю 1591 г. — Н. И. Очину-Плещееву, к лету 1592 г. — М. Г. Салтыкову. К апрелю 1592 г. окольным стал кн. И. В. Гагин, к весне того же года — кн. И. С. Туренин, к марту 1593 г. — Я. М. Годунов. 15 апреля 1593 г. «сказано» было околичество кн. А. И. Хворостинину, а в 1594/95 г. упоминается окольный Д. И. Вельяминов.³⁴⁾ Подавляющее большинство этих лиц были близкими к Годунову (представители клана Сабуровых — Годуновых — Вельяминовых, а также убийца И. П. Шуйского кн. И. С. Туренин и кн. А. И. Хворостинин). [193]

Назначения в Думу 1591—1592 гг. объясняются тем, что Борис в сложной обстановке, вызванной смертью Дмитрия и московскими пожарами, пытался очередной раз консолидировать силы феодальной знати. Именно тогда снова при дворе появились князья В. И. и Д. И. Шуйские³⁵⁾ и возвращен был из опалы Б. Я. Бельский.

В корпорации думных дворян изменения произошли сразу же после коронации Федора. В 1583/84 г. Б. В. Воейков отправлен был в Пронск и затем надолго исчез из разрядов. В 1586 г. постригся в монахи М. А. Безнин. После 9 декабря 1586 г., но до 8 апреля 1587 г. (по данным Ю. Н. Мельникова) лишился чина его родич печатник Р. В. Алферьев. К 1 июня 1587 г. этот чин был уже у В. Я. Щелкалова. В 1589 г. думными дворянами были Р. М. Пивов, И. П. Татищев, Ф. А. Писемский и Е. Л. Ржевский. Оставался думным дворянином Д. И. Черемисинов, но чаще он упоминается как казначей.³⁶⁾ По боярскому списку 1588/89 г. думными дворянами числились Р. М. Пивов, И. П. Татищев и Р. В. Алферьев.³⁷⁾ Думные дьяки стали принимать все более активное участие в работе Думы. «Ближней думы большой дьяк» Андрей Щелкалов с 1570 по 1594 г. являлся фактическим руководителем Посольского приказа и всей дьяческой администрации вообще. Это был крупнейший деятель государственного аппарата. После воцарения Федора он сначала поддерживал Н. Р. Юрьева, а потом полностью перешел на сторону Бориса, который сумел оценить его административные способности и доверял ему важнейшие государственные дела. А. Щелкалов, писал И. Масса, «был такой пронырливый, умный и лукавый, что превосходил разумом всех людей. Борис был весьма расположен к этому дьяку... и этот дьяк стоял во главе всех дьяков во всей стране, и по всей стране... ничего не делалось без его ведома и желания». Щелкалов отличался большой трудоспособностью. По словам Массы, он работал как «безгласный мул».³⁸⁾

Причины выхода в отставку А. Я. Щелкалова в мае 1594 г. не вполне ясны. С. Ф. Платонов усматривал их в «тайных сношениях с Варкочем». Возможно, «большой дьяк» просто состарился (упоминается в источниках с 50-х годов XVI в.). Место Андрея Щелкалова занял его брат Василий, который, по мнению И. Массы, уступал ему в дарованиях.³⁹⁾ После отставки Р. В. Алферьева Щелкаловы стали хранителями государевой печати (печатниками). [194]

Посольский приказ был как бы штабом государственного аппарата и привлекал для участия в делах внешнеполитического характера всех виднейших дьяков. Дьяки присутствовали на приемах послов и отправлялись с миссиями за рубеж. Так, крупнейшей фигурой после А. Щелкалова был дьяк Дружина Петелин. Наряду с работой в других приказах он был участником крупнейших посольств и приемов. В июне 1582 г. Дружина

Петелин ездил в Речь Посполитую; в апреле 1583 г. присутствовал на съезде со шведскими послами на р. Плюссе; в 1583—1584 гг. участвовал в приеме английского посла Д. Боуса; снова и неоднократно ездил в Речь Посполитую (в ноябре 1584, апреле 1585, июне — октябре 1586, июле — сентябре 1587 г.); вел переговоры с патриархом Иеремией (июль 1588 г.), крымскими (август 1588 г.), иранскими (июнь 1590 г.) и польскими (февраль — март 1593 г.) послами. Это был, по словам Флетчера, «человек весьма замечательный... по уму и расторопности в делах политических». Не исключено, что Петелин и Щелкаловы находились между собой во враждебных отношениях. Во всяком случае в 1597/98 г., по словам В. Щелкалова, «дияк Дружина Петелин, как был в дияцех в Казанском дворце, мстя ему, Василью, по недружбе, что он извещал на него... многие изменные дела, стакався Большого приходу з дьяком со Жданом Порошиным». Зато «дружили» Щелкаловы с Шереметевыми, Голицыными, а ранее с Н. Р. Юрьевым.⁴⁰⁾

Второй важнейший из приказов — Разряд, генеральный штаб русских войск, с начала 1577 по 1594 г. возглавлял Василий Щелкалов. При нем разрядные обязанности исполняли дьяки А. Клобуков (в декабре 1578 г. попал в плен), И. Стрешнев (29 августа 1578, 1578/80 г.), а также Сапун Аврамов (с сентября 1578 г.), совмещавший разрядную работу с выполнением других поручений. После ухода В. Щелкалова в Посольский приказ Сапун (ставший к 1593 г. думным дьяком) возглавил Разряд. Разрядные функции выполняли и другие дьяки, в их числе Д. Петелин (1589 г.), Неудача Ховралев (возможно, с 1588/89 по осень 1591 г.), В. Нелюбов-Суков (с 1592 по 1598 г.), Захарий Свизев (с 1593/94 по 1596/97 г.).⁴¹⁾

Важнейшим финансовым приказом был Большой приход. С 1571 по 1579 г. там сидел дьяк Степан Лихачев. После него (во всяком случае с 1581 г.) приказом до 1585 г. ведал дворовый дьяк Андрей Арцыбашев, отчего [195] приказ, по мнению П. А. Садикова, именуется иногда дворовым. В 1579, 1582, декабре 1583 и летом 1585 г. в Большом приходе служил Богдан Ксенофонтов.⁴²⁾ С октября 1588 по июль 1589 г. главой приказа был дьяк Никита Румяной, а позднее — Ждан Порошин (август 1592 — август 1596 г.). В годы правления Годунова в связи с увеличением роли приказов в правительственной деятельности для руководства ими все чаще привлекались думные люди. Так, с 1588 и до 1598 г. судьей в Большом приходе был боярин кн. И. В. Сицкий.⁴³⁾

Большим дворцом под началом дворецкого ведали: с декабря 1576 по июль 1577 г. — дьяк А. И. Демьянов; в сентябре 1578 и августе 1581 г. — Дружина Петелин; в июле 1579 г. — Гаврила Михеев; в феврале 1580 г. — Постник Сулдашев и Богдан Дементьев; в июне 1581 г. — Фирс Лазарев; в январе 1583 и феврале 1588 г. — П. Т. Тиунов; в 1585/86 — октябре 1586 г. — Семен Емельянов; в октябре 1586 г. — Н. Румяной; в июле 1590 — июле 1592 г. — З. Свизев.⁴⁴⁾

Ямской приказ в июне 1587 г. возглавлял Е. Л. Ржевский (к 1589/90 г. он был думным дворянином). Дьяками там были: Грязной Опочинин (февраль 1574, г.), Никита Щелепин (март 1574 г.), Истома Евской (до февраля 1578 г.), Петр Пестов (ноябрь 1578 г.), Василий Колударов (февраль 1579 г.), Степан Лихачев (июнь 1579 г.), С. Т. Иванов и Меньшой Башев (декабрь 1579 г.), И. Аргамаков (ноябрь 1585 г.), С. Сумороков и Н. Васильев (июнь 1587 г.), Ждан Мерлеев (октябрь 1595 — август 1596 г.), З. Свизев (1596/97 г.).⁴⁵⁾

В Поместной избе сидели дьяки Кирей Горин (май 1574 — 1578/79 гг.), Яков Витовтов (1578 — май 1583 г.),⁴⁶⁾ Елизарий Вылузгин (1583/84—1602 гг.), ставший думным дьяком и сыскавший себе известность участием в разборе Угличского дела 1591 г. Поместными делами ведали Пятой Ильин (октябрь 1573 г.), Семен Фомин (декабрь 1574 г.), Иван Дорофеев-Собакин (март 1576 г.), Богдан Ксенофонтов (январь 1577 — сентябрь 1578 г.),

Андрей Мясной (март 1577 — декабрь 1578 г.), Игнатий Зубов (1578/79 г.), Меньший Дербенев (в Александровской слободе летом 1580 г.), Богдан Иванов (сентябрь 1593 — декабрь 1594 г.), Иван Ефанов (февраль 1595 — август 1605 г.).⁴⁷⁾

Казанский дворец по совместительству возглавлял с 1570 до середины 1587 г. А. Щелкалов. В нем также [196] служили: Грязной Ивашов (1580/81—1583/84 гг.), Дружина Петелин (1585—1590, 1594/95 — сентябрь 1595 г.), Захарий Свизев (июнь 1588 г.). С августа 1592 по август 1596 г. там также сидел Ждан Порошин, а в июле 1597 г. — Афанасий Власьев.⁴⁸⁾

Заметную роль в оздоровлении финансов страны сыграли четверти, зародившиеся при Иване Грозном.⁴⁹⁾ Эти территориального профиля финансовые приказы связаны были с другими избами, которые возглавляли их руководители. Долгое время существовало три четверти. Первая четверть — дьяка А. Щелкалова — по своей территории близка была к Казанской избе, которую он и возглавлял. В финансовом отношении ей подчинялись Поморье, Суздаль, Дорогобуж, Тула и Сибирь. Компетенции второй четверти — дьяка В. Щелкалова — в 1585 г. подлежали Галич, Вологда, Ярославль, Белоозеро. Третью четверть возглавлял Дружина Петелин (1584—1590 гг.). Созданная также на основе Казанского дворца, она распоряжалась, в частности, Угличем и Сольвычегодском. С 1596 г. известна особая четверть — дьяка Ивана Вахромеева, занимавшаяся Сибирью. С февраля того же года известна и «Новая четверть» дьяков И. А. Нармацкого (в мае 1597 г. — думного) и П. Д. Лодыгина, которой подведомственно было Поморье.⁵⁰⁾

В условиях роста классовой борьбы особенно важные функции выполнял Разбойный приказ. Им в 1584 г. ведали кн. В. В. Мосальский и дьяки В. Шарапов, Д. Бохин и В. Нелюбов. В 1586/87 г. во главе приказа находились боярин кн. Г. А. Куракин и окольный кн. П. С. Лобанов-Ростовский. Это свидетельствовало о возросшей роли приказа после восстаний 1584 и 1586 гг. С 1588/89 по 1594 г. в Разбойной избе сидел дьяк Афанасий Демьянов. Очевидно, в феврале 1586 г. там служили В. Шарапов и Д. Бохин, а в июне 1590 г. — Т. Петров. В 1585/86 и в декабре 1594 — марте 1595 г. известно о службе в этом приказе дьяка Андрея Иванова сына Татьянина.⁵¹⁾

Весной — летом 1584 г. в источниках упоминается московская Судная палата во главе с боярином В. И. Шуйским и дьяками Семеном Сумороковым и Иваном Мешаевым.⁵²⁾

Важную функцию охраны порядка в стране выполнял Стрелецкий приказ. В декабре 1586 — ноябре 1587 г. им ведал боярин И. В. Годунов. В Холопьем приказе сидел [197] с июля 1593 по апрель 1597 г. дьяк Пятой Кокошкин (в 1597 г. — с М. И. Внуковым).⁵³⁾

В условиях интенсивного градостроительства большое значение приобрел приказ Каменных дел, в который около 1583/84 г. трансформировался старый Городовой приказ. Он ведал строительством крупных городов. Так, в 1587/88 г. в Астрахань отправлен был делать каменную крепость дьяк Дей Губастый, служивший в Городовом приказе в 1576 — 1577 гг.⁵⁴⁾ Известны также владимирский Судный (в 1582/83 — 1593 гг.) и Аптекарский (в 1594/95 г.) приказы.⁵⁵⁾ В 1582 г. упоминается Пушечный приказ.⁵⁶⁾

Система совмещения дьяками различных функций свидетельствовала о незавершенности процесса формирования центрального правительственного аппарата. Она опиралась еще на старую основу, но все же помогала обеспечить общегосударственный подход к деятельности различных административных органов.

Свидетельством возросшей роли приказного аппарата было строительство каменных зданий приказов в Кремле. В 1591 г. сооружали «избы диячьи каменья у Архангела на площади», «в Кремле городе полаты каменные: идеже ныне Розряд, и Помесной приказ, и Казанской дворец, и Большой приход».⁵⁷⁾

Во внутренней политике Борис большое место уделял, если можно так сказать, попыткам морального оздоровления общества. К мерам подобного характера можно отнести стремление ликвидировать мздоимство в суде, борьбу с корчемством, благотворительную деятельность (щедрую раздачу денежных средств погорельцам и т. п.).⁵⁸⁾ Эти мероприятия Борис осуществлял от имени царя, как бы преисполненного христианскими добродетелями, укрепляя тем самым и свое положение при Федоре. Вместе с тем они должны были воздействовать и на массу населения. Реальное значение всех этих мер приближалось к нулю (судьи брали взятки по-прежнему, вино лилось рекой в не меньшей мере, бедняки от подачек не богатели). Но они создавали молву, легенду о добром правителе, которая в первое время — по контрасту с Иваном Грозным — привлекала многих простых людей.

Большое значение имело устранение параллелизма в управлении. После 1584 г. ликвидируются параллельные дворцовые приказы: Разряд, Поместный, Дворец, Большой приход, Ямской и четверть Дворовая. Сходят со сцены [198] после 1584 г. и такие видные деятели опричных приказов, как дьяк А. В. Шереметев, ведавший в 1574—1576 гг. Дворовым разрядом и в 70-х годах дворцовой Двинской четвертью. Однако старые дворцовые ведомства: конюшого, дворецкого, оружничего, кравчего, постельничего и пр. — полностью сохранились. Их роль даже возросла ввиду того, что они были опорой Годунова в борьбе с феодальной знатью. Теперь уже представители знатнейших фамилий (Романовы, Шуйские, Годуновы, Мстиславские) стремились заполучить дворцовые должности. Служба при дворе сулила приближение к особе государя или правителя и была дорогой к власти.

С 1584 г. конюшим стал Борис Федорович Годунов, а дворецким — его родич Григорий Васильевич. Оружничий последних лет жизни Грозного Б. Я. Бельский находился в 1584—1591 гг. в ссылке.⁵⁹⁾ Должность кравчего до 1586 г. исполнял кн. Д. И. Шуйский, а вслед за ним с 1586 по 1591 г. — А. Н. Романов-Юрьев. Кравчим в 1593 г. был кн. А. А. Телятевский, ясельничим в 1588/89 г. — Е. Ш. Благово, в 1595 г. — М. И. Татищев, а ловчим с 1588/89 по 1598 г. — Д. А. Замыцкий. Сокольничим в 1597/98 г. был И. А. Жеребцов. Постельничим и наместником трети Московской 21 год служил И. О. Безобразов (во всяком случае с ноября 1585 г.).⁶⁰⁾ После падения П. И. Головина (1584 г.) казначеями стали И. В. Траханиотов (февраль 1585 — декабрь 1589 г.) и Д. И. Черемисинов (во всяком случае с осени 1584 по 1597 г.).⁶¹⁾ Одновременно Черемисинов (с 1579 г.) и Траханиотов (в 1589 г.) были думными дворянами. Печатником был думный дворянин Р. В. Алферьев, а после его опалы в 1589/90 г. государева печать перешла в ведение В. Я. Щелкалова.

Правительство Годунова уделяло особое внимание строительству городов и реорганизации жизни на посадах. В градостроительстве 80-90-х годов отчетливо обозначаются три района: Поволжье, Юг и Сибирь. Все это были окраины государства, куда устремился колонизационный поток населения, спасавшегося от голода и феодального гнета в центре страны. Строительство городов имело своей целью создать в новоосваиваемых районах административно-военные центры, которые одновременно должны были содействовать подъему экономики окраин. В Поволжье возведение опорных пунктов в основном закончилось ок. 1590 г. В 1593/94 г. только в Казани построили каменный [199] город да в 1594/95 г. — Уржум.⁶²⁾ На юге новопостроенные города

образовывали сплошную цепь укреплений. Вскоре после Воронежа и Ливен были сооружены Елец на р. Быстрой Сосне (в 1592 г.), Кромы (в 1594 г.), а в 1595/96 г. — Курск на р. Сейме, Белгород на Северском Донце, Оскол на р. Оскол. Построены были также Валуйки, Севск (еще до 1582 г. был укрепленным пунктом), Крашгана. Позднее эти сведения обобщил «Новый летописец», где записано, что в 1592/93 г. принято было решение построить города на у краине «по сакъмам татарским»; города были «насажены» ратными и «жилецкими» людьми.⁶³⁾

Строительство городов дополнялось сооружением в них каменных зданий, в том числе церквей. Составитель Пискаревского летописца оставил перечень только некоторых каменных церквей, возведенных при царе Федоре. Так, построен был каменный храм в Пафнутаеве Боровском монастыре, где на молебне бывал царь. Много церквей сооружено было в усадьбах Годуновых. Во дворе Бориса рядом с Чудовым монастырем построена была «полата каменная на трех подклетах». За Яузой по челобитью боярина Д. И. Годунова возвели храм во имя св. Никиты, а в его дворе в Кремле — Борисоглебскую церковь («против Никольских ворот»). В вотчине Д. И. Годунова в с. Беседы построены были каменные собор Рождества богородицы и плотина. Борис соорудил каменные храмы в селах Хорошево, Борисово на Городище Верейского уезда и в Вяземах (1598 г.). Кроме того, к 1593 г. закончилось строительство собора Донского монастыря, к 1585 г. — Успенского собора в Троице-Сергиевом монастыре, в 1593 г. — храма Николы Явленного на Арбате и церкви в с. Спасо-Михнево. Конечно, строительство церквей было связано с любовью Федора к церковному благолепию. Но роль Бориса в нем была значительной, по словам и автора «Жития царя Федора» («многи грады камены созда и в них превеликие храмы»), и кн. И. А. Хворостинина («церкви многи возгради и красоту градскую велелепием исполни»).⁶⁴⁾

Строительство каменных кремлей в Казани, Астрахани, Смоленске, Белого и Земляного городов в Москве хорошо известно. Наряду с сооружением каменных зданий в городах происходило и «строительство» на посадах, означавшее перестройку жизни горожан. Оно велось осторожно, с учетом конкретной обстановки в том или ином районе. Так, в 1588 г. кн. М. А. Щербатый и дьяк А. Григорьев [200] «строили» посад Твери с целью пополнить его крестьянами из государевых дворцовых сел. А при «строительстве» Волхова в 1594/95 г. задача была иная — вывести с посада беглых людей.⁶⁵⁾

До 1592 г. правительство не преследовало цели полного включения бывшего Сибирского ханства в состав России. Поэтому строительство городов-острогов первоначально велось вяло. Построены были только административный центр края — Тобольск (1587 г.), Тюмень (1585/86 г.) и Лозьва (1590 г.), позднее скрытая. В результате разгрома Пелымского и Кондинского княжеств (1593 г.) положение резко изменилось: создались возможности для интенсивного строительства новых городов. В 1593 г. были построены Пелым (на месте столицы Пелымского княжества) и для защиты от набегов хантов Нарым. Очевидно, летом того же года на месте хантского городка сооружен был Березов. В 1594 г. возникли Тара на р. Оби и Сургут на границе со степью, в 1595 г. — Обдорск, в 1593 г. — Верхотурье.⁶⁶⁾ Освоение обширных сибирских просторов началось.

Одной из главных задач правительства Годунова было укрепление экономических позиций дворянства. Материальному обеспечению массы служилого люда оно придавало огромное значение. В числе мер, которые неукоснительно им осуществлялись, были повсеместное проведение переписи земель и населения и реализация уложения об отмене тарханов 1584 г. В начале 90-х годов издается указ об обелении (освобождении от уплаты податей) части господской запашки.⁶⁷⁾ Обелялась только запашка, которую холопы обрабатывали на самого господина, и притом лишь в случае, если он жил в поместье и нес

военную службу. Этот указ должен был содействовать росту хозяйственной инициативы служилых землевладельцев и освоению запустевших земель.

Многогранную деятельность Годунова в годы царствования Федора современники оценивали противоречиво. Официальный панегирик ему содержится в посольском наказе 1592 г.: Борис Федорович Годунов — «начальной человек в земле, и вся земля от государя ему приказана, и строенье ево в земле таково, каково николи не бывало. И строенье ево во всем, как города каменные на Москве и в Астрахани поделал, так всякое устроенье многое устроил по всем городом и по большим государствам у государя печалуясь, что искони не бывало... И много тово строенья [201] и промыслу Бориса Федоровича, чего переписать и переговорить не уметь, какие прибитки и легость починил по государеву приказу шурина его». Позитивная оценка деятельности Бориса есть и в «Повести о честном житии» царя Федора, составленной в годы царствования Бориса (до 1606 г.) в канцелярии патриарха Иова. По «Повести», Борис был «преизрядно мудростию украшен» и «к бранному ополчению зело искусен»; создав много городов, он и Москву «лепотою украси». По Псковской летописи, «дарова ему (Федору. — А. З.) господь бог державу... мирно, и тишину, и благоденствие, и умножение плодов земных, и бысть лгота всей Руской земле, и не обретеса ни разбойник, ни тать, ни грабитель; и бысть радость и веселие... А правление земское и всякое строение ратных людей уряд ведал и строил его государев шюрин Борис Федорович; и многие земли примиришася, а инии покоряшася под его государеву руку» божьей волей и «промыслом правителя и боярина и конюшего Бориса Федоровича». ⁶⁸⁾ Не столь однозначна характеристика Бориса в произведениях, появившихся после «Смуты». Для кн. И. А. Хворостинина Борис хотя и «лукав нравом», но и «боголюбив». Он-де укротил лихоимцев, «областем странным (иностранным. — А. З.) страшен показася, и в мудрость жития мира сего, яко добрый гигант, облечеса и приим славу и честь от царей». Однако он же «возведе работных на свободный... и введе ненависть, и восстави рабов на господей своих, и власти сильных отъят, и погуби благородных много». Кн. С. И. Шаховской писал, что Борис «образом своим и дела множество людей превзошед; ништо бе ему от царских синклит подобен во благолепии лица его и в разсуждение ума его; милостив и благочестив, паче во многом разсуждении доволен, и велеречив зело, и в царствующем граде многое дивное о себе творяше во дни власти своя». И вместе с тем Борис «властолюбив велми бываше», «яко же и самому царю во всем послушну ему быти». Для составителя Хронографа 1617 г. Годунов — правитель, который создал много городов и монастырей, «ко мздоиманию же зело бысть ненавистен, разбойства и татьбы и всякого корчемства много покусився еже бы во свое царство таковое неблагоугодное дело искоренити, но не возможе отнюдь. Во бранех же не искусен бысть... а естеством светлодушен и нравом милостив, паче же рещи и нищелюбив». Однако он «приимаше» нечестивые советы [202] от клеветующих, «и сего ради на ся от всех Русския земли чиновначальников негодование наведе». ⁶⁹⁾

Восхваляется деятельность Годунова и в позднейшей Латухинской Степенной книге, основанной, возможно, на каких-то не дошедших, более ранних источниках. Так, в ней подчеркивается, что покорение черемисов произошло «мудрым смыслом» Годунова. По Авраамии Палицыну, Борис был «разумен... в царских правлениях», знаменит по всему свету (и в Персии, и в Италии, и на всем Западе); но вместе с тем он «отъят... от всех власть». ⁷⁰⁾

Обширную, но противоречивую характеристику деятельности Бориса дал дьяк Иван Тимофеев. Обличая Бориса как «прелукавого» и «злоковарного» правителя, он вместе с тем воздает должное его борьбе с «разбоями», правому суду, «доможительному пребыванию в тихости» (миролюбию). Во всяком случае до 1598 г. Борис, по словам Тимофеева, был «сладок, кроток, тих, податлив же и любим бываше... за обиды и

неправды веяния от земля изытельство». Лукавым и властолюбивым правителем рисует Бориса и кн. С. И. Шаховской. Двойственно оценил деятельность Бориса и «Новый летописец»: с одной стороны, Борис — щедрый правитель: во время поездки в Смоленск раздавал милостыню, «являясь всему миру добрым», а с другой — он «ненавидяше братию свою бояр, бояре же ево не любяху, что многие люди погубих напрасно».⁷¹⁾ Возможно, эта оценка связана с тем, что составитель памятника (1630 г.) имел под рукой ранние источники.

Наиболее резкая характеристика дана Борису в «Повести, како отомсти», возникшей при Василии Шуйском в 1606 г. Борис — это «древней змий», прельстивший многих бояр и «неправдою возхити» царство; погубитель И. П. Шуйского и убийца Дмитрия.⁷²⁾

Приведенные оценки деятельности Бориса крайне тенденциозны. Часть из них носит явные черты официального славословия времен его правления. На других современников оказало влияние торжество противников Бориса — Шуйских и Романовых, а также признание церковью Дмитрия великомучеником, убитым подосланными Борисом лицами. Но даже авторы, писавшие после 1606 г., отмечают позитивные моменты в его правлении: градостроительство, миролюбивую внешнюю политику, введение «правого суда», борьбу с мздоимством. Дело, конечно, не только в общем царистском складе мышления [203] («царь всегда царь»), но и в трезвой оценке действительных достижений правительства Годунова.

Кое-что новое прибавляют к характеристике Бориса иностранцы. Всячески подчеркивая свою близость к Борису, Д. Горсей отметил, что, вернувшись в 1586 г. в Москву, он увидел, «какую ненависть возбудил в сердцах и во мнении большинства князь-правитель. Им его жестокости и лицемерие казались чрезмерными». По П. Петрею, Борис был «сметливый, благоразумный и осторожный боярин, но чрезвычайно лукавый, плутоватый и обманчивый»; вместе с тем о нем многие говорили, что «не было ему равного во всей стране по смышленности, разуму и совету». Для Ж. Маржерета Борис — правитель, «любимый народом». Он рано «начал стремиться к короне» и для этого старался «благодетельными привлекать народ»; «обеспечив таким образом расположение народа и даже дворянства, за исключением самых проницательных и знатных, он отправил в ссылку под каким-то предлогом тех, кого считал своими противниками». Маржерет пришел к выводу, что при Борисе «страна не несла урона, что он увеличил казну, не считая городов, замков и крепостей, построенных по его повелению, а также заключил мир со всеми соседями».⁷³⁾

И. Масса писал, что Борис «всегда старался оказывать добро простолюдину и так расположил к себе весь народ, что его любили больше всех. Он дозволил передавать в наследство детям земли, жалованные офицерам и военачальникам за заслуги на ленных правах, и он во всем удовлетворял каждого, кто приходил к нему с каким-либо делом». Раздачей денег погорельцам в 1591 г. он расположил к себе «простой народ, почитавший его как бога».⁷⁴⁾

По мнению К. Буссова, Борис «исполнял свои обязанности столь разумно и ревностно, что почти все дивились и говорили, что на всей Руси нет равного ему по разумности, поскольку он многие неисправные дела привел в полный порядок, многие злоупотребления пресек, многим вдовам и сиротам помог добиться справедливости».⁷⁵⁾

Во всех этих суждениях, если их сопоставить с реальной деятельностью Бориса Годунова 80-90-х годов, можно найти отражение действительных фактов, свидетельствующих, что перед нами незаурядный политик. Осторожный и проницательный, вероломный и

щедрый, Борис умел быть всяким, точнее, таким, каким требовали обстоятельства. Этим он обязан был природному уму и [204] непреклонной воле. Современники писали о нем: «... не научен сый писаниам и вешем книжным, но природное свойство целоносно имей». И. Масса полагал, что у Бориса была «обширная память, но что это был человек, не умевший ни читать, ни писать». По И. Тимофееву, «первый таков царь не книгочий нам бысть», от рождения до смерти «буквенных стезь учеными не стывая». Все это, конечно, преувеличения. Подписи Бориса сохранились на актах с 1571/72 г.⁷⁶⁾

Борис вышел из опричного окружения Ивана IV. В ратных делах он себя не проявил. Поход 1590 г. окончился заключением мирного соглашения, а осада Москвы Казы-Гиреем в 1591 г. была слишком кратковременной, чтобы выявились воинские способности правителя. Однако из этих двух кампаний Годунов сумел извлечь для себя максимальную выгоду, выступив в первом случае в обличий миротворца, а во втором — в роли спасителя отечества. Победить своих противников к 1587 г. Борис смог, только добившись консолидации сил феодальной знати. Одновременно он сумел завоевать симпатии дворянства раздачей льгот и земель, а также преодолеть недоверие торгово-ремесленных верхов путем удовлетворения их основных социальных требований. Отказ от системы жестоких репрессий и изнурительных войн дополнялся демагогическими подачками самым широким слоям населения. Это также сказывалось на отношении народа к правителю.

В результате Борису в 90-е годы удалось добиться решительного упрочения личной власти. После смерти Дмитрия он лишил тверского княжения Симеона Бекбулатовича, отправив его в село Кушалино, и теперь правил единодержавно. С 1584 г. он на приемах послов стоит у трона (как в 1582 г. А. Ф. Нагой и Б. Я. Бельский), а в 1596 и 1597 гг. держит «царского чину яблоко». С 1595 г. рядом с Борисом появляется его сын Федор. С 1586 г. Годунову присылают грамоты правители различных стран, а сам он активно ведет дипломатические переговоры. У него есть собственная канцелярия с дворецким Богданом Ивановым и казначеем Девятым Офонасьевым.⁷⁷⁾

Но при всем этом в деятельности Бориса заложено было противоречие, которое он устранить не мог. Все мероприятия по экономическому оздоровлению землевладения служилого люда не могли привести к сколько-нибудь стабильным результатам, пока не был решен главный [205] вопрос — о рабочей силе вотчин и поместий. Ее в значительной мере составляли холопы-страдники, трудом которых обеспечивалась обработка господской запашки, и крестьяне — главные поставщики натуральных и денежных оброков. Бегство тех и других грозило подорвать самые основы материального благополучия светских феодалов, поэтому чрезвычайные меры по его решительному пресечению становились насущной необходимостью. Составление писцовых книг, начатое в 80-е годы, к 1591/92 г. практически завершилось. Писцовые книги и опыт введения заповедных лет в отдельных районах создали базу для более далеко идущих мер. Законы о холопах и крестьянах 90-х годов преследовали одну цель — пресечение бегства крестьян и холопов и имели между собой много сходных черт.

25 апреля 1597 г. по царскому указу от 1 февраля в Холопий приказ М. И. Внукову и дьяку П. Кокошкину послана была память:⁷⁸⁾ царь «приговорил со всеми бояры» присылать в Холопий приказ служилые кабалы и другие старые крепости (на людей, живущих за господами, или беглых) и их переписывать в специально заведенные для этой цели книги. Речь шла о проверке прав холоповладельцев на их людей, владение которыми было документально оформлено. При этом юридическое положение старинных видов холопов не изменилось. Записывать холопы имена и крепости предписывалось «с нынешняго нового уложения бессрочно». Запись в книги следовало произвести в течение

одного года. Если же кто-либо из холоповладельцев находился на дальних службах (на Тереке, в Астрахани или Сибири), то срок увеличивался до трех лет. Если же крепости на холопов пропали, но об этом своевременно были сделаны «явки», то в соответствии с мартовским указом 1593 г. надлежало писать новые крепости на холопов взамен утраченных. Предписывалось не принимать иски на тех холопов, которые давали на себя кабалы до 1 июня 1586 г. (хотя они не записаны в Холопьем приказе), после этого указа и которые будут давать на себя кабалы после 1597 г., а находиться они должны в холопстве по кабалам. Дети человека, записанного в холопство, и его жена должны были разделить судьбу их отца и мужа. В случае возникновения споров между холоповладельцами холопа надлежало отдать тому его господину, который предъявит более старую кабалу. [206] В памяти указывалось, что делами о полных и докладных кабалах ведает постельничий и наместник трети Московской И. О. Безобразов или его преемники. Если бывшие прежде кабальными холопами люди захотят дать на себя полные и докладные грамоты, а затем откажутся это сделать, то их следует отдать прежним законным государям по служилым кабалам. Те из них, кто добровольно служил пять-шесть недель, подлежат отпуску на свободу, но на тех, кто служил с полгода, следует давать служилые кабалы, так как хозяева их обували и одевали. Беглых добровольных холопов надлежит выдавать их хозяевам. Попытка ликвидировать институт добровольного холопства отвечала интересам представителей служилого класса, получавших теперь право и возможность закрепить за собой значительное число добровольных слуг.

Смысл уложения 1597 г. был однозначным. Развивая начала указа 1586 г., оно имело основной задачей произвести учет наличного состава челяди у холоповладельцев, с тем чтобы обеспечить хозяевам сыск и возвращение холопов в случае их побега. Отныне только записная кабала (т. е. записанная в книгу крепостей) признавалась документом, обеспечивающим возврат беглецов. Очень важным был запрет выхода кабальных холопов на свободу путем выплаты долга. Одновременно был ограничен и срок их службы — по смерти господина. Следовательно, записные кабалы, как государственно санкционированные и учтенные документы, становились таким же юридическим основанием для владения холопами, каким были писцовые книги для владения крестьянами.⁷⁹⁾

Результат уложения оказался совершенно иным, чем тот, на который рассчитывали правительство и холоповладельцы. Поток беглецов не только не уменьшился, но даже увеличился (особенно в голодные 1601—1603 гг.). Холопы стали одной из движущих сил Крестьянской войны начала XVII в., а вышедшие из холопской среды Хлопко и Иван Исаевич Болотников — ее выдающимися вождями.

24 ноября 1597 г. издается указ, сыгравший крупную роль в становлении крепостничества. Отныне подлежали сыску крестьяне, которые «выбежали» из-за бояр и дворян «до нынешнего 106-го году за пять лет». После сыска и суда их следовало «возити... назад, где хто жил». Крестьяне, бежавшие за шесть — десять лет и больше, суду и вывозу старым господам не подлежали (если те ранее о них не «били челом»).⁸⁰⁾ Следовательно, основное [207] значение немногословного указа 1597 г. сводилось к тому, что он, исходя из мысли о недопустимости крестьянских побегов, устанавливал пятилетний срок сыска беглецов.

Указ 1597 г. породил большую литературу ввиду и своей принципиальной важности в истории крестьянского закрепощения, и лаконичности и неясности формулировок. В самом деле, кого считать беглецами? Конечно, крестьян, покинувших господ в нарушение закона. Но разрешал ли закон крестьянский выход или исходил из мысли об его отмене, остается неясным. Возможно, законодатель не хотел этот вопрос уточнять, считая отмену выхода временной мерой. Формулировка же закона давала возможность его использовать

и в условиях отмены Юрьева дня, и при сохранении права крестьянского выхода. Неясно также, имел ли закон в виду сыск крестьян, бежавших только до указа 1597 г., или распространял новый порядок и на тех крестьян, которые покинут своих хозяев после 1597 г. Наконец, что устанавливал указ: дату ли отсчета поиска беглецов или срок, в течение которого производился сыск беглых крестьян?

В 1597 г. оба понимания были возможны, ибо 101-й год (ноябрь 1592 г.) был за пять лет до издания указа. Но в дальнейшем с каждым новым годом расхождение между обоими пониманиями указа становилось все более значительным. В одном случае (если считать, что закон 1597 г. устанавливал дату отсчета поиска беглецов) срок сыска беглых крестьян все увеличивался, в другом — оставался неизменным. В 1606 г. Лжедмитрий I подтверждает пятилетний срок сыска, что отвечало интересам южнорусских помещиков, во владениях которых скапливалась масса беглецов. Через год Василий Шуйский издал указ о сыске крестьян в течение 15 лет, т. е. принял «101-й год» за начальную дату отсчета сыска беглецов. Эта интерпретация закона 1597 г. соответствовала нуждам землевладельцев центральных районов страны, стремившихся предотвратить крестьянские побег.

Какой же смысл вкладывал в понятие «пятилетний срок сыска» законодатель 1597 г., сказать трудно. Возможно, он считал указ мероприятием временным и поэтому не предусмотрел возникающей коллизии. Не исключено, что речь шла о сроке сыска беглых (см. упоминания об указах о пятилетнем сроке вершения крестьянских дел). Но речь могла идти и о 1592 г. как о дате отсчета поиска беглецов (именно тогда закончилось поземельное описание [208] в стране — основа крестьянской крепости). Известная недоговоренность в указе 1597 г. могла быть и преднамеренной, ибо давала возможность вернуться к рассмотрению проблемы в дальнейшем. Во всяком случае правительство считало указ компромиссным, а решение, предложенное им в 1597 г., не окончательным.⁸¹⁾

Изучение крепостнических мероприятий 90-х годов XVI в. позволяет определить происхождение пятилетнего срока сыска беглых. 1592 год — это не только год завершения переписи, но и год, когда в последний раз упоминаются заповедные лета. В указной грамоте на Двину 14 апреля 1592 г., адресованной земскому судье, говорилось, чтобы он с товарищами «из Никольские вотчины (Никольского Корельского монастыря. — А. 3.) крестьян в заповедные лета до нашего указа в наши черные деревни не волозили». По смыслу распоряжения заповедные лета рассматриваются как обычные нормы, действующие до тех пор, пока их не отменят особым указом. Это как-то перекликается с приказной справкой к указу Василия Шуйского 1607 г., в которой говорилось, что царь Федор «по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьяном заказал».⁸²⁾ Следовательно, выход крестьян был «заказан» еще в годы царствования Федора Ивановича.

В какой форме осуществлялся запрет на выход, несколько проясняют новгородские документы, обнаруженные В. И. Корецким. В царской грамоте от 8 июля 1595 г. говорится о жалобе старцев Новгородского Пантелеева монастыря на то, что им «навести» крестьян во владения «не мочно, потому что ныне по нашему (царя Федора. — А. 3.) указу крестьяном и бобылем вых[оду] нет, а казны деи у них... нет же». В грамоте от 25 июля 1595 г., адресованной кн. Д. А. Ногтеву, сообщается, что подходит срок пяти льготным обжам Пантелеева монастыря, а «навести» крестьян на них невозможно, «потому что ныне по государеву указу крестьяном и бобылем выходу нет». Текст, близкий к грамоте от 8 июля. Итак, как будто в Новгородской земле к 1595 г. действовал закон о невыходе крестьян (если это только не режим заповедных лет). В грамоте от 18 июля 1594 г.

содержится распоряжение отдать крестьян старому их владельцу И. Баранову, отобрав у Лисицкого монастыря, «потому что по государеву указу велено в крестьянском владенье давати суд и крестьян велено отдавати назад всево за пять лет, а те крестьяне за Иваном за [209] Борановым живут двенадцать лет». Наконец, в выписи 9 июня 1594 г. А. Ф. Бухарин писал, что его крестьяне на пустошах П. Т. Арцыбашева не живут. «А ныне, — прибавлял он, — твой государев указ: старее пяти лет во владенье и в вывозе суда не давати и не сыскивати».⁸³⁾ Текст повторяет июльскую грамоту 1594 г.

Все приведенные упоминания перекликаются с предшествующими и позволяют предположить, что около 1592 г. был издан закон, запрещавший крестьянский выход и устанавливавший пятилетний срок разбора крестьянских дел. Тогда указ 1597 г. можно рассматривать как развитие этого закона, т. е. как распространение его действия и на беглых крестьян. Временно или постоянно был запрещен крестьянский выход (скорее всего «покаместа земля поустроитца», как в уложении о тарханах), сказать трудно.

Впрочем, в литературе по поводу приведенных документов существует разномыслие. По В. И. Корецкому, около 1592/93 г. издан был общий указ, запрещавший крестьянский выход и содержащий установление пятилетнего срока подачи исковых челобитных по делам о крестьянах. Юридическим основанием запрета была запись в писцовых книгах, причем регистрацию крестьян в них правительство объявило обязательной. В. М. Панеях полагает, что термин «указ», употребленный в документах, допускает и толкование его как распоряжения по конкретному вопросу, не имеющему общегосударственного значения. Г. Н. Анпилов, считая, что существовал закон о пятилетней давности дел о крестьянском владении и вывозе, склонен допустить, что режим заповедных лет сыграл в утверждении крепостничества большую роль, чем полагает В. И. Корецкий (в этом духе он и трактует грамоту 8 июля 1595 г.). Этот режим в начале 90-х годов распространен был на южные районы государства (в 1592 г. отказ тяглых крестьян был еще в районе Ельца). Р. Г. Скрынников пишет, что новая законодательная норма о пятилетнем сроке дел о крестьянах «не была облечена в форму законодательного акта», а «возникла в текущей судебной практике московских приказов из обобщения вполне конкретных прецедентов».⁸⁴⁾ Словом, вопрос нуждается в дальнейшем тщательном изучении.

Но так или иначе, пятилетний срок исковых дел о крестьянах существовал к середине 90-х годов и явился источником законодательной нормы 1597 г. А если так, то [210] тогда, говоря о пятилетнем сроке сыска беглых, указ 1597 г. имел в виду не столько сакраментальную дату «101-й год», сколько практику пятилетнего вершения крестьянских дел. Поскольку указ 1597 г. говорил только о крестьянском побеге, то тем самым закон как бы склонялся к тому, чтобы рассматривать незаконным любой уход крестьян от господина. Это было шагом вперед в крепостническом мировоззрении правительства, ранее говорившего о «выходе», «свозе», «владении» крестьянами, а теперь лишь о крестьянах-беглецах.

И вместе с тем в условиях хозяйственной разрухи правительство не могло пойти на установление бессрочного сыска крестьян, т. е. на что оно пошло в уложении о холопах 1597 г. К тому же, проводя политику хозяйственного развития окраин страны (Сибири, Юга и Поволжья), куда устремлялся поток беженцев, Годунов не хотел препятствовать наметившемуся там экономическому подъему путем сыска и вывоза оттуда бежавших крестьян. Сравнительно небольшой срок сыска (пять лет) отвечал интересам помещиков окраин.⁸⁵⁾ Впрочем, что будет в дальнейшем, никто не знал, и Борис, возможно, собирался вернуться к крестьянскому вопросу позднее. Он это и сделал, но уже в обстановке голода 1601—1603 гг., нарушившего его первоначальные планы решения крестьянского вопроса. Вспыхнувшая Крестьянская война перечеркнула начинания Годунова. [211]

- ¹⁾ *Кушева*. Народы Кавказа, с. 280; ЦГАДА, ф. 123, кн. 19, л. 295-297, 306, 324-330; *Новосельский*, с. 433; ПСРЛ, т. 14, с. 45; *Тихомиров*. Заметки, с. 45.
- ²⁾ *Бушев*, с. 149-178; *Смирнов*, с. 143-149.
- ³⁾ *Белокуров*, с. 257; РК 1559—1605 гг., с. 293; *Кушева*. Народы Кавказа, с. 282. О посольстве из Ургенча см.: ОАПП, ч. I, с. 287 (столп 1590/91 г.).
- ⁴⁾ ЦГАДА, ф. 52, кн. 3, л. 213-214; *Шереметев*. Царевна, с. 6; *Голубцов*, с. 61. Дионисий уехал в феврале 1592 г.
- ⁵⁾ *Кордт*, с. XXVIII, XC-XCI.
- ⁶⁾ *Тихомиров*. Памятники, с. 232-233; ПСРЛ, т. 14, с. 44-45; т. 34, с. 196; ср. ПЛ, вып. 2, с. 264. Разряд выборгского похода составлен был 5 декабря 1591 г., а в Новгород воеводы отправились 15 декабря (РК 1559—1605 гг., с. 287-288).
- ⁷⁾ *Тихомиров*. Памятники, с. 233-235; ПСРЛ, т. 14, с. 45. В Латухинской Степенной книге ссора Бориса Годунова с Трубецким связывается со строительством крепости в Смоленске. По мнению Бориса, Смоленск должен был стать «всем городам ожерелие». Кн. Ф. М. Трубецкой якобы по этому поводу говорил: «...как в том ожерелье заведутся вши, и их будет и не выжить». Его слова якобы сбылись, ибо под городом пало много людей разных стран (*Васенко*, с. 66-67). Эта легенда отразила события «смутного времени» и позднейших смоленских войн.
- ⁸⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 45; ЗРАО, т. I. СПб., 1847, с. 68. Позднее Борис говорил, что «она мне была государыня и племянница» (ПДС, т. I, стлб. 1307).
- ⁹⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 45; РК 1559—1605 гг., с. 292; *Антилогов*, с. 21 и сл. [282] П. Волк приехал в Москву 26 апреля и 4 мая принят был В. Ф. и Д. И. Годуновыми, кн. Ф. И. Мстиславским и А. П. Клешиным; отпущен 8 мая.
- ¹⁰⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 48; ПЛ, вып. 2, с. 265; Акты Юшкова, № 257.
- ¹¹⁾ *Рябошапко Ю. Б.* Тязвинские переговоры 1594—1595 г. — Социально-политическая история СССР, ч. II. М.; Л., 1974, с. 25-34.
- ¹²⁾ ПДС, т. I, стлб. 1268, 1365—1366; РК 1559—1605 гг., с. 296-297; Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча с 22 июля 1593 г. — ЧОИДР, 1874, кн. 4; HRM, t. II, № XXV, p. 32-45; *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия, т. III, вып. 2, с. 319-322; *Флоря*. Отношения и балтийский вопрос, с. 51.
- ¹³⁾ Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией, т. I, с. 183, 203, 209; *Бушев*, с. 178-208; ЧОИДР, 1874, кн. 4, с. 25; *Кушева*. Народы Кавказа, с. 283; ПСРЛ, т. 14, с. 45-46; *Белокуров*, с. 262-265. Арам и Хуршит отпущены были в октябре 1595 г.

- ¹⁴⁾ ЦГАДА, ф. 123, кн. 21, л. 177; *Новосельский*, с. 41-43; *Пашков Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891, с. 35-38.
- ¹⁵⁾ *Принц*, с. 25; *Смирнов*, с. 150-154; Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией, т. I, с. 221, 318-320. А. Д. Звенигородский вернулся в Астрахань 7 августа 1595 г.
- ¹⁶⁾ Дата смерти Феодосии устанавливается по кормовым книгам Кирилло-Белозерского монастыря. См.: ЗОРСАРАО, т. I. СПб., 1851, с. 87. В декабре 1594 г. царь «до году» был в трауре (ПДС, т. II, стлб. 92). См. также утешительную грамоту патриарха Иова царице Ирине от 6 августа 1594 г. (ГПБ, Солов, собр., № 682/922, л. 303). По Ж. Маржерету, она умерла «3 лет отроду» (*Маржерет*, с. 150).
- ¹⁷⁾ ПДС, т. II, стлб. 202. Подробнее см.: *Florovskij A. V.* Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII. století). Praha, 1954, s. 196-197.
- ¹⁸⁾ РК 1559—1605 гг., с. 300; ДРВ, ч. XII, с. 449-460; ЦГАДА, ф. 78, д. б/н, 1595 г.; HRM, t. II, N XXVI, p. 45-47; ПДС, т. II, стлб. 64-177; *Смирнов*, с. 152-153; *Winter E.* Rufiland und das Papsttum, t. I. Berlin, 1960, S. 261-265.
- ¹⁹⁾ *Рябошапко Ю. Б.* Тявзинские переговоры 1594—1595 гг., с. 35-68.
- ²⁰⁾ *Флоря*. Отношения и балтийский вопрос, с. 61; *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964, с. 26-27; *Рябошапко Ю. Б.* Вопросы торговли. в Тявзинском договоре 1595 г. в связи с внутренней политикой правящих кругов Швеции. Скандинавский сборник, т. XX. Таллин, 1975, с. 60-66.
- ²¹⁾ ЦГАДА, ф. 93, грамоты, № 1, л. 8-11. Предшествующая грамота (Генриха III) о Мушероне 1589 г. до нас не дошла (*Жордания*, с. 102-103).
- ²²⁾ *Бантыш*. Обзор, ч. 4, с. 78 и сл.
- ²³⁾ *Флоря*. Отношения и балтийский вопрос, с. 55.
- ²⁴⁾ *Бушев*, с. 209-231. Анди-бек покинул Москву весной 1596 г.
- ²⁵⁾ *Бушев*, с. 235-266; *Савва*, с. 251; *Белокуров*, с. 265-314. Вернулся К. П. Совин только в конце 1598 г.
- ²⁶⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 46, 47; т. 34, с. 196; Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 г., вып. 2. Вятка, 1905, с. 46.
- ²⁷⁾ ААЭ, т. 1, № 365; ПСРЛ, т. 34, с. 198; т. 14, с. 47; Щукинский сборник, т. III. М., 1903, с. 166-168. О Ф. С. Коня см.: *Косточкин В. В.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964; *Прищепенко В. Н.* К биографии Ф. С. Коня. // Советская археология, 1966, № 4, с. 209-210. [283]
- ²⁸⁾ *Любименко*, с. 52-53.

²⁹⁾ ОАИП, ч. I, с. 184 (1595/96 г.); ДА, № 493-519; *Севастьянова*, с. 121. В майской грамоте 1585 г. царь настаивал на праве России на Лапландию (ДА, 1893, № 456).

³⁰⁾ *Флоря*. Отношения, с. 245.

³¹⁾ *Бантыш*. Обзор, ч. 3, с. 110; РК 1559—1605 гг., с. 305, 306, 310; ЦГАДА. ф. 79, кн. 23; ф. 78, д. б/н, 1597 г.; ОАИП, ч. I, с. 271; HRM, t. II, N XXVII-XXIX, p. 48-50; ПДС, т. II, стлб. 468-627; ПСРЛ, т. 14, с. 47. Цесарский посол отбыл 10 августа 1597 г.

³²⁾ *Бушев*, с. 267-320.

³³⁾ РК 1559—1605 гг., с. 293, 290 (последнее упоминание В. А. Гагина в разрядах); РК 1475—1598 гг., с. 462, 516.

³⁴⁾ Э, л. 758; ср. РК 1559—1605 гг., с. 290 (14 апреля 1592 г.); с. 290, 291, 295; РК 1475—1598 гг., с. 439, 448, 466, 471, 491.

Н. И. Очин-Плещеев последний раз упомянут в разрядах осенью 1593 г., А. И. Хворостышн — в 1595/96 г. (РК 1475—1598 гг., с. 461, 564). Последнее упоминание о И. С. Туренипе — весна 1594 г. (*Самоквасов*, т. II, с. 515).

³⁵⁾ РК 1475—1598 гг., с. 459.

³⁶⁾ Там же, с. 342, 414; ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 88; кн. 17, л. 271, 271 об.; кн. 18, л. 4 об.

Б. В. Воейков служил в далеком Санчурске в 1593/94—1594/95 гг.; Р. М. Пивов и И. П. Татищев были думными дворянами в 1585 г.; Ф. А. Писемский последний раз упоминается в разрядах в 1591 г. (РК 1475—1598 гг., с. 436, 494, 364, 453).

³⁷⁾ Боярские списки, ч. 1, с. 105.

³⁸⁾ *Масса*, с. 45. Впрочем, Варкоч в 1589 г. писал, что Борис «всею душою ненавидит» Щелкалова (Донесение, с. 104). А. и В. Щелкаловы упоминаются в боярском списке 1588/89 г. (Боярские списки, ч. 1, с. 106).

³⁹⁾ *Платонов*. Очерки, с. 170; *Масса*, с. 45.

3 мая 1594 г. А. Щелкалов участвовал в приеме послов (*Шереметев*. Царевна, с. 37-44). Сохранилась «отпись» Щелкалова в Боголюбов монастырь в Москве 1596/97 г. (АГР, т. I, № 96, с. 291). Василий Яковлевич Щелкалов был женат на сестре близкого к Борису Никифора Чепчугова (*Кобеко Д.* Щелкаловы и Чепчуговы. — РС, 1901, № 3, с. 711-713; *его же*. Дьяки Щелкаловы. — ИРГО, вып. 3. СПб., 1909, с. 78-87).

⁴⁰⁾ *Веселовский*. Дьяки, с. 408-409; *Садиков*. Очерки, с. 402; Боярские списки, ч. 1, с. 106; *Флетчер*, с. 36 (назван Пантелеевым); РК 1559—1605 гг., с. 97; РИС, т. 2, с. 127-128 («Голицыны Щелкаловым друзи и сватье»).

⁴¹⁾ *Лихачев*. Дьяки, с. 232-233, 471-511; АФЗХ, ч. II, № 367, с. 410; *Веселовский*. Дьяки, с. 9, 497, 501-502; ПДС, т. I, стлб. 1257, 1352.

В дворовом разряде в мае 1579 г. служили окольный М. Т. Петров-Соловой и дьяк Стахей Иванов (ААЭ, т. I, № 302, с. 368). В дворовом Большом приходе в марте 1583 г.

сидели А. Арцыбашев и С. Сумороков (ААЭ, т. I, № 318, с. 380). По С. Б. Веселовскому, Сумороков служил в дворовом Большом приходе во всяком случае с декабря 1582 по ноябрь 1583 г. О Н. Ховралева в 1588/89 г. см.: Боярские списки, ч. 1, с. 107.

⁴²⁾ Подробнее о Большом приходе см.: *Садиков*. Очерки, с. 289-299; АФЗХ, ч. II, № 373, с. 418 (вместе с Л. Резанцевым); Акты Уварова, № 57, 62, 66 (январь и март 1585, 1584/85 г.); *Веселовский*. Дьяки, с. 269-270.

В июне 1584 — феврале 1585 г. проверкой и подтверждением жалованных [284] грамот вместе с Ксенофоновым занимался Д. Петелин, а с сентября 1584 г. — Н. Румяной (наблюдение Ю. Н. Мельникова). См. также грамоту за подписью Д. Петелина от 11 октября 1584 г. (Акты Уварова, № 58).

⁴³⁾ ЛЗАК, вып. V. СПб., 1871, отд. II, с. 3-4; АФЗХ, ч. II, № 367, с. 410 (октябрь 1586 г.); *Веселовский*. Дьяки, с. 425. О Н. Румянном в 1588/89 г. см.: Боярские списки, ч. 1, с. 107.

⁴⁴⁾ Акты юридические... СПб., 1838, № 171; Можайские акты 1506- 1775. СПб., 1892, с. 5; ПРП РК, № 83, с. 121; *Веселовский*. Дьяки, с. 408, 517, 173, 466; АФЗХ, ч. II, № 369, с. 411; ср. 10 января 1589 г. (ПРП РК, № 47, с. 77-78); Акты Уварова, № 53; *Вахрамеев*. Акты, с. 62; ЛЗАК, вып. V, отд. II, с. 3-4; АФЗХ, ч. II, № 389; Боярские списки, ч. 1, с. 106.

⁴⁵⁾ *Гурлянд И. Я.* Акты Романовской ямской слободы. Ярославль, 1901, с. 2, 3 и сл.; *Вахрамеев*. Акты, с. 53, 54, 56-60; РИБ, т. 10, с. 489; ПДС, т. X, стлб. 474; *Веселовский*. Дьяки, с. 328, 466.

В 1587 г. возглавлял Ямской приказ и Ф. М. Троекуров. С. Т. Иванов, возможно, сидел в особом дворовом Ямском приказе.

⁴⁶⁾ Упоминается и в 1588/89 г. (Боярские списки, ч. 1, с. 106).

⁴⁷⁾ *Пискарев А. Н.* Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854, № 16, с. 30; *Веселовский*. Дьяки, с. 549, 177-178, 204-205, 269-270, 351; Акты Юшкова, № 204 (Собакин); *Вахрамеев*. Акты, с. 60-61; АМГ, т. I, № 21; СГГД, ч. IV, с. 67; ПКМГ, ч. I, отд. II, с. 1525; *Шумаков С. А.* Экскурсы по истории Поместного приказа. — ЧОИДР, 1910, кн. 4, с. 46, 49.

⁴⁸⁾ *Веселовский*. Дьяки, с. 214, 408-409, 425, 465-466; РК 1559—1605 гг., с. 310; РИС, т. 2, с. 83; *Садиков*. Очерки, с. 367-368. З. Свиязев упоминается в боярском списке 1588/89 г. (Боярские списки, ч. 1, с. 106).

⁴⁹⁾ В 1577 г. дворовой четвертью ведал А. Шерефединов. В 1582/93 г. существовала дворовая четверть дьяка С. Суморокова (*Садиков*. Очерки, с. 347-349).

⁵⁰⁾ *Садиков*. Очерки, с. 364, 390-393; *Веселовский*. Дьяки, с. 353-354; РК 1559—1605 гг., с. 306 (май 1597 г.); ПДС, т. II, стлб. 487.

⁵¹⁾ Акты Юшкова, № 220, с. 216, 217, 221; РК 1559—1605 гг., с. 225, 296, 300; *Лихачев*. Дьяки, с. 488-492; Боярские списки, ч. 1, с. 106; *Веселовский*. Дьяки, с. 147-148, 398; ААЭ, т. I, № 330, с. 394; ПРП, вып. V, с. 228. В боярском списке 1588/89 г. упоминаются Д. Бохин и Т. Петров (Боярские списки, ч. 1, с. 107, 108).

⁵²⁾ Акты Юшкова, № 220, с. 217, 233.

⁵³⁾ Там же, № 226, с. 239; № 232, с. 244; *Веселовский*. Дьяки, с. 250; ПРП, вып. IV, с. 370.

⁵⁴⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 196; ср. ПКМГ, ч. I, отд. I, с. 310 (1576 г.). В 1578/79 г. верстал детей боярских Рязька и других городов (ПРП РК, № 44, с. 55-74; *Веселовский*. Дьяки, с. 138).

⁵⁵⁾ *Шумаков*. Обзор, вып. 3, № 111, с. 28; *Зимин А. А.* О сложении приказной системы на Руси. — Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 9. М., 1954, с. 175-176. Неясно, какое ведомство возглавляла окольный кн. Ф. И. Хворостинин и дьяки Д. Петелин и З. Свиязев в июне 1585 г. (Акты Уварова, № 64, с. 72). Возможно, оно создано было специально для расследования дела кн. И. П. Шуйского.

⁵⁶⁾ ААЭ, т. I, № 317, с. 380. Дьяком приказа был Сапун Аврамов, служивший в то время в Разряде. В 1577 г. там сидели кн. С. Коркодинов и Федор Пучко Молвянинов (Боярские списки, ч. 1, с. 106, 85).

⁵⁷⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 196; *Тихомиров*. Памятники, с. 232. [285]

⁵⁸⁾ Хроника Буссова, с. 84; *Маржерет*, с. 151.

⁵⁹⁾ По Боярскому списку 1588/89 г. — «в деревне» (Боярские списки, ч. 1, с. 105).

⁶⁰⁾ РК 1475—1598 гг., с. 364, 379, 413, 414, 515, 521; РК 1559—1605 гг., с. 269; *Зимин*, О составе, с. 204; ЧОИДР, 1874, кн. 4, с. 18; Боярские списки, с. 106. До Безобразова постельничим был И. Д. Овцын.

⁶¹⁾ РК 1475—1598 гг., с. 360, 364, 513; ДАИ, т. I, с. 189-195; Акты Уварова, № 68, с. 76-77; РК 1559—1605 гг., с. 269; ОАПП, ч. I, с. 405. В марте 1582 г. казначеем был И. П. Татищев (АИ, т. 1, с. 271).

⁶²⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 196; *Тихомиров*. Памятники XVI в., с. 94. Дата 1584 г. (ПСРЛ, т. 14, с. 36) ошибочна.

⁶³⁾ РК 1475—1598 гг., с. 481, 500-501; АМГ, т. I, № 36; *Смирнов П.* Орловский уезд в конце XVI в. по писцовой книге 1594—1595 гг. Киев, 1910, с. 54, 55; ДАИ, т. IX, № 106, с. 257; РК 1559—1605 гг., с. 318; АИ, т. 1, № 154/XX; ПСРЛ, т. 14, с. 45; ср. *Маржерет*, с. 145.

Строительство Ельца началось в 1595 г. (АМГ, т. I, № 36; *Алферова Г. В.* Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII вв. — ВИ, 1977, № 7, с. 55-59; *Антилогов*, с. 322 и сл.). Курск как укрепленный пункт упоминался и ранее. Белгород «ставили» в 1596/97 г. (ЛИРО, вып. 2-3. Вильно, 1910, с. 34-35). На Крапивне воеводы стояли в 1574/75 г. (РК 1475—1598 гг., с. 268).

⁶⁴⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 200; т. 14, с. 7; *Ильин М. А.* Усадьбы Годуновых. — Сборник Общества изучения русской усадьбы, вып. 5-6. М., 1928, с. 33-39; *Раппопорт П. А.* Зодчий Бориса Годунова. — Культура древней Руси. М., 1966, с. 218; РИБ, т. XIII, стлб. 532.

В 1596 г. в Пафнутьевом монастыре был построен храм Рождества Богородицы с приделом в честь Ирины (История русского искусства, т. III. М., 1955, с. 470-472).

⁶⁵⁾ *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М.-Л., 1947, с. 161-166.

⁶⁶⁾ *Сергеев В. И.* Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания городов. — Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 179. О градостроительстве в Сибири см.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. I, с. 272-300, 348; Прил., № 11, 17, с. 346-354, 363-366; *Буцинский П. Н.* К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков, 1893, с. 16-24; *его же.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, с. 143-145, 160-162, 171; *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. III, с. 146 и сл.

В 1591/92 г. И. В. Траханиотов был отправлен строить Пелым (РК 1559—1605 гг., с. 292). В 1594/95 г. в Пелым, Березов, Тару и Сургут уже посылались воеводы (РК 1475—1598 гг., с. 487).

⁶⁷⁾ Об этом указе говорят материалы дозорной книги Бежецкой пятины 1593/94 г.; ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. 972; *Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1889, с. 266-269.

⁶⁸⁾ *Анпилогов*, с. 43-44; *Платонов.* Сказания, с. 104-108; ПСРЛ, т. 14, с. 5, 11, 7; ПЛ, вып. 1, с. 113.

⁶⁹⁾ РИБ, т. 13, стлб. 532, 563, 1282-1283.

⁷⁰⁾ *Васенко*, с. 66; Сказание Палицына, с. 101-103.

⁷¹⁾ Подробнее см.: *Полосин*, с. 280-291; *Временник Тимофеева*, с. 28; РИБ, т. 13, стлб. 850-851; ПСРЛ, т. 14, с. 47, 40.

⁷²⁾ Повесть, како отомсти, с. 241-244; ср. РИБ, т. 13, стлб. 3-16, 145-154.

⁷³⁾ *Севастьянова*, с. 119; *Петрей*, с. 168; *Маржерет*, с. 150-152.

⁷⁴⁾ *Масса*, с. 42-43.

⁷⁵⁾ Хроника Буссова, с. 79. [286]

⁷⁶⁾ РИБ, т. 13, стлб. 531; *Масса*, с. 44; *Временник Тимофеева*, с. 56; Грамоты 7080—7111 годов с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых. — ЧОИДР, 1897, кн. 1, с. 1-8; ср.: ЧОИДР, 1894, кн. 4, отд. III, с. 1-16 (подпись царя Бориса).

⁷⁷⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 47; ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 209; *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906, с. 92; *Платонов.* Очерки, с. 158, 156; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Персией т. I, с. 131, 184.

⁷⁸⁾ ПРП, вып. IV, с. 370-374, 517-521.

⁷⁹⁾ Подробнее об уложении 1597 г. см.: *Панях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в. М., 1975, с. 72-145.

⁸⁰⁾ ПРП, вып. IV, с. 539-540.

⁸¹⁾ *Греков Б. Д.*, кн. 2, с. 322-323.

⁸²⁾ РИБ, т. 14. СПб., 1894, стлб. 137; *Смирнов И. И.* Новый список Уложения 9 марта 1607 г. — ИА, кн. IV. М.; Л., 1949, с. 82. Кроме едровских грамот заповедные лета

упоминаются в Торопецкой уставной грамоте 1590/91 г. (*Побойнин И.* Торопецкая старина. Исторические очерки г. Торопца с древнейших времен до конца XVII в. — ЧОИДР, 1902, кн. 2, с. 359).

⁸³⁾ *Корецкий.* Дела, с. 309, 311, 316, 327.

⁸⁴⁾ *Корецкий.* Закрепощение, с. 127, 145; *Панеях В. М.* Закрепощение крестьян в XVI в.: Новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого). — ИСССР, 1972, № 1, с. 157-165; *Антилогов,* с. 322-325, 335-336, 359-360; *его же.* К вопросу о законе 1592—1593 гг., отменявшем выход крестьян, и урочных летах в конце XVI — первой половине XVII в. — ИСССР, 1972, № 5, с. 160-177; *Скрынников.* Россия, с. 205; *его же.* Борьба, с. 66.

⁸⁵⁾ Ср. *Корецкий.* Закрепощение, с. 157.

Восшествие на престол (Земский собор 1909 г.)

Болезненный царь Федор Иванович пробыл на престоле недолго — менее 14 лет. 6 января 1598 г. он умер. Его преемница царица Ирина 15 января постриглась в монахини и удалилась «на покой». 17 февраля Земский собор избрал царем брата Ирины Бориса Годунова, но венчался он на царство только 3 сентября. О том, что происходило в придворных сферах с января по сентябрь 1598 г., сохранились многочисленные известия современников, как русских, так и иностранных.

Официальная версия интересующих нас событий содержится в окружной и утвержденной грамотах об избрании Бориса, а также в Сказании, занесенном на страницы разрядной книги.¹⁾ Большой рассказ о восшествии на престол Бориса есть в московском летописце, вышедшем из служилой среды (автор близок к дворянам Яновым). Здесь рассказывается, что патриарх Иов якобы просил умирающего царя вручить «жезл царствия» Борису, но тот, «мало помолчав, рече: «Брат Федор», т. е. якобы царь Федор хотел видеть на престоле Федора Никитича Романова, а не Бориса. Ирина на восьмой день по смерти супруга отправилась в Новодевичий монастырь, «не восхоте... царствовать». Тогда Иов, Освященный собор, бояре «и всякия [212] служилыя и торговые люди, видя, что Борис мимо себя изобрати на государство не даст, начата молити его, дабы воцарился. Он же, кабы не хотя, отрицался клятвами». На четырнадцатый день по смерти Федора состоялось шествие в Новодевичий монастырь, а 3 сентября — венчание на царство.²⁾

В «Повести, како отомсти» (1606 г.) рассказ приобретает резко антигодуновскую направленность. Согласно «Повести», Федор умирает «от неправеднаго убивствия» Бориса. Именно Борис посылает по всем городам «злосоветников своих и рачителей», чтобы «на государство всем миром просили его». Никто против него не смел «глаголати», ибо все боялись его «злаго прещения, и казни, и межбусобные брани». Так «лукавством» Борис венчался царским венцом. Этот рассказ был расцвечен в «Ином сказании». С. И. Шаховской кратко пишет, что «народи же купно и единомышленно воздвигоша гласы свои, да царствует на Москве Борис». Тот сначала слезно отказывался, но потом «повеле народ собрати и обеща им, яко годе вам, тако и будет». Авраамий Палицын также писал, что Борис «от народнаго же множества по вся дни принужаем бывайте к восприятию царствия... но никакже прекланяшесе».³⁾

Подробный рассказ об избрании Бориса содержится во Временнике Ивана Тимофеева. Для Тимофеева Борис — раб, отравивший своего господина, т. е. царя Федора. «Рабоцарь» Борис скрывался в монастыре, как в берлоге, «лестне» — «в нехотения образе самохотящ нам поставитися». Издеваясь над Борисом, Тимофеев пишет, что «новоизбранный наш хотяй быти царь» ополчился на крымского хана, узнав, что тот не вступил в пределы Руси. В «Новом летописце» — официальном памятнике летописания 1630 г. — рассказывается, в частности, о последних днях жизни царя Федора и избрании Бориса. Когда патриарх Иов спросил у умирающего царя: «Кому сие царство и нас, сирых, приказывает и свою царицу?» — то Федор Иванович якобы ответил: «...в сем моем царстве и в вас волен создавшей наш бог». Следовательно, ни о каком «брате Федоре» (Романове) царь не упоминал. В летописце прямо говорится об избрании Бориса Земским собором. Борис выбрали потому, что при Федоре все видели «праведное и крепкое правление к земле, показавше людем ласку великую». Только Шуйские не хотели видеть его на царстве.⁴⁾ [213]

Особенно интересны рассказы иностранцев, не связанные официальной идеологией. Основаны они на толках, ходивших среди русских современников. Так, Ж. Маржерет рассказывал, что, по мнению некоторых, Борис был «виновником» смерти Федора. После кончины царя он стал «более, чем прежде, домогаться власти, но так скрытно, что никто, кроме самых дальновидных, которые, однако ж, не осмелились ему противиться, не заметил этого». Тем временем он распустил слух о вторжении крымского хана. Устрашенный народ стал настоятельнее просить его возложить на себя корону. В конце концов Борис выразил готовность принять корону, но не ранее, чем он отразит нашествие хана. Тогда его провозгласили царем. Борис собрал войско и прибыл в Серпухов. Но вместо войны дело окончилось миром, и Борис короновался. И. Масса прямо пишет: «...убежден в том, что Борис ускорил... смерть» Федора «при содействии и по просьбе своей жены». По его словам, перед смертью Федор «вручил корону и скипетр ближайшему родственнику своему, Федору Никитичу, передав ему управление царством». Об избрании Бориса и серпуховском походе Масса рассказывает сходно с Маржеретом и описывает коронацию нового царя.⁵⁾

По К. Буссову, бояре еще до кончины Федора собрались у больного царя, чтобы спросить, кого он сделает преемником. Царица Ирина обратилась к мужу с просьбой передать скипетр ее брату. Но царь этого не сделал, а протянул скипетр старшему из четырех братьев Никитичей — Федору, поскольку тот был ближе всех к трону и скипетру. Но Федор Никитич скипетр не взял, а предложил его брату Александру, а тот — третьему брату Ивану, а он — четвертому брату Михаилу, который предложил его другому знатному князю и вельможе, «и никто не захотел прежде другого взять скипетр». Тогда царь сказал, что пусть скипетр берет тот, кто хочет, а Борис протянул руку и схватил скипетр. «Тем временем царь скончался». Легенда, приведенная Буссовым, напоминает рассказ московского летописца, но более расцвечена деталями.⁶⁾

Попытаемся представить ход событий от смерти царя Федора до коронации Бориса. В ночь с 6 на 7 января 1598 г. болезненный царь скончался. На престол вступила его вдова Ирина, сестра Бориса Годунова.⁷⁾ Р. Г. Скрынников пишет, что ее правление пытался «навязать» стране Борис, но из-за «напряженного положения в столице» [214] через полторы недели она «вынуждена была удалиться в монастырь». Вряд ли Борис хотел «навязать» сестру в правительницы. И. Масса рассказывает, что после смерти Федора «простой народ» собрался около Кремля и домогался, чтобы Ирина стала управлять страной.⁸⁾

Переход власти к царице Ирине, как вдове бездетного монарха, был естественным, но оказался недолговременным. Ирина решила постричься в монахини, рассчитывая, что ее на престоле заменит брат. Одним из первых мероприятий царицы Ирины было объявление 8 января всеобщей амнистии. Все «тюремные сидельцы» подлежали отпуску на свободу, причем их имена следовало переписать, а «самых пущих воров... выпускать с поручками». 15 января Ирина выехала в Новодевичий монастырь, где приняла постриг под именем старицы Александры, наказав до времени оставаться при ней в монастыре Борису.⁹⁾ Но и после этого «царица инокиня Александра» номинально правила страной.¹⁰⁾ От ее имени издавались указы, посылались грамоты, к ней шли отписки с мест. Реальная власть в Москве находилась у патриарха Иова («по государыни царицы... указу патриарх Иев Московский и всея Руси писал в Смоленск»).¹¹⁾

Отъезд Бориса из Москвы вызван был сложной обстановкой в стране, и особенно в столице. Москва переживала тревожное время. По слухам, просочившимся в Оршу в конце января 1598 г., выставлена была «на границах везде стража по погостам и дорогам, даже по тропинкам», чтобы никто из Москвы не проник в Литовское княжество. Иностранных купцов не пускали ни в Москву, ни из Москвы, только из Орши в Смоленск и обратно. Усиленно строили смоленскую крепость. Имперский дипломат М. Шиль сообщал, что по смерти Федора немедленно были закрыты все государственные границы России, а купцы польско-литовского и немецкого происхождения задержаны были в Москве, Смоленске, Пскове и других городах.¹²⁾

Политика консолидации феодальной знати, которую проводил Годунов в 90-е годы, давала положительные результаты только при условии, что управление страной находилось в его руках. Но когда встал вопрос о том, кто станет государем всея Руси, ситуация в Думе оказалась весьма противоречивой. (Впрочем, так было и после смерти Ивана IV.) К концу 1597 г. в Думу входило 19-20 бояр. Девять-десять из них принадлежали к кругу Годуновых (Б. Ф., Д. И., И. В. и С. В. Годуновы, Б. Ю. [215] Сабуров, кн. И. М. Глинский, князя Ф. М., Н. Р., Т. Р. Трубецкие и кн. Ф. И. Хворостинин). Семеро бояр входило в окружение Романовых (кн. Ф. И. Мстиславский, Ф. Н. Романов, князя А. И. и И. И. Голицыны, кн. Б. К. Черкасский, кн. И. В. Сицкий, кн. Ф. Д. Шестунов). Трое Шуйских (Василий, Александр и Дмитрий Ивановичи) склонялись к Годунову. Из восьми окольных пятеро поддерживали, очевидно, Годуновых (Я. М. Годунов, А. П. Клешнин, С. Ф. Сабуров, кн. А. И. Хворостинин, Д. И. Вельяминов) и трое — Романовых (И. М. Бутурлин, М. Г. Салтыков, кн. И. В. Гагин). Думными дворянами к концу 1597 г. были И. П. Татищев, Е. Л. Ржевский, кн. П. И. Буйносов-Ростовский и Д. И. Черемисинов. С конца 1597 г. Д. И. Черемисинов и И. М. Бутурлин «в опале» сосланы были в Царицын.¹³⁾

Таким образом, несмотря на преобладание в Думе сторонников Годунова, его противники, группировавшиеся на этот раз вокруг Романовых, пользовались сильным влиянием. «Пока длился траур, — рассказывает К. Буссов, — все шло, как говорится, вкривь и вкось. Правитель перестал заниматься делами управления, никакие суды не действовали, никто не вершил правосудия. К тому же во всей стране было неспокойно, и положение было опасным». 25 января (4 февраля по н. ст.) 1598 г. оршанский староста А. Сапега сообщил Хр. Радзивиллу, что выборы нового царя предполагаются в Москве в Соборное воскресенье 6 (16) марта, так как «выборные сеймы» у русских происходят «всегда после первой недели поста по их старому календарю». Посланные А. Сапегой за границу шпионы сообщали, что на корону претендуют четверо: Годунов, который, «говорят... очень болен»; Ф. И. Мстиславский, якобы занимавший в Думе первое место после царя; Ф. Н. Романов, «родной дядя по матери покойного» царя, точнее, двоюродный брат, и Б. Я. Бельский, который ранее «хотел быть великим князем», за что вызвал гнев на себя царя

Федора Бельский «приехал в Москву со множеством народа». Люди поговаривают, что из-за выборов «будет жестокое кровопролитие, если... не будет общего согласия всего их государства». Считают, что «больше всего сторонников» имеет Ф. Н. Романов.¹⁴⁾

5 (15) февраля 1598 г. А. Сапега писал Хр. Радзивиллу о том, что удалось узнать его агенту. Перед смертью Федор якобы говорил Годунову: «Ты не можешь быть царем из-за своего низкого происхождения, «разве только если тебя [216] выберут по общему соглашению» — и «указал на Федора Романовича (Никитича. — А. З.), предполагая, что скорее изберут его». Царь просил Федора Никитича, чтобы тот постоянно держал при себе Годунова и «без его совета ничего не делал, убеждая его, что Годунов умнее».

Годунов же «будто бы держал при себе своего друга, во всем очень похожего на покойного князя Дмитрия, брата великого князя московского». От имени этого Дмитрия Годунов написал письмо в Смоленск о том, «что он (Дмитрий. — А. З.) уже стал великим князем. Москва стала удивляться, откуда он взялся». Астраханский тиун Михаил Битяговский (!) сообщил, что он убил истинного Дмитрия, а Годунов хотел выдать за него своего друга. «А так как его самого не хотят избрать в великие князья, то того избрали бы великим князем... Годунова стали упрекать, что он... Дмитрия изменчески убил». Федор Никитич даже «подбежал к Годунову с ножом, желая его убить, но остальные удержали его».

После этого Годунов «в совете не бывает вместе с другими, а у него есть свой двор в том же дворце в Кремле, куда съезжаются на совет». Шуйский, будучи шурином Годунова, «мирит его с остальными, убеждая их, чтобы они без него ничего не делали и великого князя не избирали. Они действительно соглашаются и думают скоро избрать великого князя, но ни на кого не указывают, только на князя Федора Романовича (Никитича. — А. З.). Все воеводы и думные бояре согласны избрать его, ибо он родственник великого князя. За Годунова же стоят меньшие бояре, стрельцы, ибо он хорошо платил им, и чернь». В приписке к письму А. Сапега передает новое сообщение, на этот раз полученное от подвыпившего купца из Смоленска. По словам купца, выборы состоятся на сороковой день по смерти царя; за Федора Никитича стоит уже «большая часть воевод и думных бояр», а за Годунова — только «некоторые думные бояре и воеводы, а стрельцы все за него стоят и чернь почти вся».¹⁵⁾

13 (23) февраля 1598 г. в очередном письме Радзивиллу А. Сапега вновь подчеркивал, что в связи с предстоящими выборами в Москве «великое замешательство». Передавал он и слух о том, что царь перед смертью назвал четырех кандидатов в преемники — Федора и Александра Никитичей, Мстиславского и Годунова. «Воеводы и думные бояре согласны выбрать одного из них (Романовых. — А. З.)... чернь и стрельцы сильно стоят за Годунова». [217]

О стремлении боярской оппозиции дать бой Годунову писали и другие современники событий. Немецкий агент из Пскова передавал 18 (28) февраля слух, будто «за последние две недели в Москве из-за этого нового царствования (Годунова. — А. З.) возникла великая смута. Важнейшие [из русских] не хотят признавать Годунова великим князем. Недавно печерский игумен написал к монахам; они тоже не захотели присягнуть без грамоты от своего игумна».¹⁶⁾

Сквозь дебри измышлений, порожденных недостоверными рассказами, все же вырисовывается совершенно определенная картина придворной борьбы, которая объясняет отъезд Бориса из Москвы. Всесильный при Федоре правитель теперь

предпочитал дирижировать событиями, находясь вне «Царствующего города». Его опорой были дворянство и стрельцы. Пользовался он и поддержкой «черни».

Положение в столице в январе — начале февраля 1598 г. хорошо описывает К. Буссов. После смерти Федора вельможи начали вести агитацию против кандидатуры Бориса в цари. Они говорили «перед народом о его незнатном происхождении и о том, что он недостойн быть царем». Борис и Ирина вели себя хитро. Царица призвала сотников и пятидесятников города, обещала их щедро наградить, если они убедят население столицы ни на кого, кроме Бориса, не соглашаться, когда народ позовут для выбора царя. Впрочем, и у самого правителя были сторонники: влиятельные монахи, вдовы и сироты, «длительные тяжбы которых он справедливо разрешил», а также те бояре, «которым он дал денежную ссуду», чтобы они уговаривали народ выступить за него.¹⁷⁾

Наиболее продуманным и далеко рассчитанным ходом Бориса было требование созыва Земского собора, который должен был избрать царя, т. е. он хотел придать своему избранию характер волеизъявления «всей земли». Жак Маржерет писал, что Борис требовал «созвать сословия страны, именно: по восемь или десять человек от каждого города, чтобы вся страна единодушно приняла решение, кого следует избрать». С 20 января по 20 февраля в Новодевичий монастырь потянулись шествия, участники которых просили Ирину дать «на Московское государство» Бориса. В них принимали участие патриарх Иов (один из наиболее деятельных сторонников Бориса), Освященный [218] собор, бояре и дворяне, приказные люди, гости и «много московского народу».¹⁸⁾

Красочный рассказ об этих шествиях содержится в «Ином сказании» («Повесть 1606 г. »). Борис якобы «от народного же множества по вся дни понужаем к восприятию царства». Но этот народный «крик души» был не что иное, как хорошо организованное мероприятие «советников и рачителей» Бориса. Именно они «принудиша народи», в то время как «величьи же бояре... даша на волю народу»; «не хотяху же кто Бориса, но ради его злаго и лукаваго промысла и никто же сме противу его рещи». В Новодевичий монастырь «мнози же суть и неволею пригнани, и заповедь положена, еще кто не приидет Бориса на государство просити, и на том по два рубля правити на день». Для надзора были назначены приставы, которые принуждали простолюдинов «с великим воплем вопити и слезы точити». «Они же, не хотя, аки волцы, напрасно завоююще, под глаза же слинами мочаще, всяк кождо у себе слез сущих не имея».¹⁹⁾ О том, что сторонники Бориса «стали подстрекать простонародье», пишет и К. Буссов. Они предупреждали, что правитель может постричься в монахи, и «из-за этого в простом народе началось большое волнение, стали кричать, чтобы вельможи прекратили совещания... шли вместе с ними к Новодевичьему монастырю».²⁰⁾

Шествия проходили во время подготовки и проведения заседаний соборного типа. 17 февраля 1598 г. Борис Годунов был избран на царство.²¹⁾ О подготовке собора сообщал немецкий агент из Пскова в депеше от 28 февраля: недели три или четыре назад (т. е. в начале февраля) «выписали для выборов духовных прелатов, воевод и некоторых именитых бояр из главных городов, как-то Новгорода, Пскова, Опÿг'а и проч., важнейших из общества; так как имели в виду избрать великого князя, то их потребовали к присяге. По таковом призыве к избранию на их место были тотчас назначены другие воеводы, родственники (приверженцы?) Годунова». Борис, по его мнению, «сел на царство насилием».²²⁾

К. Буссов пишет, что когда в Москву были созваны «все сословия, высшие и низшие», то большинство остановилось на кандидатуре Бориса, ибо он «вершил государственные дела так, как не вершил их еще никто с тех пор, как стоит их монархия». Это было неприятно

слушать «многим знатным вельможам, князьям и боярам, да [219] пришлось им стерпеть». И. Масса считал решающим моментом в избрании Бориса позицию народа, который кричал, что не знает другого, более достойного быть царем; что Годунов правил при покойном Федоре и был любим народом. Федор Никитич, чтоб избежать междоусобия, передал корону Борису, но тот отказался от трона. Тогда бояре стали упрашивать Федора Никитича, а народ — Бориса. Присягу народа Борису принял И. В. Годунов, его «дядя», затем присягнули и бояре, и Романовы. Борис же все время находился дома и делал вид, что ничего не знает.²³⁾

Согласно «Новому летописцу», «князи... Шуйские едины ево (Бориса. — А. З.) не хотяху на царство: узнаху его, что быти от него людем и к себе гонению; оне же от него потом многие беды и скорби и тесноты прияха». Степень достоверности этого позднейшего известия не ясна.²⁴⁾

Московские события 1584 и 1586 гг. показали, какую силу представляет народ при решении важнейших политических вопросов. Этот опыт отлично усвоил Борис. Сложившуюся в 1598 г. ситуацию он использовал для того, чтобы при посредстве «московского многолюдства», церкви и аппарата управления оказать прямое давление на боярскую оппозицию и вынудить ее на избрание его царем. Видя, что всякое сопротивление этому решению приведет не только к внутрибоярским сварам, но и к взрыву народного негодования, Ф. Н. Романов и связанная с ним группа феодальной знати в конечном счете присоединились к тем, кто настаивал на избрании Бориса.

Имперский гонец М. Шиль писал, что едва окончилось время траура, как бояре в Кремле, приняв важное решение, дважды выходили на Красное крыльцо и увещевали народ принести присягу на имя Думы. Дьяк В. Щелкалов убеждал толпу, что присяга постриженной царице не действительна и необходимо целовать крест боярам. Но эти доводы не вызвали в народе воодушевления. На этом основании Р. Г. Скрынников полагает, что «раскол верхов фактически привел к образованию в столице двух властей. Созванный патриархом собор принял решение об избрании Бориса. И одновременно высший орган управления — Боярская дума — объявил о введении в стране боярского правления».²⁵⁾ Это преувеличение.

Положение действительно было неопределенное, но двух правительств тогда не было. Если и доверять сообщению Шили, то речь могла идти лишь о временном [220] управлении страной Думой до решения вопроса о царе. Когда «двоевластие» могло бы иметь место? Как будто после избрания Бориса. Но после решения Земского собора 17 февраля 1598 г. бояре не могли настаивать на переходе власти к Думе, ибо уже 21 февраля Борис был наречен на царство, а 20-21 февраля состоялись шествия в Новодевичий монастырь, в которых бояре участвовали.²⁶⁾

Характеризуя представительство на Земском соборе 1598 г., В. О. Ключевский писал, что «в составе избирательного собора нельзя подметить никакого следа выборкой агитации или какой-либо подтасовки членов». Вслед за ним С. Ф. Платонов полагал, что «состав земского собора 1598 г. был нормален и правилен».²⁷⁾ Этот вывод нуждается в переосмыслении. Наблюдения С. П. Мордовиной показали, что данные о составе февральского заседания собора 1598 г. носят общий характер, а сведений о представительстве на нем почти нет. Упомянутые в утвержденной грамоте лица (и лица, подписавшие ее) могли и не присутствовать на заседаниях, а поставить подписи позднее, поэтому перечень лиц в грамоте можно рассматривать как программу действий по сбору подписей у лиц, которые, по мнению правительства, должны были подписать грамоту (вне зависимости от того, присутствовали они на заседаниях или нет). Но если так, то вопрос о

том, в какой степени представительными были заседания собора, нуждается в ином подходе.

Сохранились три группы источников о составе собора. Утвержденная грамота содержит примерный состав чинов, присутствовавших на соборе. Свидетельства иностранцев дают самые неопределенные указания о «всех сословиях» (Буссов), «государственных чинах», «всем народе» (Маржерет), участвовавших в заседаниях собора. В памятниках публицистики имеются стереотипные перечни соборных «чинов». Так, в разрядной повести говорится: «... совещастся же меж себя единодушно всем государством Московским: святейший патриарх Иов со всеми митрополиты... и весь священнический [собор (или чин)], тако же и бояре, и дворяне, и дьяки, и дети боярские, и приказные люди, и гости, и много московского народу». «Новый летописец» сообщает: «Царствующаго ж града Москвы бояре, и все воинство, и всего царства Московского всякие люди ото всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское. Бояре же и воинство и все люди собирахуся... »²⁸⁾ [221]

Если сопоставить эти самые общие сведения с практикой соборного представительства XVI в. (особенно с собором 1566 г.), то можно сделать некоторые выводы. Очевидно, на соборе 1598 г. присутствовали члены Освященного собора и Боярской думы, чины приказного аппарата, московское дворянство и те из числа «выбора» (верхнего слоя провинциального дворянства), кто в то время находился в Москве. Ни о каких «выборах» на собор речи быть не могло. Да и далеко не все члены Думы и дьяки присутствовали на заседании 17 февраля (многие из них находились в других городах страны). И все же это был по понятиям XVI в. совершенно законный Земский собор «правильного» типа.²⁹⁾ Собор не только избрал Бориса царем, но и принес ему присягу на верность (в утвержденной грамоте упоминалось о «прежней целовальной записи» Борису). Обстановка, в которой заседал собор, была тревожной. Немецкий агент из Пскова сообщал 28 февраля 1598 г.: «Позавчера их (бояр?) так сильно понуждали и приневоливали, что они вынуждены были присягнуть со своими подданными; думаю, не иначе, что из этого возникнет много раздоров. Простолюдины весьма недовольны Годуновым и его шайкою, которую он поставил во главе (?) людей при принесении присяги». Новому царю присягали «помещики (?), горожане и крестьяне».³⁰⁾

После избрания Бориса 18 февраля состоялся торжественный молебен в Успенском соборе. 20 февраля патриарх Иов и чины собора отправились в Новодевичий монастырь сообщить Ирине и Борису о решении собора и просить Ирину отпустить брата на царство. Сначала брат и сестра отказались исполнить эту просьбу. Тогда 21 февраля состоялось новое торжественное шествие с иконами и «святостью». На этот раз Борис соизволил согласиться принять «шапку Мономаха» и был «наречен» царем в Новодевичьем монастыре.

Но есть одно обстоятельство, осложняющее картину предвыборной борьбы. Как обратила внимание С. П. Мордовина, в первой редакции утвержденной грамоты говорится не столько о Земском соборе, сколько о церковном:

Первая редакция	Вторая редакция
... И весь освященный собор и царский сигклит...	... И весь вселенский собор, митрополиты, и архимариты, и архиепископы, и игумены, и царьский сигклит, бояре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости. [222]
... У всего освященнаго собора...	...У всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояр, и у дворян, и у приказных и у служилых у всяких людей, и у гостей, и у всех

Подобная интерпретация событий в первой редакции грамоты, возможно, объясняется ее происхождением из патриаршей канцелярии.

«Тотчас» по наречении на царство Борис посылает к Казы-Гирею гонца Леонтия Лодыженского «объявить свое государево царство», а также «о дружбе и о братстве».³²⁾ 26 февраля («в неделю сыропустную») Борис впервые после отъезда в Новодевичий монастырь возвращается в Москву. Здесь в Успенском соборе патриарх Иов снова благословляет его на царство.³³⁾ Затем Борис, «наедине беседовав» с Иовом, решает провести «четыредесятницу» в Новодевичьем монастыре и отбывает из Москвы. Чем объяснялся отъезд Бориса из Москвы, сказать трудно.³⁴⁾ Очевидно, он ожидал присяги членов избирательного собора.

9 марта патриарх собирает Освященный собор и «весь царский сигклит» (Думу) и заявляет, что наступает пора коронации Бориса («облещися в порфиру царскую»). Иов решил объявить день 21 февраля, когда Борис дал согласие венчаться на царство, ежегодным праздником. Принято было постановление о составлении утвержденной грамоты, скрепленной печатями и подписями представителей всех чинов («приговор о утвержденной грамоте», «повеле списати сию утвержденную грамоту»). Вскоре приступили к процедуре принесения присяги новому царю.³⁵⁾ 15 марта патриарх составил окружную грамоту об избрании Бориса и, очевидно, так называемое соборное определение. Оба этих документа являются как бы первоначальными набросками официальной версии об избрании Бориса, нашедшей полное выражение в более поздней утвержденной грамоте.³⁶⁾

В марте — апреле происходила церемония крестоцелования Борису. В ней должны были принять участие все сословия. Для этого на места были посланы представители Боярской думы и дьяки. Так, в Псков направили окольного кн. И. В. Гагина «приводить ко крестному целованию бояр и воевод, дворян и детей боярских и торговых людей и всех людей Псковские земли». Псковский летописец сообщает, что в марте целовали крест на имя Ирины и только в мае — на имя Бориса. Гагин умер в Пскове [223] 22 апреля. В Новгород отправился кн. П. И. Буйносов-Ростовский, в Смоленск — окольный С. Ф. Сабуров, в Нижний Новгород и Казань — боярин кн. Ф. И. Хворостинин. Только после этой подготовки 30 апреля Борис окончательно переехал в Кремль, «сяде на царском своем престоле», а патриарх возложил на него крест Петра Чудотворца, что рассматривалось как «начало царского государева венчания».³⁷⁾

После окончания пасхального поста «в светлое воскресенье» (16 апреля) Борис снял «жалосные» (траурные) одежды и облекся в «златокованная».³⁸⁾ Но коронация задержалась.

В марте из южных районов страны стали поступать угрожающие сведения. 6 марта приказчик Неустрой Тебенков из шацкого дворцового села Конобеева писал Борису о том, что, по словам прибывшего с Хопра крестьянина, казаки, приехавшие на Хопер из-под Азова, предупреждают об опасности вторжения крымцев. Пленный татарин под пыткой показал, что весной Казы-Гирей собирается «быть на государевы украины и к Москве». Об этом же сообщали в отписке 8 марта воевода Воронежа Ф. Мосальский и голова Б. Хрущев, и «из ыных городов изо многих писали к государю те же вести». Борис принял решение самому идти на крымского хана и отдал предварительное распоряжение о расположении полков по «украинным городом». Вскоре аналогичное сообщение поступило из Оскола. Воевода кн. И. Солнцев-Засекин и голова И. Мясной, ссылаясь на

показания пленного крымца, писали 1 апреля, что Казы-Гирей «часа того» идет «на государевы украины» «по турского царя веленью», а с ним якобы 7 тыс. янычар. Срочно составлена была роспись полков, которые должны были стоять «на берегу». Наконец, воеводы Белгорода кн. М. Ноздреватый и кн. А. Волконский 20 апреля извещали о показаниях татарина, взятого донскими казаками «на перевозе»: Казы-Гирей «идет, собрався со многими людьми, на государевы украины». Борис решил, что наступила пора выступить в поход ему самому.³⁹⁾ 30 апреля он переехал в Москву.

А в это время противники Бориса предприняли последнюю попытку преградить ему путь к престолу. 6 (16) июня 1598 г. А. Сапега писал Радзивиллу: еще до того, как Годунов отправился на войну с ханом, «некоторые князья и думные бояре, особенно же кн. Бельский во главе их, и Федор Никитич со своим братом и немало [224] других (однако не все) стали советовать между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона, сына Шигалея». Речь идет, конечно, о Симеоне Бекбулатовиче, побывавшем на великокняжеском престоле при Иване IV и женатом на сестре Ф. И. Мстиславского.⁴⁰⁾ Борис узнал об этом, когда пришла весть, что «татары идут в их земли», и, по словам Сапеги, стал уговаривать оппозицию: «...«Симеон живет далеко, в Сибири... смотрите, чтобы вы царства не погубили»... Тогда они (бояре?), отказавшись от того Симеона, просили его, чтобы он дал им совет, как защищаться, и чтобы назначил им гетмана». Борис предложил себя в «гетманы» и выехал к Оке 17 мая. Годунов отправился в поход «еще не коронованный, ибо он хотел короноваться только тогда, когда послужит их государству, хотя Москва упрашивала его короноваться».⁴¹⁾

3 мая Борис окончательно решил выступить в поход. Это военное предприятие должно было стать (как и оборона Москвы 1591 г.) прелюдией славы правителя и обеспечить успех коронационных торжеств. По словам К. Буссова, Борис говорил: «...воля господня такова, чтоб государем на Руси был я. Но... я прошу нескольких недель отсрочки, и чтобы к июню вся земля собралась под Серпуховым для похода против крымских татар. Если я увижу, что вся земля повинуется, то это будет свидетельством того, что все сословия истинно желают моего избрания». Короноваться Мономаховым венцом Борис соглашался только после победы над крымским ханом («и ничто милосердный бог надо мною смилуется, а желанное свое получу, и яз тогда венчаюся царьским венцом»)⁴²⁾

Поход, предпринятый Годуновым, поражал современников размахом и многолюдством. И это понятно. Борис должен был действовать наверняка — поражение равнозначно было для него гибели. Современники считали, что в походе участвовало 500-тысячное войско, а Буссов называет даже цифру 800 тыс. Полк Бориса насчитывал 30 тыс. человек. Наиболее правдоподобна цифра 40 тыс. человек, стоявших на берегу Оки. По словам Массы, «войско было настолько велико, что поистине нельзя было и представить», ибо «со всех сторон стекалось такое войско, какого еще никогда не было у московского князя». Буссов писал, что «к июню вся земля была призвана под Серпухов, чтобы идти против татар, а также чтоб избрать правителя царем».⁴³⁾ [225]

7 мая 1598 г. царь выехал из Москвы. Двигался он не спеша и только 11 мая прибыл в Серпухов. Поскольку о действиях крымских войск известий не поступало, 14 мая Годунов отправил своих воевод вверх и вниз по Оке «осмотрити, нет ли на ней городов» (крымских гуляй-городов). После того как Борис 18 мая «смотрит засечных чертежей», в разведку к Перемышльской, Лихвинской, Тульской и другим засекам посланы были воеводы. 21 мая в Рязань выехал М. Сабуров «смотрети новые Волжские засеки». 25 мая Борис отдал распоряжение составить новый «разряд» серпуховского войска. Одновременно разбит был целый город из походных шатров, а по берегу Оки установлена была мощная артиллерия. В поле устраивались смотры войскам.⁴⁴⁾

Сведения же о крымцах все отсутствовали. Только 29 мая Борис сообщил патриарху первую весть о них. Он получил грамоту от Л. Лодыженского с дороги («от первых улусов»), в которой говорилось, что Казы-Гирей с ногаями находится «в великом собранье... а сказывают, что царю итти на Можары (Венгрию. — А. З.) или на твое государевы украины, а посяместа на Можары не пошел, стоит в Крыму... а только Днепра не перелезет, и цари верить нельзя». Борис просил патриарха молить о христоролюбивом воинстве, чтобы ему была дарована победа. В ответном послании Иов 2 июня писал, что он эту просьбу исполнил.⁴⁵⁾

Вскоре Лодыженский прислал из Крыма известие, что Казы-Гирей предполагал выступить в поход на Русь тогда, когда узнал о кончине Федора. Он «хотел итти со всем» своими ратми прямо к Москве, а перед собою хотел послать на наши украины, на Рязанские места войною Арасланаева улуса Дивеева и иных перебрал резвых людей 20 000». Однако, узнав от плененных крымцами «станичников», что Борис «со всеми своими ратми» пришел на берег «с великим собранием», хан отложил поход и направил к Годунову посланника кн. Алея, «а сам хочет ее всеми людьми итти на Волохи». Борис снова просил патриарха молиться о даровании победы русскому воинству.⁴⁶⁾

Прошло некоторое время, и елецкий воевода сообщил Борису в отписке от 18 июня, что из Крыма возвращается Л. Лодыженский с посланником хана Алеем-мурзой. 27 июня Лодыженский прибыл в Серпухов и доложил Борису: Казы-Гирей «во всем в твоей государеве воле, куда ты пошлешь, и он со всею Ордою готов итти против твоего [226] государева недруга». Крымский посланник и его свита прибыли в распоряжение русских войск 28 июня и остановились в двух верстах от государева стана. На следующий день крымских представителей принял Годунов. Масса пишет, что в тот год крымцы «и не думали выступать из своей земли», а Борис достоверно знал, что крымский посол «приедет его поздравить, привезет подарки и заключит мир на несколько лет».⁴⁷⁾ Думаю, что И. Масса передает бытовавший в то время слух, но вряд ли он соответствовал действительности. Записи разрядных книг говорят, что у Бориса была информация о возможном походе Казы-Гирея на Русь.

Итак, поход крымского хана на Русь не состоялся — крымцы пошли войной на Венгрию. Борису снова пришлось выступить в роли миротворца, а не победителя «бусурман». Но свою военную демонстрацию он все же решил использовать для воздействия на посольство, а через него на сам Крым. Вслед за беспорядочной стрельбой из пушек послу и его свите были показаны все вооруженные силы, а в конце концов заключено мирное соглашение. После отпуска крымских представителей и Л. Лодыженского в Крым Борис, «выйдя в поле, дал согласие быть царем». 30 июня Борис вышел из Серпухова, распустив рать. Тогда же он сообщил патриарху Иову о прибытии к нему крымских послов, о их приеме и о том, что Казы-Гирей «хочет с нами быть в дружбе и в любви».⁴⁸⁾

2 июля Бориса торжественно встречали в Москве. Годунов сразу же направился в Новодевичий монастырь к сестре. Поход в Серпухов Иов изобразил в своем послании Годунову как новое избавление страны «от нахождения врагов».⁴⁹⁾ Теперь для Бориса важно было добиться персональной верности не только представителей знати, но и всего народа. Снова повсеместно проводится присяга на его имя (это было во время «жатвеня», т. е. поздним летом — ранней осенью).⁵⁰⁾ В июле изготовлялись экземпляры утвержденной грамоты, которую от имени «всей земли» подписывали представители чинов.

Подлинник утвержденной грамоты до нас не дошел. Сохранилось шесть позднейших списков, образующих две редакции. Первую представляют: 1. Список И. А. Навроцкого

(далее — Н). Рукопись не дошла, но есть два ее издания.⁵¹⁾ 2. Список Малиновского (далее — М) первой четверти XIX в. Представляет собой копию со списка Навроцкого.⁵²⁾ Вторая редакция известна в четырех списках: [227] 1. Строгановский (далее — С) первой четверти XVII в. сольвычегодского происхождения.⁵³⁾ 2. Соловецкий (далее — Сол) в сборнике с текстами патриаршего происхождения начала XVII в.⁵⁴⁾ 3. Плещеевский (далее — П) второй трети XVII в. Сохранился в тексте разрядной книги. Конец текста отсутствует.⁵⁵⁾ 4. Толстовский (далее — Т) конца XVI — начала XVII в. (до 1612 г.). Сохранился в первой части сборника официального происхождения. Конец списка отсутствует.⁵⁶⁾

Утвержденная грамота составлялась в двух официальных экземплярах: в государственной казне хранился экземпляр для царя («большая» грамота с золотыми и серебряными печатями); в ризнице патриарха — другой («меньшая» грамота с восковыми, красными и черными печатями). Из того факта, что список С идентичен списку Сол (первый восходит к государственной казне, а второй — к патриаршей), Р. Г. Скрынников делает вывод, что оба официальных экземпляра были тождественны.⁵⁷⁾

Сложнее вопрос о первой и второй редакциях утвержденной грамоты. С. П. Мордовина обосновала тезис о первичности редакции, представленной списком Н. В ней (датированной июлем) меньше славословий по адресу Бориса, она ближе к тексту соборного определения патриарха Иова (весна 1598 г.). В списке Н говорится, что еще надлежит составить экземпляр грамоты для патриарха, а в остальных списках о втором, патриаршем экземпляре говорится как о составленном. В перечне духовных лиц в списке Н в четырех случаях отмечаются старые настоятели, а в одном — новый (по сравнению со списком С).⁵⁸⁾ По А. П. Павлову, основной текст грамоты списка Н «отразил процесс составления и подписания утвержденной грамоты с 30 апреля по 7 мая 1598 г.», а вторая ее часть — следующий этап, закончившийся в июле. Второй вариант грамоты (список С и сходные) состоит также из двух частей: первая — историческое введение — была закончена к 1 августа 1598 г., а вторая — перечень участников и подписи — к январю — февралю 1599 г.⁵⁹⁾

Грамота должна была обосновать в развернутой форме права Бориса на трон, т. е. преследовала идеологическую цель, и вместе с тем обеспечить собственноручными подписями всего цвета феодальной знати ее верность новому царю, т. е. имела отчетливо выраженную практическую цель. Если выполнение первой задачи было делом сравнительно несложным, то осуществление второй потребовало [228] больших усилий: нужно было добиться рукоприкладств людей, разбросанных по разным городам страны. При этом руководствовались не тем, присутствовало ли то или иное лицо на избирательном соборе, а прежде всего его представительностью, родовым и служилым положением на иерархической лестнице чинов. Изготовлено было несколько экземпляров грамоты. Возможно, составлены были примерные списки лиц, которые должны были подписывать грамоту, и начался сбор подписей, растянувшийся на долгий срок.⁶⁰⁾ Могли подписываться несколько экземпляров, причем иногда разными лицами. Отсюда и разница в подписях.

Утвержденная грамота начинается с исторической справки о князьях Руси со времени Рюрика и кончая Федором Ивановичем. Затем излагается история избрания на царство Бориса и перечисляются его заслуги как правителя при Федоре: победил крымского хана и короля шведского; установил мир и дружбу с султаном, шахом и королями из других стран; устроил «все великие государства Росийскаго царствия тихи и немятежны»; кроме того, Годуновым «и воинственной чин в призрении и во многой милости и в строении учинен, а все православное христианство в покое и в тишине»; наконец, «и бедныя вдовы

и сироты в милостивом в покровении и в крепком заступлении, и всем повинным пощада, и неоскудныя реки милосердия изливались, и вся Руская земля во облегчении учинена».⁶¹⁾ Изложение доведено до 9 марта, когда было принято решение о составлении утвержденной грамоты.

В. О. Ключевский считает, что первые заседания Земского собора 1598 г. состоялись в феврале — марте; затем они были прерваны и возобновились после окончания серпуховского похода. Плодом их деятельности и была утвержденная грамота 1 августа.⁶²⁾ Изучая перечень участников собора, С. П. Мордовина убедительно показала, что он составлен был не ранее середины июля 1598 г.⁶³⁾ Члены же собора подписывали грамоту и позднее. Все это так, но представляется, что никаких заседаний собора ни в июле, ни вообще после 17 февраля не было.⁶⁴⁾ Дело шло об изготовлении утвержденной грамоты, и только. Борис решил связать правящие верхи круговой порукой крестного целования, присягой на верность ему как царю.⁶⁵⁾ По Р. Г. Скрынникову, утвержденную грамоту в первом варианте начали составлять в марте и кончили вскоре после 1 апреля (когда Борис «сел» на царство). Отрицая возможность [229] созыва Земского собора в июле — августе 1598 г., он выдвигает предположение, что Земский собор — так сказать, «нового созыва» — состоялся в конце 1598 — начале 1599 г. и якобы рассмотрел (заслушал) и санкционировал утвержденную грамоту.⁶⁶⁾ Этот вывод основывается на том, что подписи под текстом грамот поставлены были скорее всего в конце 1598 г. (по наблюдениям С. П. Мордовиной). Но подписи могли ставиться под грамотой не одновременно,⁶⁷⁾ во всяком случае для этой процедуры созывать собор не следовало бы.⁶⁸⁾ Перечень участников Земского собора 1598 г., помещенный в утвержденной грамоте, и подписи в конце списков хотя и не дают адекватного состава лиц, принимавших участие в соборном заседании 17 февраля, но тем не менее показывают примерный состав лиц, которые, по мнению устроителей собора, должны были санкционировать избрание Бориса на царство.

По наблюдениям С. П. Мордовиной, рисуется следующая картина. В списках утвержденной грамоты упомянуто 160 духовных лиц (патриарх, члены Освященного собора и др.), т. е. значительно больше (и абсолютно, и в процентном отношении), чем присутствовало на соборе 1566 г. Очевидно, это объясняется и ролью, которую играл в избирательной кампании патриарх Иов, и исключительным характером собора, избравшего царя впервые в русской истории.

По замыслу устроителей собора на нем должны были присутствовать все члены Боярской думы, московские дворяне, приказные дьяки, стольники, стряпчие и бараши (придворный чин). Отсутствие упоминаний о некоторый из них в перечне участников собора объясняется прежде всего тем, что они несли службу в других городах. Частично этот пробел восполнен был тем, что они позднее подписали грамоту. По перечню, они составляли 248 человек, т. е. преобладали в массе служилых людей, которые должны были участвовать в соборном заседании (337 человек).

Городовое дворянство, служившее по «выбору», представлено 45 лицами, т. е. только 5% всего «выбора», известного в то время. Это были дворяне, служившие в 1599 г. в Москве. В целом служилые люди составляли, по перечню, 73,9% всех предполагавшихся участников заседаний собора. А. П. Павлов считает, что реальный состав собора был шире, чем он представлен в утвержденной грамоте.⁶⁹⁾ [230]

Представителей третьего сословия на соборе должно было быть меньше (7-8% состава), чем на соборе 1566 г. (20%): 21 гость (очевидно, все гости поголовно), старосты гостиной и суконной сотен, 13 сотских московских черных сотен и полусотен.⁷⁰⁾

Сравнение списков Н и С утвержденной грамоты, проделанное С. П. Мордовиной, Р. Г. Скрынниковым и А. П. Павловым, обнаружило, что экземпляр Н был первоначальным вариантом грамоты. 17 февраля по нему патриарх Иов выдвинул кандидатуру Бориса от имени духовных лиц на заседании Освященного собора, бояр и «христолюбивого воинства». По экземпляру С Иов действовал от имени всех чинов «вселенского» собора, где присутствовали также гости и «православные крестьяне» всех городов Российского государства. Таким образом, заседание 17 февраля, участники которого приняли решение просить Бориса дать согласие на коронацию, было не заседанием Земского собора в строгом смысле слова, как в 1566 г., а совещанием соборного типа членов Освященного собора, Боярской думы, деятелей приказной администрации — «царского синклита», цвета московского дворянства и городского «выбора», служившего в то время в Москве.

Реальный состав участников совещания и его ход точно изложены в первом варианте утвержденной грамоты (протографе списка Н). Определенных данных о присутствии представителей торгово-ремесленных кругов нет, хотя это и не исключено. Во всяком случае никаких выборов на собор 17 февраля 1598 г. не было. Вряд ли стоит говорить о «призыве делегатов» «не только по должностному, но и по территориальному принципу».⁷¹⁾ К августу 1598 г. первый вариант грамоты подписали высшие чины государства (члены Освященного собора, Боярской думы и видные приказные дельцы), а также те представители московского дворянства и «выбора», которые могли заседать 17 февраля (хотя и не все из них заседали реально). Вторичное подписание утвержденной грамоты А. П. Павлов объясняет «не безукоризненным» «с формальной точки зрения» составлением первого варианта. Но дело было сложнее. Борису Годунову для укрепления положения было недостаточно простого изложения событий 17 февраля. Во втором варианте грамоты (список С и сходные), изготовленном к 1 августа, громогласно объявлялось, что царь избран «вселенским собором», в котором якобы — это подчеркивалось специально — участвовало не только [231] столичное дворянство, но и служилые люди «всех городов» и даже представители торгово-ремесленного люда. Именно этот вариант Борис подписал и скрепил своей печатью, после чего грамота была положена в царскую казну (архив).

Пересоставление грамоты вызвало и ее переподписку, затянувшуюся до января — февраля 1599 г.,⁷²⁾ а подписывали ее не столько реальные участники заседания 17 февраля, сколько те лица, которые по своему положению могли присутствовать на избрании Бориса. Реальных участников заседания могло быть и больше и меньше тех, чьи подписи стоят в списке С и сходных. После того как был составлен окончательный текст утвержденной грамоты (список С и сходные), 1 сентября к Годунову в Новодевичий монастырь отправилась очередная депутация во главе с патриархом, которой Борис дал согласие на коронацию.

Венчание на царство состоялось в Успенском соборе 3 сентября 1598 г. В Москве и по городам устраивались по этому случаю пышные торжества. Пир в Грановитой и других палатах, а также на площади в Кремле не прекращались с 3 по 10 сентября. На них присутствовало «многое множество московского народу». «Были выставлены для народа большие чаны, полные сладким медом и пивом, и каждый мог пить сколько хотел». Выдано было тройное жалованье боярам, дворянам и дьякам. Пленным ливонцам даровали свободу, выдали денежную ссуду на торговые дела и разрешение на постройку церкви. Торжественно была объявлена амнистия и отмена смертной казни на пять лет.⁷³⁾

Новые думные чины получили представители феодальной знати. Очевидно, после смерти Федора назначений в думу до той поры не было.⁷⁴⁾ В день коронации Годунова боярство было «сказано» кн. М. П. Катыреву-Ростовскому и Александру Никитичу Романову-

Юрьеву. Окольничими стали Михаил Никитич Романов-Юрьев и Б. Я. Бельский. Эти назначения были как бы реверансом Бориса в сторону его противников. 4 сентября чин конюшего получил боярин Д. И. Годунов; боярами стали кн. А. В. Трубецкой, кн. В. К. Черкасский; окольничими — кн. В. Д. Хилков и М. М. Салтыков Кривой. 5 сентября боярином стал кн. Ф. А. Ноготков-Оболенский, а число окольничих пополнили Н. В. Годунов, С. Н. Годунов и Ф. А. Бутурлин. Наконец, 6 сентября «сказано» было окольничество С. С. Годунову, [232] М. М. Годунову, а чин кравчего получил И. И. Годунов.⁷⁵⁾ Годуновым достались шесть думных и дворцовых чинов. Картина тем самым прояснилась.

Коронация Бориса означала его полную победу в ходе избирательной кампании 1598 г. Подготовлена она была его предшествующей деятельностью в качестве правителя при царе Федоре. Именно тогда ему удалось обеспечить поддержку своей политической линии со стороны дворянства, т. е. основной массы феодального сословия. Утверждение патриархии помогло ему добиться прочного союза с верхушкой церковной иерархии. Городское и посадское строительство с сочувствием воспринималось торгово-ремесленным людом. Создание нормально действующего государственного аппарата дало Годунову возможность подавить недовольство отдельных групп феодальной аристократии. Наконец, широко использовавшиеся Борисом приемы социальной демагогии на время оказали действие и на широкие круги народа вообще.

Избирательную кампанию Борис вел осторожно, но неуклонно, следуя выработанным ранее методам правления. Успех ее в значительной мере обеспечен был хорошо организованной поддержкой со стороны широких кругов московского населения, которую Борис использовал для давления на феодальную знать.

Но пройдет всего несколько лет, и созданный искусственно образ «доброго царя Бориса» потускнеет, и народные массы поймут, что они стали жертвой бессовестного обмана в сложной политической игре, которую вел Борис Годунов в 1598 г. Чем сладостнее были тогдашние сны, тем страшнее стало пробуждение. Тень царевича Дмитрия, промелькнувшая в народной молве 1598 г. как мираж, созданный Борисом, вскоре обрела плоть и кровь и стала знаменем Крестьянской войны, которая покончила с режимом этого царя. [233]

Назад К оглавлению Дальше

¹⁾ ААЭ, т. 2, № 1, с. 1-6; № 7, с. 16-54; *Буганов*. Сказание, с. 167-184. Ср. *Тихомиров*. Памятники, с. 236; ПСРЛ, т. 34, с. 201-203, особенно с. 201, где сообщается: Борис велел «написать излюбленную запись и руки прикласти», что Иов и все другие и сделали. Краткие записи есть в новгородской и псковской летописях (НЛ, с. 350; ПЛ, вып. 2, с. 265), в Хронографе редакции 1617 г. (РИБ, т. 13, стлб. 1282). Рассказ о смерти и похоронах Федора см.: Житие царя Федора (ПСРЛ, т. 14, с. 16-22).

²⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 235-236.

³⁾ Повесть, како отомсти, с. 243-244; РИБ, т. 13, стлб. 152-153 (тот же рассказ в «Повести, како восхити»), стлб. 11-16, 565-566, 633- 635; Сказание Палицына, с. 103.

⁴⁾ Временник Тимофеева, с. 53, 56, 57; ПСРЛ, т. 14, с. 49-50.

⁵⁾ *Маржерет*, с. 151-152; *Масса*, с. 45. По Жолкевскому, «он отравил и самого царя Феодора» (Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. Изд. 2-е. СПб., 1871, с. 5). Ср. ЛАС, с. 343; *Петрей*, с. 172; *Масса*, с. 47-52.

⁶⁾ Хроника Буссова, с. 80-81. Тот же рассказ у Петрея (*Петрей*, с. 172).

⁷⁾ Согласно Пискаревскому летописцу, «бояре, и дворяне, и вся Руская земля крест целоваше ей, покамест она произволит, кому быть». И далее: «...прияша власть... по челобитью Руския державы... бояр, и окольничих, и дворян, и всяких чинов людей, и всего православного [287] христианства на малое время» (ПСРЛ, т. 34, с. 201). М. Н. Тихомиров полагал, что Ирина была избрана Земским собором. Думается, более прав Л. В. Черепнин, считавший это предположение маловероятным (*Тихомиров. Государство*, с. 65; *Черепнин*, с. 141-142).

⁸⁾ *Скрынников. Собор*, с. 144. См.: ЛАС, с. 344; ДА, с. 299; *Масса*, с. 47-48.

⁹⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 22; ЧОИДР, 1875, кн. 2, с. 18; *Соловьев*, с. 359; *Корецкий В. И.* Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. — ИСССР, 1957, № 1, с. 188; *Мордовина. Амнистия*, с. 84-86; ААЭ, т. 2, № 1, с. 2; *Буганов. Сказание*, с. 176; Э, л. 872 об.

¹⁰⁾ Очевидно, Борис формально стал считаться царем только после его избрания 17 февраля 1598 г. Так, в феврале грамоты составлялись от имени царицы... Александры Федоровны (*Мордовина. Амнистия*, с. 86; Э, л. 866).

¹¹⁾ Э, л. 865 об. - 866, 867 об.

¹²⁾ ЛАС, с. 340; *Шиль М.* Известие о кончине... Федора Ивановича. — ЧОИДР, 1875, кн. 2, с. 11.

¹³⁾ РК 1475—1598 гг., с. 515, 520; ПДС, т. II, стлб. 486-487.

Кн. Ф. М. Трубецкой, Д. И. Годунов и Б. Ю. Сабуров упоминаются и позднее (РК 1559—1605 гг., с. 314; РК 1475—1598 гг., с. 542, 543). Кн. Ф. И. Хворостинин последний раз упомянут в разрядах в мае 1597 г. (РК 1475—1598 гг., с. 517). С. П. Мордовина считает боярами кн. И. И. Шуйского и А. П. Куракина (*Мордовина. Грамота*, с. 134), но это не подтверждается источниками: Куракин назван боярином только в Шереметевском списке под 1584 г. (ДРВ, ч. XX, с. 61).

¹⁴⁾ Хроника Буссова, с. 81; ЛАС, с. 339.

¹⁵⁾ ЛАС, с. 340-343.

¹⁶⁾ Там же, с. 344; ДА, с. 299.

¹⁷⁾ Хроника Буссова, с. 81.

¹⁸⁾ *Маржерет*, с. 152. Из рассказа Маржерета не ясно, было ли исполнено желание Бориса или нет (*Павлов*, с. 224); *Буганов. Сказание*, с. 176-177.

¹⁹⁾ РИБ, т. 13, стлб. 13-15. Р. Г. Скрынников видит в этом рассказе «летописца» (?) «полное пренебрежение к истине» (*Скрынников. Собор*, с. 147-148), ссылаясь на то, что ничего

подобного не пишут И. Тимофеев, А. Палицын и «Новый летописец». Однако К. Буссов рисует картину, сходную с той, которая есть в «Ином сказании». Очевидно, были и проявления народного энтузиазма, и организованные агентами Бориса мероприятия.

²⁰⁾ Хроника Буссова, с. 82, Ср. *Петрей*, с. 174 -175.

²¹⁾ «Тое же зимы в великий поет на Федоровой неделе во вторник... по избранию всего Московского государства... наречен бысть на царство Борис Федорович, рекомый Годунов» (*Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова.* — ВИ, 1971, № 5, с. 139).

²²⁾ ДА, с. 298. Р. Г. Скрынников пишет, что всех выбранных лиц «задержали в пути, так как Годунов велел пропускать в столицу только своих гонцов» (*Скрынников. Собор*, с. 145). Это слишком вольная интерпретация документа.

²³⁾ Хроника Буссова, с. 81-82. Ср. *Петрей*, с. 175; *Масса*, с. 48-50.

²⁴⁾ ПСРЛ, т. 14, с. 50. Видимо, прав С. Ф. Платонов, считавший, что тогда Шуйские находились «в послушании» у Бориса (*Платонов. Очерки*, с. 174).

²⁵⁾ *Шиль М. Известие о кончине...*, с. 12-13; *Скрынников. Собор*, с. 146-147. [288]

²⁶⁾ 16-17 марта 1598 г. В. Щелкалов вручил датским послам «извещение», излагавшее историю воцарения Бориса в прогудуновском духе (ЧОИДР, 1893, кн. 1, с. 148; РИБ, т. 16, стлб. 329-330). В марте грамоты писались от имени царя Бориса (СГКЭ, т. I, № 364; *Павлов*, с. 211).

²⁷⁾ *Ключевский В. О. Соч.*, т. 8, с. 68; *Платонов. Очерки*, с. 172.

²⁸⁾ *Буганов. Сказание*, с. 176-177; ПСРЛ, т. 14, с. 50.

²⁹⁾ Р. Г. Скрынников пишет, что «сторонники и противники правителя не могли договориться о созыве общего собора. Нелояльные к Борису и колеблющиеся лица не приняли участия в избирательном соборе на патриаршем дворе. Официальное руководство думы и значительная часть столичной знати оказалась отстранена от дела избрания царя» (*Скрынников. Собор*, с. 145). Эти догадки не имеют подтверждений в источниках.

³⁰⁾ ААЭ, т. 2, № 7, с. 40; ДА, с. 300, 298.

³¹⁾ ДРВ, т. VII, с. 42, 52; ААЭ, т. 2, № 7, с. 21, 24.

³²⁾ *Буганов. Сказание*, с. 180; Ш, л. 873. Лодыженский был послан «в великий же пост» (*Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении...*, с. 139).

³³⁾ ААЭ, т. 2, № 1, с. 3; № 7, с. 35; ПСРЛ, т. 34, с. 201, 236.

³⁴⁾ Р. Г. Скрынников пишет, что «Боярская дума отказалась санкционировать передачу скипетра в руки правителя» (*Скрынников. Собор*, с. 149).

³⁵⁾ В утвержденной грамоте 1 августа упоминается крестоцеловая «по прежней целовальной записи» (ААЭ, т. 2, № 7, с. 40). По А. П. Павлову, с 30 апреля по 7 -мая

подписали грамоту только представители духовенства и члены Боярской думы, а в июле по возвращении из Серпухова — и участники похода (*Павлов*, с. 215).

³⁶⁾ ААЭ, т. 2, № 1, с. 1-6; № 6, с. 13-16; *Мордовина*. Грамота, с. 131-132.

³⁷⁾ Э, л. 876 об., 892 об., 875 об.; ПЛ, вып. 2, с. 265; Список погребенных в Троицкой-Сергиевой лавре. М., 1888, с. 33; ДРВ, ч. VII, с. 100-102.

По московскому летописцу XVII в., Борис «прииде на царьский двор... в неделю... цветную» (ПСРЛ, т. 34, с. 236). По «Новому летописцу», он прибыл в столицу на «зборное воскресенье» (5 марта), но после этого ездил «по вся дни» в Новодевичий монастырь (ПСРЛ, т. 14, с. 50). По разрядным книгам, Борис приехал в Москву 30 апреля (*Буганов*. Сказание, с. 180). См. также: *Фонкич Б. Л.* Греко-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977, с. 215. Как показал А. П. Павлов, дата «1 апреля», имеющаяся в раннем варианте утвержденной грамоты (ДРВ, ч. VII, с. 100), ошибочна (*Павлов*, с. 215).

³⁸⁾ ПСРЛ, т. 34, с. 236.

³⁹⁾ РК 1475—1598 гг., с. 517, 520, 521; Э, л. 875 об. 20 апреля Борис доложил о подготовке похода «патриарху... бояром и приказным людем и дворяном» (РК 1598—1638 гг., с. 22). По Л. В. Черепнину, речь шла о Земском соборе. Это сомнительно, так как решение о начале похода было принято только на заседании Боярской думы 25 апреля (*Черепнин*, с. 148; РК 1598—1638 гг., с. 27).

⁴⁰⁾ Р. Г. Скрынников пишет, что было «постановление Боярской думы в пользу избрания Симеона» (*Скрынников*. Собор, с. 155). Ничего подобного, конечно, не могло быть.

⁴¹⁾ ЛАС, с. 345-346. Позднее в подкрестную запись на верность Борису внесли пункт о том, чтобы не «уклоняться» в пользу Симеона (ААЭ, т. 2, № 10).

⁴²⁾ Хроника Буссова, с. 83; *Петрей*, с. 176; *Буганов*. Сказание, с. 181. [289]

⁴³⁾ *Масса*, с. 51; *Маржерет*, с. 153; Хроника Буссова, с. 83; *Петрей*, с. 176 (200 тыс. человек); *Корецкий В. И.* Новое о крестьянском закрепощении..., с. 140.

⁴⁴⁾ РК 1475—1598 гг., с. 524-527; ААЭ, т. 2, № 2, с. 6; РК 1598—1638 гг., с. 27, 28; Э, л. 885об.

⁴⁵⁾ ААЭ, т. 2, № 2, с. 6-9.

⁴⁶⁾ Там же, № 3, с. 9-11. Грамота Иову послана к 10 июня 1598 г. (Э, л. 887об.).

⁴⁷⁾ РК 1598—1638 гг., с. 40; РК 1475—1598 гг., с. 531-532 (в тексте ошибочно: 18 июля; верную дату прибытия крымского посла см.: РК 1598—1638 гг., с. 37); *Масса*, с. 51; *Временник Тимофеева*, с. 57 (версия сходная).

По Буссову и Петрею, в Серпухов приезжали иранские послы (Хроника Буссова, с. 83; *Петрей*, с. 176).

⁴⁸⁾ *Маржерет*, с. 153; Хроника Буссова, с. 83; ПСРЛ, т. 34, с. 237; *Петрей*, с. 176-177; РК 1475—1598 гг., с. 532; ААЭ, т. 2, № 4, с. 11-12.

- ⁴⁹⁾ ААЭ, т. 2, № 2, 5, с. 13.
- ⁵⁰⁾ Временник Тимофеева, с. 68. Текст присяги см. в подкрестной записи Ф. Чередова от 15 сентября 1598 г. (ААЭ, т. 2, № 10, с. 57-61).
- ⁵¹⁾ Опыт трудов Вольного Российского собрания, т. III. М., 1776, с. 74-191; ДРВ, ч. VII, с. 36-127.
- ⁵²⁾ ЦГАДА, ф. 197, портф. 4, № 27; *Мордовина*. Грамота, с. 129.
- ⁵³⁾ ГПБ, Q IV, № 17, л. 87-210; ААЭ, т. 2, № 7, с. 16-54. О сборнике см.: *Кушева*. Публицистика, с. 21-39.
- ⁵⁴⁾ ГПБ, Соловецк. собр., № 852/962, л. 128-228. О сборнике см.: *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского. Л., 1973, с. 26-27, а также «Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии», ч. II. Казань, 1885 с. 553-559.
- ⁵⁵⁾ ГБЛ, Муз. собр., № 737, л. 621об.-665. О рукописи см.: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962, с. 53-54. Конец перечня участников соборных заседаний (после М. Б. Шеина), возможно, составлен по материалам до 1593/94 г.
- ⁵⁶⁾ ГПБ, Q IV, № 70/1, л. 1-72 об. Начало списка: «В[елик]аго господа бога отца страшнаго и всесильнаго и в[ся содер]жащаго, пребывающаго во святе неперступнем...» Конец: «...на том, как в сей утвержденной грамоте написано с совету Освященнаго вселенскаго собора, и бояр, и дворян (далее зачеркнуто: «и весь царский сыгклит и всего Российского государства»), и всех чинов всяких людей царствующаго града Москвы и всея Руския земли всему инако не быти, а быти так во всем по тому, как в сей...» (ААЭ, т. 2, № 7, с. 40; о печатях см. с. 46). Описание сборника см.: ГАР, вып. 1, с. 18-24.
- ⁵⁷⁾ *Скрынников*. Собор, с. 142.
- ⁵⁸⁾ *Мордовина*. Грамота, с. 129-132. Правда, у С. П. Мордовиной сличение списков Н и С дано по П. Строеву, источники труда которого не ясны. Так, четвертый случай у Строева мог восходить к утвержденной грамоте: архимандрит Борисоглебского Смоленского монастыря Феодосии помечен 1 августа 1598 г., а Дионисий — июлем (*Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 602). Настоятель Болдинского Троицкого монастыря Феогност из списка С, возможно, у Строева (1598 г.) взят из списка С, где он появился в результате описки: в списках П, Н и «Лествице» — Феоктист (*Строев П.* Указ, соч., стлб. 597). По Болдинским приходо-расходным книгам, [290] в 1591, 1594, 1596 и в феврале 1599 г. известен Феоктист (РИБ, т. 37, л. 1924, стлб. 93, 95, 102, 191, 200, 211). См. также: *Павлов*, с. 212.
- ⁵⁹⁾ *Павлов*, с. 216, 220.
- ⁶⁰⁾ Список Н содержит дату «июль 1598 г.» (ДРВ, ч. VII, с. 118), а список С — «1 августа», когда грамота была утверждена (ААЭ, т. 2, № 7, с. 46); по данным С. П. Мордовиной, подписание грамоты продолжалось до конца 1598 г. (*Мордовина*. Грамота, с. 137). Р. Г. Скрынников считает, что грамота была составлена до февраля 1599 г., когда М. И. Татищев получил чин думного дворянина (в грамоте он еще ясельничий). Не ясно, когда был послан в Корелу епископ Сильвестр. Передача Корелы готовилась в октябре 1597 г.

(Рябошапко Ю. Б. Русско-шведские отношения на рубеже XVI—XVII вв. — ВИ, 1977, № 3, с. 29). Ссылка на «две рукописи», датирующие это событие 1599 г., слишком глухая (Скрынников. Собор, с. 143-144).

⁶¹⁾ ААЭ, т. 2, № 7, с. 26.

⁶²⁾ Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 54-55.

⁶³⁾ В перечне есть Л. Лодыженский, вернувшийся из Крыма только 10 июня 1598 г., но нет окольного И. В. Гагина, умершего 11 апреля. Только 10 июля из Рязани в Москву отправлен был упомянутый в грамоте М. Г. Салтыков (Мордовина. Грамота, с. 134-135).

⁶⁴⁾ Скрынников. Собор, с. 142-155.

⁶⁵⁾ Временник Тимофеева, с. 66-71.

⁶⁶⁾ Скрынников. Собор, с. 155. По Р. Г. Скрынникову, «все функции собора свелись к тому, что его участники заслушали текст утвержденной грамоты и поставили подпись на документе» (там же, с. 157).

⁶⁷⁾ Р. Г. Скрынников сам пишет: «Церемония подписания грамоты боярами растянулась на полтора-два года» (Скрынников. Собор, с. 156). Это преувеличение. Он ссылается на то, что кн. А. И. Голицын отослан был на воеводство в Псков, где и находился в 1599—1600 гг. Но разве не мог А. И. Голицын во время своего воеводства отлучиться в Москву?

⁶⁸⁾ По А. П. Павлову, в январе — феврале 1599 г. состоялось только вторичное подписание грамоты, точнее, текста, изготовленного к 1 августа 1598 г. (Павлов, с. 222).

⁶⁹⁾⁶⁹⁾ Павлов, с. 225.

⁷⁰⁾ Мордовина С. П. Земский собор 1598 г. Источники. Характер представительства. АКД. М., 1971; *ее же*. Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. — ВИ, 1971, № 2, с. 55-63. См. также: «Лествица о соборных властях, кои были в 107-м году на соборе у Иева патриарха на Москве». — ЧОИДР, 1912. кн. 2. отд. III, с. 39-41.

⁷¹⁾ ДРВ, ч. VII, с. 50, 52; ААЭ, т. 2, № 7, с. 24. Ср.: Павлов, с. 225.

⁷²⁾ Думается, пересоставление грамоты началось с августа 1598 г., вопреки мнению А. П. Павлова, который ограничивает ее подписание членами собора и дворянами, несшими службу в столице, январем — февралем 1599 г. (Павлов, с. 220-222). «Непосредственным источником» списка С он склонен считать боярский список 1598/99 г., составленный после 14 сентября 1598 г. (Мордовина, Станиславский. Боярские списки).

⁷³⁾ Буганов. Сказание, с. 182-183; Временник Тимофеева, с. 58; ААЭ, т. 2, № 8,9; ДАИ, т. I, № 145. О восьми днях празднеств см.: Масса, с. 52-53; Хроника Буссова, с. 83-84; Петрей, с. 178 (с 1 сентября 1597 г.). [291]

⁷⁴⁾ Не ясно, когда боярином стал кн. И. П. Шуйский. В конце 1585 г. он еще рында, а в апреле 1598 г. уже боярин (РК 1475—1598 гг., с. 364; РК 1598—1638 гг., с. 23).

⁷⁵⁾ Э, л. 894-894 об.

Заключение

Социально-политическая история России 1573—1598 гг. отчетливо делится на два периода: первый — 70-е — начало 80-х годов — характеризуется дальнейшим углублением экономического и политического кризиса, порожденного предшествующим десятилетием, и прежде всего годами опричнины; второй — примерно с 1584 до 1598 г. — отмечен попытками преодолеть кризис путем проведения реформ в экономике и изменения курса внешней политики. На смену все возрастающему запустению центра страны пришла частичная стабилизация и оживление хозяйственной деятельности в городах, селах и деревнях. Бесперспективные войны сменились стремлением сохранить добрососедские отношения со странами Запада и Ближнего Востока.

Правительство Бориса Годунова как во внутренней, так и во внешней политике развивало те тенденции, которые подспудно наметились в последние годы жизни Грозного. Поиски мирных решений в 1584—1598 гг. превратились в целеустремленную политику дружественных отношений с соседними странами. Россия не вела изнурительных войн. Зимние походы под Нарву (1590 г.) и Выборг (1592 г.) не потребовали тотальной мобилизации ресурсов, а набег на Москву Казы-Гирея (1591 г.) был кратковременным.

Дипломатические отношения со странами Западной Европы приобрели устойчивость. Заключение с Великим княжеством Литовским двенадцатилетнего перемирия (1591 г.) на время положило предел долголетней напряженности в русско-литовских отношениях. Тязвинский мирный договор 1595 г. со Швецией вернул России исторический центр Карельской земли — г. Корелу и явился несомненным успехом русской дипломатии. Частый обмен миссиями между Империей, Папской Курией и Россией свидетельствовал о нормальных дипломатических отношениях между ними и общности ряда внешнеполитических интересов. Не давая втянуть себя в антиосманскую авантюру, правительство Годунова приветствовало налаживание торговых и дипломатических отношений с [234] Империей. Отказавшись от односторонней политики максимального благоприятствования торговле английской Московской компании в России, правительство Бориса старалось поддерживать регулярные торговые и дипломатические контакты с Англией. И не его вина, что сложное внутри- и внешнеполитическое положение Елизаветинской Британии, а также беззастенчиво-стяжательская деятельность английского купечества в России не позволили в то время развивать далее дружеские отношения между странами. В 80-90-е годы зарождались также торговые отношения с Нидерландами и Францией. Затянувшиеся споры относительно «лопских погостов» на севере России несколько охладили имевшие давнюю традицию русско-датские отношения.

Основных же внешнеполитических успехов правительство Бориса Годунова достигло на юге и юго-востоке страны. На русско-крымской границе в основном (если не считать эпизода 1591 г.) установилось относительное спокойствие. Участие Крыма в кровопролитных войнах Турции с Ираном, а также с Империей, Молдавией и Речью Посполитой не позволяло ему вести наступательные действия и против России. С Турцией у Русского государства сложились в 80-90-е годы прочные дипломатические отношения. Верным союзником России выступала Кабарда, которой правительство Годунова оказывало посильную помощь посылкой вооруженных гарнизонов в новоотстроенные городки-остроги на Тереке и Сунже. Это вызывало раздражение в Крыму и Османской империи, заинтересованных в Северном Кавказе как удобном пути для вторжения в Иран. Но политика России в этом вопросе была непреклонной.

Регулярный обмен дипломатическими миссиями с Ираном (с конца 80-х годов) поддерживался не только тем, что шах искал надежных союзников в борьбе с Портой, но и потребностью в постоянных торговых отношениях между странами. Историческое значение имело принятие Россией под свое покровительство кахетинского царя Александра II (1587 г.) и установление связей с казахскими и узбекскими ханами. Закладывались предпосылки тех дружеских отношений между странами, которые впоследствии приведут к включению Грузии и Средней Азии в состав России. Наконец, создание в России патриархии (1589 г.) свидетельствовало о росте внешнеполитического авторитета государства и церкви. [235]

Хотя подчас в ходе сложных дипломатических переговоров не всегда удавалось согласовать внешнеполитические позиции правительства России и правительств других стран, но установление постоянных контактов между державами имело большое значение. Оно способствовало сближению стран, установлению доверия между правительствами и развитию нормальных торговых и культурных отношений. Эти переговоры создавали основу для дальнейшего расширения связей России со странами Запада и Ближнего Востока.

Поворот политики России после неудачи Ливонской войны с запада на восток имел тесную связь с внутривнутриполитическими мероприятиями и далеко идущие последствия. Следствиями этого поворота были градостроительная деятельность на юге и юго-востоке страны и продвижение в Сибирь. Справившись с волнениями в Казанской земле, правительство Годунова предприняло строительство городов в Среднем и Нижнем Поволжье. Основание Самары и Уфы, Царицына, Саратова и Цивильска имело целью не только создание опорных пунктов военно-административного назначения, но и развитие в этих районах торгово-промышленной деятельности, а также налаживание торговых связей с восточными странами. Заселение городов Среднего и Нижнего Поволжья выходцами из центральных районов страны способствовало установлению контактов русских переселенцев с чувашами, татарами, башкирами, ногайцами, обмену между ними хозяйственным опытом и культурными традициями. В то время как основные районы России переживали состояние хозяйственного кризиса, Поволжье находилось на пути экономического подъема.

Поток крестьян, холопов и ремесленников, спасавшихся от голода, гнета и вымирания, хлынул не только в Поволжье, но и на юг и в Сибирь. На южных окраинах страны построены были выдвинувшиеся в степь Воронеж, Ливны, Елец, Кромы, Курск, Белгород и Оскол. Эти города-крепости не только преграждали путь вторжению крымских войск в глубь страны, но и содействовали хозяйственному освоению необжитых земель. После разгрома Кондинского и Пелымского княжеств, подготовленного первыми успехами русских в Сибири (в 1585/86 г. возникла Тюмень, а в 1587 г. — Тобольск), началось планомерное продвижение в сибирские просторы и закрепление новой территории путем испытанной политики возведения [236] городов-крепостей. Строительство Нарыма, Березова, Пельма, Сургута, Тары, Обдорска и, наконец, Верхотурья — наиболее примечательные страницы истории освоения Сибири этого периода.

Одновременно с созданием новых городов велось большое строительство в старых. Сооружены были каменные крепости в Астрахани, Казани, Смоленске, Белый и Земляной город в Москве. Приказ Каменных дел (на основе предшествующего опыта градостроения) и штат «записных каменщиков» обеспечивали это невиданное в истории России строительство. Политика покровительства посадскому населению и вывод закладчиков из белых слобод получили в дальнейшем развитие и были закреплены в Соборном уложении 1649 г.

Правительство Годунова, поддерживая требования торгово-ремесленного люда, в первую очередь заботилось об удовлетворении насущных нужд дворянства. Этой цели служило и уложение об отмене тарханов 1584 г., и закон об обелении господской запашки феодалов начала 90-х годов. Ставился решительный предел росту землевладения духовных корпораций. Намечалось оздоровление хозяйства военно-служилых землевладельцев. Целая серия мероприятий должна была покончить с обезлюдением центра страны. В первую очередь это перепись земель, система заповедных лет и указ 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян. Законодательство о холопах имело целью закрепить за служилыми людьми наличный контингент их челяди. Политика правительства к 90-м годам дала несомненно позитивные результаты — появились первые признаки экономического подъема страны.

Вся эта большая программа внешне- и внутривластных мероприятий могла быть осуществлена только при наличии слаженного, хорошо действующего государственного аппарата. Борису Годунову удалось привлечь к правительственной деятельности многих выдающихся администраторов. Среди них были дьяки Андрей и Василий Щелкаловы, Дружина Петелин, Елизарий Вылузгин и др. Достигнута была стабилизация личного состава приказов и Дворца и устранено дублирование деятельности государственных учреждений путем ликвидации дворцовых приказов. Хотя сила аристократических традиций не позволила Борису полностью овладеть цитаделью феодальной знати — Боярской думой, но при формировании ее личного состава родовой принцип постепенно уступал [237] место семейно-корпоративному. Это проявилось в том, что Дума становилась органом власти нескольких семей (Годуновых, Шуйских, Романовых и их родичей). Близость к правителю только начинала играть решающую роль при назначении в Думу, поэтому именно Дума была очагом противостояния Борису.

Успеху правительственных начинаний в большой мере способствовало то, что управление страной находилось в руках дальновидного и волевого государственного деятеля. Лицемерный и жестокий, когда это вызывалось государственной необходимостью, Годунов мог быть также обаятельным и щедрым. Не спеша, но неуклонно шел Борис к полной концентрации власти в своих руках, завершившейся его восшествием на трон. Он отлично разбирался в тех задачах, которые встали перед страной после того, как Иван Грозный оставил ее в состоянии почти полного разорения. Не торопясь с преобразованиями и во многом продолжая традиции конца предшествующего царствования (создававшиеся при его участии), Годунов основное внимание уделял поискам путей оздоровления экономики и укрепления внешнеполитических позиций страны. Многого в этом направлении ему удалось достичь еще до того, как он стал государем «всех Руси».

Достижения политики Годунова были непрочными, ибо основывались на перенапряжении народных сил. Только ценой усиления крепостнического гнета стало возможным некоторое улучшение экономической жизни страны, и в первую очередь положения дворянства. О непрочности достигнутого свидетельствовало резкое обострение классовой борьбы, которым отмечено время правления Бориса. Восстания в Москве в 1584 и 1586 гг., в Сольвычегодске в 1589 г., события в Угличе (1591 г.) сочетались с ростом недовольства в деревне. 80-90-е годы XVI в. изобилуют фактами выступлений крестьян против феодального гнета, принимавших форму побегов, «разбоев», убийств отдельных феодалов. Все более широкие слои крестьянства охватывала борьба за землю. Интересный материал об этом собран В. И. Корецким, и повторно приводить его нет надобности.¹⁾

Одно из наиболее значительных волнений произошло в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря.²⁾ Стремясь преодолеть последствия хозяйственного разорения, монастырь в

1589—1591 гг. осуществлял перевод крестьян с денежного оброка на барщину и ввел систему [238] принудительного кредитования крестьян на развитие ими скотоводства («на животинный приплод»). Эти мероприятия позволили монастырю значительно увеличить монастырскую запашку и доходность хозяйства. Инициатором реформ был соборный старец монастыря Мисаил — бывший думный дворянин М. А. Безнин.

Нововведения крестьяне встретили враждебно. Недовольство охватило не только беднейшие слои крестьян, но и зажиточную верхушку. В результате действия системы принудительного кредитования богатеи потеряли доходы, которые имели, занимаясь ростовщическими ссудами денег своим «охудалым» односельчанам. Не было единодушия и среди монахов. Так, некоторые из них (в том числе Антон Лопатинский) возражали против новшеств, настойчиво внедрявшихся Мисаилом (Безниным). Присланная из Москвы. 21 октября 1594 г. специальная комиссия во главе с А. Я. Измайловым должна была разобрать жалобу Антона Лопатинского на действия монастырских властей. Комиссия поддержала руководство монастыря и оставила без внимания жалобу. Тогда крестьяне «не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити и солод растити и даней монастырских давати». Когда же Измайлов уехал из монастыря, то крестьяне «почели пущее не слушати, и приказщиков и ключников учели бити, и дел монастырских не почели делати, и оброчных дань не учели давати, и вина почели держати, и леса монастырские заповедные почели сечи».³⁾

Перед нами картина полного неповиновения крестьян с открыто выраженной антифеодальной направленностью. Выступление направлено было против феодальной эксплуатации крестьян монастырскими властями. В конце концов Мисаилу удалось справиться с недовольством крестьян («крестьян острастити и смирити»). С «прожиточных крестьян», которые, очевидно, стояли во главе движения или во всяком случае были его инициаторами («научали всех воровати») взысканы были штрафы. Добиться умиротворения удалось потому, что монастырские власти отказались не только от системы взимания процентов за деньги, принудительно розданные крестьянам в долг «на животинный приплод». Пришлось им отказаться и от получения основной суммы задолженности с тех крестьян, которые оставались жить за монастырем. Кроме того, установлен был твердый размер оброка, который взимался «по старине» и к тому же был уменьшен. [239] Возможно, монастырские власти временно отказались также от перевода крестьян на барщину.⁴⁾ С осени 1595 г. Мисаил (Безнин) отходит от активной деятельности и вскоре покидает Иосифо-Волоколамский монастырь. Его политика хозяйственного оздоровления жизни монастырской вотчины окончилась крахом.

Волнения волоколамских крестьян были прообразом и предвестником Крестьянской войны начала XVII в., которой крестьяне и горожане уже всей страны ответили на рост крепостничества в годы правления Годунова.

---

¹⁾ *Корецкий*. Закрепощение, с. 265-300. См. также: *Борисов А. М.* Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1966, с. 113-124.

²⁾ Подробнее см.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова, с. 57-59; *Зимин*. Вотчина, с. 159-160.

³⁾ *Абрамович Г. В.* К вопросу о значении кредитования крестьян феодалами в развитии сельского хозяйства Руси XV—XVI вв. — ЕАИВБЕ, 1965. М., 1970, с. 58-60; ЛОНИ, колл.

115, кн. 1032, л. 440-444; Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне. — Известия ГАИМК, вып. 72. М.; Л., 1934, с. 154-155.

⁴⁾ Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России..., с. 155-156; Корецкий. Закрепощение, с. 284.

Послесловие

Автор этой книги выдающийся советский историк Александр Александрович Зимин (1920—1980) в своем вступлении подчеркнул, что публикуемая монография завершает цикл его исследований о «России на пороге нового времени». Шеститомная серия охватывает более полутора столетий — от второй четверти XV до конца XVI в. — период образования единого государства, начальных этапов его централизации, борьбы за свержение иноземного ига и национальную независимость. Открывает серию единственная пока еще не опубликованная работа о феодальной войне середины XV в., озаглавленная автором «Витязь на распутье».¹⁾

В предлагаемой читателю книге, пожалуй, наиболее ярко проявилась черта, характерная для всего цикла, — сочетание синтеза и скрупулезного научного анализа. Сам ученый назвал ее «прагматическим подходом». Такой метод подразумевает и глубокое обобщение того, что сделано исторической наукой, и тщательное исследование многих проблем отечественной истории, и связанный рассказ о всех событиях и явлениях изучаемого периода.

По мере развития исторической науки, совершенствования ее методов у нас все чаще создавались монографии, авторы которых глубоко и всесторонне исследовали ту или иную конкретную проблему, прослеживали определенные явления в жизни общества на протяжении порой длительного промежутка времени. Польза и необходимость таких трудов очевидна. Перу самого А. А. Зимина принадлежат работы о русской общественной мысли XV—XVI вв., об истории холопства с древнейших времен до конца XV в., об одном из крупнейших монастырей-феодалов — Иосифо-Волоколамском и т. п. Искусственное расчленение целостного исторического процесса необходимо в первую очередь для последующего синтеза. В случае если синтез запаздывает, то читатель может найти последовательное повествование об истории народа или в кратком учебнике, или в классических, но во многом уже устаревших (ведь наука не стоит на месте) книгах Н. М. Карамзина, С. М. [241] Соловьева и других историков прошлого века. А. А. Зимин восстановил в науке традицию «писания истории», но уже на принципиально новом уровне.

Когда-то было в ходу деление историков на две категории, в равной степени необходимые. Одни — чернорабочие науки — добывают факты, дотошно сопоставляя источники, ловя их случайные обмолвки, усвершенствуя методику исторического исследования, но порой мало задумываются об общеисторических выводах из своих изысканий. Другие не утруждают себя «копанием» в источниках и на основе добытых коллегами фактов, как бы паря над ними, создают стройные и логически безупречные концепции. Они будят мысль своих читателей, дают импульс для последующих исследований и новых концепций. Впрочем, вряд ли когда-нибудь эти два типа историков существовали в чистом виде. Такое деление все больше преодолевается в современной советской исторической науке. И все же большинство историков тяготеют либо к тому, либо к другому методу исследования.

Но подлинным мастером можно назвать лишь того историка, который сочетает в себе достоинства обоих типов исследователей — обладает и сноровкой каменотеса, и полетом фантазии зодчего, видящего все здание в целом. Только тогда установление фактов одухотворено большой идеей, а концепции основываются на крепком и прочном фундаменте. К таким мастерам принадлежал А. А. Зимин.

Эта монография посвящена самым кардинальным проблемам отечественной истории — развитию крепостничества и предпосылкам первой в истории России Крестьянской войны. Решение этих вопросов прежде всего результат напряженного труда по изучению реальной жизни России последней четверти XVI в. — от отмены опричнины до трагического конца династии потомков Ивана Калиты, от жестокого экономического и политического кризиса послеопричных лет до кануна гражданской войны начала XVII в. и «смутного времени». Характеристика событий и явлений этого сложного исторического периода — экономики, социальных отношений, политики правящего класса — сделана профессионально точно на основе самых разнообразных источников — русских и иностранных, повествовательных и документальных. Мастерски, без априорной односторонности, без оглядки на традицию (в том [242] числе и на традицию собственных сочинений) А. А. Зимин дает широкую картину жизни страны, показывает энергичные, но безуспешные попытки сильного и талантливое правителя преодолеть кризис.

Для А. А. Зимина всегда было характерно внимание к судьбам и масс, и отдельных личностей, наложивших свой отпечаток на ход исторического процесса. В этой книге читатель найдет яркие и запоминающиеся портреты Ивана Грозного, Бориса Годунова, всевластных дьяков Щелкаловых, властолюбивого авантюриста Богдана Бельского и многих других. Энциклопедизм, виртуозное владение техникой исторического исследования приближают монографию к трудам в области точных наук, а свободное, полное живых деталей изложение — к художественной прозе.

Сюжеты книги, неоднократно бывшие предметом исследования в отечественной науке, потребовали от автора пристального внимания к трудам предшественников. Поэтому здесь чаще, чем обычно, Александр Александрович не только критически оценивал достижения своих коллег, но и со свойственными ему азартом и горячностью опровергал недостаточно убедительные построения. Пожалуй, в этой заключительной книге цикла полнее и яснее, чем в других, выразился присущий автору талант не только критика, но и преподавателя, ибо весь ход исследования дает читателю высокий урок исследовательской методики и этики.

Сейчас, когда прошло уже шесть лет после безвременной кончины ученого, ученики его учеников будут постигать по его книгам трудные азы благородного ремесла историка; будут учиться точности и честности в обращении с источниками и в постижении через них исторической истины, бескомпромиссности в полемике в сочетании с уважением к мнению оппонента в научном споре. А. А. Зимин всегда подчеркивал, что ученый не может пройти мимо тех выводов, с которыми он не согласен; что не может считаться доказанной новая точка зрения, если не опровергнуты прежние. Этому правилу Александр Александрович строго и неуклонно придерживался всю жизнь, в том числе и в публикуемой книге.

Монография была закончена в 1978 г., но до самой своей кончины (25 февраля 1980 г.), преодолевая тяжелый и мучительный недуг, ученый работал над ее текстом, стремясь максимально учесть новую литературу. К некоторым [243] деталям он, возможно, хотел еще вернуться. Так, в рецензии С. Б. Веселовского на труд В. К. Клейна об Угличском деле (опубликованной посмертно в конце 1978 г.) содержится весьма убедительное

доказательство того, что так называемая первая челобитная городского приказчика Р. Ракова принадлежит в действительности анонимному сборщику посошных людей. А. А. Зимин внес в примечания дополнительную сноску, где отметил мнение С. Б. Веселовского, не присоединившись к нему, но и не отвергнув; основной же текст (где автором этой челобитной традиционно считается Раков) остался в неприкосновенности. Вероятно, Александр Александрович собирался внимательно рассмотреть аргументацию Веселовского, но не успел.

В обзоре источников, не вошедшем по техническим причинам в окончательный текст книги, среди публицистов, писавших в начале XVII в., А. А. Зимин упомянул кн. И. М. Катырева-Ростовского и сделал следующее примечание: «М. В. Кукушкина привела серьезные доводы в пользу того, что автором повести, приписывавшейся И. М. Катыреву-Ростовскому, был С. И. Шаховской».²⁾ Признав таким образом аргументы исследовательницы достаточно убедительными, автор тем не менее не заменил в тексте (а может быть, просто не успел) имя Катырева-Ростовского именем Шаховского. Учитывая выраженное в примечании мнение А. А. Зимина, издатели сочли возможным при подготовке рукописи к печати называть автором этой повести С. И. Шаховского. Впрочем, в опубликованной в 1980 г. работе В. К. Зиборова, не отвергающего аргументы М. В. Кукушкиной, вместе с тем приведены новые данные, показывающие, что вопрос еще нуждается в изучении, а приписывающееся Катыреву-Ростовскому произведение, возможно, не является результатом индивидуального творчества.³⁾

Читатель монографии имеет дело с текстом, написанным около восьми лет назад. При подготовке рукописи к печати, естественно, не учитывалась вышедшая после смерти автора литература. Единственное отступление — перевод на последние издания ссылок на сочинения А. Поссевино и Ж. Маржерета.

По техническим причинам рукопись пришлось сократить на 5 а. л. Как и в первой посмертной публикации, был сжат научный аппарат (объединены многие сноски, применена [244] система сокращения названий часто цитируемых изданий), сняты разделы об историографии, источниках и сокращена глава о царевиче Дмитрии, журнальный вариант которой увидел свет в 1978 г.⁴⁾

Рукопись подготовлена к изданию В. Г. Зиминой, В. Б. Кобриным и А. Л. Хорошкевич при участии А. П. Павлова и А. И. Плигузова. Указатель составлен Ю. Д. Рыковым.

Авторский текст рукописи хранится в личном архиве А. А. Зимина.

В. Б. Кобрин, А. Л. Хорошкевич

---

¹⁾ *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодалная война второй четверти XV в. (1425—1462 гг.); *его же.* Россия на рубеже XV—XVI столетий (1480—1505 гг.). М., 1982; *его же.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в. (1505—1533 гг.)). М., 1972; *его же.* Реформы Ивана Грозного (Очерки социально-экономической и политической истории России середины XV в. (1533—1560 гг.)). М., 1960; *его же.* Опричнина Ивана Грозного (1561—1572 гг.). М., 1964; *его же.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России (1573—1598 гг.). М., 1986.

²⁾ Кукушкина М. В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте. — ПКНОЕ. 1974. М., 1975, с. 75-78.

³⁾ Зиборов В. К. Об авторе так называемой повести Катырева-Ростовского. — Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 244-250.

⁴⁾ Зимин А. А. Смерть царевича Димитрия и Борис Годунов. — ВИ. 1978, № 9. с. 92-111.

Список принятых сокращений

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией), т. 1-2. СПб., 1836

АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский, т. I. Киев, 1880

АЕ — Археографический ежегодник

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией), т. 1. СПб., 1846; т. 2. СПб., 1848; т. 3. СПб., 1848

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. 1-2. СПб., 1841

АИСЗР, т. II — Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974

АКА — Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. 2. 1570—1576 гг. — ЧОИДР, 1916, кн. 2

АКД — Автореферат кандидатской диссертации

Акты Дьяконова — Дьяконов М. А. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 2. Юрьев, 1895

Акты Уварова — Описание актов собрания гр. Уварова. М., 1905

Акты Юшкова — Акты XIII—XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. / Собр. и изд. А. Юшков, ч. I. М., 1898

Альшиц — Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. — ИА, 1949, кн. IV (статья, сам документ).

АМГ — Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890

Антилогов — Антилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. II. Подгот. к печати А. А. Зимин. М., 1956; ч. III. Сост. Л. В. Черепнин. М., 1961

БАИ — Библиотека Академии наук СССР, Отдел рукописей (Ленинград)

Бантыш. Обзор — *Бантыш-Каменский Н. И.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.), ч. 1-4. М., 1894—1897

Безднинский летописец — *Корецкий В. И.* Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова. — ЗОР, вып. 38. М., 1977

Белокуров — *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889

Боярские списки — Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и Роспись русского войска 1604 г. / Сост. С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский, ч. 1-2. М., 1979

Буганов. Документы — *Буганов В. И.* Документы о Ливонской войне. — АЕ за 1960 г. М., 1961

Буганов. Переписка — *Буганов В. И.* Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577—1578 гг. — АЕ за 1964 г. М., 1965

Буганов. Сказание — *Буганов В. И.* Сказание о смерти Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова. — ЗОР, вып. 19. М., 1957 [293]

Бушев — *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976

Васенко — *Васенко П.* Заметки к Латухинской Степенной книге. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 2. СПб., 1902

Вахрамеев. Акты — *Вахрамеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I. М., 1896

Введенский — *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962

ВВЛ — Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. — Историко-филологический сборник, вып. 4. Сыктывкар, 1958

Вельяминов-Зернов — *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 2. СПб., 1864

Веселовский. Дьяки — *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975

Веселовский. Опричнина — *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963

ВЖ — Военный журнал

ВИ — Вопросы истории

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины

ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова

- ВМГУ* — Вестник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- ВМОИДР* — Временник Московского общества истории и древностей российских
- Временник Тимофеева* — Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951
- ГАИМК* — Государственная академия истории материальной культуры
- ГАР* — Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. / Подготовка текста и комментарии А. А. Зимины, вып. 1-3. М., 1978
- ГБЛ* — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей (Москва)
- Гейденштейн* — *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889 (здесь)
- Герберштейн* — *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1908 (здесь)
- ГИМ* — Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей и старопечатных книг
- Голубцов* — *Голубцов И. А.* «Измена» Нагих. — УЗ Института истории РАН ИИОН, 1929, т. IV
- Горсей* — *Горсей Д.* Записки о Московии XVI в. СПб., 1909 (здесь)
- ГПБ* — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Отдел рукописей
- Греков Б. Д.* — *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, кн. 2. Изд. 2-е. М., 1954
- Щ* — *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690 гг. М., 1893
- ДАИ* — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I-II. СПб., 1846; т. IX. СПб., 1875
- ДДГ* — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв./Подгот. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950
- Дербов* — *Дербов Л. А.* К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576). — УЗ СГУ, 1954, т. 39 [294]
- Димитриев. Города* — *Димитриев В. Д.* Из истории городов Чувашии второй половины XVI — начала XVII в. — УЗ НИИ Чув. АССР, 1965, т. 39
- Дмитриевский* — *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его. Киев, 1899
- Донесение* — Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 г. — ВИ, 1978, № 6 (статья и само донесение).

Допрос — Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма / Сообщ. С. К. Богоявленский. — ЧОИДР, 1912, кн. 2, Смесь

ДРВ — Древняя Российская вивлиофика, ч. VII. М., 1788; ч. XIII. М., 1790; ч. XIV. М., 1790; ч. XX, М., 1791

ЕАИВЕ — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

Жордания — *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Тбилиси, 1959

Зимин, Вотчина — *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977

Зимин, Курбский — *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII

Зимин, О составе — *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. — ИЗ, 1958, кн. 63

Зимин, Опричнина — *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964

ЗОР — Записки Отдела рукописей ГБЛ

ЗОРС АР АО — Записки Отделений русской и славянской археологии Русского археологического общества

ИА — Исторический архив, сборники и журналы

ИЗ — Исторические записки

Изборник — *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869

ИРГО — Известия Русского генеалогического общества

ИСССР — История СССР, журнал

Карамзин — *Карамзин Н. М.* История государства Российского, кн. 1-3. СПб., 1842-1843

Каиштанов, О политике — *Каиштанов С. М.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. — ТМГИАИ, 1961, т. 16

Клейн — *Клейн В. К.* Дело розыскное в 1591 году про убийство царевича Дмитрия Ивановича на Угличе. М., 1913

Кобенцель — *Вержбовский Ф.* Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях, вып. IV. Донесение Иоанна Кобенцеля 1576 г. Варшава, 1901

Кобрин — *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного. — АЕ за 1959 г. М., 1960

Кордт — *Кордт В. А.* Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 г. — Сб. РИО, т. 116. СПб., 1902

Корецкий. Дела — *Корецкий В. И.* Новгородские дела 90-х годов XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Федора Ивановича о крестьянах. — АЕ за 1966 г. М., 1968

Корецкий. Закрепощение — *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970 [295]

Корецкий. Материалы — *Корецкий В. И.* Материалы по истории земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси». — АЕ за 1969 г. М., 1971

Корецкий. Смерть Грозного — *Корецкий В. И.* Смерть Грозного царя. — ВИ, 1979, № 9

Корецкий. Собор и возрождение — *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — ВИ, 1967, № 5

Корецкий. Собор и поставление — *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси». — ИА, 1959, № 2

Корецкий. Формирование — *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975

Коялович — *Коялович М.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. СПб., 1867

КСНВЕ — Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в., 1976

Кушева. Народы Кавказа — *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в.). М., 1963

Кушева. Публицистика — *Кушева Е. Н.* Из истории публицистики Смутного времени XVII в. — УЗ СГУ, 1926, т. V (XIV)

ЛАС — Из Львовского архива кн. Сапег. — Русский архив, 1910, № 11

Леонид — *Леонид.* Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря. Изд. 3-е. Казань, 1907

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии

Ливонский поход — Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг. — ВЖ, 1852, № I-V; 1853, № V-VI

ЛИРО — Летопись историко-родословного общества в Москве

Литовская метрика — Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, т. I. М., 1843; т. II. М., 1844

Лихачев. Библиотека — *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894

Лихачев. Дьяки — *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.

Лихачев. Поссевино — *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевино. СПб., 1903

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР (до 1968 г. — Института истории) АН СССР, архив

Любчменко — *Любименко И.* История торговых сношений России с Англией, вып. 1. Юрьев, 1912

Маньков — *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951

Маржерет — Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета М., 1932 (здесь).

Масса — *Масса И.* Краткое известие о Московии. М., 1937 (здесь).

Мордовина. Амнистия — *Мордовина С. П.* Указ об амнистии 1598 г. — СА, 1970, № 4

Мордовина. Грамота — *Мордовина С. П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г. — АЕ за 1968 г. М., 1970

Мордовина. Князья — *Мордовина С. П.* Служилые князья в конце XVI в. — ТМГИАИ, 1970, т. 28

Мордовина, Станиславский. Боярские списки — *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Боярские списки конца XVI — начала XVII в. — СА, 1973, № 2 [296]

Мордовина, Станиславский. Состав двора — *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. — АЕ за 1976 г. М., 1977

МСР — Международные связи России до XVII в. М., 1961

Нижегородский летописец — *Гацисский А. С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886

НИИ Чув. АССР — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары

НИС — Новгородский исторический сборник

НЛ — Новгородские летописи. СПб., 1879

Новодворский — *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904

Новосельский — *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948

- Новосельцев* — *Новосельцев А. А.* Русско-иранские отношения второй половины XVI в. — МСР
- Носов* — *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969
- НПК* — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией), т. 5. Книги Шелонской пятины 1498—1576 гг. СПб., 1905
- ОАПП* — Описание архива Посольского приказа 1626 г., ч. I-II. М., 1977
- ОРЯС* — Отделение русского языка и словесности Академии наук
- ОЦААПП* — Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960
- Павленко* — *Павленко Н. И.* К истории земских соборов XVI в. — ВИ, 1968, № 5
- Павлов* — *Павлов А. П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол. — ВИД, т. X. Л., 1978
- ПДРВ* — Продолжение Древней Российской вивлиофики
- ПДС* — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851; т. II. СПб., 1852; т. X. СПб., 1871
- Пернитейн* — Донесение о Московии Иоанна Пернштейна. — ЧОИДР, 1876, кн. 2
- Петрей* — *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. М., 1867 (здесь).
- ПИ* — Проблемы источниковедения
- ПИГ* — Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951
- ПКМГ* — Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова, ч. I, отд. I. СПб., 1872; ч. I, отд. II. СПб., 1877
- ПКНОЕ* — Памятники культуры: новые открытия, ежегодник
- НЛ* — Псковские летописи / Подгот. А. Н. Насонов, вып. 1. М.; Л., 1941; вып. 2. М., 1955
- Платонов. Очерки* — *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937
- Платонов. Сказания* — *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913
- Повесть, како отомсти* — *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени. — ТОДРЛ, 1971, т. XXVIII

Полосин — Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963 [297]

Поссевино — Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983

Прибалтийский сборник — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II-IV. Рига, 1879, 1880, 1881

Принц — Даниил Принц из Бухова. Начало возвышения Московии. — ЧОИДР, 1876, кн. 3-4

ПРП — Памятники русского права, вып. IV. М., 1956; вып. V. М., 1959

ПРП РК — Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край / Подгот. С. И. Котков, И. С. Филиппова. М., 1978

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. 6. СПб., 1853; т. 8. СПб., 1859; т. 13. СПб., 1904; т. 14. СПб., 1910; т. 24. Пг., 1921; т. 28. М., 1963; т. 31. М., 1968; т. 33. М., 1977; т. 34. М., 1978

РАНИИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РВ — Русский вестник

РИБ — Русская историческая библиотека

РИМ — Русский исторический журнал

РИС — Русский исторический сборник

РК 1475—1598 гг. — Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подгот. В. И. Буганов. М., 1966 (здесь).

РК 1559—1605 гг. — Разрядная книга 1559—1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина. Под ред. В. И. Буганова. М., 1974 (здесь).

РК 1598—1638 гг. — Разрядная книга 1598—1638 гг. / Сост. В. И. Буганов и Л. Ф. Кузьмина. Под ред. В. И. Буганова. М., 1974

Родословная книга — Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих..., ч. I. М., 1787

РС — Русская старина

СА — Советские архивы

Савва — Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в., вып. I. Харьков, 1917

Садиков. Очерки — *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950

Самоквасов — Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. I. М., 1905; т. II. М., 1909

САС — Материалы по истории европейского Севера. Северный археографический сборник, вып. 1. Вологда, 1970

Сахаров — *Сахаров И. П.* Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества

Сб. МАМЮ — Сборник Московского архива Министерства юстиции

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813; ч. II. М. 1819; ч. IV. М., 1828

СГКЭ — Сборник грамот Коллегии экономии, т. I. Пг., 1922; т. II. Л., 1929

СГУ — Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Севастьянова — *Севастьянова А. А.* Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII в. — Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974

Середонин — *Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891

Сказание Палицына — Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955

Сказания о самозванце — Сказания современников о Дмитрии самозванце, т. I. СПб., 1859 [298]

Скрынников. Борис — *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий. — Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971

Скрынников. Борьба — *Скрынников Р. Г.* Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова. — ИСССР, 1975, № 2

Скрынников. Россия — *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975

Скрынников. Собор — *Скрынников Р. Г.* Земский собор 1598 г. и избрание Бориса Годунова на трон. — ИСССР, 1977, № 3

Скрынников. Террор. — *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969

Сланевский. Кмита — *Сланевский И. А.* «Латинские» письма Филона Кмиты Чернобыльского об Иване Грозном. — ИСССР, 1975, № 1

Смирнов — *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1. М., 1946

Соловьев — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. 3-4. М., 1960

СПб. ДА — ГПБ, Собрание Санкт-Петербургской духовной академии

СС — Советское славяноведение, журнал

Сухотин — *Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине, вып. I-VI. Белград, 1931—1940

Тихомиров. Государство — *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973

Тихомиров. Заметки — *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962

Тихомиров. Памятники — *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. — ИА, 1951, кн. VII

Тихомиров. Памятники XVI в. — *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. — ИЗ, 1940, кн. 10

ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. А. А. Зимин. М., 1950

ТМГИАИ — Труды Московского государственного историко-архивного института

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР

Толстой — *Толстой Ю.* Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. СПб., 1875

УЗ — Ученые записки

Ульфельд — Путешествие в Россию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 г. — ЧОИДР, 1883, кн. 1-4.

Уманец — *Уманец Ф.* Русско-литовская партия в Польше 1574—1576 гг. — ЖМНП, 1875, № 12

Флетчер — *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906 (здесь).

Флоря. Война — *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV. — Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973

Флоря. Отношения — *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. М., 1978

Флоря. Отношения и балтийский вопрос — *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973

Форстен. Акты — *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, вып. 1. СПб., 1889; вып. 2. СПб., 1893 [299]

Форстен. Балтийский вопрос — *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. I. СПб., 1893

Хроника Буссова — Буссов К. Московская хроника 1584—1613 гг. М., 1961 (здесь).

Хронологический перечень, ч. II — Каиштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. II. — АЕ за 1960 г. М., 1962

Хронологический перечень, ч. III — Каиштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. — АЕ за 1966 г. М., 1968

Цветаев — Цветаев Д. Протестантство и протестантизм в России до эпохи преобразований. М., 1890

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)

Чаяв — Чаев Я. С. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. — ИЗ, 1940, т. 6

Черепнин — Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

Шватченко — Шватченко О. А. К вопросу о состоянии поместной системы в Замосковном и Рязанском краях в конце 80-х — 90-е годы XVI в. — ВМГУ, 1974, история, № 2

Шереметев — Шереметев С. Д. Ближняя дума царя Федора Ивановича. М., 1910

Шереметев. Царевна — Шереметев С. Д. Царевна Феодосия Федоровна (1592—1594). СПб., 1902

Шмидт — Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973

Шпаков — Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Одесса, 1912

Шумаков. Обзор — Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. III. М., 1912; вып. IV. М., 1917

Щ — Разрядная книга в отделе рукописей ГИМ, собр. Щукина, № 496

Щербатов — Щербатов М. М. История Российская, т. V, ч. 2, 4. СПб., 1789; т. VI, ч. 2. СПб., 1790

Э — Разрядная книга в отделе рукописей ГПБ, Эрмитажное собр., № 390

Яковлева. Возвышение — Яковлева О. А. К истории возвышения Бориса Годунова. — УЗ НИИ Чув. АССР, 1970, т. 52

HRM — Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А. И. Тургеневым (*Historica Russiae Monumenta*), т. I-II. СПб., 1841-1842

SRP — *Scriptores rerum Polonicarum*, t. 8. Kraków, 1885; t. 18. Kraków, 1901

